МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОРИС ЛЕБЛАН

Миллиарды Арсена Люпена

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Миллиарды Арсена Люпена
Морис Леблан

Аннотация
Морис Леблан. Миллиарды Арсена Люпена
Виктор из специальной бригады уголовной полиции
  Глава 1. Бежит, бежит проныра…
  Глава 2. Серая каскетка
  Глава 3. Любовница барона
  Глава 4. Аресты
  Глава 5. Княгиня Васильева
  Глава 6. Облигации министерства обороны
  Глава 7. Сообщники
  Глава 8. Великая битва в отеле «Кембридж»
  Глава 9. В центре площади
  Глава 10. «Досье А. Л. Б.»
  Глава 11. Страх
  Глава 12. Триумф Люпена
Месть графини Калиостро
  Предисловие Арсена Люпена
  Часть первая. Вторая из двух драм
    Глава 1. На тропе войны
    Глава 2. Убийства
    Глава 3. Вмешательство Рауля

Глава 4. Инспектор Гуссо наносит удар
Глава 5. Фаустина Кортина и Симон Лорьен
Глава 6. Статуя
Глава 7. «Занзи-Бар»
Глава 8. Тома ле Бук
Глава 9. Глава службы безопасности
Глава 10. «Я, графиня Калиостро, приказываю…»
Часть вторая. Первая из двух драм
Глава 1. Помолвка
Глава 2. Таинственный визит
Глава 3. Похищение
Глава 4. Голубой футляр
Глава 5. Свадьба?
Глава 6. Ненависть
Глава 7. Череда смертей
Глава 8. «Фрина»
Миллиарды Арсена Люпена
Глава 1. Паула Синнер
Глава 2. Одиннадцать мужчин: Тайная встреча
Глава 3. Орас Вельмон, герцог Д’Отёй-Лоншан
Глава 4. Мафия
Глава 5. Принц Рудольф
Глава 6. Маффиано берет реванш
Глава 7. Спящая красавица
Глава 8. Новое сражение

Глава 9. Сейфы
Глава 10. SOS
Глава 11. Свадьба

Аннотация

Детективные истории Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. Имя Люпена, джентльмена-грабителя, давно стало легендой, которая ужасает и восхищает. Поймать его невозможно, предсказать его следующий шаг – исключено. Его хитрость, благородство, изобретательность не знают границ.

В настоящее издание вошли три произведения, завершающих цикл романов об Арсене Люпене: «Виктор из специальной бригады уголовной полиции» (в новом переводе), «Месть графини Калиостро» и «Миллиарды Арсена Люпена» (впервые на русском!). Читателя ожидают удивительные приключения, хитроумные преступления, истории поруганной чести и справедливого возмездия.

В книгу включены редкие иллюстрации американских художников.

Морис Леблан
Миллиарды Арсена Люпена

Maurice Leblanc
VICTOR, DE LA BRIGADE MONDAINE
LA CAGLIOSTRO SE VENGE
LES MILLIARDS D’ARSÈNE LUPIN

Перевод с французского
Елены Морозовой, Юлии Рац, Галины Соловьевой

© Е. В. Морозова, перевод, 2025
© Ю. М. Рац, перевод, 2025
© Г. А. Соловьева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление

* * *

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
МОРИСА ЛЕБЛАНА
ОБ АРСЕНЕ ЛЮПЕНЕ

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АРСЕНА ЛЮПЕНА

Арсен Люпен, джентльмен-грабитель
Арсен Люпен против Херлока Шолмса
Полая игла
813
Хрустальная пробка

•

ПРЕСТУПЛЕНИЯ АРСЕНА ЛЮПЕНА

Признания Арсена Люпена
Осколок снаряда
Золотой треугольник

•

ВОЗВРАЩЕНИЕ АРСЕНА ЛЮПЕНА

Остров Тридцати Гробов
Зубы тигра
Восемь ударов часов

•

ПРЕВРАЩЕНИЯ АРСЕНА ЛЮПЕНА

Графиня Калиостро
Барышня с зелеными глазами
Зуб Эркюля Петигри
Человек в овчинной бекеше
Агентство «Барнетт и К°»

•

РАССЛЕДОВАНИЯ АРСЕНА ЛЮПЕНА

Таинственный особняк
Приливная волна
Изумрудный кабошон
Женщина с двумя улыбками

•

МИЛЛИАРДЫ АРСЕНА ЛЮПЕНА

Виктор из специальной бригады уголовной полиции
Месть графини Калиостро
Миллиарды Арсена Люпена

МОРИС ЛЕБЛАН

Миллиарды Арсена Люпена

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Виктор из специальной бригады уголовной полиции

Виктор из специальной бригады уголовной полиции

Виктору из специальной бригады уголовной полиции снискали славу раскрытие кражи облигаций[1] из Министерства обороны, двойного убийства — папаши Леско и Элизы Масон, — а также упорная борьба с Арсеном Люпеном. До этих событий он слыл просто старым полицейским, хитроумным, ловким, неуживчивым, неприятным, занимавшимся своим ремеслом как любитель, когда ему того хотелось; его своеобразные методы и замысловатые способы раскрытия преступлений неоднократно привлекали внимание прессы. А так как некоторые заявления весьма обеспокоили префекта, то начальник уголовной полиции господин Готье, никогда не упускавший случая поддержать своего подчиненного, направил префекту конфиденциальную записку:

Инспектор Виктор, чье настоящее имя Виктор Отен, является сыном прокурора Республики в Тулузе, скончавшегося сорок лет назад. Часть жизни Виктор Отен провел в колониях. Безупречный служака,

---

[1] Notes: 1

Здесь и далее имеются в виду «боны» — вид документов, получивший обширное применение во Франции. Боны давали право на получение от определенного лица или компании определенных ценностей.

он исполнял наиболее деликатные и опасные задания, но из-за жалоб мужей, чьих жен он соблазнил, и отцов, чьих дочерей он похитил, его не повышали в должности. Эти скандалы помешали ему занять достойное место в высших эшелонах управления.

С годами месье Отен немного успокоился, унаследовал приличное состояние, однако, желая заполнить досуг, попросил моего проживающего на Мадагаскаре кузена похлопотать за него передо мной. Кузен, весьма уважающий месье Отена, порекомендовал его мне. Несмотря на солидный возраст, а также исключительно независимый и скрытный характер, я получил в его лице замечательного помощника, скромного, без амбиций, не стремящегося к славе, и я очень высоко ценю его заслуги.

Честно говоря, когда была составлена эта записка, известность Виктора не выходила за рамки узкого круга начальников и коллег. Прославился же он, когда на его пути неожиданно возникла неподражаемая личность по имени Арсен Люпен,

благодаря которому банальная кража облигаций из Министерства обороны обернулась превосходно организованной операцией. Словно бы замечательные качества старого инспектора внезапно проявились во всем их блеске вследствие обстоятельств, столкнувших его с выдающимся противником.

Тайная, ожесточенная, неумолимая, исполненная ненависти борьба, происходившая сначала во мраке, а затем при ярком свете дня, и неожиданная развязка, которая завершила это дело, добавившее авторитета Люпену, прославили на весь мир имя Виктора из специальной бригады уголовной полиции.

Глава 1
Бежит, бежит проныра…

1

Совершенно случайно Виктор из специальной бригады уголовной полиции зашел в воскресенье после обеда в кинотеатр «Сине-Бальтазар».

Неудавшаяся слежка привела его к четырем часам на многолюдный бульвар Клиши. Желая избежать ярмарочной толкотни, он устроился на террасе кафе и, пробегая глазами вечернюю газету, наткнулся на следующую заметку:

> Утверждают, будто на днях знаменитый взломщик Арсен Люпен, о котором несколько лет не было ни слуху ни духу, вновь заставил говорить о себе. Недавно, а именно в прошлую среду, его видели в одном из городов, расположенных на востоке Франции. Туда из Парижа командирована группа инспекторов. Но он в очередной раз ускользнул от полиции.

— Мерзавец! — проворчал Виктор, который,

как и положено полицейскому, видел в преступниках своих личных врагов и говорил о них, не выбирая выражений.

В дурном расположении духа он отправился в кинотеатр, где второй день шел модный детектив. Ему досталось боковое кресло на балконе. Антракт подходил к концу. Виктор продолжал ворчать, злясь на себя за решение пойти в кино. Какой черт его сюда привел? Он хотел уйти и уже поднялся с места, когда в ложе напротив сцены, а значит, всего в нескольких метрах от себя, увидел одиноко сидящую женщину, очень красивую, с бледным лицом, белизну которого подчеркивало яркое оранжевое бандо с красным отливом. Она принадлежала к тем восхитительным созданиям, которые сразу притягивают к себе взор; впрочем, эта красавица ни своим видом, ни поведением явно не стремилась быть в центре внимания.

Виктор остался. Прежде чем в зале погас свет, он успел разглядеть и переливы бандо, и металлический блеск серых глаз, и хотя затейливые перипетии фильма его нисколько не интересовали, он все же высидел до конца.

Он понимал, что в его возрасте вряд ли стоит рассчитывать на благосклонность женщины. Он прекрасно знал, что лицо у него в морщинах,

взгляд исподлобья, кожа грубая, а виски седые… словом, вид отставного кавалериста, которому перевалило за пятьдесят, но который все еще пытается молодиться, надевая излишне приталенные костюмы, купленные в магазине готового платья. Однако он не мог не любоваться женской красотой, напоминавшей ему о лучших годах его жизни. К тому же он любил свое ремесло, поэтому некоторые явления внушали ему желание разобраться, не кроется ли за блестящей видимостью какая-нибудь загадка или трагедия; впрочем, чаще всего там не оказывалось ровным счетом ничего.

Когда зажегся свет и дама встала со своего места, он убедился, что она высокая, статная и одета с большим вкусом, и это побудило его продолжить наблюдение. Он хотел видеть, хотел знать. И последовал за ней — отчасти из любопытства, отчасти из профессионального интереса. Но когда он уже почти приблизился к красавице, в толпе зрителей, направлявшихся к выходу, неожиданно начался переполох. Раздались крики, какой-то мужчина завопил:

— Держите воровку! Арестуйте ее! Она меня обокрала!

Элегантная дама наклонилась и посмотрела в зал. Виктор тоже перегнулся через перила. Внизу, в центральном проходе, молодой человек, низенький и толстенький, с разъяренной физиономией, беснуясь, усиленно работал локтями,

пытаясь пробиться через окружавшую его плотную толпу. Но личность, которую он пытался догнать, указывая на нее пальцем, похоже, уже была далеко, поскольку ни Виктор, ни кто-либо из зрителей не заметил, чтобы какая-нибудь дама энергично выбиралась из зала, пытаясь спастись бегством. Однако человечек вопил, пыхтел, становился на цыпочки и, расталкивая всех плечами и локтями, продвигался вперед.

— Там!.. Там… она выскочила за дверь… черноволосая… сама вся в черном… в шляпке…

С трудом переводя дыхание, он не мог сообщить ничего, что бы позволило опознать воровку. В конце концов он принялся так яростно расталкивать всех вокруг, что сумел проложить себе дорогу и, выскочив в вестибюль, ринулся к распахнутым настежь дверям.

Там его настиг спустившийся с балкона Виктор: он услышал, как человечек все еще кричит:

— Держите воровку! Арестуйте ее!

На улице бренчали ярмарочные оркестры, в вечерних сумерках зажигались огни, в их свете вихрем кружилась пыль. Обескураженный молодой человек, потерявший из виду свою беглянку, растерянно озирался по сторонам. Внезапно, судя по всему заметив ее, он устремился в сторону

площади Клиши, лавируя между автомобилями и трамваями.

Он бежал молча и очень быстро, видимо надеясь отыскать среди сотен прохожих ту, которая его обокрала. Скоро он почувствовал, что кто-то бежит рядом с ним, и прибавил ходу.

Чей-то голос спросил его:

— Вы по-прежнему ее видите?.. Но как, черт возьми, такое возможно?..

— Нет… я ее больше не вижу, — с трудом переводя дух, ответил он. — Но она точно побежала по этой улице…

Человечек свернул на малолюдную улицу, где немыслимо было бы не заметить женщину, передвигающуюся быстрее остальных прохожих.

На перекрестке пострадавший приказал:

— Давайте по правой улице… а я побегу по этой. В конце концов мы ее схватим. Низенькая брюнетка, в черном…

Но он не сделал и двадцати шагов по выбранному им маршруту, как уперся в стену; задыхаясь, едва держась на ногах, он, однако, заметил, что спутник его не послушался.

— Но как? Почему? — возмущенно воскликнул он. — Вы все еще здесь? Я же вам сказал…

— Я уверен, — ответил тот, — что с площади

Клиши вы бежали наугад. А это наводит на размышления. Я знаю немало таких историй. Иногда идешь быстрее, когда стоишь на месте.

Молодой человек окинул взглядом услужливого субъекта, который, несмотря на свой явно не юный возраст, похоже, даже не запыхался после долгого бега.

— Ну и кто вы такой? — раздраженно спросил он.

— Я из полиции… Инспектор Виктор…

— Ах из полиции, — задумчиво протянул молодой человек, уставившись на собеседника. — Впервые вижу инспектора полиции.

Непонятно, был ли он рад такому знакомству или совсем наоборот. Все же он протянул руку Виктору и поблагодарил его:

— До свидания… Вы были очень любезны… — и хотел пойти прочь.

Но Виктор задержал его:

— А как же женщина?.. Как же воровка?..

— Бог с ней… Я ее найду.

— Я мог бы вам помочь. Только сообщите мне какие-нибудь подробности.

— Подробности? Тут не о чем говорить. Возможно, я ошибся.

И он ускорил шаг. Инспектор пошел за ним.

Чем настойчивее молодой человек пытался отвязаться от своего спутника, тем упорнее инспектор преследовал его. Они больше не разговаривали. Казалось, толстячок куда-то торопился, однако вряд ли ловить воровку, потому что явно шагал наугад.

— Давайте зайдем сюда, — произнес инспектор, беря его под руку и поворачивая к двери, над которой висел фонарь, освещая табличку: «Полицейский участок».

— Сюда? Но зачем?

— У нас есть о чем поговорить, а посреди улицы это не слишком удобно.

— Да вы с ума сошли! Оставьте меня в покое! — запротестовал незнакомец.

— Я не сошел с ума, и я не оставлю вас в покое, — разозлившись, возразил Виктор, который из-за этого типа упустил очаровательную даму из кинотеатра.

Незнакомец сопротивлялся и даже стукнул инспектора, но получил в ответ два тумака и, побежденный и укрощенный, был втолкнут в помещение, где собрались десятка два полицейских в форме.

— Виктор, из специальной бригады, — объявил, входя, инспектор. — Мне надо поговорить с этим

господином. Мы вам не помешаем, бригадир?

Услышав имя Виктора, хорошо известное в полиции, все присутствующие с любопытством уставились на инспектора, а бригадир заявил, что он полностью в его распоряжении. Виктор кратко объяснил ему суть дела. Молодой человек устало опустился на скамью.

— Что, с ног валитесь? — поинтересовался Виктор. — А тогда зачем бежали как оголтелый? Вы же сразу потеряли вашу воровку из виду. Так куда же вы торопились?

Незнакомец заартачился:

— Вас это не касается! Разве я, черт возьми, не имею права бежать куда хочу?

— Никто не имеет права без серьезной причины давать сигнал тревоги на железной дороге, так и вы не имеете права устраивать скандал в публичном месте…

— Я никому не причинил вреда.

— Вы причинили его мне. Я напал на очень интересный след. А вы меня отвлекли. Ваши документы.

— У меня их с собой нет.

Инспектор не стал церемониться. Быстро и беззастенчиво он обыскал задержанного, завладел его бумажником, проверил содержимое и

проворчал:

— Альфонс Одигран — это ваше имя? Альфонс Одигран… вы знаете такого, бригадир?

— Можно позвонить и узнать, — ответил полицейский.

Виктор снял телефонную трубку, попросил префектуру и стал ждать.

— Алло! — вскоре произнес он. — Уголовный розыск, пожалуйста… Алло, это вы, Лефевр? Говорит инспектор Виктор. Видите ли, Лефевр, у меня тут сидит некий месье Одигран, в честности которого я сильно сомневаюсь. Вам что-нибудь о нем известно? Что? Да, Альфонс Одигран… Алло… Телеграмма из Страсбурга? Прочтите-ка мне ее… Отлично… Превосходно… Да, невысокий толстячок с висячими усами… Мы здесь… Кто сегодня дежурит в бюро? Эдуэн? Главный инспектор? Передайте ему, пусть приедет и заберет этого типа в участок на улице Дезюрсен. Спасибо.

Повесив трубку, он повернулся к Одиграну.

— Хорошенькое дельце! — с усмешкой произнес он. — Ты служащий Центрального Восточного банка, исчез в прошлый четверг, в день, когда украли девять облигаций Министерства обороны. Отличная пожива — девятьсот тысяч франков! Значит, эти денежки у тебя и стянули в

кинотеатре? А кто? Кто она такая, твоя воровка?

Не в силах выдержать натиска Виктора, Одигран разрыдался и печально признался:

— Я встретил ее позавчера в метро… Вчера мы вместе обедали и ужинали. Она заметила у меня в кармане желтый конверт. Сегодня в кино она постоянно прижималась ко мне, обнимала…

— В пакете были облигации?

— Да.

— Имя женщины?

— Эрнестина.

— Эрнестина, а дальше?

— Не знаю.

— Она работает?

— Машинисткой.

— Где?

— На каком-то складе химических товаров.

— А где он находится?

— Не знаю. Мы встречались возле церкви Мадлен.

Он так часто всхлипывал, что понимать его речь становилось все труднее. Впрочем, Виктор уже узнал все, что хотел; он поднялся, договорился с бригадиром о необходимых мерах предосторожности и отправился обедать.

Для него Одигран больше не представлял ника-

кого интереса. Он даже пожалел, что занялся им и из-за этого потерял из виду даму из кинотеатра. Несравненная красавица, да вдобавок еще и таинственная! Какого черта этот идиот Одигран так по-дурацки втиснулся между ней и Виктором? Инспектор всегда был большим ценителем хорошеньких незнакомок и живо интересовался тайнами их жизни.

2

Виктор жил в квартале Терн, в небольшой уютной квартирке, где о нем заботился старый преданный слуга. Имея недурное состояние и независимый характер и будучи страстным путешественником, он совершенно не стеснялся строить свои отношения с префектурой, как ему заблагорассудится; сотрудники считали его оригиналом, высоко ценили его таланты, но смотрели на него не как на полицейского, подчиняющегося общим правилам, а скорее как на случайного помощника. Если дело казалось ему скучным, ничто на свете — ни приказы, ни угрозы — не могло заставить его заниматься им. Но если он считал дело заслуживающим внимания, то брался за него, доводил до конца и приносил разгадку начальнику уголовного розыска, ко-

торый ему покровительствовал. А потом снова исчезал на неопределенное время.

На следующий день, в понедельник, Виктор прочел в газете сообщение о вчерашнем аресте в изложении главного инспектора Эдуэна, причем с множеством подробностей, вызвавших у него глухое раздражение, ибо он считал, что работа полиции не требует огласки. Затем он, вероятно, занялся бы чем-нибудь другим, если бы в этой же газете не увидел короткое сообщение, где упоминалось о том, что Арсен Люпен замечен в городе на востоке Франции, а именно в Страсбурге. А ведь облигации украдены как раз в Страсбурге! Ясно, что это простое совпадение, потому что между дураком Одиграном и Арсеном Люпеном не может быть ничего общего. Но все же…

И после обеда Виктор принялся рыться в справочнике и изучать фирмы, имеющие дело с химическими товарами, в частности те, что расположены в квартале Мадлен. И к пяти часам выяснил, что в конторе, торгующей химическими товарами на улице Мон-Табор, работает машинистка по имени Эрнестина.

Он позвонил директору и, получив ответы на свои вопросы, понял, что должен немедленно отправиться туда сам. Что он и сделал.

В помещении, разделенном легкими перегородками на маленькие закутки, явно не хватало места. В кабинете директора его рассказ вызвал живейшие протесты.

— Эрнестина Пейе — воровка? Та самая авантюристка, о бегстве которой пишут утренние газеты? Невозможно, господин инспектор. Родители Эрнестины — очень уважаемые люди. Она живет вместе с ними…

— Могу я задать ей несколько вопросов?

— Если это необходимо…

Он позвонил, явился посыльный.

— Позовите мадемуазель Эрнестину.

Вошла скромная девушка небольшого роста и довольно миленькая; плотно сжатые губы придавали ее лицу выжидательное выражение, словно она предчувствовала приближение неприятностей и готовилась противостоять им.

Однако ее жалкая защита рухнула при первом же вопросе Виктора, который угрожающим тоном поинтересовался, что она сделала с желтым конвертом, украденным у ее приятеля в кинозале. Сопротивлялась она не дольше, чем Одигран: тут же упала на стул и разразилась слезами.

— Он обманщик, — всхлипывала она. — Я увидела на полу желтый конверт… подобрала его и

только сегодня утром узнала из газеты, что он обвинил меня в краже…

— Конверт! Он при вас?

— Нет. Я не знала, где искать этого господина. Конверт здесь, на моем столе, возле пишущей машинки.

— Идемте, — произнес Виктор и двинулся вслед за девушкой.

Она привела его в свой закуток, отгороженный металлической сеткой и ширмой. Взяв пачку писем, лежавших на краю стола, она с выражением искреннего недоумения на лице принялась их перебирать, а потом начала лихорадочно перетряхивать все бумаги на столе.

— Нет, — растерянно промолвила она. — Его больше нет.

— Всем оставаться на своих местах, — приказал Виктор десятку столпившихся вокруг них служащих. — Господин директор, когда я вам звонил, вы были один у себя в кабинете?

— Кажется, да… или нет… вот, вспомнил: со мной была счетовод, мадам Шассен.

— В таком случае по некоторым словам из нашего разговора она могла понять, о чем идет речь. Вы дважды назвали меня инспектором и произнесли имя мадемуазель Эрнестины. А

мадам Шассен, как и все, знала из газет, в чем именно подозревают мадемуазель Эрнестину. Кстати, она здесь?

— Мадам Шассен всегда уходит без двадцати шесть, чтобы успеть на шестичасовой поезд. Она живет в пригороде, в Сен-Клу, — ответил кто-то из служащих.

— Значит, она ушла минут десять назад, когда я вызвал машинистку к директору?

— Нет, чуть позже.

— Вы видели, как она уходила, мадемуазель? — спросил Виктор машинистку.

— Да, — ответила мадемуазель Эрнестина, — пока она надевала шляпку, мы с ней немного поболтали.

— В это время вас позвали в дирекцию и вы спрятали желтый конверт под бумагами?

— Да. А до тех пор я хранила его за корсажем.

— А мадам Шассен могла видеть, как вы прячете конверт?

— Думаю, да.

Бросив взгляд на часы, Виктор выяснил, как выглядит мадам Шассен (рыжая сорокалетняя матрона, полная, в плотном зеленом свитере), и вышел на улицу.

Внизу он столкнулся с главным инспектором Эдуэном, накануне арестовавшим Альфонса Одиграна. Растерявшись, Эдуэн воскликнул:

— Как, вы уже здесь, Виктор? Вы побеседовали

с любовницей Одиграна?.. С мадемуазель Эрнестиной?

— Да, все в полном порядке…

Не став продолжать разговор, Виктор прыгнул в такси и успел как раз к отходу шестичасового поезда. С первого же взгляда он убедился, что в вагоне, куда он сел, нет ни одной дамы в зеленом свитере.

Поезд тронулся.

Все пассажиры вокруг читали вечерние газеты. Рядом с ним двое обсуждали пропажу облигаций и желтый конверт, и инспектор снова убедился, что дело уже известно публике до мельчайших подробностей.

Через пятнадцать минут поезд прибыл в Сен-Клу. Виктор быстро переговорил с начальником вокзала, и на выходе с платформы у пассажиров стали внимательно проверять билеты.

Когда рыжеволосая дама, из-под ворота пальто которой выглядывал зеленый свитер, протянула контролеру свой сезонный билет, сзади ей кто-то шепнул:

— Следуйте за мной, мадам… Уголовная полиция…

Дернувшись, дама что-то пробормотала, но все же покорно пошла за инспектором в кабинет

начальника вокзала.

— Вы служите в фирме, торгующей химическими товарами, — начал Виктор, — и по недосмотру унесли с собой желтый конверт, оставленный машинисткой Эрнестиной возле ее пишущей машинки…

— Я? — довольно спокойно отреагировала та. — Вы ошибаетесь, месье.

— Мы будем вынуждены…

— Обыскать меня? Пожалуйста! Я не возражаю.

Она держалась так уверенно, что инспектор заколебался. Но с другой стороны, будь она невиновна, то наверняка стала бы протестовать.

В сопровождении сотрудницы вокзала мадам Шассен зашла в соседнее помещение.

При ней не обнаружили ни желтого конверта, ни облигаций Министерства обороны.

Но Виктор не падал духом.

— Дайте мне ваш адрес, — сурово потребовал он у подозреваемой.

Из Парижа прибыл очередной поезд. Из него выскочил главный инспектор Эдуэн и тут же столкнулся с Виктором, который принялся методично объяснять ему:

— У мадам Шассен было время спрятать кон-

верт в надежном месте. Если бы вчера вечером в префектуре вы не разболтали об этом журналистам, публика не знала бы о существовании желтого конверта, содержащего целое состояние, мадам Шассен не пришло бы в голову стянуть этот конверт и я бы спокойно извлек его из-за корсажа мадемуазель Эрнестины. Вот к чему приводит желание полиции общаться с прессой.

Эдуэн хотел возмутиться, но Виктор ровным голосом продолжал:

— Подвожу итог. Одигран, Эрнестина, Шассен… За двадцать четыре часа куш уплыл от трех любителей… Надо искать четвертого.

И поезд увез его в Париж, а на перроне в полном изумлении остался главный инспектор Эдуэн, начальник Виктора.

3

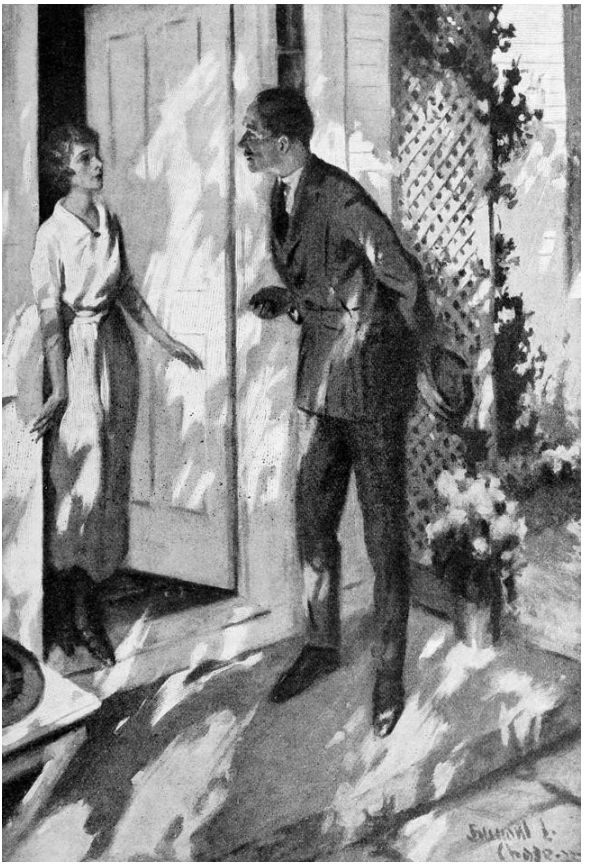
Во вторник утром Виктор, в приталенной куртке, смахивавшей на старинную венгерку, на собственном автомобиле (скромный четырехместный кабриолет) отправился в Сен-Клу продолжать расследование.

Виктор исходил из умозаключения, что мадам Шассен, заполучив накануне, в понедельник, желтый конверт, вряд ли стала бы прятать такой

важный предмет в первом попавшемся месте. Логично предположить, что за имевшиеся в ее распоряжении тридцать пять минут (с пяти сорока до шести пятнадцати) она его кому-то передала. Но где она могла встретить этого *кого-то* на пути из Парижа в Сен-Клу? Значит, надо заняться пассажирами, ехавшими с ней в одном вагоне, и в первую очередь поискать среди них тех, с кем мадам Шассен находилась в дружеских отношениях.

Мадам Шассен, которую Виктор посетил — впрочем, совершенно безрезультатно, — уже год как проживала у матери, поскольку затеяла бракоразводный процесс против мужа, торговца из Понтуаза. В своем кругу, состоявшем из трех старинных подруг, мать и дочь пользовались отличной репутацией. Никто из этих подруг накануне в Париж не ездил.

В среду поиски Виктора также не дали результата, и он забеспокоился. Похититель номер четыре, которого пример трех его предшественников побуждал к осторожности, получил в свое распоряжение массу времени, чтобы спрятать концы в воду.



В четверг инспектор приехал в Гарш, соседнюю с Сен-Клу коммуну, и расположился в маленьком кафе под названием «Спорт», откуда совершил несколько выездов по округе: в Виль-д'Аврэ, в Марн-ла-Кокет и в Севр.

К обеду он вернулся в кафе, находившееся как раз напротив железнодорожной станции Гарш, на шоссе, соединявшем Сен-Клу и Вокрессон. В девять часов в «Спорте» неожиданно появился старший инспектор Эдуэн.

— Наконец-то, я ищу вас повсюду с самого утра, — начал он. — Шеф в ярости, а вы не подаете признаков жизни. Какого черта?! Вы что, позвонить не могли? Что вы нарыли? Что вам известно?

— А вам? — кротко спросил Виктор.

— Ничего.

Виктор заказал два стаканчика кюрасао, медленными глотками опустошил свой и произнес:

— У мадам Шассен есть любовник.

Эдуэн даже подскочил:

— Вы с ума сошли! С ее-то физиономией?!

— Мать и дочь каждое воскресенье совершают дальние пешие прогулки, и в последнее воскресенье апреля их видели в лесу Фосс-Репо в обществе какого-то господина. Через неделю, то есть две

недели назад, всех троих заметили в окрестностях Вокрессона, где они устроили пикник на природе. Господин этот — некий Леско, проживающий к северу от Гарша, неподалеку от леса Кюкюфа, в небольшом особнячке. Я сумел разглядеть его сквозь щели в заборе, окружающем сад. Лет пятидесяти пяти. Щуплый. Седеющая бородка.

— Да, маловато сведений…

— Его сосед по фамилии Вайан, служащий на вокзале, может рассказать о нем больше. Но сегодня вечером он повез жену в Версаль к больному родственнику. И теперь я жду его возвращения.

Они молча прождали несколько часов. Виктор никогда не был склонен поддерживать разговор, а сейчас и вовсе задремал. Эдуэн нервно курил сигарету за сигаретой.

Наконец в половине первого ночи появился вокзальный служащий.

— Знаю ли я папашу Леско? — с налету начал он. — Да мы ж с ним нос к носу живем. Дикарь, только садом и занимается. Иногда поздно вечером к нему в дом прошмыгивает какая-то дама, но остается всего-то на час-два. А он сам редко когда выходит, разве что по воскресеньям отправляется на прогулку и раз в неделю ездит в Париж.

— В какой день?

— Обычно по понедельникам.

— А в прошлый понедельник?

— Насколько я помню, тоже ездил. Я отмечал его билет при выходе с платформы.

— В котором часу?

— Всегда одним и тем же поездом, прибывающим в Гарш в шесть девятнадцать вечера.

Полицейские молча переглянулись. Эдуэн спросил:

— А после понедельника вы его видели?

— Я сам — нет, но видела моя жена, она разносит хлеб. Она мне сказала, что два последних вечера, во вторник и в среду, пока я был на службе…

— Так что же она вам сказала?

— Что кто-то бродит вокруг его дома. У папаши Леско есть старая дворняга, так вот, она сидела у себя в конуре и все время лаяла. Жена уверена, что тявкала она на тень какого-то мужчины в каскетке… серой каскетке.

— Ваша жена его узнала?

— Да, ей так показалось…

— Она сейчас в Версале, верно?

— Да, до завтра.

Рассказав все, что ему известно, Вайан ушел. Спустя пару минут старший инспектор заключил:

— Завтра с раннего утра надо нанести визит папаше Леско. Иначе может случиться, что четвертого вора тоже обворуют.

— Так не пойти ли нам прямо сейчас?

— Да, и давайте заодно исследуем его дом.

Они молча зашагали по дороге, по обе стороны которой выстроились небольшие коттеджи. С безоблачного неба струился яркий свет звезд. Ночь дышала теплом и тишиной.

— Это здесь, — произнес Виктор.

Перед ними высилась изгородь; поодаль располагались решетчатые ворота, через которые можно было видеть по другую сторону газона двухэтажный дом с тремя окнами.

— Похоже, там горит свет, — прошептал Виктор.

— Да, на втором этаже, в срединном окне; наверное, шторы неплотно задернули.

Но вот свет, еще более яркий, зажегся в окне справа… Потом погас и снова зажегся.

— Странно, — произнес Виктор, — мы здесь, а пес не залаял. Хотя будка — вон она, совсем рядом.

— Возможно, его прикончили.

— Кто?

— Тот, кто бродил здесь вчера и позавчера.

— Значит, главный удар должны нанести сегодня ночью… Давайте обогнем сад… Позади есть тропка…

— Слышите?..

Виктор насторожился:

— Да… в доме кто-то звал на помощь.

Внезапно они вновь услышали приглушенные, но вместе с тем вполне отчетливые крики, затем наверху, где горел свет, прозвучал выстрел, за которым опять последовали крики.

От сильного удара Виктора ворота рухнули на землю. Мужчины в два прыжка преодолели газон и через высокое окно ворвались в дом. Держа в руке электрический фонарик, Виктор кинулся на второй этаж.

На площадку выходили две двери.

Распахнув ту, что перед ним, он в свете фонарика увидел лежащее на полу тело.

Какой-то человек убегал через соседнюю комнату. Эдуэн остался караулить вторую дверь, а Виктор бросился за злоумышленником и сразу увидел его. Это была женщина; она вылезла в окно, расположенное на заднем фасаде дома, и стала спускаться по приставной лестнице. Направив луч фонаря ей в лицо, он узнал рыжеволосую красавицу из кинотеатра «Сине-Бальтазар». Он

было собрался лезть в окно следом за ней, но услышал голос главного инспектора. И сразу же раздался выстрел…

Виктор выбежал на площадку, и Эдуэн упал прямо к нему на руки. А тот, кто стрелял, уже спускался вниз.

— Бегите за ним, — простонал главный инспектор, — со мной все нормально… Он попал в плечо…

— Тогда отпустите меня, — раздраженно произнес Виктор, тщетно пытаясь отцепить от себя своего коллегу.

Но главный инспектор крепко держался за него, чтобы не упасть. Виктор подтащил его к диванчику, уложил и, отказавшись от мысли о преследовании обоих беглецов, которые явно были уже далеко, наклонился к распростертому на полу человеку. Это оказался папаша Леско. Он не шевелился.

— Мертв, — констатировал Виктор после беглого осмотра. — Сомнений нет, он умер.

— Грязное дело! — пробормотал Эдуэн. — А желтый конверт?.. Обыщите его.

Виктор уже занимался этим.

— Желтый конверт есть, но смятый и пустой. Можно предположить, что папаша Леско вынул

из него облигации Министерства обороны, перепрятал их, а потом под чьим-то нажимом отдал.

— Надписи на конверте есть?

— Нет, но есть фабричная марка, видимая на свет: «Бумажная фабрика Гуссо, Страсбург».

Оказывая помощь коллеге, Виктор одновременно подводил итог:

— Значит так! Страсбург… там была совершена первая кража из банка. Сейчас мы столкнулись уже с пятым вором… И этот тип не из робких. Дьявольщина! Если номера один, два, три и четыре действовали как растяпы, то номер пятый еще задаст нам жару.

И он подумал об очаровательной женщине, которая, как он только что убедился, оказалась замешана в преступлении. Что она здесь делала? Какую роль играла в этой драме?

Глава 2
Серая каскетка

1

Разбуженные выстрелами, прибежали вокзальный служащий и еще двое соседей. У одного из них дома имелся телефон. Виктор попросил его связаться с комиссариатом Сен-Клу. Второй поспешил за доктором, которому пришлось констатировать смерть папаши Леско, сраженного пулей в сердце. Эдуэна, чье ранение оказалось легким, увезли в Париж.

Когда из Сен-Клу приехал комиссар со своими полицейскими, Виктор, строго следивший, чтобы никто ничего не трогал, рассказал о разыгравшейся трагедии. Оба решили, что для поиска следов, оставленных преступниками, лучше дождаться утра; Виктор вернулся к себе в Париж.

В девять часов он опять приехал в Гарш и увидел, что интересующий его дом окружен плотной толпой любопытных, которых с трудом удерживала на расстоянии цепь полицейских. В саду, куда он прошел, и в доме распоряжались инспекторы и жандармы. Одни говорили, что

ожидается приезд представителя прокуратуры Версаля, а другие утверждали, будто Париж этот приказ отменил и следствие поведет прокуратура округа Сены.

На основании беседы с комиссаром из Сен-Клу, равно как и собственных наблюдений, Виктор пришел к выводу… исключительно негативного свойства, ибо дело по-прежнему оставалось очень темным.

Следов человека, сбежавшего через первый этаж, и женщины, бежавшей через окно, найдено не было.

Правда, обнаружили место, где женщина преодолела живую изгородь и выскочила на улочку, параллельную шоссе. Под окном же второго этажа нашли отпечатки, оставленные стойками приставной лестницы. Но саму лестницу, которая, скорее всего, была металлической, складной и легкой, не нашли. Неясно было, где сообщники вновь встретились и как они покинули здешние края. Удалось лишь установить, что начиная с полуночи в трехстах метрах от места преступления находился автомобиль, который в час с четвертью, судя по всему, направился через Буживаль в Париж.

Собаку папаши Леско нашли в будке отравленной.

В саду, на дорожках, посыпанных гравием, ни следа.

Пули, извлеченные из плеча инспектора Эдуэна и из трупа, были выпущены из браунинга калибра 7,65 миллиметра. Но куда делся сам браунинг?

Кроме этих мелких фактов — ничего. Так что Виктор поторопился уйти, тем более что к месту преступления стали стекаться журналисты и

фотографы.

Инспектор всегда любил работать в одиночку, чтобы, как он говорил, не терять время на «рассуждения о предположениях». Его интересовали психология преступления, работа мысли и чутье. А остальное — выявление фактов, погоня, слежка — он выполнял скрепя сердце, всегда самостоятельно и, так сказать, на свой лад.

Он зашел к Вайану, вокзальному служащему, и побеседовал с его женой, уже вернувшейся из Версаля; она твердила, что ничего не знает и не сможет опознать типа, бродившего вечерами вокруг дома папаши Леско. Но возле вокзала Виктору встретился сам Вайан, как раз возвращавшийся со службы и согласившийся зайти с ним в кафе «Спорт».

— Видите ли, — начал Вайан, когда аперитив развязал ему язык, — Гертруда (это моя хозяюшка), так вот, Гертруда, как разносчица хлеба, заходит в разные дома, и если она станет болтать, это может ей навредить. Но я-то совсем другое дело: как железнодорожник и государственный служащий, я обязан помогать правосудию.

— И что?

— Да то, — промолвил Вайан, понижая голос, — что серую каскетку, о которой она мне

рассказывала, я нашел сегодня у себя в саду, в крапиве рядом с кучей мусора. Убегая, этот тип закинул ее мне за забор.

— Что еще?

— А еще Гертруда уверена, что субъект, бродивший вокруг во вторник вечером, ну тот, что в серой каскетке, — это господин, которому она каждый день приносит хлеб… Господин из высшего общества.

— Его имя?

— Барон Максим д'Отрей. Смотрите, вон там, немного влево… дом… единственный доходный дом на дороге в Сен-Клу… Пожалуй, метров пятьсот отсюда будет… Этот человек занимает пятый этаж, живет там с женой и старой служанкой. Очень приличные люди, разве что немножко гордые, но весьма порядочные, так что, возможно, Гертруда и ошиблась.

— Он живет на ренту?

— Что вы! Торгует шампанскими винами. И каждый день ездит в Париж.

— А в котором часу возвращается?

— Шестичасовым поездом, который прибывает сюда в шесть девятнадцать.

— В прошлый понедельник он тоже вернулся этим поездом?

— Точно так. Правда, насчет вчерашнего дня сказать не могу, потому что я отвозил жену.

Виктор задумался. Дело вполне могло обстоять следующим образом: в понедельник в вагоне шестичасового поезда, идущего из Парижа, мадам Шассен сидела рядом с папашей Леско. Будучи в процессе развода, она обычно разговаривала со своим любовником только в присутствии матери, но в этот понедельник, поддавшись минутному порыву, она украла желтый конверт. И очень тихо, сохраняя невозмутимое выражение лица, сообщила Леско, что сейчас передаст ему важный пакет, что и сделала, возможно успев перед этим свернуть конверт в трубочку и перевязать бечевкой. Это заметил ехавший в том же вагоне барон д'Отрей. А он ведь читал в газетах… Желтый конверт… Неужто такое совпадение?..

В Сен-Клу мадам Шассен покидает поезд и идет домой. Папаша Леско едет до Гарша. Максим д'Отрей, которому надо выходить на той же станции, выслеживает его, запоминает дом, во вторник и в среду бродит вокруг, осматриваясь, а в четверг решается…

«Однако слишком уж все гладко складывается, — размышлял Виктор, расставшись с Вайаном и направляясь к дому барона. — Никогда прежде

истина не являла себя столь простым и естественным образом».

2

Виктор поднялся на пятый этаж и позвонил. Почтенная седовласая служанка в очках открыла дверь и, не спрашивая его имени, провела в гостиную.

— Передайте мою визитную карточку, — попросил он.

В комнате, служившей также столовой, стояли стулья, обеденный стол, буфет и маленький одноногий столик; мебель была не новой, но сверкала чистотой. На стенах — благочестивые картинки; на камине — несколько книг и брошюр религиозного содержания. Из окна открывался очаровательный вид на парк Сен-Клу.

В комнату вошла явно удивленная визитом молодая дама. Ее лицо без малейшего следа рисовой пудры и сложная прическа свидетельствовали о полном пренебрежении модой; высокую грудь обтягивало выцветшее домашнее платье.

Но, несмотря на это, она, пожалуй, выглядела бы даже привлекательно, если бы не надменный взгляд и заносчиво вскинутая голова — то и другое, очевидно, соответствовало ее представле-

ниям об истинной баронессе.

— Что вам угодно, месье? — коротко спросила она.

— Я хотел бы поговорить с бароном д'Отреем относительно некоторых событий, случившихся в поезде в понедельник вечером.

— Полагаю, речь идет о краже желтого конверта, о которой мы прочли в газетах?

— Да. Следствием кражи стало убийство, совершенное этой ночью в Гарше. Убит господин Леско.

— Господин Леско? — равнодушно повторила она. — Не знаю такого… И что, уже есть какие-то предположения?

— Никаких. Но мне поручили расспросить всех, кто в понедельник ехал из Парижа в Гарш на шестичасовом поезде. А так как барон д'Отрей…

— Мой муж сейчас в Париже.

Она явно ждала, что Виктор сразу откланяется. Но тот продолжил:

— Господин д'Отрей имеет привычку гулять после обеда?

— Очень редко.

— Однако во вторник и в среду…

— Вы правы, в эти дни у него болела голова и он выходил подышать свежим воздухом.

— А в четверг, то есть вчера вечером?

— Вчера вечером работа задержала его в Париже…

— Он там заночевал?

— Нет, вернулся домой.

— В котором часу?

— Я уже засыпала, но сквозь сон услышала, как пробило одиннадцать часов.

— Одиннадцать часов? Значит, за два часа до совершения преступления. Это точно?

Тут баронесса, которая до сих пор отвечала машинально, с вымученной вежливостью, внезапно осознала, что происходит, бросила взгляд на визитную карточку «Виктор, специальная бригада уголовной полиции» и сухо ответила:

— Я всегда точна.

— Вы успели перекинуться с ним парой слов?

— Разумеется.

— Значит, к тому времени вы полностью проснулись?

Она вспыхнула, словно застеснявшись, и не ответила. А Виктор продолжил:

— В котором часу барон д'Отрей уехал сегодня утром?

— Когда хлопнула дверь в прихожей, я открыла глаза: часы показывали шесть часов десять

минут.

— Он с вами не попрощался?

— Это что, допрос? — спросила она уже раздраженно.

— Наши расследования иногда вынуждают нас быть нескромными. И последнее… — Он вытащил из кармана серую каскетку. — Как вы считаете, эта вещь принадлежит барону д'Отрею?

— Да, — ответила она, рассматривая шапку. — Это старая каскетка, которую он не надевал уже несколько лет; она валялась где-то в глубине шкафа.

С какой непосредственностью, а может, по рассеянности она сделала это признание, уличающее ее супруга! Но с другой стороны, не означает ли такое чистосердечие, что в остальных своих ответах она также не солгала?

Извинившись за назойливость, Виктор попрощался и пообещал еще раз зайти ближе к вечеру.

Расспросы консьержки, которую он нашел в ее комнатушке, подтвердили правдивость слов мадам д'Отрей. Барон позвонил около одиннадцати часов вечера, попросив открыть ему, и постучал около шести утра, когда покидал дом. Ночью же никто не входил и не уходил. Так как в здании сдавались только три квартиры, а другие жиль-

цы по вечерам дом не покидали, то наблюдать за входной дверью было несложно.

— А кто-нибудь, кроме вас, может открыть дверь изнутри?

— Без моего ведома — нет, — ответила консьержка. — Для этого надо было бы зайти ко мне в каморку, а я закрываюсь на ключ и на задвижку.

— Мадам д'Отрей выходит по утрам?

— Никогда. На рынок ходит Анна, их старая служанка. Смотрите, вон она, поднимается по черной лестнице.

— А телефон в доме есть?

— Нет.

Недоумевая, Виктор ушел; его раздирали противоречивые мысли.

В сущности, в чем он мог обвинить барона? У него было прочное, подтвержденное алиби: в момент совершения преступления он находился со своей женой.

На вокзале, куда Виктор вернулся после завтрака, он задал вопрос всем, кто там работал: «Не заметил ли кто-нибудь из вас сегодня утром, когда народу еще мало, барона д'Отрея, садившегося в один из ранних поездов?»

Ответ прозвучал единодушно и категорично:

— Нет.

Тогда как он уехал из Гарша?

Всю вторую половину дня инспектор собирал сведения о супругах д'Отрей: опрашивал поставщиков, аптекаря, местные власти, служащих почты. Во время своего турне он убедился, что парочка мало кому внушала симпатию; последним он навестил домовладельца Гюстава Жерома, муниципального советника и торговца лесом и углем, чьи споры с бароном развлекали местное общество.

Месье и мадам Жером жили в красивом доме, где все дышало достатком и благополучием. Однако уже на лестнице Виктор услышал доносившиеся со второго этажа шум ссоры, хлопанье дверей и голоса: мрачный и унылый — мужчины и визгливый и возмущенный — женщины.

— Ты пьяница! Да, ты! Месье Гюстав Жером, муниципальный советник, — пьяница! Что ты делал вчера вечером в Париже?

— Ты же прекрасно знаешь, моя крошка, что у меня был деловой обед с Девалем.

— И конечно, с девочками. Знаю я твоего Деваля, тот еще распутник! А после обеда в Фоли-Бержер, а? Голые женщины? Танцы, шампанское?

— Что ты такое болтаешь, Анриетта! Говорю же тебе, я всего лишь отвез Деваля в Сюрен.

— В котором часу?

— Не могу сказать точно…

— Конечно, раз ты был пьян. Но не раньше трех или четырех утра. Воспользовался тем, что я спала…

Ссора перерастала в настоящее сражение; месье Жером выскочил из квартиры, сбежал, преследуемый супругой, вниз… и в вестибюле обнаружил посетителя. При виде взвинченного хозяина дома незнакомец извинился:

— Я звонил… Но так как мне никто не ответил, я позволил себе войти…

Гюстав Жером, привлекательный мужчина лет сорока, рассмеялся:

— Так вы слышали? Маленькая супружеская сцена… Не придавайте значения. Анриетта — лучшая из женщин… Но пойдемте ко мне в кабинет… С кем имею честь?

— Инспектор Виктор из специальной бригады уголовной полиции.

— А, значит, вы пришли в связи с беднягой Леско?

— Я пришел расспросить вас о вашем жильце, бароне д’Отрее… Какие у вас отношения?

— Очень плохие. Мы с женой на протяжении десяти лет сами занимали квартиру, которую теперь сдаем им, и нам приходится выслушивать потоки жалоб и придирок, угрозы позвать судебных приставов… И все это из-за каких-то пустяков — например, из-за второго ключа от квартиры, который я передал им, хотя они это и отрицают! Короче говоря, всякая ерунда.

— Но случаются и потасовки? — уточнил Виктор.

— А, так вы знаете? Да, черт возьми, настоящая битва, — расхохотался месье Жером. — Я получил удар по носу от баронессы… о чем, уверен, она до сих пор сожалеет.

— Сожалеет, да конечно! — с неподражаемой интонацией воскликнула мадам Жером. — Эта старая карга целыми днями торчит в церкви!.. А муж ее, господин инспектор, форменный кретин, который разорился, не платит за аренду и способен на все.

Миловидное личико мадам Жером резко контрастировало с ее скрипучим голосом, словно специально приспособленным для ругани и ссор. Впрочем, как ни прискорбно, муж давал ей для этого повод. Темные делишки в Гренобле, мутные истории в Лионе, сомнительное прошлое

с мошенничеством и всевозможными махинациями…

Виктор не стал задерживаться. Уходя, он услышал у себя за спиной звуки очередной ссоры, где доминировал визгливый дамский голос:

— Где тебя носило?.. Замолчи, грязный лжец!

Ближе к вечеру Виктор, устроившись в кафе «Спорт», просмотрел свежие газеты и не обнаружил ничего интересного. Немного позже к нему привели вернувшихся из Парижа господина и госпожу из Гарша: они утверждали, что видели, как возле Северного вокзала барон д'Отрей садился в такси вместе с молодой дамой. Рядом с шофером на сиденье стояли два чемодана. Но насколько их показаниям можно доверять? Виктор лучше, чем кто-либо другой, знал цену таким свидетелям…

«Во всяком случае, — думал он, — задача проста. Или барон действительно сбежал в Бельгию, прихватив облигации Министерства обороны… с дамой, которой вполне могла быть та очаровательная незнакомка, что вылезла в окно из дома папаши Леско. Или же свидетели ошиблись, и через несколько минут он, как всегда, приедет на своем обычном поезде. И тогда, несмотря ни на что, станет понятно, что след ложный…»

На вокзале, ожидая выхода пассажиров с платформы, стоял Вайан. Вскоре раздался шум приближающегося поезда. Он подкатил к перрону, и с него сошло десятка три пассажиров.

Вайан толкнул локтем Виктора и прошептал:

— Вон он… в темно-сером пальто… и в мягкой шляпе… это барон.

3

Барон произвел на Виктора приятное впечатление. Шел он спокойно, и лицо его, выражавшее полнейшую безмятежность, никак не походило на физиономию человека, который восемнадцать часов назад совершил убийство и которого терзают воспоминания о содеянном и страх за будущее. Господин, завершивший свой обычный рабочий день. Кивком поприветствовав железнодорожника, барон направился к дому. В руке он держал свернутую в трубочку вечернюю газету и машинально постукивал ею по металлическим прутьям уличных оград.

Виктор, следовавший за ним, ускорил шаг, так что в дом они вошли почти одновременно. Когда на площадке пятого этажа барон вынул ключ, инспектор обратился к нему:

— Барон д’Отрей, я не ошибся?

— Что вам угодно, месье?

— Уделите мне несколько минут… Инспектор Виктор из специальной бригады уголовной полиции.

Бесспорно, барон пришел в замешательство. Лицо его напряглось.

Впрочем, это могла быть естественная реакция человека при неожиданном столкновении с полицией, тем более что спустя всего несколько секунд это замешательство прошло.

Мадам д'Отрей сидела в столовой у окна и вышивала. Завидев Виктора, она вскочила.

— Оставь нас, Габриэль, — попросил муж, обнимая ее.

— Сегодня утром я уже имел возможность побеседовать с вашей женой, — произнес Виктор, — и наша беседа от ее присутствия только выиграет.

— Что ж, ладно, — ответил барон, ничуть не удивившись, и, указав на газету, продолжил: — Я только что прочел, господин инспектор, что вы ведете расследование, и, полагаю, хотите расспросить меня как постоянного пассажира шестичасового поезда? Могу сразу сказать, что уже не помню, с кем ехал в вагоне в прошлый понедельник, что не заметил никаких подозрительных действий и не видел никаких желтых

конвертов.

— Господин инспектор требует большего, Максим, — сварливым голосом вмешалась мадам д'Отрей. — Он хочет знать, где ты был сегодня ночью, когда в Гарше произошло убийство.

— Что это значит?! — Барон даже привстал от изумления.

Виктор достал серую каскетку:

— Эта каскетка украшала голову нападавшего, а потом он перебросил ее через соседний забор. Сегодня утром мадам д'Отрей сказала мне, что она принадлежит вам.

— Точнее, принадлежала, — поправил барон. — Она ведь валялась в шкафу в прихожей, не так ли, Габриэль? — обратился он к жене.

— Да, я положила ее туда недели две назад.

— А неделю назад я выбросил ее в бак с мусором, вместе со старым шарфом, съеденным молью. Наверное, ее подобрал какой-то бродяга.

— Вечером, во вторник и в среду, когда вы выходили на прогулку, вокруг дома папаши Леско кружили какие-то два типа, один из которых был в этой каскетке.

— У меня болела голова, и я вышел подышать, но отправился в другую сторону.

— Куда?

— По дороге в Сен-Клу.

— Вы кого-нибудь встретили?

— Возможно. Я не обратил внимания.

— А вчера вечером, в четверг, во сколько вы вернулись домой?

— В одиннадцать часов; я ужинал в Париже. Моя жена уже спала.

— Как говорит мадам, вы перекинулись парой слов.

— Ты уверена, Габриэль? Я уж и не помню.

— Ну как же! — настаивала она, подойдя к нему. — Вспомни… ты еще поцеловал меня. Однако то, что я у тебя потом спросила, не предназначено для ушей этого господина. Ах, до чего же глупо!..

Черты ее лица заострились, тяжелые щеки еще больше покраснели.

— Месье выполняет свой долг, Габриэль, — проговорил барон. — И у меня нет никаких оснований не помогать ему. Вы хотите знать, в котором часу я ушел сегодня утром? Около шести.

— Вы сели в поезд?

— Да.

— Однако никто из железнодорожников вас не видел.

— Я опоздал. Поезд только что ушел. В таких

случаях я иду пешком до станции Севр, путь занимает двадцать пять минут. А мой сезонный билет позволяет мне сесть на поезд там, где захочу.

— На той станции вас знают?

— Не так хорошо, как здесь, к тому же там гораздо больше пассажиров. Но в купе я был один.

Он отвечал сразу, не раздумывая. Его четкие реплики отличались краткостью и укладывались в такую логичную систему защиты, что к ней, в сущности, невозможно было придраться… По крайней мере, если принять сказанное им за правду.

— Не могли бы вы, месье, завтра поехать со мной в Париж? — спросил Виктор. — Там мы встретимся с теми людьми, с которыми вы вчера вечером обедали и кого видели сегодня.

Едва он договорил, как Габриэль д'Отрей, явно донельзя возмущенная, буквально подскочила к нему. Вспомнив про удар, нанесенный ею месье Жерому, Виктор чуть не расхохотался: вид у дамы и впрямь был презабавнейший. Вытянув руку в направлении стены, где висела картинка с религиозным сюжетом, она воскликнула:

— Клянусь своим вечным спасением, мой муж говорит правду!..

Мысль принести клятву относительно пред-

мета столь ничтожного тут же показалась ей неприемлемой, так что она ограничилась тем, что перекрестилась, прошептала несколько нежных и страстных слов супругу, обняла его и вышла из комнаты.

Мужчины остались стоять друг напротив друга. Барон молчал; Виктор с изумлением заметил, что щеки его собеседника, такого спокойного и безмятежного, покрыты слоем румян, как у женщины. А потом обратил внимание на необычайно усталый взгляд, черные круги вокруг глаз и рот с опустившимися уголками. Какая разительная перемена и какая быстрая!

— Вы на ложном пути, господин инспектор, — утомленно произнес барон. — Но ваше расследование грубо вторгается в мою личную жизнь и вынуждает меня делать неприятные признания. Помимо жены, к которой я питаю привязанность и уважение, я несколько месяцев назад стал встречаться в Париже с молодой женщиной, с которой я и обедал вчера вечером. Она проводила меня на вокзал Сен-Лазар, а сегодня утром, в семь, я снова с ней встретился.

— Отведите меня к ней завтра, — велел Виктор. — Я заеду за вами на автомобиле.

— Согласен, — без уверенности в голосе вымол-

вил барон.

Беседа произвела на Виктора какое-то странное впечатление, и чем больше он о ней размышлял, тем больше умозаключений рождалось в его голове…

В вечер пятницы он договорился с полицейским из Сен-Клу о наблюдении за домом барона до полуночи.

Ничего подозрительного не произошло.

Глава 3
Любовница барона

1

Все двадцать минут пути из Гарша в Париж они ехали молча, и, пожалуй, смиренное безмолвие спутника усиливало подозрения Виктора. Спокойствие барона не обманывало инспектора с тех пор, как он разглядел румяна на его лице. Сегодня их уже не было, а впалые щеки и желтоватый оттенок кожи свидетельствовали о лихорадке и бессонной ночи.

— Какой адрес? — спросил Виктор.

— Улица Вожирар, возле Люксембургского сада.

— Имя?

— Элиза Масон. Она танцевала в кордебалете Фоли-Бержер, я нашел ее там, и она признательна мне за все, что я для нее сделал! У нее больные легкие.

— Она вам дорого обходится?

— Не очень. Она не требовательна. Правда, теперь я работаю меньше.

— Настолько, что вам даже нечем платить за

квартиру?

Они снова замолчали. Сгорая от любопытства, Виктор хотел поскорее встретиться с любовницей барона. Неужели это женщина из кинотеатра? Убийца из дома папаши Леско?

Вдоль узкой улочки Вожирар тянулся многоквартирный дом, большой и старый. Поднявшись на четвертый этаж, барон постучал и позвонил.

Молодая женщина открыла сразу, протянув руки навстречу д'Отрею, и Виктор тотчас убедился, что это не та дама, чей образ так глубоко запал ему в душу.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Но ты не один. Это твой друг?

— Нет, — ответил барон. — Господин из полиции, и он расследует дело с облигациями Министерства обороны, в котором я случайно оказался замешан.

Женщина провела гостей в маленькую комнату, и там Виктор сумел рассмотреть ее. Болезненное лицо с огромными голубыми глазами, каштановые кудри, находящиеся в беспорядке, на скулах — яркий румянец того же фиолетового оттенка, какой он видел вчера на щеках барона. Скромное домашнее платье. На шее небрежно повязана оранжевая с зеленым косынка.

— Простая формальность, мадемуазель, — начал Виктор. — Всего несколько вопросов… Позавчера, в четверг, вы встречались с месье д'Отреем?

— Позавчера? Дайте подумать… Ах да, он приходил обедать и ужинать, а вечером я проводила его на вокзал.

— А вчера, в пятницу?

— Вчера он пришел в семь часов утра, и до четырех мы не выходили из комнаты. Потом мы прогулялись, как обычно.

Ее уверенные ответы убеждали Виктора, что они подготовлены заранее. Но разве нельзя говорить правду тем же тоном, что и ложь?

Он обошел квартиру, состоявшую из маленькой гостиной, тесного будуара, скудно оборудованной туалетной комнаты, кухни и гардеробной, где он, раздвинув платья, неожиданно наткнулся на саквояж и туго набитый парусиновый чемодан.

Резко обернувшись, он успел заметить, как молодая женщина и ее любовник переглянулись. Тогда он открыл чемодан.

С одной стороны в нем лежали женское белье, пара туфель и два платья, с другой — пиджак и мужские рубашки. В саквояже оказались пижама, домашние туфли и несессер с туалетными

принадлежностями.

— Итак, вы собирались уехать?

Безжалостно сверля его взглядом, барон тихо произнес:

— Скажите, кто вам позволил рыться в чужих вещах? С чего вдруг этот обыск? У вас есть разрешение?

Виктор почувствовал опасность: перед ним стоял озлобленный человек, в глазах которого читалась явная угроза.

Полицейский выхватил из кармана револьвер и наставил на противника:

— Вчера вас видели возле Северного вокзала с двумя чемоданами… вас и вашу любовницу.

— Чушь! — воскликнул барон. — Ерунда, ведь я никуда не поехал, я здесь. И давайте начистоту… В чем вы меня обвиняете? В краже желтого конверта? Или даже, — он понизил голос, — в убийстве папаши Леско?

Неожиданно Элиза Масон, тяжело дыша, громко и хрипло закричала:

— Что ты такое говоришь? Он обвиняет тебя в убийстве? В том, что ты убил того типа из Гарша?

— Черт возьми, похоже, именно так! — рассмеялся барон. — Но посудите сами, господин

инспектор, это же несерьезно… Вы еще и мою жену допрашивали…

Однако он быстро овладел собой и постепенно успокоился. Виктор опустил револьвер и направился к выходу, в то время как д'Отрей продолжал насмехаться:

— Ох уж эта полиция, я впервые имею с ней дело. Интересно, неужели она всегда так нелепо ошибается? Видите ли, господин инспектор, эти чемоданы стоят здесь уже несколько недель. Мы с моей малышкой давно мечтаем поехать на юг. Но пока не получается.

Молодая женщина смотрела своими большими голубыми глазами на инспектора и шептала:

— Да как он смеет тебя обвинять?! Как смеет называть тебя убийцей?!

У Виктора созрел четкий план: прежде всего надо разделить любовников, а затем отвезти барона в префектуру и договориться с начальством, чтобы у Элизы Масон немедленно произвели обыск. Сам он не любил проводить подобного рода операции, но тем не менее считал их необходимыми. Если облигации Министерства обороны находятся здесь, их ни в коем случае нельзя в очередной раз упустить.

— Вы ждите меня тут, — обратился он к молодой женщине. — А вы, месье…

И он таким властным жестом указал на открытую дверь, что барон, подчинившись, прошел вперед, спустился по лестнице и сел на заднее сиденье кабриолета.

На углу улицы регулировщик наблюдал за движением. Виктор назвал ему свое имя и попросил присмотреть за автомобилем и тем, кто в нем сидел, а сам отправился в винный магазинчик на первом этаже, где, как он знал, имелся телефон. Он позвонил в префектуру и долго ждал, пока его соединят с уголовной полицией.

— Наконец-то! Это вы, Лефевр? Виктор из специальной бригады. Скажите, Лефевр, нельзя ли поскорее прислать двух агентов на угол Люксембургского сада и улицы Вожирар? Алло! Говорите громче, старина… Что вы сказали? Звонили мне в Сен-Клу?.. И что? Поговорить со мной? Кто? Начальник?.. Разумеется… Но сначала пришлите мне двух молодцов… срочно! О, чуть не забыл! Лефевр, постарайтесь выяснить, нет ли в картотеке криминалистов карточки на некую мадемуазель Элизу Масон, бывшую танцовщицу кордебалета Фоли-Бержер… Элиза Масон…

Спустя пятнадцать минут прибыли два инспектора на велосипедах. Объяснив, что они ни в коем случае не должны допустить побега Элизы Масон, живущей на четвертом этаже, и, дав ее словесный портрет, он повез барона д'Отрея в префектуру, где передал его в руки своих коллег.

2

Господин Готье, проницательный и умудренный опытом начальник уголовной полиции, под чьей простоватой внешностью таились и наблюдательность, и рассудительность, ждал Виктора у себя в кабинете в обществе низенького толстого человечка — уже в летах, но крепкого и

представительного. Это был непосредственный начальник Виктора — комиссар Молеон.

— Ну и что это значит, Виктор? — воскликнул господин Готье. — Я вам двадцать раз говорил, чтобы вы держали с нами связь. А вы исчезаете на целых два дня. Комиссариат в Сен-Клу действует с одной стороны, мои люди — с другой, а вы — с третьей. И никакой согласованности! Никакого единого плана!

— Попросту говоря, — без всякого смущения произнес Виктор, — это означает, что дело о пропаже облигаций Министерства обороны, равно как и дело об убийстве папаши Леско, на ваш взгляд, не сдвинулось с места. Я прав, шеф?

— А на ваш взгляд?

— История довольно любопытная. Но признаюсь вам, она меня не увлекает. Разве что забавляет. Слишком уж все разрозненно. Актеры второсортные, играют сами по себе и постоянно совершают ошибки. Нет серьезного противника.

— Что ж, в таком случае, — многозначительно произнес начальник, — слушайте меня внимательно. Молеон не знаком лично с Арсеном Люпеном, но когда-то имел с ним дело и вообще довольно долго занимался этим субъектом и потому знает его лучше, чем кто-либо иной…

Явно взволнованный, Виктор подался вперед:

— Что вы говорите, шеф? Арсен Люпен?.. Вы уверены?.. У вас есть доказательства, что он замешан?

— Только косвенные. Вы знаете, что Арсена Люпена видели в Страсбурге, где его едва не арестовали? Так вот, желтый конверт, доверенный на хранение банку (директор имел неосторожность запереть его в ящике своего стола), сначала находился в сейфе некоего промышленника из Страсбурга, владевшего облигациями; теперь мы знаем, что на следующий день после того, как промышленник отдал конверт в банк, его сейф взломали. Кто это сделал? Из найденных обрывков письма нам стало известно, что это — Арсен Люпен!

— Письмо и вправду было от Арсена Люпена?

— Да.

— И адресовано?..

— Женщине; скорее всего, его любовнице. Среди прочего он пишет: «У меня есть все основания полагать, что облигации, которые я проворонил, стянул мелкий банковский служащий Альфонс Одигран. Если тебя это развлечет, попробуй отыскать его след в Париже, куда я приеду в воскресенье вечером. Впрочем, меня они не слишком

интересуют. Я думаю совершенно об ином деле… деле о десяти миллионах! Вот они действительно стоят того, чтобы о них беспокоиться! Я уже на верном пути…»

— Письмо, разумеется, без подписи?

— С подписью. Вот, смотрите: «Арс. Л.»

И господин Готье уточнил:

— Ведь это вы были в воскресенье в кинотеатре «Сине-Бальтазар» в одно время с Альфонсом Одиграном и его любовницей?

— И еще одной женщиной, шеф! — воскликнул Виктор. — Очень красивой женщиной, без сомнения следившей за Одиграном… Той самой, которую я упустил в ночь убийства папаши Леско.

Виктор расхаживал по комнате, не скрывая возбуждения, неожиданного для такого человека, как он, привыкшего держать себя в руках.

— Шеф, — наконец проговорил инспектор, — раз тут замешан этот чертов авантюрист, я доведу дело до конца.

— Похоже, он вам сильно досадил.

— Мне? Я никогда не встречал Люпена… Мы друг друга в глаза не видели, так что и он меня не знает.

— А что тогда?

— Да то, — процедил инспектор сквозь зубы, — что это не помешает мне свести кое-какие счеты. А счет у меня к нему достаточно серьезный. Однако же поговорим о текущих делах.

И он подробно рассказал, чем занимался накануне и что делал сегодня утром: о расследовании, проведенном в Гарше, и о встречах с четой Жером и мадемуазель Элизой Масон. А также зачитал карточку Элизы, взятую им в картотеке криминалистической службы:

— «…Сирота, отец алкоголик, мать туберкулезница. Уволена из Фоли-Бержер за мелкие кражи из гримерок своих товарок. Некоторые факты указывают на то, что она является наводчицей для одной международной банды. Туберкулез второй стадии».

Воцарилась тишина. Судя по всему, господин Готье был очень доволен результатами расследования Виктора.

— А вы что думаете, Молеон?

— Отличная работа, — ответил комиссар, в голосе которого, как обычно, звучало сомнение. — А результаты хорошей работы требуют тщательного изучения. Если не возражаете, я сам допрошу барона.

— Допрашивайте сколько угодно, — с привыч-

ной бесцеремонностью буркнул Виктор. — Я буду ждать вас в машине.

— Вечером мы снова встречаемся в этом кабинете, — подытожил Готье. — Полагаю, по этому делу, только что открытому прокуратурой Парижа, мы сможем собрать немало интересных фактов.

Через час Молеон, самолично вернувший барона в машину Виктора, заявил:

— С этим молодчиком у меня все!

— Тогда, — предложил Виктор, — едем к мадемуазель Элизе Масон?

— Не стоит! За ней ведется наблюдение, — возразил комиссар. — Там вот-вот начнется обыск, и к началу мы все равно не успеем. На мой взгляд, у нас есть дела поважнее.

— Какие именно?

— Надо выяснить, чем занимался во время совершения преступления Гюстав Жером, муниципальный советник Гарша и владелец дома, где проживает д'Отрей. Этот вопрос задает нам его жена, а я хотел бы задать его приятелю нашего барона — Феликсу Девалю, торговцу недвижимостью и жилищному агенту в Сен-Клу, чей адрес я предусмотрительно раздобыл.

Пожав плечами, Виктор сел за руль; Молеон

устроился рядом. Д'Отрей и еще один инспектор разместились на заднем сиденье.

Они застали Феликса Деваля в его конторе в Сен-Клу. Высокий, темноволосый, с холеной бородкой, он сразу принялся смеяться:

— Ого, что это там затевается против моего друга Жерома? С утра мне звонила его жена, потом приходили два журналиста…

— И что они хотели?

— Узнать, в котором часу он вернулся домой позавчера, в четверг.

— И вы сказали?

— Чистую правду! Ровно в половине одиннадцатого он высадил меня перед домом.

— Но его жена утверждает, что он вернулся среди ночи.

— Да уж, ошалев от ревности, она громко вопрошает на всех углах: «Что ты делал после половины одиннадцатого вечера? Где шатался?» И вот уже на ноги поднята полиция, ко мне заявляются журналисты, а так как преступление совершили именно в это время, мой бедный Гюстав попадает под подозрение! — И он весело рассмеялся. — Гюстав — вор и убийца? Да он и мухи не обидит!

— Ваш друг был пьян?

— О! Вряд ли. У него лишь слегка кружилась

голова. Он даже хотел затащить меня в кабачок на перекрестке, что в пятистах метрах отсюда и закрывается в полночь. Ох уж этот Гюстав!

Виктор и Молеон отправились в указанное заведение. Там им сообщили, что действительно позавчера, после половины одиннадцатого, месье Гюстав Жером, здешний завсегдатай, зашел к ним выпить тминной водки.

Итак, определенно вставал вопрос: что Гюстав Жером делал с половины одиннадцатого вечера до середины ночи?

Сыщики доставили барона д'Отрея домой, поручив инспектору стеречь его, и Молеон предложил навестить супругов Жером.

Однако никого из них дома не оказалось.

— Идемте завтракать! — предложил Молеон. — Уже поздно.

За завтраком в кафе «Спорт» они едва обменялись парой слов. Виктор молчал, всем своим видом являя дурное настроение, ибо считал действия комиссара ребяческой суетой.

— Послушайте, — наконец нарушил молчание Молеон, — вы не находите, что в поведении этого типа есть что-то странное?

— Какого типа?

— Гюстава Жерома.

— Гюстав Жером? Для меня это второстепенный персонаж.

— Но черт побери, скажите тогда, что вы полагаете нужным сделать?

— Мчаться к Элизе Масон.

— А я уверен, — упрямо изрек рассердившийся Молеон, — что нам надо потолковать с мадам д'Отрей. Едем к ней.

— Что ж, едем, — выразительно пожал плечами Виктор.

Инспектор, приставленный наблюдать за домом, был на месте. Сыщики поднялись на пятый этаж. Молеон позвонил. Им открыли.

Они уже собирались войти, когда их окликнули снизу: по лестнице взбегал запыхавшийся полицейский, один из тех двоих, которых Виктор оставил нести караул перед домом на улице Вожирар, где жила Элиза Масон.

— Что случилось? — спросил он.

— Ее убили… Похоже, задушили…

— Элизу Масон?

— Да.

3

Молеон отличался необычайной вспыльчивостью. Осознав, что он ошибся и начинать

следовало с улицы Вожирар, как и хотел его коллега, он вскипел от гнева и, не зная, что предпринять, ворвался в комнату четы д'Отрей и заорал, надеясь с помощью крика добиться полезного для себя ответа:

— Ее убили!.. Вы хоть понимаете, что случилось? Почему вы не предупредили об опасности, которая грозила несчастной?.. Если ее убили, значит д'Отрей что-то доверил ей… и кто-то об этом узнал. Кто? Вы по-прежнему не хотите помогать нам?

Виктор попытался вмешаться, но Молеон упорствовал:

— Ну что скажете? Любовница д'Отрея убита. Я спрашиваю вас, что может навести нас на след убийцы?.. Отвечайте! Да поскорее! Немедленно!

Ответ и впрямь последовал, но отнюдь не от месье д'Отрея, который выглядел совершенно ошеломленным и, широко раскрыв глаза, пытался осознать адресованные ему слова. Взвилась Габриэль д'Отрей: прямая как палка, она встала напротив мужа, ожидая от него либо протестов, либо возмущения, либо негодования. Но поскольку супруг не раскрывал рта, мадам д'Отрей, запинаясь, произнесла:

— У тебя была любовница!.. У тебя! У тебя! Мак-

сим! Как такое возможно?! Любовница!.. Значит, каждый день, когда ты ездил в Париж…

Взволнованная, она говорила все тише, а ее щеки стали совсем серыми.

— Любовница!.. Любовница!.. Да как же это!.. У тебя была любовница!..

— Прости меня, Габриэль, — жалобным тоном выдавил из себя муж. — Я сам не знаю, как это получилось… Но теперь она умерла…

Супруга перекрестилась:

— Умерла…

— Ты же слышала… Все, что происходит последние два дня, ужасно… Я ничего не понимаю… Это просто какой-то кошмар… Зачем эти люди меня мучают?.. Почему хотят меня арестовать?

— Арестовать тебя? — с дрожью в голосе произнесла она. — Да ты с ума сошел… За что?!

Отчаяние ее было столь сильно, что она упала на колени и, молитвенно сложив руки, повернулась к комиссару.

— Нет! Нет! — умоляла она. — Вы не можете… клянусь вам, он не сделал ничего дурного! В чем вы его обвиняете? В убийстве папаши Леско? Но ведь он был со мной… Клянусь своим вечным спасением… Он поцеловал меня… а потом… потом… я заснула в его объятиях… Да, в его объятиях…

Баронесса пробормотала еще несколько слов, затем голос ей отказал и речь стало невозможно разобрать. Кончилось тем, что она потеряла сознание.

Все ее чувства — горечь обманутой женщины, испуг, мольбы, обморок — казались совершенно естественными и глубоко искренними. Она никак не могла лгать.

Максим д'Отрей плакал и даже не пытался помочь жене. Придя через несколько минут в себя, она тоже разразилась слезами.

Молеон взял Виктора под руку и повел к выходу. В прихожей они столкнулись со старой служанкой Анной, которая подслушивала под дверью.

— Передайте своим хозяевам, — бросил ей комиссар, — чтобы они не покидали квартиру до вечера… Нет, до завтрашнего дня… Впрочем, полицейский внизу и не даст им этого сделать.

В автомобиле он раздраженным тоном произнес:

— Врет она или нет? Хотелось бы знать! Я видал и не таких актрис! А что вы об этом думаете?

Виктор не отвечал. Он вел машину быстро, так быстро, что Молеон даже хотел попросить его ехать потише, но не решился, опасаясь, что из-за духа противоречия Виктор станет гнать

еще быстрее. Оба злились друг на друга. Эти двое, соединенные в одном деле волею начальства уголовной полиции, не ладили между собой.

Они уже проехали сквозь толпу, собравшуюся на углу улицы Вожирар, и вошли в дом, а Молеон все еще продолжал злиться. Виктор, напротив, был спокоен и невозмутим.

Ему сообщили целый ряд сведений и фактов, которые он посчитал нужным запомнить.

В час дня полицейские, которым поручили произвести обыск, тщетно звонили в квартиру на четвертом этаже, откуда, как им сообщили дежурившие внизу велосипедисты, мадемуазель Элиза Масон никуда не выходила. Наконец пришлось вызвать слесаря с соседней улицы. Замок взломали, дверь открыли — и сразу увидели Элизу Масон, лежавшую на кушетке. Мертвенно-бледную, со скрюченными окоченевшими руками.

Никакой крови. Никакого оружия. Мебель и вещи — на своих местах. Лицо погибшей опухло и покрылось черными пятнами.

— Очень характерные пятна, — заявил судебный медик. — Мы имеем дело с удушением при помощи веревки, салфетки… либо даже косынки…

Услышав его слова, Виктор сообразил, что нигде не видно оранжевой с зеленым косынки, что носила на шее жертва. Он задал вопрос. Косынку никто не видел.

Ящики комода задвинуты, зеркальный шкаф закрыт. Саквояж и чемодан Виктор нашел в таком же состоянии, в каком оставил их утром. Значит, убийца искал в квартире не облигации. Выходит, он знал, что их здесь нет?

Когда стали расспрашивать консьержку, та объяснила, что неудобное расположение ее комнатки не всегда позволяет ей видеть тех, кто выходит и заходит, а квартир в доме много, люди шастают туда-сюда целыми днями. Короче, она не заметила ничего необычного и не может сказать ничего определенного.

Однако Молеон отозвал Виктора в сторонку и сообщил, что жилец с шестого этажа незадолго до полудня между четвертым и третьим этажом встретил женщину, быстро спускавшуюся по лестнице. Одетая более чем скромно, она низко склонила голову, желая скрыть лицо, поэтому он ее толком не разглядел. Но ему показалось, будто на четвертом этаже хлопнула дверь.

И Молеон добавил:

— По словам судебного медика, убийство со-

вершено утром, однако, принимая во внимание слабое здоровье жертвы, погрешность может составить два, а то и три часа. И еще: ни на одном из предметов, которых мог бы коснуться убийца, отпечатков пальцев не обнаружено. Действовать в перчатках стало для преступников обыденностью.

Усевшись в углу, Виктор внимательно следил за тем, как полицейские методично обыскивали помещение, осматривали каждую безделушку, простукивали стены, приподнимали шторы. Открыли они и старый, давно не использовавшийся по назначению портсигар в соломенной оплетке. Его содержимое — десятка полтора бледных, пожелтевших фотографий — лежало рядом на столике.

Виктор решил получше рассмотреть их. Это были любительские снимки, которые обычно делают на отдыхе, в дружеской компании. Приятели Элизы Масон: театральные статистки, модистки, мелкие служащие… Но затем инспектор заглянул и в сам портсигар… Под обрывком покрывавшей его дно тонкой бумаги обнаружилась сложенная вчетверо карточка куда лучшего качества, и на ней, среди других лиц, он увидел лицо таинственной красавицы из кинотеатра

«Сине-Бальтазар» на фоне дома папаши Леско.

Не говоря никому ни слова, он положил порт-сигар с фотографиями себе в карман.

Глава 4
Аресты

1

Совещание, созванное начальником уголовной полиции, состоялось в кабинете господина Валиду, назначенного судьи, успевшего побывать в домике папаши Леско, где он уже начал свое расследование и собрал свидетельские показания.

Совещание оказалось весьма сумбурным. Дело о краже облигаций Министерства обороны, отягощенное двойным убийством, подогревало любопытство публики. Газеты изощрялись в измышлениях. Вдобавок над сумятицей версий, противоречивых событий, невероятных гипотез, безосновательных обвинений и выдуманных сенсаций витало имя Арсена Люпена. И вся эта суета сконцентрировалась в рамках одной недели.

— Действовать надо быстро, нам необходим успех! — настаивал префект, лично явившийся выслушать доклад комиссара Молеона, однако задержавшийся совсем ненадолго, ибо его куда-то срочно вызвали.

— Действовать быстро, — проворчал обычно

спокойный и нерешительный господин Валиду, привычно полагавший, что события сами приведут к искомой цели. — Легко сказать! А в каком направлении? И как добиться успеха? Как только мы сталкиваемся с фактами, так тотчас все и рассыпается, уверенности никакой, а доводы, хотя и выглядят логичными, противоречат друг другу и весьма хрупки.

Прежде всего нет никаких бесспорных доказательств того, что между кражей облигаций Министерства обороны и убийством папаши Леско вообще существует связь. Альфонс Одигран и машинистка Эрнестина не скрывали своей роли в истории с конвертом. Но мадам Шассен, несмотря на подтверждение ее тесного знакомства с папашей Леско, категорически все отрицала. Так что в этом пункте путешествие желтого конверта прервалось. И хотя многие подозревали барона д'Отрея, никто не мог толком объяснить его мотив.

Ну и наконец, что может связывать два убийства — папаши Леско и Элизы Масон?

— Короче говоря, — подвел итог комиссар Молеон, — все эти дела объединяет только рвение инспектора Виктора, который, выйдя в прошлое воскресенье из кинотеатра «Сине-Бальтазар»,

сегодня оказался подле трупа Элизы Масон. Таким образом, мы идем на поводу его толкования событий.

В ответ инспектор Виктор лишь пожал плечами. Подобные словоизлияния всегда его раздражали.

Из-за его упорного молчания дальнейшая дискуссия стала бессмысленной.

В воскресенье Виктор пригласил к себе бывшего сотрудника уголовной полиции, одного из тех, кто не находил в себе сил порвать со службой даже после выхода на пенсию и продолжал оказывать своим прежним коллегам важные услуги. Старый Лармон, беззаветно преданный Виктору и искренне им восхищавшийся, всегда беспрекословно исполнял любое деликатное поручение, доверенное ему инспектором.

— Разузнай в подробностях, — велел ему Виктор, — что за образ жизни вела Элиза Масон, и постарайся выяснить, не было ли у нее более близких друзей, чем барон д'Отрей.

В понедельник инспектор отправился в Гарш, где сотрудники прокуратуры, которые утром вели расследование в квартире Элизы Масон, во второй половине дня, согласно его указаниям, восстанавливали картину преступления в доме

папаши Леско.

Приглашенный туда барон д'Отрей держался превосходно, умело защищался и произвел хорошее впечатление. Однако же было установлено, что на следующий день после совершения преступления его действительно видели возле Северного вокзала. Два собранных чемодана, найденные в его квартире, вместе с серой каскеткой подтверждали самые серьезные подозрения.

Решив расспросить мужа и жену одновременно, сыщики пригласили также и баронессу. Когда она вошла в маленькую гостиную дома папаши Леско, все буквально остолбенели от изумления. У нее был подбит глаз, до крови расцарапана щека, челюсть перекосилась, а сама она горбилась и еле передвигала ноги. Ее поддерживала старая служанка Анна, которая, не дав хозяйке и рта раскрыть и грозя барону кулаком, воскликнула:

— Вот что он сделал с ней нынче утром, господин судья! Он бы точно убил ее, если бы я не вмешалась и не разняла их. Он точно с ума сошел, господин судья, вот что я вам скажу… Колотил ее молча, а сам словно ничего не видел и не слышал.

Максим д'Отрей отказался что-либо объяснять. Едва слышным голосом баронесса, запинаясь,

сообщила, что она ничего не понимает. Муж внезапно набросился на нее, хотя до этого они беседовали вполне дружелюбно.

— Он так несчастен! — добавила она. — От всего случившегося он просто голову потерял… Он никогда не бил меня прежде… Не судите его за это.

С любовью глядя на мужа, она протянула ему руку; барон — с покрасневшими глазами, отрешенным взглядом, разом лет на десять постаревший — разрыдался.

— Вы продолжаете утверждать, что ваш муж вернулся домой в четверг в одиннадцать часов? — задал Виктор вопрос баронессе.

— Да.

— И после того, как лег в кровать, он поцеловал вас?

— Да.

— Хорошо. Но вы уверены, что спустя полчаса или час он снова не встал?

— Уверена.

— На чем основана ваша уверенность?

— Если бы он ушел, я бы почувствовала, потому что засыпала в его объятиях. Кроме того…

Она сильно покраснела, что случалось с ней нередко, и тихо проговорила:

— Через час, уже начав дремать, я сказала ему:

«Знаешь, сегодня мой день рождения».

— И?..

— И он снова меня поцеловал…

Ее скромность и стыдливость всех невероятно растрогали. Тем не менее вопрос остался прежним: а не ломает ли она комедию? Какой бы искренней ни казалась баронесса, нельзя ли предположить, что она всего лишь сумела найти правильные и убедительные интонации?

Следователи пребывали в нерешительности. Однако с внезапным появлением комиссара Молеона положение изменилось. Он увлек всех в маленький сад перед домом и там принялся с жаром излагать следующее:

— Новости… Два важных факта… нет, даже три… Металлическая лестница, использованная сообщницей, которую инспектор Виктор видел в окне второго этажа. Лестницу нашли сегодня утром в заброшенном парке поместья, расположенного неподалеку от Буживаля. Беглянка… или беглецы… в общем, ее перекинули через стену. Я немедленно отправил находку к изготовителю. Лестницу в свое время продали женщине, которая, похоже, побывала на улице Вожирар, возле квартиры Элизы Масон, когда было совершено преступление. Это во-первых! — Переведя дух,

Молеон продолжил: — Во-вторых. К нам на набережную Орфевр явился шофер, пожелавший дать показания, и я говорил с ним. В пятницу после обеда, на следующий день после убийства Леско, он стоял возле Люксембургского сада, когда к нему в такси сели какой-то господин с парусиновым чемоданом и дама с саквояжем. «Северный вокзал». — «К платформе отправления?» — «Да», — ответил господин. Но они, должно быть, опоздали на свой поезд, потому что еще примерно с час сидели в машине возле вокзала. Потом они устроились на террасе кафе, и шофер видел, как они купили у проходившего мимо газетчика вечернюю газету. Кончилось тем, что этот же шофер отвез даму к Люксембургскому саду, откуда та пешком, с чемоданом и саквояжем, направилась в сторону улицы Вожирар.

— Внешность?

— По описанию, это барон и его любовница.

— Время?

— Половина шестого. Итак, изменив неизвестно почему решение бежать за границу, господин д'Отрей отослал свою любовницу домой, а сам взял такси — которое мы еще найдем — и поспел на шестичасовой поезд, что привез его в Гарш. Теперь же этот добропорядочный гражданин

упорно сопротивляется любым обвинениям.

— А что в-третьих? — спросил следователь.

— Анонимный телефонный звонок, касающийся муниципального советника Гюстава Жерома. Как известно, инспектор Виктор пренебрегает этим следом, тогда как меня он весьма интересует. Звонивший заявил, что если бы расследование проводилось с большей тщательностью, мы бы уже давно выяснили, чем занимался муниципальный советник Гюстав Жером после того, как выпил рюмочку в заведении на перекрестке; а еще, мол, неплохо было бы покопаться в секретере, что стоит у него в кабинете.

Молеон умолк.

Его вместе с инспектором Виктором отправили в дом муниципального советника. Инспектор Виктор явно был не в настроении.

2

Они застали Гюстава Жерома вместе с супругой в рабочем кабинете. Виктора советник узнал, но, услышав, кто такой комиссар Молеон, немедля скрестил руки на груди и возмущенным голосом, в котором гнев почти заглушил его обычную жизнерадостность, воскликнул:

— Да что же это такое?! Неужто ваши шуточки

еще не кончились? Вы уже трое суток не можете оставить меня в покое! Мое имя треплют в газетах! Люди перестали со мной здороваться!.. Вот, Анриетта, к чему приводит твоя вечная болтовня о том, что происходит у нас в семье! Сегодня все от нас отворачиваются.

Анриетта, которую Виктор недавно видел исполненной воинственного пыла, опустила голову и прошептала:

— Ты прав, я тебе это уже сказала. Узнав о том, что Деваль возил тебя к потаскухам, я просто голову потеряла. Ужасно глупо! Тем более что я ошиблась и ты вернулся задолго до полуночи.

Комиссар Молеон указал на секретер красного дерева:

— У вас есть ключ от этого секретера, месье?

— Разумеется.

— Откройте его, пожалуйста.

— Как вам будет угодно.

Он вынул из кармана связку ключей и отпер переднюю крышку, за которой находилось с полдюжины маленьких ящичков. Молеон осмотрел их. В одном из них лежал черный саржевый мешочек, перевязанный тесемкой. Внутри поблескивали чешуйки белого вещества…

— Стрихнин, — произнес Молеон. — Откуда

он у вас?

— Все просто, — ответил Гюстав Жером. — У меня охотничьи угодья в Солони, и стрихнин нужен для борьбы с грызунами…

— Вы знаете, что пса месье Леско отравили стрихнином?

Гюстав Жером рассмеялся:

— И что с того? Разве он есть только у меня?

Но Анриетта не смеялась. На ее миловидном личике появилось выражение ужаса.

— Откройте-ка теперь ваше бюро.

Жером, похоже, забеспокоился, но в конце концов подчинился.

Молеон перелистал бумаги, бросил взгляд на реестры и книги записей. Заметив браунинг, он осмотрел его, а затем линейкой замерил диаметр дула.

— Семизарядный, — произнес он, — и, похоже, калибра семь шестьдесят пять.

— Совершенно верно, семь шестьдесят пять, — подтвердил Жером.

— Браунинг такого же калибра, как и тот, из которого произвели два выстрела: одним убили папашу Леско, а другим ранили инспектора Эдуэна.

— А я тут при чем? — спросил Жером. — Я не

пользовался им с того самого времени, как купил… Пять или шесть лет назад.

Молеон вытащил обойму.

— Двух патронов недостает, — констатировал комиссар.

Еще раз внимательно оглядев пистолет, он заявил:

— Что бы вы ни говорили, месье, мне кажется, в дуле еще остались следы недавно сгоревшего пороха. Впрочем, эксперты все проверят.

Гюстав Жером, казалось, смутился. Тем не менее, пожав плечами, он ответил:

— Все это никак между собой не связано, месье. Вы можете найти против меня десятка два подобных доказательств, но это ничего не изменит. Ведь если бы я был виновен, я бы не хранил стрихнин у себя в секретере, а револьвер, где не хватает двух патронов, — в бюро.

— Но как вы это объясните?

— Я ничего не намерен объяснять. Преступление совершено, кажется, в час ночи. Так вот, мой садовник Альфред, проживающий в тридцати шагах от моего гаража, может подтвердить, что в тот вечер я вернулся около одиннадцати.

Он встал, подошел к окну и позвал:

— Альфред!

Войдя в комнату, садовник Альфред, малый явно из робких, прежде чем ответить, раз двадцать покрутил в руках свою кепку.

— Так скажете вы наконец, когда ваш хозяин поставил авто в гараж? Вы меня слышите или нет? — раздраженно спросил Молеон.

— Зависит… всякое бывает…

— Но в тот день?

— Я не уверен… думаю…

— Как?! — воскликнул Гюстав Жером. — Что значит — вы не уверены?!

Подойдя к садовнику, Молеон сурово произнес:

— Вилять не советую… Лжесвидетельство может обернуться для вас дурными последствиями. Говорите только правду… В котором часу вы в тот вечер услышали шум авто?

Альфред снова принялся теребить свою кепку, судорожно сглотнул и наконец промямлил:

— Примерно в час с четвертью… а может, и в половине второго…

Едва он закончил фразу, как благодушный и жизнерадостный Жером ловким пинком под зад вытолкал его за дверь:

— Убирайтесь! Чтобы я вас больше не видел! Сегодня же получите расчет! — Потом он с нескрываемым облегчением повернулся к Мо-

леону и произнес: — Так будет лучше. Делайте, что хотите… Но я вас предупреждаю… Вы больше ни слова от меня не услышите… ни единого слова. Разбирайтесь сами как можете!..

Его жена с рыданиями бросилась к нему в объятия.

Затем Жером вместе с Молеоном и Виктором отправились в дом Леско.

В тот же вечер барон д'Отрей и Гюстав Жером, доставленные в уголовную полицию, поступили в распоряжение следователя.

И тем же вечером господин Готье, встретив Виктора, спросил его:

— Как дела, Виктор, продвигаемся?

— Даже слишком быстро, шеф.

— Объясните.

— А что тут объяснять? Любопытство публики удовлетворено, цель достигнута. Да здравствует Молеон! Долой Виктора! — Произнеся эту тираду, он попросил: — Как только найдут шофера, отвозившего барона с Северного вокзала на вокзал Сен-Лазар на следующий день после убийства, обещайте, что сообщите мне об этом, шеф.

— На что вы надеетесь?

— Надеюсь найти облигации Министерства обороны…

— Черт возьми! А до тех пор?..

— До тех пор я займусь Арсеном Люпеном. Все это дело, нелепое и запутанное, слепленное из клочков и кусочков, обретет свою истинную форму только тогда, когда мы точно установим, какова в нем роль Арсена Люпена. Ну а пока это не дело, а сплошные галиматья и сумбур.

3

Публика и в самом деле была довольна. События последних дней нисколько не прояснили ни преступление в доме Леско, ни убийство на улице Вожирар, ни кражу облигаций; тем не менее после состоявшегося допроса (впрочем, бесполезного, потому что все вопросы так и остались без ответов) д'Отрей и Жером провели ночь в тюрьме Санте. По мнению газет и их читателей, оба они являлись сообщниками в некоей обширной афере, затеянной, без сомнения, Арсеном Люпеном. Посредницей между ними и Люпеном выступала женщина, очевидно любовница последнего. Теперь следствию предстояло определить роль каждого.

Ну и ловко же, однако, придумано, говорил себе Виктор. Что ж, сейчас главное — добраться до Люпена, а как до него добраться, если не через его

любовницу? Но чтобы найти ее, надо убедиться, что дама из кинотеатра «Сине-Бальтазар», покупательница лестницы, незнакомка, сбежавшая с места убийства папаши Леско, и работница, встретившаяся кому-то из жильцов в доме Элизы Масон, является одной и той же личностью.

Он показал имевшееся у него фото сперва продавцу магазина, где была куплена лестница, а потом жильцу, который видел работницу. Их ответы совпали: может, это и не она, но сходство потрясающее!

Наконец однажды утром он получил по пневматической почте записку от своего верного Лармона: «Напал на след. Отправляюсь в Шартр, на похороны Элизы Масон. До вечера».

Вечером Лармон привел к нему подругу Элизы, которая одна провожала в последний путь несчастную сироту. Арманда Дютрек, красивая темноволосая девушка, простодушная и открытая, работала в мюзик-холле вместе с Элизой, а потом часто ее навещала. Ей всегда казалось, что подругу окутывает какая-то тайна и что у нее подозрительные знакомства.

Виктор попросил ее просмотреть все фотографии в альбоме Элизы Масон. Взглянув на последний снимок, она встрепенулась:

— А вот эту я видела!.. Высокая, очень бледная, с незабываемыми глазами. Как-то я ждала Элизу возле Оперы. Элиза вышла из автомобиля, за рулем которого сидела дама… эта самая дама.

— Элиза вам о ней не рассказывала?

— Нет. Но однажды я видела, как она опускала в почтовый ящик письмо, где на конверте стояло: «Княгине», а потом какое-то русское имя — я не сумела его прочесть… и название отеля на площади Конкорд. Уверена, это была именно она.

— Давно это случилось?

— Три недели назад. С тех пор я больше не видела Элизу. Связь с бароном д'Отреем занимала почти все ее время. К тому же она неважно себя чувствовала и мечтала поехать в горы, чтобы вылечиться.

В тот же вечер Виктор узнал, что княгиня Александра Васильева ранее действительно жила в большом отеле на площади Конкорд, но теперь ее корреспонденцию пересылали в отель «Кембридж» на Елисейских Полях.

Княгиня Васильева? Виктору и Лармону хватило одного дня, чтобы узнать, что в Париже проживала единственная представительница старинного знатного русского семейства с такой фамилией. Ее отца, мать и братьев расстреляли

чекисты, а саму Александру ранили, но сочли мертвой, поэтому она смогла спастись и впоследствии перебраться за границу. Ее семья издавна владела недвижимостью в Европе, так что молодая женщина была богата и жила, не отказывая себе ни в чем; своеобразная и непредсказуемая, она поддерживала отношения с несколькими дамами из русской колонии, которые называли ее княгиней Александрой. Ей было тридцать лет.

Лармон навел справки в отеле «Кембридж». Княгиня Васильева на улицу выходила редко, частенько пила чай в танцевальном зале, а обедала в ресторане отеля. И никогда ни с кем не разговаривала.

Ближе к вечеру Виктор отправился в отель и смешался с элегантной толпой, пришедшей в танцевальный зал, чтобы покружиться в вальсе под звуки оркестра или поболтать о пустяках.

Высокая бледная женщина с очень светлыми волосами вскоре заняла место неподалеку от него. Это была она!

Та самая дама из кинотеатра «Сине-Бальтазар»… Видение, мелькнувшее в окне дома Леско… И все же…

Вроде бы никаких сомнений. Две женщины не могут быть так похожи, иметь один и тот же

взгляд, одну и ту же бледность, одну и ту же походку. Но белокурые, соломенного цвета волосы, легкие и кудрявые, лишали лицо княгини той волнующей притягательности, которая у Виктора ассоциировалась с яркими рыжими волосами дамы из кинотеатра.

Поэтому он был не совсем уверен. Дважды он приходил в отель, но так и не сделал бесспорного вывода. Но с другой стороны, не было ли впечатление, полученное ночью в Гарше, результатом стечения обстоятельств: преступления, опасности и страха?

Он пригласил с собой подругу Элизы Масон.

— Да, — не раздумывая, сказала Арманда, — это та самая дама, которую я видела с Элизой в автомобиле… Да, уверена, это она…

Спустя два дня в «Кембридже» остановился очередной путешественник. На карточке гостя он написал: «Маркос Ависто — шестьдесят два года — прибыл из Перу».

Никто не смог бы узнать в этом изысканном респектабельном господине, одетом неброско, но с иголочки, полицейского Виктора из специальной бригады уголовной полиции, обычно затянутого в тужурку, смахивавшую на старинную венгерку и придававшую ему вид мрачного унтер-офице-

ра в отставке. По крайней мере десятью годами старше. Совершенно седые волосы. Приветливый взгляд человека, которому жизнь преподносит исключительно подарки и разнообразные привилегии.

Ему отвели номер на третьем этаже.

Апартаменты княгини находились тут же, через десяток номеров от его комнаты.

— Все идет по плану, — сказал себе Виктор. — Но нельзя терять времени. Пора наступать!

Глава 5
Княгиня Васильева

1

В огромном отеле на пять сотен номеров, куда в послеобеденное время и по вечерам стекались толпы народу, такой человек, как Маркос Ависто, в облике которого ничто не бросалось в глаза, легко мог остаться незамеченным столь рассеянной и постоянно погруженной в себя женщиной, как Александра Васильева.

Это позволяло Ависто вести за ней почти непрерывное наблюдение. Первые четыре дня княгиня вообще не покидала отель. Ни визитов, ни писем. Если она и общалась с внешним миром, то разве что по телефону из своего номера, как, собственно, и сам Виктор общался с Лармоном.

С особым нетерпением инспектор ждал час обеда. Хотя он и избегал встречаться с княгиней взглядом, он следил за ней как завороженный, ни на минуту не выпуская ее из виду. Судя по всему, приняв облик человека света, он позволял себе чувства и переживания, не дозволенные инспектору из специальной бригады уголовной

полиции. Стоило ему подумать, что подобное создание могло стать добычей авантюриста, как в нем нарастала волна гнева и он возмущался про себя: «Нет… это невозможно… женщина столь благородного происхождения и завидного положения не может быть любовницей жалкого авантюриста Люпена».

И разве можно представить, что она и есть воровка из дома Леско и убийца с улицы Вожирар? Неужели женщина, на белых и нежных ручках которой сверкают бриллианты, способна убить ради нескольких сотен тысяч франков?

На четвертый вечер, когда княгиня, выкурив несколько сигарет, двинулась к выходу из зала, он сумел сесть в тот же лифт, что и она, и вежливо, хотя и не взглянув на нее, поклонился.

То же самое, как бы по простому совпадению, случилось и на пятый вечер. Все происходило настолько естественно, что, казалось, доведись им подняться вместе даже и двадцать раз кряду, они бы по-прежнему с равнодушным безразличием лишь обменивались знаками вежливости. Она всегда стояла возле мальчика-лифтера, а Виктор держался у нее за спиной.

На шестой вечер ничего не изменилось.

Но на седьмой Виктор появился в последнюю минуту, когда уже задвигали решетку, и, по обыкновению, занял место в глубине кабины.

На третьем этаже княгиня Васильева вышла и направилась к своим апартаментам, расположенным справа по коридору. Виктор, чей номер был на той же стороне, только немного дальше, последовал за ней.

Не сделав и десяти шагов по пустынному коридору, женщина вдруг стремительно поднесла руку к затылку и остановилась.

Когда подошел Виктор, она схватила его за плечо и взволнованно произнесла:

— Месье… у меня украли изумрудную заколку… прямо из прически… это случилось в лифте, я уверена…

Голос дамы звучал настолько страстно, что Виктор даже отшатнулся:

— Мне жаль, мадам.

Их взгляды встретились, но не более чем на три секунды. Княгиня взяла себя в руки.

— Что ж, пойду поищу, — произнесла она, намереваясь вернуться к лифту. — Вероятно, заколка просто выпала.

Но теперь уже он остановил ее:

— Простите, мадам… Прежде чем отправляться на поиски, давайте разберемся. Вы почувствовали, как кто-то коснулся ваших волос?

— Да, но не придала этому значения. Однако потом…

— Следовательно, это мог быть только я… или мальчик-лифтер…

— О нет, этот малыш на такое не способен…

— Значит, я?

Наступила тишина. Их взгляды снова встретились; они изучали друг друга.

— Я, скорее всего, ошиблась, месье. У меня в волосах не было заколки. Я, верно, найду ее у себя на туалетном столике, — проговорила она.

Он вновь удержал ее:

— Мадам, если мы сейчас просто разойдемся, у вас останется дурное впечатление обо мне. Я настоятельно прошу вас спуститься вместе со мной к администратору отеля, где вы напишете жалобу… пусть даже на меня.

Она поразмыслила, а потом уверенно ответила:

— Нет, месье, это лишнее. Вы живете в этом отеле?

— Номер триста сорок пять. Маркос Ависто.

Она удалилась, повторяя его имя.

Виктор вернулся к себе, где его уже ждал Лармон.

— Порядок?

— Порядок, дело сделано, — отозвался Виктор. — Но она заметила пропажу почти сразу, так что наше столкновение произошло довольно быстро.

— И что?

— Она испугалась.

— Испугалась?

— Да. Не посмела пойти до конца в своих подозрениях. — Он вытащил из кармана заколку и положил в ящик. — Именно этого я и добивался.

— Именно этого?

— Черт побери! — воскликнул Виктор. — Ты так и не понял мой план!

— Ну-у-у…

— Однако же он совсем прост! Привлечь внимание княгини, возбудить ее любопытство, войти в узкий круг ее друзей, внушить ей полное доверие и в итоге через нее добраться до Люпена.

— Это займет много времени.

— Значит, придется наносить внезапные удары. Но, черт побери, нельзя забывать об осторожности и чувстве меры! Однако как это увлекательно! Провести самого Люпена, выйти на него, стать его сообщником, его правой рукой и в тот день, когда он наложит лапу на десять миллионов, которые ищет, явиться в обличье Виктора из специальной бригады уголовной полиции! От этой мысли у меня все внутри переворачивается! К тому же… К тому же княгиня чертовски красива!

— Как, неужели ты все еще промышляешь охотой на нежную дичь?

— Нет, с этим покончено. Но у меня есть глаза, и

они видят. А заколку я ей верну, — добавил он, — как только события пойдут так, как я предвижу. Уверен, ждать придется недолго.

Раздался телефонный звонок. Он взял трубку:

— Алло… да, это я, мадам. Заколка?.. Найдена… Прекрасно, я счастлив… Мое почтение, мадам. — Он повесил трубку и расхохотался. — Надо же! На своем туалетном столике она нашла ту самую заколку, которая лежит у меня в ящике. А это, Лармон, означает, что она не посмеет жаловаться и вообще не хочет скандала.

— Однако она знает, что драгоценность пропала?

— Разумеется.

— И предполагает, что ее украли?

— Да.

— Ты?

— Да.

— Значит, она считает тебя вором? Ты затеял опасную игру, Виктор…

— Напротив! Чем больше я любуюсь ее красотой, тем больше ненавижу мошенника Люпена. Вот же повезло негодяю!

2

Два дня Виктор не видел Александру Васильеву. Он навел справки. Она не покидала своего номера.

На следующий вечер она спустилась обедать в ресторан. Виктор устроился поблизости от того столика, который обычно занимала княгиня.

Не обращая на нее внимания, он спокойно потягивал бургундское. Но она не могла его не видеть.

Потом они курили в холле, по-прежнему притворяясь, что не замечают друг друга. Виктор внимательно разглядывал всех идущих мимо мужчин, стараясь выявить среди них того, кто элегантностью, стройностью, непринужденностью и властностью мог бы походить на Арсена Люпена. Но никто не напоминал того, кого он так упорно искал, да и Александра взирала на публику исключительно равнодушно.

Назавтра — тот же график и то же поведение.

На третий день, спускаясь к обеду, они оказались вместе в лифте, но ни одна, ни другой не сделали попыток обозначить свое знакомство. Они словно бы не замечали друг друга.

«Не важно, княгиня, — думал Виктор, — что

для вас я всего лишь вор! Не важно, что вы решили разыграть передо мной роль ограбленной женщины (причем ограбил вас именно я!), отчего-то считающей вполне естественным молчать. Беззаботность великосветской дамы? Не важно! Первый этап преодолен. Каков будет второй?»

Прошло еще два дня. А затем случилось происшествие, виновником которого никак не мог быть Виктор, но которое сыграло ему на руку: на втором этаже из номера проезжей американки пропала шкатулка с драгоценностями.

«Вечерний листок» сообщил о краже, подчеркнув, что обстоятельства ее совершения свидетельствовали об удивительной ловкости и хладнокровии преступника.

Эту газету княгиня каждый вечер находила у себя на ресторанном столике и рассеянно просматривала. И вот теперь она бросила взгляд на первую страницу и тотчас, возможно даже инстинктивно, повернулась в сторону Виктора, словно хотела сказать: «Да вот же вор!»

Виктор, наблюдавший за женщиной, легким кивком приветствовал ее, хотя и не ожидал, что она ответит ему тем же. Княгиня углубилась в чтение…

«Видимо, она считает меня грабителем высокой

квалификации, орудующим в отелях, — думал он. — Если это та женщина, которую я ищу, я должен внушать ей уважение. Каким дерзким я выгляжу! Каким уверенным! Другой бы на моем месте, сделав дело, поторопился скрыться. А я остался».

Их сближение было неизбежным. Однажды Виктор, опередив молодую женщину, занял в холле диванчик, стоявший напротив кресла, где молодая женщина имела обыкновение сидеть.

Она пришла, постояла в нерешительности и села на тот же диван.

Последовала пауза, за время которой он успел закурить сигарету и сделать несколько затяжек. Потом, как и тем вечером, она поднесла руку к прическе. Вытащив заколку, она сказала ему:

— Видите, месье, я ее нашла.

— Странно! — промолвил Виктор, вынимая из кармана взятую им заколку. — Я тоже ее нашел…

Княгиня была озадачена. Такого ответа она явно не ожидала и, видимо, почувствовала себя оскорбленной; привыкшая побеждать, она внезапно столкнулась с противником, принявшим ее вызов.

— Итак, мадам, — произнес он, — у вас две заколки. Жаль, что у вас не остались обе.

— Действительно жаль, — коротко отозвалась она, погасив в пепельнице сигарету и прерывая разговор.

Но на следующий день княгиня сама подошла к Виктору. В открытом платье, с обнаженными руками и плечами, она выглядела менее чопорной.

— Я, видимо, кажусь вам немного странной, непостижимой? — внезапно обрушила она на него вопрос на чистейшем французском языке, где лишь с большим трудом улавливались иностранные интонации.

— Вовсе нет, мадам, — ответил он с улыбкой. — Вы, как мне сказали, русская княгиня. А в наше время они не относятся к числу тех, чье общественное положение можно назвать прочным.

— У меня и моей семьи судьба сложилась весьма непросто! Я бы даже сказала, что она оказалась жестока к нам, хотя поначалу мы были очень счастливы. Я всех любила, и меня все любили… Маленькая доверчивая девочка, беззаботная, милая, непосредственная, ее все забавляет, она ничего не боится и всегда готова смеяться и петь… Но когда в пятнадцать лет я стала невестой, на нас обрушилось несчастье, а потом прозвучали выстрелы. У меня на глазах убили отца и мать, замучили братьев и жениха… А я… я…

Она провела рукой по лбу.

— Однако не будем об этом… Не хочу вспоминать… Я почти забыла… Но я так никогда и не

оправилась от того удара. С виду я спокойна, но в душе у меня покоя нет. Как я все это вынесла? С тех пор я в постоянной тревоге…

— Иначе говоря, — сказал Виктор, — чтобы забыть о прошлом, которое внушает вам страх, вам необходимы сильные ощущения. Так что если случай столкнет вас с мужчиной, которого трудно назвать добрым католиком… с мужчиной, не всегда соблюдающим правила, он непременно возбудит ваше любопытство. Это совершенно естественно.

— Совершенно естественно?

— О бог мой, конечно! Вы прошли через столько испытаний, стали свидетельницей стольких трагедий, что просто привыкли жить в драматической обстановке… и общаться с теми, кому в любой момент грозит опасность. Вы высматриваете на лице мужчины признаки беспокойства или страха и удивляетесь, что он такой же, как все, что он с удовольствием курит сигарету, а голос его ничуть не дрожит. — Жадно слушая, она низко склонилась к нему. Он же продолжал: — Главное, мадам, не будьте снисходительны к подобным субъектам и не считайте их образцовыми представителями рода человеческого. Они всего лишь немного смелее остальных и лучше

умеют управлять своими нервами… Но это вопрос привычки и контроля. А сейчас…

— Что — сейчас?

— Да нет, ничего…

— Что случилось?

— Отодвиньтесь от меня, так будет лучше, — очень тихо произнес он.

— Почему? — столь же тихо спросила она, исполняя его приказ.

— Видите того смешного толстяка в смокинге, что прохаживается вон там, внизу… слева?

— Кто это?

— Полицейский.

— Ох! — Она невольно вздрогнула.

— Это комиссар Молеон. Ему велели расследовать дело о краже шкатулки, и он изучает публику.

Явно не намереваясь прятаться, она облокотилась о маленький столик и прикрыла рукой лоб, внимательно наблюдая за Виктором. Ей хотелось понять, как он реагирует на опасность.

— Уходите, — прошептала она.

— Почему я должен уходить? Если бы вы только знали, до чего эти полицейские ограниченны! Молеон? Да он же идиот! Правда, есть один, который может нагнать страху даже на меня, если

вдруг внезапно заявится сюда.

— И кто это?

— Его подчиненный… Некий Виктор из специальной бригады уголовной полиции.

— Виктор… из специальной бригады. Я где-то видела это имя.

— Это он вместе с Молеоном занимается расследованием кражи облигаций Министерства обороны, убийства в доме Леско… и убийства несчастной Элизы Масон…

Она и бровью не повела, а лишь спросила:

— Ну и каков он из себя, этот Виктор?

— Ростом пониже меня, в перепоясанной тужурке, напоминающей старинную венгерку и делающей его похожим на циркового униформиста… Но один его взгляд — и вы уже чувствуете себя разоблаченным… Вот его надо бояться. В то время как Молеон… Видите? Он смотрит в нашу сторону.

Молеон и в самом деле окидывал взглядом каждого из присутствующих. Остановил он свой взор и на княгине с Виктором, но потом отвернулся и пошел к выходу.

Княгиня вздохнула с облегчением. Казалось, она совсем обессилела.

— Ну вот, вы и сами убедились! — проговорил

Виктор. — Ему кажется, что он выполнил свою задачу и никто не укрылся от его орлиного взгляда. Ах, мадам, если мне когда-нибудь доведется совершить кражу во дворце, я потом даже с места не сдвинусь. Кто же станет меня искать там, где я только что поработал?

— Однако Молеон?..

— Возможно, сегодня он ищет вовсе не похитителя шкатулки.

— Тогда кого же?

— Тех, кто побывал в доме Леско и на улице Вожирар. И он, и вся полиция только об этом и думают. Они просто одержимы мыслью раскрыть оба эти преступления.

Она проглотила рюмку ликера и закурила. Ее бледное красивое лицо снова обрело уверенное выражение. Но как догадывался Виктор, внутри у нее бушевал вихрь страха и страстей, даривший ей ощущение болезненного сладострастия.

Когда она встала, ему вдруг показалось, что она обменялась быстрыми взглядами с двумя господами, сидевшими поодаль. Один, красноликий, довольно вульгарного вида, наверняка прибыл с берегов Туманного Альбиона. Виктор уже встречал его в холле. Другого же он видел впервые. Элегантный, с непринужденными ма-

нерами, он выглядел так, как в представлении Виктора мог выглядеть Люпен. Сейчас он смеялся вместе со своим товарищем и казался веселым и симпатичным, однако время от времени взгляд его становился жестким.

Еще раз посмотрев в их сторону, княгиня Александра удалилась.

Через пять минут оба приятеля тоже поднялись. Тот, кто был помоложе, закурил сигару, велел принести ему пальто и шляпу и вышел из отеля.

Англичанин направился к лифту.

Когда кабина снова спустилась, Виктор шагнул в нее и спросил у мальчишки-лифтера:

— Как зовут месье, который только что поднялся? Ведь он англичанин, не так ли?

— Месье из триста тридцать седьмого номера?

— Да.

— Мистер Бемиш.

— Он ведь давно живет здесь?

— Да… недели две…

Итак, сей господин жил в отеле примерно с того же времени, что и княгиня Васильева, и на том же этаже. Интересно, сейчас он пошел к себе в триста тридцать седьмой или повернул направо, чтобы нагнать Александру?

Виктор миновал комнату княгини, вошел в свой номер, оставив дверь полуоткрытой, и прислушался…

Довольно долго и безрезультатно прождав, он в дурном расположении духа лег спать. Он уже не сомневался, что приятель англичанина Бемиша — не кто иной, как Арсен Люпен, то есть любовник княгини Александры. Виктору, безусловно, удалось продвинуться по пути раскрытия сложного дела. Но еще ему пришлось убедиться в том, что Арсен Люпен молод и хорош собой. И это его раздражало.

3

Назавтра после полудня он вызвал Лармона.

— Ты на связи с Молеоном?

— Да.

— Он не знает, где я?

— Нет.

— Вчера он приходил сюда по делу о краже шкатулки?

— Да, кражу совершил носильщик отеля. Подозревают, что у него был сообщник, но тот сбежал. Молеон выглядит очень озабоченным, дело о краже шкатулки его больше не интересует. Теперь речь идет о том, чтобы сегодня окружить

некий бар, где банда Арсена Люпена собирается обсудить пресловутое дело о десяти миллионах, о которых говорится в отрывке из его письма.

— Ого! А адрес этого бара?

— Его обещали сообщить Молеону… Он ждет вестей с минуты на минуту.

Виктор рассказал Лармону о своих беседах с Александрой Васильевой и заговорил об англичанине Бемише.

— Похоже, он каждое утро уходит, а возвращается обычно только к вечеру. Впрочем, ты сам узнаешь, когда будешь следить за ним. И не забудь заглянуть к нему в комнату.

— Невозможно! Надо получить разрешение префектуры… какую-нибудь бумагу…

— К чему такая сентиментальность? Если вмешаются люди из префектуры, пиши пропало. Люпен — это вам не барон д'Отрей или Гюстав Жером, и заниматься им должен только я. Я сам должен арестовать его и сдать полиции. Это касается меня. Это мое дело.

— Итак?..

— Итак, сегодня воскресенье. Служащих в отеле немного, тебя никто не заметит. А если схватят, что ж, предъявишь им свою полицейскую карточку. Остается одна проблема — ключ.

Улыбнувшись, Лармон достал из кармана связку ключей:

— К этому я подготовился. Хороший полицейский должен знать и уметь столько же, сколько опытный взломщик, и даже больше. Номер триста тридцать семь, правильно?

— Да. Главное, ничего не трогай. У англичанина не должно возникнуть ни малейшего подозрения.

В приоткрытую дверь Виктор наблюдал, как Лармон достиг конца пустынного коридора, остановился, открыл нужную дверь, скрылся за ней…

Прошло полчаса.

— Ну что? — спросил инспектор, когда тот вернулся.

— Твой нюх опять тебя не подвел, — усмехнулся Лармон.

— Что ты нашел?

— В стопку сорочек засунута косынка, оранжевая с зеленым… Совершенно мятая.

— Косынка Элизы Масон! — возбужденно воскликнул Виктор. — Так я не ошибся!

— К тому же этот англичанин, — продолжал бывший инспектор, — похоже, в сговоре с русской, наверняка это она приходила на улицу Вожирар, одна или с англичанином Бемишем.

Доказательство налицо. Вряд ли его можно толковать по-иному. Какие тут могут быть сомнения?

Незадолго до обеда Виктор вышел на улицу и купил газету «Вечерний листок».

На второй странице было большими буквами напечатано следующее:

> Новость последнего часа. Комиссар Молеон и три его инспектора сегодня днем окружили бар на улице Марбеф, где, по сведениям, имели обыкновение собираться члены международной банды мошенников, в основном англичане. Их застали врасплох, когда они сидели за столом. Двое сумели ускользнуть через черный ход, причем один из них был ранен. Трое других схвачены. Судя по некоторым признакам, там был и Арсен Люпен. Из Страсбурга ожидается приезд мобильной бригады, члены которой недавно заметили там Люпена, разумеется принявшего иное обличье. Известно, что антропометрическая карточка Арсена Люпена недоступна, ибо она таинственным образом исчезла из

службы криминалистического учета.

Виктор переоделся и отправился в ресторан. На столе Александры Васильевой лежала газета.

Княгиня припозднилась. Похоже, она ничего не знала и была совершенно спокойна.

Только в конце обеда она развернула «Вечерний листок», пробежала глазами первую страницу, затем перешла на вторую. Тотчас голова ее поникла, а сама она едва не упала. Однако приступ слабости длился не более минуты: хотя Виктору и казалось, что женщина вот-вот лишится сознания, она стойко дочитала заметку до последней строчки и небрежно отбросила газету в сторону. Она ни разу не посмотрела на Виктора; возможно, полагала, что он ничего не заметил.

В холле ее ждал англичанин Бемиш. К Виктору она не подошла.

Неужели этот Бемиш и есть один из тех мошенников, которым удалось удрать от Молеона в баре на улице Марбеф, расположенной недалеко от отеля? И теперь он принес княгине Васильевой известия об Арсене Люпене?

На всякий случай Виктор заранее поднялся наверх и занял пост за дверью.

Сначала появилась русская. Она остановилась

возле своего номера и вскоре, поскольку никто не показывался, начала проявлять признаки нетерпения.

Наконец из лифта выскочил англичанин. Окинув взглядом коридор, он быстрым шагом направился к женщине.

Они обменялись несколькими словами. Русская рассмеялась. Англичанин ушел.

«Итак, — подумал Виктор, — если она действительно любовница этого проклятого Люпена, значит во время облавы его не взяли и сейчас англичанин сообщил ей об этом. Вот почему она рассмеялась».

Последующие заявления полиции подтвердили его догадку. Среди троих арестованных Арсена Люпена не было.

Все трое оказались русскими. Они признались в нескольких кражах, совершенных за границей, но уверяли, что не знают имен главарей международной банды, которая их использовала.

Из двух сбежавших сообщников один — точно англичанин. Второго они вчера видели впервые, и во время собрания он молчал. Значит, это его ранили в перестрелке. Его описание соответствовало описанию того молодого человека, которого Виктор видел в отеле в обществе Бемиша.

Трое русских не могли больше ничего добавить. Ясно, что действовали они по чьей-то указке.

Однако спустя два дня выяснилось, что один из русских прежде был любовником танцовщицы кордебалета Элизы Масон.

Нашли письмо Элизы Масон, написанное незадолго до смерти:

Старик д'Отрей задумал крупную аферу. Если все удастся, завтра он увезет меня в Брюссель. Но ведь ты найдешь меня там, дорогой? И при первой же возможности мы с тобой сбежим, прихватив кругленькую сумму. Я люблю тебя!..

Глава 6
Облигации министерства обороны

1

Операция на улице Марбеф сильно взволновала Виктора. Пусть полиция занимается преступлением в доме Леско, преступлением на улице Вожирар — ему плевать, обе драмы интересовали его лишь в той мере, в какой они имели отношение к Арсену Люпену. Но вот сам Люпен — дело другое! Эта часть добычи принадлежала инспектору Виктору из специальной бригады уголовной полиции. И как следствие, инспектору Виктору также принадлежала монополия на проведение операций против всех, кто так или иначе связан с Арсеном Люпеном, а значит, и против англичанина Бемиша и княгини Васильевой.

Подобные соображения подтолкнули его совершить поездку на набережную Орфевр, чтобы самому разобраться в том, чем занимается Молеон. Полагая, что ни Александра, ни связанный с ней Бемиш из осторожности вряд ли в ближайшее время покинут свои номера, он отправился пешком в ближайший гараж, где несколько дней

назад оставил автомобиль. Он завел его, доехал до леса, убедился, что его никто не преследует, вынул из чемодана свою обычную одежду, облачился в приталенную венгерку и снова стал инспектором Виктором из специальной бригады уголовной полиции.

Комиссар Молеон встретил его с такой сердечностью и с такой покровительственной улыбкой, что Виктор почувствовал себя оскорбленным.

— Как дела, Виктор? Что вы нам принесли? Ничего особенного? Нет-нет, я вас ни о чем не спрашиваю. У каждого свои методы. Вы действуете в одиночку, храните молчание. Я же действую в открытую, и у меня неплохо получается. Что скажете о моей облаве в баре на улице Марбеф? Три бандита схвачены… и, клянусь богом, скоро к ним присоединится главарь!.. В этот раз ему удалось ускользнуть, но теперь мы знаем, какая ниточка связывала его банду с Элизой Масон, которая прямо из могилы обвиняет барона д'Отрея. Готье в восторге.

— А судебный следователь?

— Валиду? Он собирается с духом. Пойдемте-ка поговорим с ним. Он ознакомил барона д'Отрея с жутким письмом Элизы Масон… Нет, вы представляете: «Старик д'Отрей задумал крупную

аферу…» Что еще могу я добавить в папку с фактами? Да уж, неплохую лепту внес я в это дело. Идемте, Виктор…

В кабинете судьи они нашли и господина д'Отрея, и муниципального советника Жерома. Увидев барона, Виктор даже удивился — настолько тот постарел и осунулся с тех пор, как его арестовали. Не в силах держаться на ногах, он в полном унынии сидел на стуле.

Валиду был беспощаден. Он зачитал письмо Элизы Масон и тут же, видя, какое тягостное впечатление оно произвело на обвиняемого, удвоил натиск:

— Вы понимаете, что это значит, д'Отрей? Хотите, чтобы мы сами подвели итог? В понедельник вечером вы случайно узнаете, что облигации Министерства обороны находятся в руках папаши Леско. В среду вечером, накануне убийства, Элиза Масон, в обществе которой вы проводили большую часть времени, от которой у вас не было секретов и которая являлась как вашей любовницей, так и любовницей русского бандита, пишет своему сердечному другу: «Старик д'Отрей задумал крупную аферу. Если все удастся, завтра он увезет меня в Брюссель», ну и так далее. В четверг преступление совершено и облигации

украдены. А в пятницу вас и вашу подругу видят возле Северного вокзала с багажом, который потом обнаружат в шкафу вашей подруги. Итак, все ясно, доказательства безупречны. Признайтесь же, д'Отрей. Зачем отрицать очевидное?

В этот миг могло показаться, что барон вот-вот смирится с поражением. Лицо его исказилось. Он принялся что-то бормотать, явно намереваясь сделать признание… Наконец он выдавил из себя:

— Покажите… отказываюсь верить… хочу сам прочесть…

Прочитав, он забормотал:

— Мерзавка!.. Любовник!.. У нее!.. Я вытащил ее из грязи!.. А она собиралась бежать с ним…

Он всем своим существом переживал предательство — план побега с другим. Что же до кражи и убийства, то казалось, будто они его совершенно не интересуют, даже если его в них и обвиняют.

— Так вы признаетесь, д'Отрей? Вы убили папашу Леско?

Он не ответил, раздавленный обломками болезненной страсти, которую он питал к этой девице.

Валиду повернулся к Гюставу Жерому:

— Учитывая, что вы тоже принимали участие, хотя степень его нам и неизвестна…

Но Гюстав Жером, которого будто нисколько не удручало его заточение и который по-прежнему сохранял свой цветущий вид, решительно все отрицал:

— Я ни в чем не участвовал! В полночь я спал у себя дома.

— Однако у меня перед глазами новые показания вашего садовника Альфреда. Он не только утверждает, что вы вернулись к трем часам ночи, но и заявляет, что в утро вашего ареста посулили ему пять тысяч франков, если он скажет, что вы приехали около полуночи.

Растерявшись на пару секунд, Жером вскоре рассмеялся:

— Ну да, так оно и было. Мне настолько все осточертело, меня так донимали всякими глупостями, что я решил разом от всего отделаться.

— Значит, вы подтверждаете, что была попытка подкупа, которая является еще одной уликой против вас…

Жером встал напротив Валиду:

— Что, по-вашему, у меня физиономия убийцы, такая же, как и у милейшего д’Отрея? И как и он, я рухну под тяжестью угрызений совести?

На его симпатичном лице заиграла насмешливая улыбка.

— Господин следователь, — подал голос Виктор, — вы позволите мне задать один вопрос?

— Спрашивайте.

— Принимая во внимание только что сказанные обвиняемым слова, я хотел бы знать, считает ли он барона д'Отрея виновным в убийстве папаши Леско?

Жером сделал движение, словно хотел ответить, но быстро передумал и сказал:

— Меня это не касается. Пусть правосудие разбирается!

— И все же я настаиваю, — проговорил Виктор. — Если вы отказываетесь отвечать, значит у вас сложилось определенное мнение, которое вы почему-то не считаете нужным нам сообщить.

— Пусть разбирается правосудие! — повторил Жером.

Вечером Максим д'Отрей попытался разбить голову о стену камеры. Ему пришлось надеть смирительную рубашку. Он вопил:

— Мерзавка! Чертовка! Это из-за нее я здесь... Ах, змея!..

2

— Что касается барона, то он уже дошел до точки, — сказал Молеон Виктору. — Через пару дней он признается. Письмо Элизы Масон совсем его доконало.

— Без сомнения, — согласился Виктор. — А через трех русских бандитов вы выйдете на Люпена. — Последние слова он произнес крайне небрежно, но так как Молеон молчал, то он продолжил: — О нем нет никаких новостей?

Однако хотя Молеон и утверждал, будто работает в открытую, он отнюдь не собирался делиться своими планами.

«Прохвост, — подумал Виктор, — не доверяет».

Отныне они следили друг за другом, оба настороженные, ревнивые, как свойственно людям, поставившим на карту собственную репутацию и уверенным, что один может лишить другого всех результатов его работы.

Вместе они провели целый день в Гарше, беседуя с супругами обоих подозреваемых.

К своему великому удивлению, Виктор нашел Габриэль д'Отрей совершенно спокойной и уверенной в себе, чего он никак не ожидал. Неужели эту женщину, соблюдавшую все ре-

лигиозные правила и регулярно посещавшую церковь, поддерживала вера? Похоже, следствие лишь обострило ее чувство сострадания к мужу. Она больше не пряталась. Отослав служанку, она сама, с гордо поднятой головой, ходила за покупками, не стесняясь своих уже пожелтевших синяков, оставленных кулаками неожиданно набросившегося на нее барона.

— Он невиновен, господин комиссар, — неустанно повторяла она. — Приходится признать, что эта гадкая женщина втянула его в свои интриги. Но он любит меня, очень любит… Да-да, я точно знаю… Возможно, даже больше, чем раньше.

Своим проницательным взором Виктор внимательно изучал мадам д'Отрей. Лицо баронессы отражало обуревавшие ее чувства — гордость, торжество, верность, нежность к мужу, виновному в каких-то мелочах, но по-прежнему остававшимся спутником ее жизни.

Анриетта Жером тоже повела себя неожиданно. Она возмущалась, яростно вскрикивала, произносила гневные тирады и громко бранилась:

— Гюстав? Да он сама доброта, сама искренность! Это исключительная натура. И потом, я-то знаю, что он всю ночь был со мной! Да, сна-

чала я говорила другое, но исключительно из ревности…

Которая из женщин лгала? А может, обе говорили правду? Виктор, наблюдательный и обожавший свою работу, заметно продвинулся в собственном расследовании; постепенно он начал вычленять кусочки истины, вокруг которых сами собой выстраивались факты. Наконец он решил отправиться в квартиру на улицу Вожирар, причем непременно в одиночку, потому что тамошние поиски могли привести Молеона к Александре и Люпену. Вдобавок именно убийство Элизы Масон было пока окутано непроницаемой мглой.

Дверь охраняли два полицейских агента. Едва он вошел в квартиру, как сразу увидел Молеона, шарившего в шкафу.

— О, вот и вы, — покровительственно воскликнул комиссар. — Ведь это ваша идея, что здесь можно что-нибудь выудить, а? Кстати, один из моих инспекторов утверждает, что в день убийства, когда мы оба пришли сюда, здесь лежала примерно дюжина любительских фотографий. И уверяет, что видел, как вы их разглядывали.

— Он ошибается, — небрежно бросил Виктор.

— И еще. Элиза Масон носила дома оранжевую

с зеленым косынку, которой, я уверен, ее и задушили. Вы ее, случайно, не видели?

Он устремил взгляд на Виктора, но тот с прежним равнодушием ответил:

— Нет, не видел.

— А когда несколькими часами раньше вы пришли к Элизе Масон вместе с бароном, на ней была эта косынка?

— Не заметил. А что говорит барон?

— Ничего, — проворчал комиссар. — Странно, однако…

— Что — странно?

— Вы, случаем, не отыскали какую-нибудь подружку Элизы Масон?

— Подружку?

— Мне говорили о некой мадемуазель Арманде Дютрек. Вы ее знаете?

— Не знаю.

— Один из моих людей нашел ее. Она ответила, что ее уже допрашивал какой-то тип из полиции. Я решил, что это вы.

— Не я…

Присутствие Виктора совершенно очевидно раздражало Молеона. Но поскольку инспектор никак не уходил, комиссар произнес:

— Мне обещали доставить ее сюда с минуты

на минуту.

— Кого?

— Мадемуазель… Слышите шаги? Это они…

Внешне Виктор оставался невозмутимым, но вот внутри… Неужели маневр скрыть от коллег интересующую его часть дела не удался? И Молеону повезет установить личность дамы из кинотеатра «Сине-Бальтазар»?

Если бы, когда открылась дверь, Молеон следил за Виктором, а не устремил взор на молодую женщину, для того все было бы потеряно. Но такая мысль осенила комиссара лишь позже, когда Виктор уже успел взглядом приказать Арманде молчать. Она сначала удивилась, потом задумалась, но в конце концов все поняла.

С этой минуты фортуна играла на стороне Виктора. Ответы мадемуазель звучали весьма расплывчато: «Да, конечно, я была знакома с бедняжкой Элизой. Но она никогда мне особенно не доверяла. Я толком ничего о ней не знаю; не знаю, кто приходил к ней. Оранжевая с зеленым косынка? Фотографии? Не видела».

Оба сыщика отправились в префектуру. Молеон хранил злобное молчание. Когда они пришли, Виктор веселым голосом произнес:

— Я с вами прощаюсь. Завтра я уезжаю.

— Куда?

— В провинцию… интересный след. Я возлагаю на него большие надежды.

— Забыл вам сказать, — промолвил Молеон, — начальник хотел с вами поговорить.

— О чем?

— Насчет шофера… того, кто вез д'Отрея от Северного вокзала до вокзала Сен-Лазар. Мы нашли его.

— Черт возьми! — выругался Виктор. — Могли бы и раньше меня предупредить…

3

Он быстро взбежал по лестнице, велел доложить о себе и в сопровождении нагнавшего его Молеона вошел в кабинет начальника.

— Шеф, я слышал, нашли шофера?

— Как? Разве Молеон вам не сказал? Сегодня этот человек увидел в газете фотографию д'Отрея и прочел, что полиция разыскивает шофера, который в пятницу, на следующий день после убийства, возил барона от одного вокзала к другому. Он немедленно явился к нам. Ему устроили очную ставку с д'Отреем, и он узнал барона.

— Валиду его уже допрашивал? Д'Отрей велел ехать прямо на вокзал?

— Нет.

— Значит, он выходил по дороге?

— Нет.

— Нет?

— От Северного вокзала он велел везти себя на площадь Этуаль, а оттуда на вокзал Сен-Лазар, то есть шоферу пришлось сделать бесполезный крюк.

— Нет, совсем не бесполезный, — проворчал себе под нос Виктор. И спросил: — Где этот шофер?

— Здесь, в одном из кабинетов. Так как вы говорили, что очень хотите его видеть и что спустя два часа после встречи с ним вручите нам облигации, я велел пока его не отпускать.

— С той минуты, как он пришел сюда, он с кем-нибудь разговаривал?

— Ни с кем, кроме Валиду.

— И никому не говорил о своем намерении пойти в префектуру?

— Никому.

— Как его зовут?

— Николя… Мелкий арендатор. У него только одна машина… Он на ней и приехал… Она стоит во дворе.

Виктор размышлял. Шеф, равно как и Молеон, смотрели на него с любопытством.

— Скажите же, Виктор, — наконец не выдержал Готье, — вы серьезно собираетесь сдержать свое обещание?

— Совершенно серьезно.

— И вы нам все расскажете?.. Уверены?

— Настолько, насколько можно быть уверенным, когда опираешься лишь на логику.

— Ах, так речь идет всего лишь о логических построениях?

— В полиции, шеф, все наши действия зависят от правильных умозаключений… или от случайности.

— Довольно рассуждать, Виктор. Объясните.

— Нескольких минут мне вполне хватит. — И не спеша начал: — Мы проследили за облигациями Министерства обороны от Страсбурга до дома Леско, до той ночи, когда д'Отрей положил их к себе в карман. Пока не будем говорить о том, как д'Отрей провел ту ночь. У меня есть свои соображения по этому поводу, и я, шеф, вскоре изложу их вам. Так или иначе, но утром в пятницу д'Отрей явился к своей любовнице с добычей. Чемоданы собраны. Оба беглеца отправляются на Северный вокзал, чтобы сесть в поезд, но внезапно, по пока неизвестным нам причинам, меняют свое решение и отказываются от поездки.

Пять часов двадцать пять минут. Барон отсылает любовницу вместе с багажом прочь, а сам берет такси, которое к шести часам подвозит его к вокзалу Сен-Лазар. За это время из купленной им вечерней газеты он узнает, что попал под подозрение и что, возможно, полиция уже ждет его на вокзале в Гарше. Он приехал с облигациями Министерства обороны? Нет. В этом нет никакого сомнения. Значит, между пятью часами двадцатью пятью минутами и шестью часами он сумел спрятать добычу в надежное место.

— Но авто нигде не останавливалось!

— Следовательно, он избрал один из двух возможных способов: договориться с шофером и доверить конверт ему…

— Невозможно!

— Или оставить конверт в машине.

— Невозможно!

— Почему?

— Его бы забрал первый же пассажир! Никто не оставляет миллион на сиденье автомобиля!

— Разумеется. Но миллион можно спрятать.

Комиссар Молеон расхохотался:

— Ну и фантазия у вас, Виктор!

Поразмыслив, Готье спросил:

— А как его можно спрятать?

— Распороть нижний шов сиденья… хватит буквально сантиметров десяти… засунуть туда облигации и зашить. Дело сделано!

— На это нужно время.

— Совершенно верно, шеф. Потому-то д'Отрей и сделал, как вы выразились, бесполезный крюк. И спокойно вернулся в Гарш, уверенный в сохранности своего тайника и намеревавшийся забрать облигации, когда уляжется суматоха.

— Но он же знал, что находится под подозрением.

— Да, но не знал, сколь тяжкое обвинение ему предъявят, и не представлял, что ситуация будет меняться столь стремительно.

— Значит…

— Значит, мы найдем облигации Министерства обороны в стоящем в нашем дворе автомобиле шофера Николя.

Усмехаясь, Молеон пожал плечами. Но начальник, изумленный логичным объяснением Виктора, велел привести шофера.

— Проводите нас к вашему автомобилю.

Это был старенький драндулет, поблекший, поцарапанный, наверняка принимавший участие

в битве на Марне[2].

— Завести? — спросил Николя.

— Нет, друг мой.

Виктор открыл дверцу, схватил левую подушку сиденья, перевернул ее и внимательно осмотрел.

Затем взял правую подушку.

Она была подпорота внизу по шву сантиметров на десять, а потом снова зашита черной ниткой, выделявшейся на общем темно-сером фоне подушки; стежки выглядели неровными, но прочными.

— Черт возьми, — пробормотал Готье. — Надо же…

Виктор вынул перочинный ножик, перерезал нитки и расширил отверстие.

Потом запустил в дыру пальцы и пошарил там.

Через пять-шесть секунд он заявил:

— Нашел.

И извлек маленький листок бумаги, а точнее, картона.

Из груди у него вырвался яростный вопль.

Это была визитка Арсена Люпена с надписью:

---

[2] Notes: 2

Крупное сражение на реке Марна между Германской империей и войсками Великобритании и Франции произошло в 1914 году, то есть за 19 лет до событий в романе.

Примите мои извинения и наилучшие пожелания.

Молеон согнулся пополам в приступе хохота, а когда немного успокоился, произнес насмешливым тоном:

— Господи, до чего забавно! Старый трюк нашего приятеля Люпена! Он появился снова и теперь дает знать о себе. Да уж, Виктор, повезло так повезло! Надо же — заполучить кусочек картона вместо девяти билетов по сто тысяч франков каждый! Давно я так не смеялся! Виктор из специальной бригады уголовной полиции, вы потешны с вашими навязчивыми идеями.

— Я с вами не согласен, Молеон, — возразил Готье. — События, напротив, показывают, что Виктор обладает поразительной проницательностью и интуицией, и я уверен, что публика думает так же.

Виктор на удивление спокойно ответил:

— События показывают, шеф, что этот Люпен крепкий орешек. Если я и впрямь обладаю «поразительной проницательностью и интуицией», то он намного превосходит меня, ибо предупредил мой шаг, хотя в его распоряжении, в отличие от меня, не было всех возможностей полиции!

— Надеюсь, вы не отказываетесь от дела?

Виктор улыбнулся:

— Понадобится недели две или чуть больше, шеф. Поторопитесь, комиссар Молеон, если не хотите оказаться в хвосте событий.

Он щелкнул каблуками, отсалютовал по-военному, развернулся и с напыщенным видом ушел своей пружинистой походкой.

Виктор пообедал дома и мирно проспал всю ночь.

Утренние газеты взахлеб, с мельчайшими подробностями, явно сообщенными Молеоном, рассказывали о вчерашнем открытии и в основном разделяли мнение начальника уголовной полиции о поистине выдающихся способностях Виктора из специальной бригады.

Но с другой стороны, как и предвидел Виктор, газетчики рассыпались в похвалах Арсену Люпену! Во множестве заметок пелись дифирамбы его наблюдательности и изобретательности! Непостижимому воображению знаменитого авантюриста! Новому трюку великого мистификатора!

— Пойте, пойте, — ворчал Виктор, читая измышления журналистов, — достанем мы вашего Люпена.

В конце дня стало известно о самоубийстве барона д'Отрея. Исчезновение облигаций — богатства, которым он надеялся насладиться, компенсируя свои нынешние страдания, — добило его окончательно. Лежа на койке лицом к стене, он осколком стекла аккуратно перерезал себе вены на запястье и ушел из жизни неспешно и без единой жалобы.

В сущности, это и было долгожданное признание. Но разве оно проливало свет на убийства в доме Леско и на улице Вожирар?

Однако едва ли публика задавалась таким вопросом. Теперь весь ее интерес сосредоточился на Арсене Люпене: удастся ли ему избежать ловушек, расставленных Виктором из специальной бригады уголовной полиции?

Виктор сел в автомобиль, отправился в Булонский лес, снял свою узкую в талии венгерку, надел элегантный, но скромный костюм перуанца Маркоса Ависто и вернулся в свой номер в отеле «Кембридж».

Облаченный в смокинг безупречного покроя и с бутоньеркой в петлице, он спустился пообедать в ресторан.

Княгини Александры там не оказалось. Не было ее и в холле.

Но когда часам к шести он вернулся к себе в номер, раздался телефонный звонок.

— Господин Маркос Ависто? Это княгиня Александра Васильева. Если у вас нет более интересного занятия и вы не боитесь скуки, заходите ко мне поболтать. Буду очень рада вас видеть.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Глава 7
Сообщники

1

Виктор потирал руки.

«Готово! Клюнула! Неужели я встречу взволнованную женщину, напуганную, жаждущую помощи и готовую мне довериться? Сомневаюсь. Мы всего лишь на втором этапе пути, впереди еще третий, а возможно, и четвертый, и лишь тогда я достигну своей цели. Но это не важно! Главное, она захотела со мной встретиться. А в остальном поживем — увидим».

Он посмотрелся в зеркало, поправил галстук и вздохнул:

— Какая жалость!.. Старик шестидесяти лет… Правда, взгляд живой, спина прямая. Но ведь шестьдесят лет…

Он выглянул в коридор, а потом двинулся к номеру княгини. Дверь была приоткрыта. Он вошел.

Маленькая прихожая, затем будуар.

На пороге, ожидая его, стояла Александра.

Улыбаясь, она протянула ему руку, словно при-

нимала у себя в гостиной знатного гостя.

— Благодарю, что пришли, — проговорила она, жестом предлагая ему сесть.

Пеньюар белого шелка оставлял обнаженными руки и ее прекрасные плечи. Лицо без малейшего выражения высокомерия и безразличия, какое обычно она приберегала для публики. Надменность и рассеянная небрежность исчезли, она буквально излучала желание нравиться и дружеское расположение. Взгляд ее был до крайности приветлив, — так смотрит женщина, готовая немедленно причислить вас к самым близким друзьям.

Будуар ничем не отличался от аналогичных помещений больших отелей. Тем не менее в нем царила атмосфера изысканной роскоши, создаваемая приглушенным светом, дорогими безделушками, несколькими книгами в роскошных переплетах и мягким запахом заграничного табака. На маленьком одноногом столике лежали газеты.

— Мне немного неловко, — произнесла она с невинным видом.

— Неловко?

— Я вас пригласила, но толком даже не знаю почему…

— А я знаю, — ответил он.

— И почему же?

— Вы скучаете.

— Вы правы, — согласилась она. — Но скука, о которой вы говорите, составляет несчастье всей моей жизни, и ее трудно развеять простой беседой.

— Такую скуку можно победить лишь действиями, сопряженными с опасностями и риском.

— То есть вы не можете мне помочь?

— Могу.

— Каким образом?

— Мне под силу подвергнуть вас самым невероятным опасностям, устроить катастрофы и вызвать бури, — шутливо произнес он. И, придвинувшись к ней поближе, продолжил уже вполне серьезным тоном: — Но стоит ли? Когда я думаю о вас, а я часто о вас думаю, то задаюсь вопросом, не является ли вся ваша жизнь и без того сплошной чередой опасностей?

Ему показалось, что она немного смутилась.

— Что навело вас на такие мысли?

— Дайте мне вашу руку… — Она протянула ему руку. Склонившись к ней, он долго рассматривал ладонь, а потом произнес: — Так я и думал. Вы кажетесь загадочной, но на самом деле ваша

натура проста и понятна, и сейчас я только что нашел подтверждение тому, что узнал, наблюдая за вами; нашел я его в безыскусных линиях вашей руки. В вас странным образом сочетаются дерзость и слабость, постоянный поиск опасностей и потребность в покровительстве. Вы любите одиночество, но бывают моменты, когда оно пугает вас, и тогда вы взываете к любому, кто, как вам кажется, сможет защитить вас от кошмаров, созданных вашим воображением. Вам надо властвовать — и вы нуждаетесь в повелителе. Вы сотканы из подчинения и гордыни; в годину испытаний вы сильны, но теряетесь, когда на вас наползают скука и рутина, тоска и монотонность повседневной жизни. В вас противоречиво буквально все: ваше спокойствие и ваша горячность, ваш ясный ум и ваши необузданные инстинкты, ваша холодность и ваша чувственность, ваше желание любви и ваше стремление к независимости. — Он выпустил ее руку. — Я ведь не ошибся, правда? Вы именно такая, какой я вас вижу?

Княгиня опустила глаза, стесняясь его острого взгляда, столь глубоко проникшего в ее душу. Закурив сигарету, она встала и, сменив тему беседы, указала ему на газеты:

— А что вы скажете об этой истории с облига-

циями?

По ее тону он понял, что именно об этом она и хотела поговорить.

Первый намек на рискованное предприятие, которое действительно занимало мысли и заботило их обоих! И до чего осторожно, сдерживая дрожь нетерпения, следовал за этим ее намеком Виктор!

Столь же небрежным, как и у нее, тоном он ответил:

— Темная история…

— Очень темная, — согласилась она. — Однако вот тут приводят новые факты. Например, самоубийство барона д'Отрея, в сущности, является его признанием.

— Вы в этом уверены? Он покончил с собой, потому что любовница его предала и он потерял надежду вернуть деньги, попавшие к нему волею случая. Но неужели это он убил папашу Леско?

— А кто же его убил?

— Сообщник.

— Какой сообщник?

— Человек, выбежавший за дверь, который вполне мог быть как Гюставом Жеромом, так и любовником той женщины, которая спаслась через окно.

— Любовником той женщины?

— Да, Арсеном Люпеном…

— Но Арсен Люпен не убивает, — возразила она.

— Он мог убить случайно… чтобы спастись.

Несмотря на предпринимаемые каждым усилия взять верх над собеседником, разговор, начавшийся в спокойной тональности, постепенно приобретал драматическое звучание, и Виктор этим наслаждался. На нее он не смотрел, но догадывался, что она вся дрожит, и, когда она задала следующий вопрос, услышал в ее голосе неподдельный интерес:

— А что вы думаете о женщине, которая могла бы быть любовницей Арсена Люпена?

— О даме из кинотеатра?

— Вы уверены, что дама в кинотеатре и в доме Леско — это один и тот же человек?

— Абсолютно!

— И что именно ее видели на лестнице в доме на улице Вожирар?

— Конечно.

— Значит, вы полагаете?..

Она оборвала фразу. Ей, видимо, тяжко было произнести то, что неизбежно из этого следовало. Виктор пришел ей на помощь:

— Значит, есть основания предполагать, что она убила Элизу Масон.

Виктор говорил так, словно всего лишь выдвигал гипотезу, но его слова повисли в тишине. Тогда тем же небрежным тоном он продолжил:

— Вообще-то, я плохо представляю себе ту женщину… Она удивляет меня своей неловкостью. Скорее всего, она дебютантка… К тому же глупо убивать просто так, без причины… Я бы еще понял, если бы она убила ради того, чтобы украсть облигации Министерства обороны. Однако у Элизы Масон их не было. Таким образом, преступление становится бессмысленным и бесполезным. Так что, честно говоря, эта дама не слишком мне интересна…

— Тогда кто же вас интересует в этом деле?

— Двое мужчин. Настоящих мужчин, а не таких, как д'Отрей, Жером или полицейский Молеон. Нет. Двое уверенных в себе мужчин, которые идут своим путем, не совершая глупых ошибок и не действуя нахрапом… Путем, в конце которого они встретятся: Люпен и Виктор.

— Люпен?..

— О, он истинный виртуоз. Способ, с помощью которого он после неудачи на улице Вожирар сумел отыскать облигации Министерства обороны,

просто великолепен. Но Виктор отличается не меньшей сообразительностью, ибо он тоже догадался, что тайник следует искать в автомобиле.

— Вы считаете, что этого человека можно сравнить с Люпеном? — проговорила она.

— Думаю, да. Говорю это совершенно искренне. Благодаря газетам я уже имел возможность на примере нескольких дел наблюдать его работу. Никогда еще Люпену не приходилось отражать такие неожиданные, упорные и яростные атаки. Виктор не оставит его в покое.

— Вы так думаете? — вполголоса спросила она.

— Да. Он наверняка уже обогнал всех полицейских, занятых в расследовании этого дела. И вышел на след.

— И комиссар Молеон тоже?

— Да. Дела Люпена плохи. Его заманят в ловушку.

Она молчала, сложив руки на коленях. Наконец, попытавшись улыбнуться, она произнесла:

— Было бы очень жаль.

— Верно, — ответил он. — Вижу, он очаровал вас, как и всех остальных женщин.

— Каждый, кто обладает сильным характером, привлекает меня, — тихо сказала княгиня. — Люпен… Другие, похожие на него… Они наверняка

способны на яркие эмоции…

— Нет, что вы, — со смехом воскликнул он, — не стоит так думать! В подобных делах нельзя давать волю эмоциям… Эти люди столь же хладнокровны, как любой добрый буржуа, каждый вечер играющий в карты по маленькой. Конечно, бывают и тревожные моменты, но они редки. В основном все проходит тихо. Вот, например, недавно мне сообщили… — Он внезапно осекся, встал и собрался уходить. — Простите мою болтливость… Я и так отнял у вас массу времени…

Поддавшись любопытству, она удержала его:

— И что же вам сообщили?

— Да так, ничего…

— Все же расскажите мне…

— Уверяю вас, ничего особенного… Речь об одном несчастном браслете… Судя по всему, мне нужно лишь прийти и забрать его… Никаких волнений… Простая прогулка.

И он взялся было за ручку двери. Но Александра остановила его, схватив за руку. Он обернулся; с горящими глазами, решительно выпрямившись, демонстрируя всем своим видом, что не потерпит отказа, она спросила:

— И когда вы идете на эту прогулку?

— А вы хотите пойти со мной?

— Да, хочу… Мне так скучно!

— Думаете, это вас развлечет?

— Посмотрим… Надо попробовать…

— Тогда послезавтра, в десять часов, на улице Риволи, в сквере Сен-Жак, — произнес он.

И, не дожидаясь ответа, вышел из номера.

2

Она появилась точно в назначенное время. Увидев княгиню еще издалека, Виктор произнес сквозь зубы:

— Вот, крошка, ты и попалась. Как от ниточки к иголочке, я доберусь от тебя до твоего любовника.

Княгиня выглядела на удивление молодо и весело; она то ли рвалась в бой, то ли радовалась предстоящей увеселительной прогулке. Молодая женщина полностью преобразилась, даже оделась не так, как обычно. Узкое серое платье, не слишком длинное, скромная шляпка, полностью скрывшая волосы… Ничего, что могло бы привлечь внимание. Она отказалась и от своей аристократической походки, а ее ослепительная красота внезапно стала совсем неброской, словно спряталась под вуаль.

— Решились? — спросил Виктор.

— Решилась убежать от самой себя.

— Тогда я вам кое-что объясню.

— А это необходимо?

— Надо же мне успокоить вашу щепетильность.

— У меня ее нет, — весело ответила она. — Мы же всего-навсего идем на прогулку, разве не так? Чтобы забрать… я уже забыла что.

— Совершенно верно. Прогуливаясь, мы нанесем визит одному славному малому, который занимается малопочтенным ремеслом скупщика… Позавчера ему передали украденный браслет, и он хочет его продать.

— Но вы, однако, не собираетесь его покупать?

— Разумеется, нет. Впрочем, скупщик будет спать… Этот субъект очень педантичен. Он завтракает в ресторане, возвращается домой, а потом на два или три часа устраивает себе сиесту. Спит сном младенца. Из пушки не разбудишь. Сами видите, визит не представляет никакого риска.

— Тем хуже для вашего сони. Где он живет?

— Идемте.

Они вышли из сквера. Пройдя шагов сто, он предложил ей сесть в его автомобиль, поставленный возле тротуара так, чтобы Александра не смогла разглядеть номер.

Они поехали по улице Риволи, повернули налево и очутились в лабиринте улочек, где он превосходно ориентировался. Машина была такой низкой, что увидеть названия улиц было невозможно.

— Вы мне не доверяете, — произнесла она, — не хотите, чтобы я знала, куда вы меня везете. Этот скверный квартал мне незнаком.

— Это не скверный квартал, а волшебный лес, и я везу вас по чудесным дорогам в зачарованный замок.

— Никакой вы не перуанец, — улыбнулась она.

— Конечно нет!

— Француз?

— С Монмартра.

— Кто вы?

— Шофер княгини Васильевой.

Автомобиль остановился перед аркой ворот. Они вышли и направились в просторный, вымощенный камнем внутренний двор, где посередине росла небольшая купа деревьев, а по бокам высились старые дома. Каждая лестница в доме имела буквенное обозначение. Лестница А… Лестница Б…

Они поднялись по лестнице Е. Шаги по каменным ступеням гулко звучали в тишине. Им никто

не встретился. На каждом этаже — только одна дверь. Повсеместное запустение.

На последнем, шестом этаже с очень низким потолком Виктор вытащил из кармана связку отмычек и листок с планом квартиры, на котором показал своей спутнице расположение четырех маленьких комнаток.

Без труда и совершенно бесшумно он открыл замок.

— Не боитесь? — шепотом спросил он.

Александра пожала плечами. Однако она больше не смеялась, а ее лицо заметно побледнело.

Прихожая с двумя закрытыми дверями напротив.

— Он спит здесь, — прошептал Виктор, указывая на правую.

Шагнув в дверь слева, похитители оказались в комнатушке с четырьмя стульями и секретером, отделенной от другой комнатки узким проемом, скрытым занавеской.

Слегка сдвинув ее в сторону, Виктор глянул внутрь и знаком предложил молодой женщине последовать его примеру.

В зеркале на противоположной стене отражался диван, на котором лежал мужчина; лица его видно не было. Виктор наклонился к своей даме

и шепнул ей на ухо:

— Оставайтесь здесь. Если он пошевелится, дайте мне знать.

И тихонько сжал ее руку, холодную как лед. Взгляд княгини, направленный на спящего, лихорадочно блестел.

Виктор подошел к секретеру и ловко открыл его. Перед ним предстало несколько ящичков. Порывшись в них, он быстро обнаружил браслет, завернутый в шелковую ткань.

В этот момент неподалеку раздался легкий шум, словно что-то упало на пол.

Александра отпустила занавеску. Она с трудом держалась на ногах. Когда Виктор подошел к ней, она, стуча зубами, прошептала:

— Он… пошевелился… просыпается…

Сунув руку в карман, Виктор вытащил револьвер. Она вцепилась в его рукав.

— Вы с ума сошли! — простонала она. — Нет, ни в коем случае!

Он закрыл ей рот ладонью:

— Замолчите… слушайте…

Они прислушались. В квартире по-прежнему стояла тишина, нарушаемая только мерным дыханием спящего.

Виктор повлек свою спутницу к выходу. Они

отступали медленно, шаг за шагом и наконец закрыли за собой дверь квартиры, в которой пробыли не более пяти минут.

На лестничной площадке княгиня глубоко вздохнула и, выпрямившись во весь свой высокий рост, спокойно и уверенно спустилась по лестнице.

Но когда она села в машину, лицо ее исказилось, руки задрожали, и ему показалось, что она вот-вот заплачет. Однако женщина лишь нервно рассмеялась; смех, похоже, принес ей облегчение, потому что при виде браслета она невозмутимо произнесла:

— Очень красивый… Великолепные бриллианты… Отличная добыча, поздравляю!

Тон ею был взят ироничный. Внезапно Виктор ощутил, что она словно отдалилась от него, замкнулась в себе, стала держаться с ним едва ли не враждебно. Знаком она попросила его остановиться и без слов вышла. Рядом находилась стоянка такси. Она села в машину и уехала.

Он вернулся в тот же старый квартал, снова пересек просторный двор, поднялся по лестнице Е и на шестом этаже позвонил в дверь.

Открыл его друг Лармон.

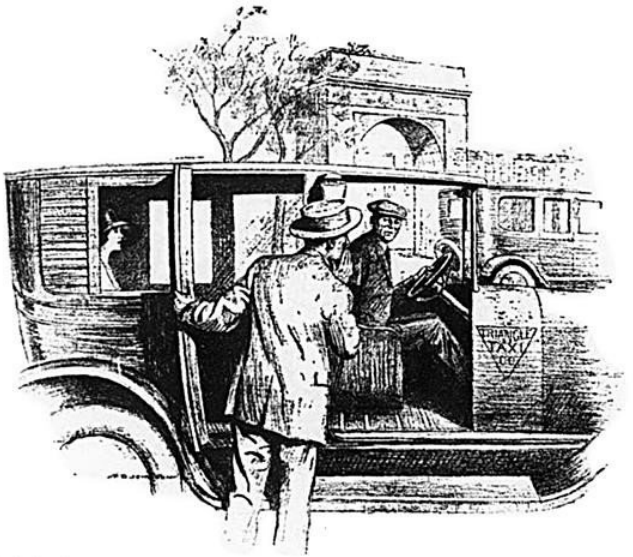
— Отлично сыграно, Лармон, — весело сообщил

ему Виктор. — Ты убедительно спишь, а твоя квартирка очень подошла для моей маленькой мизансцены. Но что это там упало?

— Мои очки.

— Еще немного, и мне пришлось бы послать тебе пулю в голову! Однако эта перспектива испугала даму. Она буквально набросилась на меня, рискуя тебя разбудить.

— Значит, она против убийства?



— Если, конечно, ее не мучают воспоминания об улице Вожирар; возможно, той истории ей хватило сполна.

— Ты так считаешь?

— Я никак не считаю, — ответил Виктор. — То, что я пока распознал в ней, все еще не позволяет мне сделать окончательный вывод. Однако теперь мы сообщники, как я и хотел. Приведя ее сюда, я приблизился к цели. И я должен был предложить или пообещать ей часть добычи. Я намеревался так и сделать… Но не смог. Представить княгиню убийцей — еще куда ни шло. А вот воровкой… Нет, не верится… Да, держи браслет и поблагодари ювелира, согласившегося одолжить его тебе.

— Ну и выдумщик же ты! — хохотнул Лармон.

— Приходится выкручиваться. С таким типом, как Люпен, надо использовать особые методы.

Перед обедом Лармон позвонил Виктору в отель «Кембридж».

— Остерегайся… Похоже, Молеон раскопал, где прячется англичанин… Готовится какая-то операция… Буду держать тебя в курсе.

3

Виктор встревожился. Выбранный им путь требовал осторожности, инспектор продвигался вперед медленно, шаг за шагом, чтобы не спугнуть банду. Молеон же, напротив, не любил

церемониться: стоило ему обнаружить след, как он немедленно обрушивался на врага. А если англичанина схватят, то Люпен окажется в опасности, Александра будет скомпрометирована, и дело уплывет из рук Виктора.

В томительном ожидании прошло двое суток. В газетах — ни намека на операцию, о которой сообщил Лармон. Впрочем, тот позвонил опять и сказал, что, хотя он и не узнал ничего нового, некоторые детали убедили его в правильности сделанного им вывода.

Англичанин Бемиш по-прежнему не покидал номер: он вроде бы сильно вывихнул ногу.

Княгиня Васильева появилась в холле всего один раз, после обеда. Она курила и просматривала иллюстрированные журналы. Сменив место, она снова не здоровалась с Виктором, который, впрочем, также наблюдал за ней лишь украдкой.

Она вела себя совершенно спокойно. Но зачем она пришла, зная, что здесь будет Виктор? Неужели для того, чтобы дать ему понять, что даже если она и не здоровается и не говорит с ним, она все равно готова возобновить общение? Конечно, Александра не догадывалась, что события вокруг нее разворачиваются все стремительнее, тем не менее женская интуиция должна была бы под-

сказать ей, что опасность, грозящая не только ей, но и ее любимому человеку, неумолимо приближается. Какая сила удерживала ее в этом отеле? И что заставляло оставаться здесь англичанина Бемиша? Почему они оба не попытались найти более безопасное пристанище? А главное, почему они не отдалились друг от друга?

Неужели она ожидала того незнакомца, которого Виктор однажды вечером заметил в обществе англичанина и который, без сомнения, являлся не кем иным, как Арсеном Люпеном?..

Он уже готов был подойти к ней и сказать: «Уезжайте. Положение серьезное».

Но что, если в ответ она спросит: «Серьезное — для кого? Чего мне бояться? В чем может быть замешана княгиня Васильева? Англичанин Бемиш? Я такого не знаю».

И Виктор выжидал. Он тоже не покидал отель, который в любом случае станет полем решающей битвы… если, конечно, враги не решат отступить или комиссар Молеон не доберется до них первым. Инспектор размышлял. Он так и сяк прокручивал в голове дело, пытаясь проверить правильность своих решений и сопоставляя их с тем, что уже знал об Александре, о ее поведении и характере.

Позавтракав у себя в номере, он снова погрузился в раздумья. А затем вышел на балкон… И, перегнувшись через перила, заметил своего коллегу из префектуры. Навстречу ему шел еще один агент. Оба молча сели на скамейку напротив «Кембриджа» и принялись безмолвно наблюдать за входом в отель. Два других инспектора встали на другой стороне улицы, еще двое разместились чуть подальше. Всего шестеро. Операция началась.

Перед Виктором была дилемма. Что делать? Вновь стать Виктором из специальной бригады уголовной полиции, задержать англичанина и через него попытаться выйти на Арсена Люпена? Но в этом случае будет изобличена и Александра. Или же…

— Или что? — вполголоса спросил он себя. — Не взять сторону Молеона равносильно тому, чтобы встать на сторону Александры и бороться против комиссара. А зачем это мне? Чтобы самому выиграть дело и самому арестовать Арсена Люпена?..

Бывают моменты, когда лучше не думать, а довериться своему инстинкту, не зная заранее, куда он вас заведет. Главное, оказаться в центре событий и сохранять свободу действий, следуя за перипетиями борьбы. Снова поглядев вниз,

он увидел инспектора Лармона, вывернувшего с соседней улицы и фланирующим шагом направившегося к отелю.

Зачем он пришел?

Минуя скамейку, где сидели его коллеги, Лармон бросил в их сторону беглый взгляд. И все трое едва заметно кивнули друг другу.

Затем Лармон вальяжной походкой пересек улицу и вошел в отель.

Виктор торопливо спустился в холл.

Приближался час вечернего чая. В холле и в широких коридорах становилось все многолюднее, и Виктор, не привлекая к себе внимания, сумел поговорить с Лармоном.

— Итак?

— Отель окружен.

— Что это значит?

— Они уверены, что после той истории в баре англичанин скрывается именно здесь.

— Княгиня?

— О ней речь не идет.

— Люпен?

— О нем тоже.

— Да, до нового приказа. А ты пришел меня предупредить?

— Я на службе.

— Ого!

— Им не хватало человека. А я оказался под рукой. И Молеон направил меня сюда.

— Он тоже здесь?

— Да, вон он, разговаривает с портье.

— Черт, дело движется!

— Нас тут двенадцать. Тебе надо сматываться, Виктор. Время еще есть.

— Ты с ума сошел!

— Тебя станут допрашивать… А если тебя узнают?

— И что? Инспектор Виктор замаскировался под перуанца и исполняет свои обязанности в отеле, где полиция ведет расследование. Обо мне не беспокойся. Лучше ступай к комиссару, чтобы быть в курсе дела…

Лармон поспешно присоединился к Молеону, и они вместе с бригадиром зашли в дирекцию.

Через три минуты Лармон появился снова и, сделав крюк, приблизился к Виктору:

— Они изучают список постояльцев. Ищут одиноких англичан и вообще всех иностранцев.

— Зачем?

— Имя сообщника Люпена неизвестно, поэтому нет полной уверенности, что он англичанин.

— А дальше они что намерены делать?

— Будут вызывать их всех по очереди или сами пойдут по номерам проверять документы. Тебя, наверное, тоже допросят.

— Мои бумаги в порядке… Пожалуй, даже чересчур в порядке. А если кто-нибудь захочет выйти из отеля?

— На улице караулят шестеро инспекторов. Подозрительных отведут в дирекцию. Один инспектор прослушивает телефонные разговоры. Все делается тихо, без лишней огласки.

— А ты?

— Сзади есть служебный вход, ведущий на улицу Понтье, им пользуются поставщики и персонал, но иногда и клиенты отеля. Вот мне и поручено наблюдать за ним и не выпускать никого до шести вечера без разрешения Молеона, написанного на карточке отеля.

— Ясно.

— Что ты намерен делать?

— Черт его знает!

Они расстались.

Виктор сел в лифт. Он уже принял решение и был настроен решительно.

«Да, только так, — думал он, — и никак иначе. Пока все складывается в мою пользу. Но надо поторопиться. У меня не больше пятнадцати-два-

дцати минут…»

Дверь в номер Александры открылась, и молодая женщина появилась на пороге, одетая так, словно собиралась спуститься к вечернему чаю.

Подскочив к ней, он схватил ее за плечи, развернул и втолкнул в комнату.

От неожиданности она растерялась:

— Что происходит?

— Отель окружен полицией. Постояльцев будут обыскивать…

Глава 8
Великая битва в отеле «Кембридж»

1

Отступая, Александра не переставала сопротивляться натиску сжавших ее плечи рук. Войдя в прихожую, Виктор закрыл за собой дверь.

— Это отвратительно! — тотчас воскликнула она. — По какому праву?..

— Отель окружен полицией, — отчетливо повторил он.

Последовал ответ, которого он и ожидал:

— И что с того? Мне это безразлично.

— Ищут постояльцев-англичан… Их намерены допросить…

— Княгини Васильевой это не касается.

— Среди англичан есть некий мистер Бемиш.

Ее ресницы слегка дрогнули, но она уверенно заявила:

— Я не знаю никакого мистера Бемиша.

— А что, если это англичанин, живущий на нашем этаже… в номере триста тридцать семь?

— Я его не знаю.

— Нет, знаете.

— Вы за мной шпионите?

— Время от времени, чтобы, вот как сейчас, прийти вам на помощь.

— Я не нуждаюсь в помощи. Особенно…

— Особенно в моей, хотите вы сказать?

— В ничьей.

— Умоляю, не заставляйте меня терять время на ненужные объяснения. У нас и так его мало! Не более десяти минут… Полагаю, что через десять минут или чуть позже в номер мистера Бемиша войдут два инспектора и попросят его спуститься в дирекцию, где он лицом к лицу встретится с комиссаром Молеоном.

Она попыталась улыбнуться:

— Мне жаль мистера Бемиша. В чем его обвиняют?

— В том, что он один из двух беглецов из бара на улице Марбеф. Вторым был Арсен Люпен.

— Да, плохо его дело, — невозмутимо произнесла она. — Если вам так симпатичен этот человек, так позвоните ему и предупредите… Он сам решит, как поступить.

— Телефонные разговоры прослушиваются.

— Знаете что, — сердито воскликнула Александра, — как хотите, так с ним и разбирайтесь!

В голосе молодой женщины прозвучало вы-

сокомерие, столь раздражавшее Виктора. И он сухо ответил:

— Мадам, вы явно не понимаете, что происходит. Минут через восемь-десять в дверь Бемиша постучат двое инспекторов: один сопроводит его в дирекцию, а другой обыщет номер.

— Тем хуже для мистера Бемиша.

— И возможно, для вас.

— Для меня?

Княгиня вздрогнула. Возмущение? Гнев? Тревога?

Взяв себя в руки, она повторила:

— Для меня? И где же связь между этим человеком и мной? Среди моих друзей его нет.

— Тем не менее он действует в согласии с вами. Прошу вас, не отрицайте. Я знаю… знаю гораздо больше, чем вы думаете… В тот день, когда вы смирились с потерей вашей заколки и протянули мне руку дружбы, я захотел узнать, почему вы так поступили.

— Вы считаете, это потому, что я сама совершила кражу?

— Во всяком случае, те, кто совершает такого рода поступки, вызывают у вас интерес. Однажды вечером я заметил, как вы разговаривали с этим англичанином.

— И это все?

— С тех пор я успел побывать в его номере и нашел там…

— Что вы нашли?

— Одну вещь, которая указала мне на вас.

— Что же это? — встревоженно спросила она.

— Вещицу, которую вот-вот обнаружит полиция.

— Да говорите же!

— В шкафу месье Бемиша… уточним: в стопке сорочек… найдут оранжевую с зеленым косынку.

— Что? Что вы такое говорите?!

— Шелковая косынка, оранжевая с зеленым, косынка, которой задушили Элизу Масон. Я ее видел… Она по-прежнему там, в шкафу англичанина…

Сопротивление княгини Васильевой было сломлено. Едва держась на ногах и дрожа, она, запинаясь, проговорила:

— Это неправда… этого не может быть!

— Я ее видел, — неумолимо продолжал он. — Ту самую косынку, которую ищет полиция. Вы же читали газеты… Это косынка, которую Элиза Масон всегда носила на шее дома. Обнаруженная у англичанина, она, без сомнения, станет доказательством его причастности к преступлению на

улице Вожирар и участию в деле Арсена Люпена. А если найдут косынку, то наверняка обнаружат и доказательства причастности к убийству его сообщницы… Той самой женщины.

— Какой женщины? — дрожа, спросила она.

— Той, которую видели на лестнице дома Элизы в час, когда было совершено преступление… Той, которая убила…

Она бросилась к Виктору и в яростном порыве, заключавшем в себе одновременно и признание, и протест, воскликнула:

— Она не убивала!.. Я утверждаю, что эта женщина не убивала… Ей отвратительно убийство! Отвратительны кровь и смерть!.. Она не убивала!..

— Тогда кто же убил?

Княгиня не ответила. Ее чувства сменялись с головокружительной скоростью. Неистовый пыл внезапно уступил место подавленности. Слабым, едва слышным голосом она прошептала:

— Все это не имеет никакого значения. Думайте обо мне, что хотите. Мне это безразлично. Все оборачивается против меня. Зачем Бемиш сохранил косынку? Была договоренность, что он непременно избавится от нее. Теперь все кончено… я пропала.

— Почему? Уезжайте. Ничто не мешает вам уехать.

— Нет, — ответила она, — у меня нет сил.

— Тогда помогите мне.

— Чем?

— Предупредите его.

— Как?

— Я беру это на себя.

— У вас ничего не выйдет.

— Выйдет.

— Вы заберете платок?

— Да.

— А что станет с Бемишем?

— Я дам ему возможность бежать.

Когда она шагнула к нему, Виктор окинул ее внимательным взглядом. Она вновь обрела бесстрашие, взор ее смягчился, а на губах заиграла улыбка, и хотя мужчина, стоявший перед ней, был уже немолод, она точно знала, что имеет над ним власть. Иначе как объяснить ту безусловную преданность, которую он выказывал ей? Почему рисковал собой ради ее спасения?

Впрочем, и она не осталась равнодушной к его спокойному взгляду и суровому облику.

Александра протянула ему руку:

— Поторопитесь, мне страшно.

— Страшно за него?

— Я не сомневаюсь в его верности. Больше мне сказать нечего.

— Он меня послушается?

— Да… он тоже боится…

— Но он относится ко мне с недоверием?

— Нет, не думаю.

— Он откроет мне дверь?

— Постучите дважды, каждый раз по три удара.

— У вас нет еще какого-нибудь условного знака?

— Нет. Условного стука достаточно.

Он сделал шаг к двери, но она остановила его:

— Что мне делать? Уезжать?

— Оставайтесь здесь. Когда тревога уляжется, а это случится примерно через час, я вернусь и мы поговорим.

— А если вы не сможете вернуться?

— Тогда увидимся в пятницу, в три часа дня, в сквере возле башни Сен-Жак. — И, поразмыслив, добавил: — Итак, вроде бы все предусмотрено. Надеюсь, я ничего не отдал на волю случая. Что ж, тогда вперед. И заклинаю: не принимайте никаких необдуманных решений.

Виктор выглянул в коридор. Обычно он пусто-

вал, но теперь по нему в разные стороны сновали постояльцы, а это свидетельствовало о том, что в отеле что-то происходит.

Немного подождав, он выскочил наружу и поспешил к номеру триста тридцать семь; оказавшись у нужной двери, он постучал условным стуком.

За дверью послышались шаги. Щелкнул замок.

Виктор толкнул дверь, увидел Бемиша и сказал ему то же, что недавно говорил княгине:

— Отель окружен полицией. Начинается обыск…

2

Однако англичанин отреагировал совершенно не так, как Александра. Никакого сопротивления, никакого желания навязать свою волю. Между двумя мужчинами тотчас установилось взаимопонимание. Англичанин мгновенно разобрался в ситуации и испугался настолько, что даже не попытался узнать, почему, собственно, Виктор решил его предупредить. Впрочем, если он и хорошо понимал по-французски, то говорил все равно очень плохо.

— Вы должны меня слушаться. Полицейские обыскивают все номера, так как уверены, что

англичанин из бара на улице Марбеф скрывается в отеле. Вас будут допрашивать одним из первых, потому что из-за вашего вывиха вы попадаете в категорию подозреваемых. Между нами говоря, предлог не слишком изобретателен. Вам следовало либо не возвращаться сюда, либо не запираться у себя в номере. У вас есть компрометирующие бумаги или письма?

— Нет.

— Ничего, что могло бы поставить под угрозу княгиню?

— Ничего.

— Шутник! Дай-ка мне ключ от этого шкафа.

Англичанин подчинился. Виктор раскидал стопку сорочек, схватил шелковую косынку и сунул ее в карман.

— Это все?

— Да.

— Время еще есть. Это точно все?

— Да.

— Предупреждаю: если ты посмеешь предать княгиню Васильеву, я набью тебе морду. Приготовь ботинки, шляпу, пальто. Тебе предстоит переезд.

— Но… как же полиция? — воскликнул Бемиш.

— Тихо! Знаешь выход, что выводит на улицу

Понтье?

— Да.

— Там дежурит всего один полицейский.

Англичанин знаками показал, что он, применив к полицейскому боксерские приемы, прорвется силой.

— Нет, давай без глупостей, — сказал Виктор. — Иначе тебя схватят.

Он взял со стола карточку отеля, написал на ней: «Пропустить», поставил дату и расписался: «Комиссар Молеон».

— Покажи эту карточку дежурному. Подпись точная, я отвечаю. Так что сваливай отсюда поскорее и не оглядывайся. Дойдешь спокойно до угла, а когда свернешь за него, дуй во все лопатки.

Англичанин указал на шкаф, полный одежды и туалетных принадлежностей, и скорбно развел руками.

— Ну и что? — усмехнулся Виктор. — Зачем тебе это барахло? Давай-ка пошевеливайся…

Бемиш взял было свои ботинки, но в эту минуту в номер постучали. Виктор забеспокоился:

— Черт побери!.. Неужели они? Что ж, придется разбираться.

Стук повторился.

— Войдите! — крикнул он.

Англичанин отшвырнул ботинки в другой конец комнаты и растянулся на канапе. Виктор пошел открывать, однако его опередили: раздался звук поворачиваемого ключа. Это оказался дежурный лакей, воспользовавшийся универсальным ключом. Его сопровождали два инспектора, коллеги Виктора.

— До свидания, месье, — усиливая свой латиноамериканский акцент, обратился Виктор к англичанину, — рад, что вашей ноге уже лучше.

И тут же столкнулся с полицейскими. Один из них очень вежливо произнес:

— Инспектор Рубо, из уголовной полиции. Мы проводим обыски в отеле. Могу я вас спросить, как давно вы знаете этого господина?

— Мистера Бениша? О, не слишком давно… В холле он угостил меня сигарой… С тех пор как он подвернул ногу, я захожу навещать его. — Затем он назвался: — Маркос Ависто.

— Перуанец, не так ли? Вы в списке гостей, с которыми комиссар хотел бы побеседовать лично. Будьте любезны спуститься с нами в дирекцию. Документы у вас с собой?

— Нет, они у меня в номере, на этом этаже.

— Мой коллега сопроводит вас.

Инспектор Рубо бросил взгляд на канапе, где

с перевязанной лодыжкой лежал англичанин; рядом на столике виднелись приготовленные компрессы.

— Вы можете ходить? — довольно сухо спросил Рубо.

— Нет.

— Значит, комиссар придет сюда сам. Предупреди его, — бросил он своему коллеге. — А я пока гляну в документы англичанина.

Усмехаясь про себя, Виктор последовал за коллегой. Инспектору Рубо, намеревавшемуся проверить Бемиша, ни разу не пришло в голову внимательно присмотреться к нему, Виктору. И уж тем более он не подумал о том, что остается один на один с весьма подозрительным субъектом, который может быть вооружен.

Сам-то Виктор об этом подумал. И, доставая в своем номере из шкафа документы на имя Маркоса Ависто, бросал время от времени взгляды на своего сторожа, прикидывая: «Что мне делать? Может, сбить его с ног и запереть в комнате… а самому ускользнуть через выход на улицу Понтье?»

Но какой в этом смысл? Если Бемиш таким же образом избавится от Рубо и сбежит благодаря фальшивой карточке с подделанной подписью

Молеона, тогда чего бояться ему, Виктору?

И он послушно позволил проводить себя вниз.

В отеле царила суматоха. Внизу, в холле и просторном вестибюле, толпились постояльцы, все шумели и возмущались, особенно слыша просьбы не покидать отель. Сидевший в дирекции комиссар Молеон, у которого голова уже шла кругом, пребывал в отвратительном настроении. Едва взглянув на Виктора, он мгновенно перепоручил его своему помощнику. Совершенно очевидно, что его интересовал только мистер Бемиш, против которого у него имелись серьезные подозрения.

— Ну и где англичанин? — спросил он агента, сопровождавшего Виктора. — Почему ты его не привел?

— Он не может идти… у него вывих…

— Ерунда! Он просто хитрит. Это же тот краснолицый толстяк?

— Да. И короткие усы щеточкой.

— Усы, говоришь? Точно он… Рубо остался с ним?

— Да.

— Я иду туда. Ты со мной.

Вторжение разъяренного постояльца из списка Молеона, который опаздывал на поезд, задержало

комиссара. Он потерял две драгоценные минуты, а потом и еще две, отдавая распоряжения. Наконец он встал.

Документы Виктора проверили, а так как он не просил никаких пропусков, то его просто отпустили и он успел вскочить в лифт вместе с Молеоном, инспектором и еще одним полицейским. Эта троица была настолько поглощена предстоящим арестом англичанина, что даже не заметила Виктора. На третьем этаже все вышли, и полицейские поспешили к двери номера триста тридцать семь.

— Открой мне, Рубо, — громко потребовал Молеон, стуча в дверь.

Однако ответа не последовало.

— Открывай, сукин ты сын! Рубо! Рубо! — разъярился комиссар.

Пришлось вызывать коридорного. Тот прибежал со связкой ключей в руках, и Молеон в нетерпении подтолкнул его к двери. Номер открыли.

— Вот дьявольщина! — воскликнул комиссар. — Этого мне только не хватало!

В комнате лежал на полу инспектор Рубо, связанный по рукам и ногам разорванными на полосы простынями; вместо кляпа в рот ему засу-

нули полу купального халата.

— Ты не ранен, Рубо? Ах, чертов бандит! Но как ему удалось тебя связать? Ты же крепкий парень!

Инспектора развязали. От ярости Рубо скрипел зубами.

— Их было двое! — отплевываясь, говорил он. — Да, двое. Откуда взялся второй?! Наверное, прятался где-нибудь. Он напал на меня сзади и ударил по затылку.

Молеон схватил телефонную трубку и приказал:

— Из отеля никого не выпускать! И никаких исключений! Вы поняли? Любого, кто попытается бежать, арестовать. Любого! — И он окинул взглядом комнату. — Итак, здесь их было двое! Но откуда же взялся второй? Ты ничего не заподозрил? — обратился он к коллеге Рубо. — Давай-ка шевели мозгами… Вы осмотрели ванную комнату? Уверен, он прятался именно там.

— Скорее всего, — согласился Рубо. — Мне тоже так показалось… Я как раз повернулся к ванной спиной…

Они осмотрели ванную. Никаких следов. Задвижка на двери, через которую, в случае необходимости, можно было попасть в соседний

номер, осталась нетронутой.

— Обшарьте тут все! — приказал комиссар. — Рубо, ты со мной? Теперь нам надо спуститься.

И он, отстранив столпившихся в коридоре людей, зашагал к лифту; но тут справа раздались шум и крики. Коридор соединял все четыре фасада отеля.

— Может быть, — предположил Рубо, — Бемиш направился вправо, чтобы спуститься к запасному выходу на улицу Понтье?

— Да, но там караулит Лармон, — ответил Молеон, — и у него есть строгий приказ.

Между тем шум усиливался. Полицейские пошли в ту сторону и за первым же поворотом увидели в конце коридора гомонящих людей. Заметив стражей порядка, они призывно замахали руками. В нише, обустроенной как зимний сад — иначе говоря, уставленной креслами и кадками с пальмами, — несколько человек склонились над распростертым на полу телом, обнаруженным кем-то из постояльцев.

— Англичанин! — воскликнул Рубо. — Я узнаю его… Да он весь в крови!

— Бемиш? Надеюсь, он жив?

— Жив, — ответил какой-то человек, стоявший на коленях перед телом и внимательно его осмат-

ривавший, — однако серьезно ранен… ножом в плечо.

— Ну что скажешь, Рубо? — воскликнул Молеон. — Это работа того, второго? Того, кто прятался в номере и ударил тебя по затылку?

— Черт возьми, значит, он захотел избавиться от своего сообщника. К счастью, все выходы заблокированы и мы возьмем его.

Виктор, не упускавший полицейских из виду, не стал мешкать и, воспользовавшись сумятицей, сбежал вниз по второй лестнице.

Выход на улицу Понтье был от нее совсем близко. Подступы к двери преграждала толпа служащих отеля, а сам выход караулили два инспектора и Лармон. Виктор сделал ему знак, и тот исхитрился незаметно встать поближе к нему, чтобы поговорить.

— Выйти невозможно, Виктор… Строгий приказ…

— Не беспокойся. Я с этим разберусь… Тебе предъявили карточку с подписью?

— Да.

— Скорее всего, фальшивую.

— Вот черт!

— Этот тип сбежал?

— Ну да!

— Как он выглядел?
— Не обратил внимания…
— Так ты не знаешь, кто это был?
— Нет.
— Арсен Люпен.

3

Уверенность Виктора тотчас стихийно передалась всем, кто переживал минуты всеобщего возбуждения. Молеон, совершенно сбитый с толку, однако изображавший полнейшее спокойствие (хотя бледность и выдавала его растерянность), неотлучно сидел в дирекции, словно полководец у себя в штабе. Он звонил в префектуру, требовал подкрепления, посылал курьеров из конца в конец отеля и отдавал противоречивые приказы, от которых у всех голова шла кругом. Отовсюду неслись возгласы:

— Люпен!.. Это Люпен! Его видели! Ему не уйти!..

На носилках пронесли англичанина Бемиша. Его отправляли в больницу Божон; тамошний дежурный врач вскоре сообщил:

— Рана не смертельная… Уже завтра его можно будет допрашивать…

Затем появился возбужденный Рубо, отправ-

ленный проверить выход на улицу Понтье.

— Он сбежал через черный ход. Предъявил Лармону карточку, подписанную вами, шеф!

Молеон взорвался:

— Это фальшивка! Я не подписал ни одного пропуска! Приведи сюда Лармона! Мою подпись нельзя подделать! Только Люпен способен на такую хитрость! Поднимись в комнату англичанина… проверь чернильницу, перо и наличие карточек отеля.

Рубо стремительно умчался. И вернулся через пять минут:

— Чернильница открыта… ручка не на своем месте. Рядом на столе лежат карточки отеля…

— Значит, фальшивку изготовили в номере, пока ты лежал связанный.

— Нет. Я не упускал англичанина из виду. Он только надел ботинки. А потом они сбежали.

— Но ведь ни тот ни другой не знали, что в отеле идут обыски!

— Возможно, узнали.

— Откуда?

— Когда я вошел в комнату, у англичанина находился посетитель… какой-то тип из Перу…

— Маркос Ависто… Ну и где он сейчас?

Рубо снова убежал.

— Никого, — доложил он, вернувшись. — Комната пуста… три сорочки… костюм… туалетные принадлежности… коробка с гримом, которой явно пользовались, даже крышку не закрыли. Прежде чем бежать, перуанец наверняка изменил внешность.

— Еще один сообщник, — заключил Молеон. — Значит, их было трое… Господин директор, кто проживал в номере, расположенном рядом с ванной номера Бемиша?

Посмотрели план отеля, и директор с удивлением сообщил:

— Эту комнату тоже снимал мистер Бемиш.

— Как так?

— Заселяясь, он сразу снял два номера.

Наступило изумленное молчание. Наконец Молеон подытожил:

— Итак, мы определенно можем утверждать, что все три приятеля жили на одном этаже, неподалеку друг от друга. Маркос Ависто — в номере триста сорок пять, Бемиш — в триста тридцать седьмом, а Арсен Люпен — в соседнем. Со времени побега из бара на улице Марбеф номер рядом с Бемишем служил Люпену убежищем, где он залечивал рану, а Бемиш охранял его, кормил и ухаживал за ним, проделывая все это так ловко,

что никто из персонала даже не подозревал о присутствии в отеле главаря банды.

Все вышесказанное изложили господину Готье, начальнику уголовной полиции, прибывшему на место происшествия. Выслушав доклад комиссара Молеона, Готье одобрил проделанную работу, задал несколько уточняющих вопросов и заключил:

— Бемиш взят. Если карточку использовал не Люпен, значит он до сих пор в отеле. Перуанец, во всяком случае, наверняка здесь. Таким образом, поиски ограничиваются стенами отеля и некоторые запреты можно снять. У каждой двери на улицу надо поставить по инспектору, чтобы отслеживать всех, кто входит и выходит. А вы, Молеон, обойдите номера… нанесите, так сказать, визиты вежливости… никаких обысков, никаких допросов. Виктор вам поможет.

— Виктора тут нет, шеф, — ответил Молеон.

— Да нет же, он здесь.

— Виктор?

— Именно так, Виктор из специальной бригады уголовной полиции. Когда я приехал, мы с ним успели перекинуться парой слов. Он разговаривал со своими сослуживцами и с портье отеля. Позовите его, Рубо.

С обычным своим недовольным видом явился Виктор, затянутый, как всегда, в старомодную венгерку.

— Значит, вы были здесь, Виктор? — спросил Молеон.

— Да, я приехал, — ответил тот, — и теперь самое время ввести меня в курс дела. Примите мои комплименты. Арест англичанина — это серьезный козырь.

— Да, но Люпен…

— Ах, Люпен… ну, Люпен по моей части. Если бы вы не стали торопить события, я бы подал его вам на блюдечке…

— Да что вы говорите?! А его сообщник, Маркос Ависто… бразилец, кажется?

— И его бы подал. Милейший парень этот Маркос и к тому же мой добрый знакомец! А уж как ловок! Прошмыгнул мимо вас — и был таков.

— Если это все, что вы хотели сказать, то… — пожал плечами Молеон.

— Да в сущности — все. Если не считать сделанного мною небольшого открытия… о, совершенно незначительного… которое, возможно, даже не имеет отношения к нашему делу.

— О чем это вы толкуете?

— Разве в вашем списке не значится еще один

англичанин? По фамилии Мардинг?

— Да, Генри Мардинг. Но он уехал.

— Я видел, как он вернулся, и расспросил о нем портье. Он живет в отеле уже месяц, однако ночует здесь очень редко, да и объявляется не чаще раза или двух в неделю, всегда во второй половине дня. К нему приходит некая дама, очень элегантная, скрывающая лицо под густой вуалью, и они вместе пьют чай. Дама, которая иногда вынуждена ожидать Мардинга в холле, сегодня появилась до его возвращения и ушла, когда началась суматоха. Возможно, этого англичанина тоже следовало бы допросить.

— Рубо, вперед. Пригласи к нам англичанина Мардинга.

Рубо стремительно вылетел в коридор и вскоре привел господина, который явно не носил имя Генри Мардинг и уж точно не был англичанином.

Молеон, немедленно его узнавший, вскрикнул от удивления:

— Как! Это вы, Феликс Деваль, друг Гюстава Жерома! Торговец недвижимостью в Сен-Клу! Зачем вы выдаете себя за англичанина?

Феликс Деваль, друг Гюстава Жерома, торговец недвижимостью в Сен-Клу, вид имел весьма

сконфуженный. Он попытался пошутить, но смех его прозвучал неестественно.

— Все верно. Но почему бы и нет? Удобно, знаете ли, иметь пристанище в Париже, когда часто бываешь в здешних театрах.

— Но почему под чужим именем?

— Просто фантазия… Впрочем, это никого не касается.

— А дама, которую вы принимаете?..

— Моя приятельница.

— Приятельница, скрывающая лицо под вуалью?.. Она, видимо, замужем?

— Нет-нет… но у нее есть на то свои причины…

Недоразумение нелепое, даже комичное. Однако почему Деваль так смущен? Откуда эта неуверенность?

Бросив взгляд на план, Молеон после недолгой паузы произнес:

— Комната Феликса Деваля тоже находится на третьем этаже, рядом с зимним садом, где ударили ножом англичанина Бемиша.

Готье посмотрел на Молеона: столь странное совпадение нельзя было не заметить. Неужели Феликс Деваль является четвертым сообщником? А посещавшая его женщина под вуалью — не та ли самая дама из кинотеатра «Сине-Бальтазар»,

которая убила Элизу Масон?

Полицейские повернулись к Виктору. Пожав плечами, тот усмехнулся:

— Вы слишком далеко заходите. Я же вам сказал, что мое открытие имеет второстепенное значение. Нечто вроде легкой закуски. Однако разобраться все же стоит.

Господин Готье попросил Феликса Деваля никуда не уезжать: он еще может понадобиться полиции.

— Отлично, — заключил Виктор. — И, шеф, я хотел бы, чтобы в один из ближайших дней вы меня приняли.

— Есть что-то новенькое?

— Мне надо вам кое-что объяснить.

Виктор уклонился от чести сопровождать комиссара Молеона, отправлявшегося обходить отель, но счел благоразумным предупредить княгиню Васильеву.

Арест англичанина Бемиша сулил ей крупные неприятности.

Виктор проскользнул в комнату с телефонной кабиной, которая не прослушивалась, и попросил барышню соединить его с номером триста сорок пять.

Номер триста сорок пять не отвечал.

— Попробуйте еще раз, мадемуазель.

И снова нет ответа.

Виктор отправился к портье.

— Дама из номера триста сорок пять ушла?

— Княгиня Васильева? Она уехала… примерно час назад.

Для Виктора это был удар, причем крайне неприятный.

— Уехала?.. Вот так, внезапно?

— О нет! Весь багаж отправили еще вчера, а счет оплачен сегодня утром. При ней оставался один только чемодан.

Дальше расспрашивать Виктор не стал. В конце концов, нет ничего удивительного в том, что Александра Васильева уехала и никто не препятствовал ее отъезду. Да и кто сказал, что она обязана ждать его разрешения?

И все же он разозлился. Люпен словно растворился в воздухе… Александра исчезла… Где и как их теперь искать?

Глава 9
В центре площади

1

«За одну ночь я обязан все исправить», — решил Виктор.

Когда на следующий вечер к нему пришел Лармон, лицо Виктора выражало неудовольствие, а на губах играла презрительная усмешка. Однако он был спокоен и уверен в себе.

— Продолжаем игру, — твердо произнес он. — Мое сооружение по-прежнему прочно, пострадал только фасад.

— Хочешь, я скажу тебе, что думаю об этом деле?

— А я и так знаю… Оно тебе уже обрыдло.

— Да, ты прав! Слишком много сложностей… и уловок, которые не пристали честным полицейским… Иногда даже кажется, будто находишься по другую сторону баррикад.

— Когда идешь к цели, дороги не выбираешь.

— Может, ты и прав, но я…

— Экий же ты чистоплюй. Что ж, тогда давай расстанемся…

— Согласен, старина! — воскликнул Лармон решительным тоном. — Раз ты мне сам предлагаешь, я согласен. Но так как я тебе весьма и весьма признателен, то рвать с тобой окончательно я все же не стану…

— Шутить изволишь? — усмехнулся Виктор. — Впрочем, я не могу сердиться на тебя за твою щепетильность. Итак, я свободен и могу выбрать себе среди сотрудников уголовной полиции другого помощника…

— Кого же?

— Не знаю… Быть может, начальника…

— Неужто самого Готье?

— Возможно… Кто знает? А кстати, что говорят в полиции?

— Лишь то, что ты прочел в газетах. Да, Молеон не схватил Люпена, но в его руках англичанин. Прибавь к нему троих русских — и картина получится вполне внушительная.

— Англичанин заговорил?

— Не больше, чем русские. Кажется, все эти люди надеются, что Люпен их спасет.

— А что Феликс Деваль, приятель Гюстава Жерома?

— Молеон никак с ним не определится и сегодня поехал в Сен-Клу и в Гарш. Искать улики. След

представляется заслуживающим внимания. Причастность Феликса Деваля многое бы объяснила. В общем, Молеон, что называется, закусил удила.

— Одна просьба напоследок, старина. Позвони мне, когда будут новости о Девале, особенно о том, чем он зарабатывает себе на жизнь и в каком состоянии у него дела. Что ж, вот, пожалуй, и все.

Виктор не выходил из дома. Ему нравились периоды спокойствия, паузы посреди лихорадочной деятельности, когда можно осмыслить все случившееся, проанализировать каждый эпизод в отдельности и сопоставить факты с постепенно формирующейся гипотезой.

В четверг вечером пришло сообщение от Лармона. Финансовое положение Феликса Деваля отвратительное. Долги, пыль в глаза… Он держится только биржевыми спекуляциями. Его кредиторы говорят, что он на последнем издыхании.

— Его уже допросили?

— Следователь назначил допрос на завтра, на одиннадцать утра.

— Еще кого-нибудь вызвали?

— Да, баронессу д’Отрей и мадам Жером. Хотят кое-что прояснить. Начальник и Молеон тоже будут присутствовать.

— Как и я.
— Как и ты?!
— Да. Предупреди господина Готье.

На следующее утро Виктор для начала зашел в «Кембридж» и попросил проводить его в комнату, которую занимал Феликс Деваль; теперь она была на замке. Затем он отправился в префектуру, где его уже ждал господин Готье. И они вместе с комиссаром Молеоном направились к следователю.

Однако когда все уже было готово к допросу, Виктор начал изображать скуку, демонстративно зевать и вообще повел себя столь неподобающе, что Готье, хорошо его знавший, нетерпеливо спросил:

— Что это с вами, Виктор? Если вам есть что сказать — говорите.

— Да, мне есть что сказать, — своим привычным ворчливым тоном отозвался тот. — Но сперва я хотел бы дождаться мадам д'Отрей и Гюстава Жерома.

Все посмотрели на него с удивлением. Его знали как человека своеобразного, но при этом серьезного, не терпящего впустую тратить время — как свое, так и чужое. Он бы не стал настаивать на своем присутствии без веской причины.

Сначала появилась баронесса, облаченная в траур. Потом, спустя несколько минут, привели Гюстава Жерома — как всегда, веселого и широко улыбающегося.

Молеон не скрывал своего неодобрения.

— Ладно, Виктор, действуйте, — пророкотал он. — У вас, конечно же, готовы новые разоблачения?

— Никаких разоблачений, — ничуть не смутившись, ответил Виктор. — Я просто хотел бы устранить кое-какие препятствия, что нам мешают, исправить ошибки и избавиться от ложных гипотез, загромождающих путь к истине. В этом деле есть момент, где следовало бы поставить точку, чтобы затем двинуться дальше. И я уже это сделал, я избавил нас от всего, что относилось к первой фазе дела, связанной исключительно с облигациями Министерства обороны. Теперь же пора начинать атаку против Люпена, а для этого следует избавиться от всего, что связано с преступлением в доме Леско. На сцене остаются мадам д'Отрей, месье и мадам Гюстав Жером и месье Феликс Деваль… Нам надо побыстрее разобраться с этими персонажами. Поэтому позвольте мне задать несколько вопросов… — И он повернулся к Габриэль д'Отрей. — Мадам,

я прошу оказать мне любезность и отвечать совершенно искренне. Считаете ли вы, что самоубийство вашего мужа можно расценивать как признание вины?

Она откинула черную вуаль, и все увидели ее бледные щеки и покрасневшие от слез глаза. Но голос ее звучал уверенно:

— В ночь, когда было совершено преступление, мой муж был со мной.

— Но это ваше утверждение, безусловно заслуживающее доверия, препятствует установлению столь необходимой истины! — заявил Виктор.

— Нет иной истины, кроме той, о которой я говорю. И быть не может.

— И все же она есть, — возразил Виктор. И повернулся к Гюставу Жерому. — Да, она есть, и вы, Гюстав Жером, об этом знаете. Своим заявлением вы можете рассеять мрак. Хотите рассказать нам все без утайки?

— Я бы рассказал, но я ничего не знаю.

— Нет, знаете.

— Клянусь вам, мне ничего не известно!

— Так вы отказываетесь отвечать?

— Я не отказываюсь, я не знаю, что говорить.

— Что ж, — сказал Виктор, — тогда придется говорить мне. Я начинаю свою речь с большим

сожалением, ибо мне придется причинить мадам д'Отрей боль… жестокую боль. Но рано или поздно она все равно это узнает. Так что придется резать по живому.

Гюстав Жером тут же запротестовал, что для человека, уходящего от прямого ответа, было, по меньшей мере, странно:

— Господин инспектор, то, что вы собираетесь сделать, совершенно бесчеловечно.

— Чтобы утверждать такое, надо заранее знать, о чем я стану говорить. Что ж, в таком случае говорите сами…

Виктор подождал. Но так как Жером молчал, он решительно начал:

— В тот вечер, когда совершилось преступление, Гюстав Жером обедал в Париже вместе со своим другом Феликсом Девалем. Такое развлечение друзья позволяли себе довольно часто, ибо оба любят хорошую кухню и доброе вино. Но во время того обеда возлияния оказались столь обильны, что когда примерно в половине одиннадцатого Гюстав Жером решил возвращаться домой, он соображал с большим трудом. В забегаловке на перекрестке он опрокидывает последнюю рюмку тминной водки, которая доводит его опьянение до крайности, а затем

с горем пополам садится в свой автомобиль и едет по дороге в Гарш. Но куда он в результате приезжает? К себе домой? Да, он в этом убежден. Но на самом деле он остановился не перед своим нынешним жилищем, а перед домом, который ему принадлежит, домом, где он обитал целых десять лет, а теперь сдает его жильцам и куда он сотни раз возвращался вечером после отличного обеда в Париже. Вот и сейчас он тоже приехал домой после отличного обеда. Может, у него еще и ключ в кармане есть? Тот самый ключ, который требовал у него д'Отрей и из-за которого они оба предстали перед мировым судьей. Из упрямства Жером продолжает прятать этот ключ в кармане, надеясь, что там никто его не найдет. И разве не естественно, что он решает им воспользоваться? Он звонит. Консьержка открывает. Проходя мимо, он неразборчиво бормочет свое имя. Поднимается. Достает ключ и входит. Входит к себе домой. Да-да, домой! Он пьян, голова у него раскалывается, и ему кажется, что он узнает свою квартиру, свою прихожую.

При этих словах бледная как сама смерть Габриэль д'Отрей встала. Она попыталась что-то сказать, но не смогла. А Виктор неспешно продолжал, отчетливо произнося каждую фразу:

— Разве мог он не узнать дверь своей спальни? Вот же она! А вот и ручка, ее надо только повернуть. В комнате темно. Та, кого он считает своей женой, уже засыпает. Она с трудом приоткрывает глаза, что-то тихо произносит… Она тоже поддается иллюзии… и ничто не может ее разрушить…

Виктор умолк. Мадам д'Отрей поражена ужасом. Неумолимая логика событий, изложенных Виктором, порождает в ней бурю мыслей и чувств. Вспоминая массу подробностей той ночи, она понимает, какое роковое объяснение они имеют, со страхом взглядывает на Гюстава Жерома и, всплеснув руками, падает на колени перед креслом, пряча лицо…

Вся эта сцена происходит в полнейшей тишине. Никаких возражений против неожиданного открытия, сделанного Виктором, не последовало. Баронесса лишь снова накинула на лицо черную вуаль. Гюстав Жером, явно смущенный, криво улыбался. Виктор обратился к нему:

— Я ведь ни в чем не ошибся? Так все и было?

Жером медлил, не зная, что для него лучше: признаться или же упорно продолжать играть роль галантного кавалера, предпочитающего сесть в тюрьму, но не скомпрометировать даму.

В конце концов он проговорил:

— Да… все верно… я был пьян… не отдавал себе отчета… только в шесть часов, проснувшись, я понял… Надеюсь, мадам д'Отрей простит меня…

Больше сказать ему ничего не удалось, потому что в комнате воцарилось безудержное веселье. Приглушенный смех перерос в истерический хохот, охвативший всех — от Валиду и Готье до секретаря и самого Молеона. Даже Гюстав Жером, поначалу неуверенно улыбавшийся, внезапно осознал все сумасбродство своего поступка и принялся беззвучно хохотать над приключением, сохранившим ему хорошее настроение даже в тюрьме.

Наконец, обращаясь к черной коленопреклоненной фигуре, он с глубоким сожалением произнес:

— Вы должны меня простить… Это не моя вина… а всего лишь стечение обстоятельств. Поверьте, я старался делать все, чтобы никто ничего не узнал…

Баронесса встала.

— Еще раз прошу меня извинить, мадам, — обратился к ней Виктор, — но открыть истину было важно не только для правосудия, но и для вас… Да-да, для вас. Когда-нибудь вы еще поблагодари-

те меня за это… уверяю вас…

Не говоря ни слова, раздавленная стыдом, баронесса вышла из комнаты…

Гюстава Жерома увели…

2

Виктор, по-прежнему храня серьезный вид, вздохнул, но все же не удержался от того, чтобы произнести с легкой усмешкой:

— Бедная женщина! Ее рассказ о возвращении мужа в тот вечер как раз и вывел меня на правильный путь. Она сохранила о нем самые приятные воспоминания… «Я заснула в его объятиях», — говорила она таким тоном, словно это происходило крайне редко. Но ведь в тот же вечер д'Отрей сказал мне, что никогда не питал к жене особой любви. Разительное противоречие, не правда ли? И, заметив его, я тут же вспомнил историю с ключом, вызвавшую конфликт между д'Отреями и Жеромами. Две мысли встретились, и этого оказалось достаточно, чтобы в конце тоннеля вспыхнул свет: Жером, домовладелец, когда-то сам проживавший в этой квартире, имел от нее ключ. И события сразу выстроились в том порядке, в каком я их вам изложил.

— Таким образом, преступление… — начал

Валиду.

— Преступление совершил д'Отрей, он один.

— Но как же дама из кинотеатра? Та, которую встретили на лестнице в доме, где жила Элиза Масон?

— Она знала Элизу Масон. Элиза сообщила ей, что барон д'Отрей охотится за облигациями Министерства обороны и напал на след. Рассказала, что эти облигации находятся в доме папаши Леско и что барон непременно попытается их заполучить. И тогда эта дама тоже отправилась туда.

— Чтобы их украсть?

— Нет. По моим сведениям, она не воровка, а весьма эмоциональная особа, жаждущая острых ощущений. Она поехала в дом Леско из любопытства, просто понаблюдать, но оказалась на месте как раз в момент совершения преступления, так что ей ничего не оставалось, кроме как побежать к своему автомобилю, сесть за руль и уехать.

— К Люпену?

— Нет. Если бы после провала в Страсбурге Люпен продолжил заниматься поиском облигаций, все прошло бы как нельзя лучше. Но теперь этого авантюриста интересовало только дело о десяти миллионах, так что его любовница действовала

на свой страх и риск. Д'Отрей, который, скорее всего, даже не видел ее, тоже бежал и, не смея ночью вернуться к себе, до рассвета бродил по окрестностям, а ранним утром заявился к Элизе Масон. Немного позже я нанес свой первый визит баронессе, и ошибка, жертвой которой она стала, побудила ее пылко защищать мужа, убеждая меня, что тот всю ночь провел с ней.

— Но ведь д'Отрей не знал об этой ошибке…

— Совершенно верно. Но ближе к вечеру он узнал, что, вопреки ожиданиям, жена яростно его защищала.

— Но как он узнал?

— А вот как. Мою беседу с баронессой подслушала, притаившись за дверью, служанка Анна. По дороге на рынок добрую старушку подкараулил какой-то журналист, и она ему все рассказала. Журналист написал статью, которую опубликовали в каком-то малоизвестном «Вечернем листке». Но в четыре часа д'Отрей, купив этот «Листок» возле Северного вокзала, с изумлением прочитал, что жена обеспечила его надежным алиби. Он отказался от мысли о бегстве, спрятал добычу и принялся отбиваться от следователей. Вот только…

— Что — только?..

— Когда ему стало известно, почему у него вдруг появилось алиби, то есть когда он выяснил причины, по которым жена убеждена в его невиновности, он, ни слова не говоря, поколотил ее. — Виктор сделал паузу и продолжил: — Теперь мы знаем, что фальшивое алиби барона д'Отрея работает в пользу Гюстава Жерома. Когда же мы выясним, каким образом Жером стал участником преступления, при котором не присутствовал, дело дома папаши Леско будет закрыто. И я надеюсь, выясним мы это прямо сейчас.

— Прямо сейчас?

— Да. Нам все расскажет его жена — Анриетта Жером.

— Мы ее приглашали… — кивнул Валиду.

— Господин следователь, будьте добры, позовите сюда еще и Феликса Деваля.

Мадам Жером выглядела очень утомленной. Следователь попросил ее сесть. Она усталым голосом поблагодарила его.

Виктор подошел к ней, нагнулся и будто бы поднял что-то с пола. В руках у него очутилась маленькая, цвета меди шпилька для волос, которую он принялся внимательно рассматривать. Машинально протянув руку, Анриетта взяла у него шпильку и воткнула себе в прическу.

— Это ваша шпилька, мадам?

— Да.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Но, видите ли, я нашел ее не здесь, а среди других шпилек и заколок, оставленных в маленькой хрустальной чаше в номере Феликса Деваля в отеле «Кембридж», где вы с ним встречались. Вы — любовница Феликса Деваля.

Виктор прибег к своему излюбленному методу, а именно — к неожиданной атаке с применением таких средств, от которых нет защиты.

Молодая женщина буквально задохнулась от ярости. Но стоило ей слегка опомниться и попытаться оказать сопротивление, как инспектор нанес второй удар, окончательно ее сломивший.

— Не отрицайте, мадам, у меня не менее двух десятков подобных доказательств, — уверенно произнес Виктор, у которого на самом деле не было больше ни единой улики.

Обезоруженная, растерявшаяся, она взглянула на Феликса Деваля. Тот, весь бледный, безмолвствовал. Столь яростный натиск обескуражил и его.

— Во всей этой истории нашлось место и случайности, и логике. И если Феликс Деваль и

мадам Жером избрали местом свиданий отель «Кембридж», где устроил свою штаб-квартиру Арсен Люпен, то это чистая случайность. Простое совпадение…

Феликс Деваль, сделав протестующий жест, шагнул вперед:

— Я не позволю, господин инспектор, обвинять уважаемую мной женщину…

— Довольно, шутки в сторону, — прервал его Виктор. — Я всего лишь перечисляю факты, которые легко проверить и которые вы вряд ли сможете оспорить. Если, например, господин следователь будет убежден, что вы являетесь любовником мадам Жером, то он может задаться вопросом: не захотели ли вы воспользоваться событиями и навести подозрения на мужа вашей любовницы? Не поспособствовали ли вы его аресту? Он спросит себя, не вы ли позвонили комиссару Молеону и посоветовали ему обыскать секретер Гюстава Жерома? Не вы ли убедили вашу любовницу вынуть две пули из револьвера? Не по вашей ли рекомендации ваш друг Жером нанял садовника Альфреда и не вы ли заплатили этому садовнику за ложные показания против его хозяина? А так оно и было, я-то точно знаю.

— Да вы с ума сошли! — покраснев от гнева,

воскликнул Феликс Деваль. — Что могло подтолкнуть меня к подобным действиям?

— Вы разорены, месье. Ваша любовница богата. Развод со скомпрометированным мужем совершится без труда. Я не утверждаю, что ваш план бы непременно удался, но зато могу утверждать, что вы очертя голову бросились в авантюру и, чувствуя себя на краю пропасти, поставили на карту буквально все. А что касается доказательств… — Виктор повернулся к Валиду. — Господин следственный судья, в обязанности уголовной полиции входит в том числе и сбор правдивой информации. Вы легко найдете нужные доказательства, и я уверен, что они подтвердят мои выводы о виновности д'Отрея, невиновности Гюстава Жерома и попытке Феликса Деваля ввести следствие в заблуждение. Больше мне пока нечего сказать. Об убийстве Элизы Масон мы поговорим позднее.

Он умолк. Его речь явно произвела впечатление на присутствующих. Феликс Деваль смотрел вызывающе. Молеон с сомнением покачивал головой. Валиду и Готье молчали, сраженные аргументами, полностью отвечавшими фактам.

Виктор достал пачку «капрала», протянул ее следователю и Готье, и те рассеянно взяли по

сигарете; Виктор щелкнул зажигалкой и, когда оба закурили, вышел в коридор. За ним следом выскочил Готье и, нагнав, пожал ему руку:

— Вы были великолепны, Виктор.

— Я сделал бы гораздо больше, если бы этот проклятый Молеон не сорвал мои планы.

— Каким образом?

— Черт побери! Да заявившись в отель «Кембридж» в тот самый момент, когда я уже почти настиг всю банду!

— Так вы тоже были в отеле?

— Мало того, шеф, я находился в одной комнате с преступником.

— С англичанином Бемишем?

— Господи, конечно!

— Но там был только перуанец Маркос Ависто.

— Перуанец — это я.

— Что вы такое говорите?

— Чистую правду, шеф.

— Но это невозможно!

— Возможно, шеф. Маркос Ависто и Виктор — две стороны одной медали. — И, пожав руку месье Готье, Виктор стал прощаться: — До скорого, шеф. Через пять-шесть дней я исправлю глупость Молеона и Люпен окажется в ловушке. Но до тех пор никому ни слова. Иначе все рухнет.

— И все же иногда вы допускаете…

— Согласен, временами я перегибаю палку, но это всегда идет вам на пользу, шеф. Предоставьте мне свободу действий.

Виктор позавтракал в таверне. Он пребывал в отличном настроении, ибо избавился от всех размышлений и нерешенных задач, имеющих отношение к делу об убийстве в доме Леско. Избавился от четы д'Отрей, четы Жером и Феликса Деваля, предоставив полиции заниматься этими людьми. Точно так же он прежде передал ей Одиграна, машинистку Эрнестину и мадам Шассен. Короче говоря, теперь инспектор чувствовал себя легко и свободно. Наконец-то он может полностью отдаться решению собственной задачи! Довольно уловок, хитрых маневров и посторонних лиц! Никаких Молеонов! Никаких Лармонов! Никаких начальников, от которых ты зависишь! Люпен и Александра, Александра и Люпен — только они имеют значение.

Сделав несколько покупок, он снова стал перуанцем Маркосом Ависто и без пяти три вошел в скверик возле башни Сен-Жак.

3

После облавы в «Кембридже» Виктор ни на минуту не сомневался: княгиня Васильева непременно придет на свидание, назначенное ей в последнюю минуту на тот случай, если им больше не удастся встретиться в отеле. Он не допускал, что после того, как в самых что ни на есть исключительных обстоятельствах он блестяще сыграл свою роль, после их стычки и общей опасности она решит больше никогда не встречаться с ним. Он появился перед ней в нужный день и оставил впечатление о себе как о человеке прямом, энергичном, полезном и преданном, так что ее непременно потянет к нему.

Он ждал.

В песочнице играли дети. Почтенные матроны вязали или дремали в тени деревьев и башни Сен-Жак. Сидевший на скамье господин внимательно читал газету.

Прошло десять минут… пятнадцать… двадцать.

В половине четвертого Виктор забеспокоился. Неужели она и в самом деле не придет? Неужели решит порвать связавшую их нить? А может, она покинула Париж, покинула Францию? В

таком случае как же ее найти, как добраться до Люпена?

Но вскоре выражение легкого беспокойства исчезло с его лица, сменившись довольной улыбкой, и, чтобы скрыть ее, ему даже пришлось отвернуться. Он заметил, что господин, якобы углубившийся в чтение, исподтишка наблюдает за ним…

Подождав еще минут пять, он встал и медленно направился к выходу.

Чья-то рука легла ему на плечо. Человек с газетой, весьма любезный, догнал его:

— Господин Маркос Ависто, я не ошибся?

— Он самый… А вы, полагаю, Арсен Люпен?

— Да, Арсен Люпен… под именем Антуана Брессака. Позвольте мне также представиться другом княгини Васильевой.

Виктор тотчас его узнал: это был именно тот человек, которого он однажды вечером видел в отеле «Кембридж» в обществе англичанина Бемиша. С первого же мгновения в собеседнике поражал суровый, но вместе с тем открытый взгляд светло-серых глаз. Властное выражение лица искупали улыбка и явное желание нравиться. Молодцеватая походка, широкие плечи, ощущение могучей силы и спортивной гибкости,

подбородок и телосложение, свидетельствовавшие о внутренней энергии. На вид лет сорок. Костюм безупречного покроя.

— Я вас заметил в «Кембридже», — произнес Виктор.

— А, — со смехом произнес Брессак, — у вас тоже имеется способность никогда не забывать лица тех, кого однажды встретили? Действительно, я несколько раз появлялся в холле, прежде чем укрыться, как раненый после сражения, во втором номере Бемиша.

— А как ваша рана?

— Почти зажила, но оказалась болезненной и очень мешала. Когда вы пришли предупредить Бемиша — за что я вам весьма признателен, — я был уже почти здоров.

— Во всяком случае, у вас хватило сил нанести могучий удар англичанину.

— Дьявольщина! Он решил не отдавать мне подписанный вами пропуск. Однако я ударил его сильнее, чем хотел.

— Он не проболтается?

— Нет, ни за что! Он очень рассчитывает на меня в будущем.

Они вышли на улицу Риволи, где был припаркован автомобиль Брессака.

— Довольно слов, — внезапно произнес тот. — Мы договорились?

— О чем?

— О том, что интересно нам обоим, — весело сказал Брессак.

— Договорились. Ваш адрес?

— После «Кембриджа» я еще нигде не остановился.

— А сегодня?

— Увидите. Мы как раз туда и направимся. Захватите вещи, и я предложу вам свое гостеприимство.

— Значит, все так срочно?

— Да. Большое дело запущено на полную катушку. На кону десять миллионов.

— Княгиня?

— Она вас ждет.

Они сели в машину.

В отеле «Кембридж» Виктор взял свой багаж, давно собранный, ибо он предвидел подобный ход событий.

Выехав из города, они прибыли в парижский

пригород Нейи. В конце улицы дю Руль, на углу, между двором и садом, стоял небольшой трехэтажный дом.

— Скромное временное пристанище, — пояснил, остановив машину, Брессак. — Таких у меня в Париже около десятка. Есть где разместиться, и не требуется много слуг. Вы будете спать в моем кабинете, рядом с моей спальней, на третьем этаже. Княгиня занимает второй этаж.

Кабинет, окно которого выходило на улицу, оказался комфортабельным помещением с роскошными креслами, раскладным диваном и превосходной библиотекой.

— Несколько философов… Мемуары… И все приключения Арсена Люпена… чтобы развлечься перед сном.

— Я знаю их наизусть.

— Я тоже, — рассмеялся Брессак. — Кстати, может, вы хотите получить ключ от дома?

— Зачем?

— На случай, если у вас возникнет желание прогуляться…

На секунду глаза их встретились.

— Я не собираюсь выходить, — ответил Виктор. — Предпочитаю не спешить… Особенно когда не знаю, о чем речь.

— Узнаете сегодня, после ужина… Его сервируют в будуаре княгини, как для удобства, так и из осторожности. Первый этаж моих жилищ обычно заполнен ловушками на случай высадки десантов полиции и ведения возможных баталий.

Виктор разобрал чемоданы, выкурил сигарету и переоделся, но прежде с помощью маленького электрического утюга старательно отутюжил брюки смокинга. В восемь часов за ним зашел Антуан Брессак.

Княгиня Васильева встретила его довольно приветливо, горячо благодарила за то, что он сделал для нее и ее друзей в «Кембридже», но потом снова погрузилась в себя и практически не принимала участия в разговоре. Лишь слушала, да и то, казалось, вполуха.

Виктор говорил мало, разве что рассказал о двух или трех делах, где он выступал главным действующим лицом и где его роль совершенно справедливо называли выдающейся. Зато Антуан Брессак блистал красноречием. Умный, веселый, яркий, он обладал умением подчеркнуть собственные заслуги, но делал это своеобразно, с изрядной долей иронии и тщеславия.

После ужина Александра подала кофе с ликером, предложила мужчинам сигары и, устроив-

шись на диване, застыла в неподвижности.

Виктор разместился в большом кресле.

Он был доволен. Все шло так, как он и предполагал, в таком порядке, словно он сам его продумал. Сначала знакомство с Александрой позволило ему проникнуть в банду, проявить свои качества, представить доказательства ловкости и преданности — и вот уже он, как и запланировано, стал сообщником и доверенным лицом Арсена Люпена. Занял место, которого добивался. В нем нуждались. Искали с ним сотрудничества. И все должно завершиться именно так, как хочет он, Виктор.

«Он у меня в руках… он у меня в руках, — твердил про себя инспектор. — Главное, не совершить ни одной ошибки… Ни одной лишней улыбки… неудачной интонации… ни одного слова мимо цели, иначе мне его не победить».

— Ну как, довольны? — весело спросил его Брессак.

— Все отлично!

— Тогда предварительный вопрос. Вы, очевидно, догадываетесь, чего я добиваюсь?

— Думаю, да.

— И чего же?

— Мы решительно поворачиваемся спиной к

прошлому. Облигации Министерства обороны, преступление в доме Леско, досужие сплетни в газетах, фантазии служителей правосудия и публики — со всем этим покончено. Больше мы об этом не упоминаем. Ни единым словом.

— Минуточку. А как же преступление на улице Вожирар?

— С ним тоже покончено.

— Но правосудие так не думает.

— Зато так думаю я. У меня есть свои соображения по этому поводу. Но сейчас у меня одна забота, одна цель.

— Какая?

— Десять миллионов, на которые вы намекнули в письме к княгине Васильевой.

— Превосходно! — воскликнул Антуан Брессак. — Ничего-то от вас не ускользает, и вы уже в курсе дела.

После этого Брессак, оседлав стул, устроился напротив Виктора и стал объяснять.

Глава 10
«Досье А. Л. Б.»

1

— Надо вам сказать, что дело о десяти миллионах, о котором рассуждали газетчики, не выдвинувшие, впрочем, ни одной даже приблизительно достоверной версии, мне принес Бемиш. Да-да, Бемиш. После войны он женился на молодой машинистке из Афин, состоявшей на службе у очень богатого грека. Эта машинистка, вскоре погибшая в железнодорожной катастрофе, сообщила кое-какие сведения о своем бывшем патроне, привлекшие внимание Бемиша.

Вот что она рассказала. Опасаясь краха валюты родной страны, грек решил реализовать все свое состояние; это, с одной стороны, ценные бумаги и недвижимость в Афинах, с другой — огромные владения и земельные участки в Эпире, но главным образом в Албании. В итоге образовались два досье. Одно содержало документацию, касающуюся первой части богатств, вложенных в ценные бумаги и размещенных в английском банке (эта папка называлась «Лондонское досье»),

а в другой папке лежали документы, относившиеся к продаже всех владений и земель; это досье получило название «А. Л. Б.»; скорее всего, этими буквами обозначили АЛБанию. По сведениям машинистки, стоимость бумаг в каждой папке оценивалась примерно одинаково, а именно — в десять миллионов. Но «Лондонское досье» представляло собой пухлую кипу бумаг, а «Досье А. Л. Б.» — всего лишь небольшой пакет двадцати — двадцати пяти сантиметров в длину, перевязанный и запечатанный. Его грек возил с собой в саквояже или хранил в потайном ящике в доме.

В каком виде в папке «А. Л. Б.» содержались десять миллионов, полученные в Эпире? Загадка. Что стало с патроном машинистки после того, как она вышла замуж и уволилась? Еще одна загадка. Три года назад, когда мы впервые встретились с Бемишем, тот тоже не знал ответов на эти вопросы.

С помощью моей международной организации мы приступили к активным поискам, которые оказались долгими, но результативными. Я нашел банк в Лондоне, где грек хранил половину своего состояния, и сумел установить, что банк выплачивает проценты с размещенных в нем ценных бумаг некоему месье Х… из Парижа. Мне

стоило больших трудов разобраться, что этот месье Х… — немец; я нашел адрес этого немца и в конце концов понял, что немец и грек — одно и то же лицо…

Тут Антуан Брессак ненадолго прервался. Виктор слушал, не задавая вопросов. Александра сидела с закрытыми глазами и, казалось, спала. Брессак продолжил:

— Круг моих поисков сужался, достойное доверия агентство сработало выше всяческих похвал. Я узнал, что грек болен, очень слаб и никогда не выходит из дома, где проживает на первом этаже под охраной двух нанятых им детективов. Еще в доме есть три служанки, которые ночуют в подвале.

Эти подробности, безусловно, очень ценны. Но я раздобыл и еще кое-какие сведения, куда более важные, — копии документов об установленном в доме оборудовании. Один из них объяснял устройство электрических звонков, называемых тревожными. Мне стало ясно, что все без исключения оконные ставни снабжены незаметной системой оповещения, которая в случае даже самого слабого к ним прикосновения начинает звенеть. Это меня весьма заинтересовало. Подобные предосторожности предпринимают, когда

чего-то опасаются или, что вероятнее, что-то прячут. Так почему бы не «Досье А. Л. Б.»?

— Скорее всего, — кивнул Виктор.

— Но где находится досье? На первом этаже? Не думаю, ведь там, в окружении чужих людей, протекает повседневная жизнь нашего клиента. Второй этаж пуст и заперт. Но от уволенной старушки-служанки я узнал, что каждый день грек велит провожать его на третий, он же последний, этаж, в просторную комнату, где обустроен рабочий кабинет, в котором этот человек в одиночестве проводит время до вечера. Он разместил там все свои бумаги, книги, памятные вещицы… чего там только нет: вышивки, портреты, детские игрушки, безделушки, оставшиеся от двух любимых существ — дочери и внучки. Они обе умерли. Из разговоров со служанкой я смог постепенно составить план комнаты. — И Брессак развернул упомянутый план. — Вот здесь рабочий стол, здесь телефон, здесь книги, здесь этажерка с сувенирами, здесь камин, а над ним — окно с зеркальным стеклом. В тот день, когда я узнал про зеркальное стекло, у меня сложился план. Сейчас объясню.

Карандашом он начертил на клочке бумаги несколько линий.

— Дом стоит на широкой улице, но на отшибе и отделен от нее узким двориком, точнее — садовой аллеей и высокой решеткой. Слева и справа двор обнесен стенами. Справа за стеной пустырь, заросший кустарником; этот участок продается. Мне удалось туда проникнуть, и я увидел, что зеркальное окно в кабинете грека, выходящее на пустырь, не имеет ставен. Тогда я приступил к приготовлениям, которые сейчас почти закончены.

— И что?

— И то, что я рассчитываю на вас.

— Почему на меня?

— Потому что Бемиш в тюрьме, а вас я видел в деле.

— Условия?

— Четвертая часть добычи.

— Половина, если я найду «Досье А. Л. Б.», — заявил Виктор.

— Нет, треть.

— Согласен.

Мужчины пожали друг другу руки.

Брессак рассмеялся:

— Два негоцианта, два финансиста, заключая важную сделку, обмениваются подписями, причем чаще всего в присутствии нотариуса, тогда

как два честных человека вроде нас довольствуются рукопожатием. Итак, с этого момента я считаю, что ваша помощь мне обеспечена. Что до меня, то я, как вы знаете, всегда строго выполняю взятые на себя обязательства.

Виктор сохранял спокойствие. И даже не улыбнулся шутливому замечанию собеседника. А в ответ на его немой вопрос произнес:

— Однако ваши два негоцианта или два финансиста ставят подписи только тогда, когда полностью ознакомятся с делом.

— И что?

— Да то, что я не знаю ни имени нашего противника, ни места, где он живет, ни способов, которые вы намерены употребить, ни даты начала операции.

— И это означает?..

— Что вы не полностью мне доверяете, и это меня удивляет…

Брессак явно колебался:

— Вы выдвигаете условия?

— Ни в коем случае. У меня нет никаких условий.

— А у меня есть, — неожиданно раздался голос Александры; внезапно очнувшись от дремоты, она подошла к обоим мужчинам. — У меня есть

одно условие.

— Какое?

— Я не хочу, чтобы пролилась кровь.

2

Она обращалась к Виктору, и слова ее звучали страстно и повелительно:

— Только что вы сказали, что все эти истории с домом Леско и улицей Вожирар уже улажены. Но это не так. Ничего не улажено, ибо вы до сих пор приписываете мне убийство, а значит, ничто не помешает вам во время задуманной вылазки совершить то же, в чем вы подозреваете меня или Антуана Брессака.

Примиряющим тоном Виктор ответил:

— Мадам, я ничего не приписываю ни Антуану Брессаку, ни вам.

— Нет, приписываете.

— Что же?

— Что кто-то из нас… или по крайней мере один из наших сообщников… убил Элизу Масон.

— Нет.

— Однако в этом убеждены правосудие и газеты, это расхожее мнение публики.

— Но не мое.

— Тогда кто же мог это сделать? Подумайте са-

ми! Видели женщину, спускавшуюся по лестнице в доме Элизы Масон, и это, скорее всего, была я. Да, я действительно побывала там. Но если так, то как можно не обвинить меня в убийстве? Не прозвучало ни одного имени, кроме моего.

— Потому что единственное лицо, которое могло бы назвать иное имя, еще не имеет мужества это сделать.

— И кто же это лицо?

Виктор почувствовал, что придется отвечать четко и ясно. Упрек, брошенный им Антуану Брессаку, вынуждал его взять верх над сообщниками и еще раз во всей красе продемонстрировать свои возможности.

— Кто это лицо? — повторил он. — Виктор из специальной бригады уголовной полиции!

— Неужели?

— То, что я сейчас скажу, может показаться вам всего лишь гипотезой, хотя это чистая правда — правда, которую я постепенно вычленил из фактов и подкрепил внимательным чтением газет. Вы знаете, что я думаю об инспекторе Викторе. Конечно, он не чудо природы, но тем не менее он полицейский экстра-класса, хотя и не лишен, как и все его коллеги… как, впрочем, и любой из нас… слабостей и иногда совершает

оплошности. Так вот, в утро убийства, когда он вместе с бароном д'Отреем явился к Элизе Масон для первого допроса, он допустил ошибку, которую никто не заметил, но которая как раз и давала ключ к разгадке. Спустившись затем с бароном вниз, он посадил его в авто, велев регулировщику следить за ним, а сам зашел в кафе на первом этаже, где был телефон, чтобы позвонить в префектуру и вызвать двух агентов. Он хотел взять под наблюдение подъезд, чтобы Элиза Масон не ушла из дома, прежде чем у нее будет произведен тщательный обыск.

— Продолжайте, прошу вас, — взволнованно прошептала княгиня.

— Так вот, телефонная связь долго не устанавливалась, а потом еще четверть часа разговора… Словом, естественно, что барону пришла в голову мысль — нет, не бежать… да и зачем? Просто подняться к своей любовнице. Кто мог ему помешать? Инспектор Виктор занят. Регулировщик наблюдает за уличным движением, к тому же за капотом кабриолета барона практически не видно.

— Но зачем он захотел снова встретиться со своей любовницей? — спросил внимательно слушавший Антуан Брессак.

— Зачем? А вы вспомните сцену в комнате Элизы Масон, о которой рассказал инспектор Виктор. Когда девушка услышала, что Максим д'Отрей обвиняется не только в краже, но и в убийстве, она пришла в величайшее возбуждение. Но то, что инспектор Виктор принял за возмущение, был, без сомнения, страх. Она знала, что ее любовник украл облигации, однако ни на секунду не могла себе представить, что он был способен убить папашу Леско. И теперь она боялась его и боялась правосудия. Д'Отрей не ошибся. Он понял, что эта женщина предаст его. Вот почему он хотел вновь повидаться с ней и поговорить. У него был свой ключ от квартиры. Он начинает расспрашивать любовницу. Она отвечает ему угрозами. Д'Отрей теряет самообладание. Что ему остается делать? Он уже близок к цели, он завладел облигациями Министерства обороны, из-за которых совершил убийство; так неужели в последний момент все рухнет? И он опять убивает. Убивает обожаемую им женщину, чье нежданное предательство столь очевидно, что за несколько секунд его любовь превращается в ненависть. Спустя минуту он уже внизу, сидит в авто. Регулировщик ничего не заметил. Инспектор Виктор ничего не заподозрил.

— Но почему подозрения пали на меня? — тихо спросила княгиня.

— Потому что, придя спустя час или два после убийства, чтобы переговорить с Элизой Масон о деле, вы нашли в двери ключ, забытый убийцей. Вы вошли. Перед вами на полу — хозяйка квартиры, задушенная с помощью оранжевой с зеленым косынки, той самой, которую вы ей подарили…

Александра была потрясена.

— Верно… именно так все и было, — проговорила она. — Косынка лежала на ковре, возле тела… я подобрала ее… от ужаса я соображала очень плохо. Да, все так… именно так.

Антуан Брессак согласился с ней:

— Да… ошибка исключена… все обстояло именно таким образом… д'Отрей виновен… а полицейский регулировщик не стал бы хвастаться своей опрометчивостью. — И он похлопал Виктора по плечу. — Решительно, вы сильный тип. Я впервые встречаю человека, на которого можно полностью положиться… Маркос Ависто, мы вместе провернем отличное дельце! — И он без промедления добавил необходимые подробности: — Грека зовут Серифос. Он живет неподалеку отсюда, возле Булонского леса, в доме номер девяносто восемь-бис по бульвару Майо. Операция

состоится в ближайший вторник, вечером того дня, когда мне изготовят специальную раскладную лестницу, выдвигающуюся на двенадцать метров. Мы поднимемся вот здесь, а оказавшись на месте, спустимся открыть входную дверь троим членам моей банды, ожидающим на улице.

— Ключ от входной двери торчит в замке изнутри?

— Да, есть все основания надеяться на это.

— Но где-нибудь у входа наверняка замаскировано электрическое сигнальное устройство, которое сработает, как только мы попытаемся открыть дверь…

— Вы правы. Однако все рассчитано на нападение снаружи, а не изнутри, так что устройство мы увидим сразу и нам надо будет только отключить его или оборвать провода. После чего мои люди займутся телохранителями и свяжут их прямо в кроватях, поскольку, думаю, те уже улягутся спать. И у нас останется масса времени, чтобы сначала обшарить первый этаж, а потом обыскать рабочий кабинет на третьем этаже, где, я уверен, и припрятана его кубышка. Как вам такой план? Годится?

— Вполне.

Мужчины снова пожали друг другу руки, на

этот раз дружески.

Несколько дней, предшествовавших предприятию, были для Виктора на удивление приятными. Он предвкушал свой будущий триумф, не забывая, впрочем, вести себя весьма и весьма осторожно. Он ни разу не вышел на улицу. Ни разу не отправил письмо. Никому не звонил по телефону. Таким образом он как бы показывал Брессаку, что тот может ему доверять. Виктор, который, возможно, проявил излишнюю инициативу, продемонстрировав собственную прозорливость, снова занял подобающее ему место. Компаньон — да, но младший компаньон. Подготовкой занимался Антуан Брессак, он и принимал решения. Виктор же просто позволял руководить собой.

Но как радостно ему было наблюдать за своим грозным соперником, изучать его манеры, просто находиться рядом с этим человеком, о котором столько говорили, но которого никто толком не знал! Виктор испытывал огромное удовлетворение, ибо проделал множество сложных маневров, чтобы проникнуть в жизнь Люпена, и теперь мог сказать самому себе, что у того не появилось даже тени сомнения — ведь в ином случае он не стал бы посвящать нового компаньона во все свои планы.

Однако время от времени Виктора охватывало беспокойство. «А не играет ли он со мной? Не попаду ли я сам в такую же ловушку, которую готовлю ему? Стоит ли верить, что человек подобного масштаба даст себя столь легко одурачить?»

Но нет. Брессак чувствовал себя в полной безопасности, и Виктор раз двадцать на дню имел тому подтверждение. Но наиболее убедительным являлось поведение Александры, с которой он проводил большую и лучшую часть дня.

От ее прежней скованности не осталось и следа. Княгиня часто смеялась, была мила и, похоже, испытывала к нему признательность за то, что он снял с нее все подозрения.

— Понимаете, теперь я, по крайней мере, смогу утверждать, что не виновна в убийстве.

— А зачем кому-то вас подозревать?

— Как знать…

— Ваш друг Брессак не позволит никому вас обидеть.

Она не ответила. Ее чувства к тому, кто, возможно, был ее любовником, оставались тайной. Иногда, видя ее равнодушной и рассеянной, Виктор задавался вопросом, действительно ли Брессак ее любовник, а не просто товарищ в опасных делах, способный доставить столь необходимые ей острые ощущения. Не ореол ли, окружающий имя Люпена, привлек ее к нему и продолжал удерживать подле этого человека?

Но в последний вечер Виктор застал их в объятиях друг друга, губы их соприкасались…

Он с трудом сдержал раздражение. Нисколько не стесняясь, Александра залилась смехом:

— Знаете ли вы, почему я расточаю любезности этому господину? Чтобы получить разрешение сопровождать вас завтра! Ведь это же совершен-

но естественное желание! Но он отказывается взять меня… Женщина, видите ли, ему только помешает… Из-за ее присутствия все может провалиться… К тому же может быть опасно… Словом, целая куча отговорок.

Прозрачная туника не скрывала ее прекрасных плеч. Страстный взгляд умолял Виктора.

— Убедите его, друг мой. Я хочу пойти туда… исключительно потому, что люблю опасность… Собственно, даже не саму опасность, а страх… Да, страх… Ничто не сравнится с чувством страха… Он кружит голову… Я презираю тех, кто боится: это трусы… Мой страх — это совсем другое, он пьянит меня, как ничто на свете.

Шутливым тоном Виктор обратился к Антуану Брессаку:

— Думаю, лучшим средством исцеления от любви к страху будет показать, что как бы ни сложились обстоятельства, они не столь ужасны. С вами и со мной она перестанет испытывать это чувство.

— Что ж, — весело воскликнул Брессак, — пусть будет так, как она хочет!.. Тем хуже для нее.

3

Назавтра, незадолго до полуночи, Виктор ждал остальных на первом этаже.

Вскоре к нему присоединилась Александра, одетая в серое, сшитое по фигуре платье. Она казалась совсем юной и напоминала не женщину, решившуюся принять участие в опасном приключении, а скорее девчонку, собравшуюся на увеселительную прогулку. Впрочем, судя по ее бледности и по особому блеску глаз, под внешней веселостью таилось напряжение, готовое испугом вырваться наружу.

Она показала ему крошечный флакон.

— Противоядие… — произнесла она с улыбкой.

— Против чего?

— Против тюрьмы. Я готова принять смерть, но тюрьму — никогда.

Виктор отобрал у нее флакон и, открыв пробку, вылил содержимое на каменный пол.

— Не будет ни смерти, ни тюрьмы! — заявил он.

— И на чем основано ваше предсказание?

— На фактах. Когда с вами Люпен, нет ни смерти, ни тюрьмы.

Она пожала плечами:

— Он тоже может быть побежден.

— Ему нужно верить. Безоговорочно.

— Да… да… — негромко произнесла княгиня. — Но вот уже несколько дней меня одолевают предчувствия… дурные сны…

Раздался звук поворачиваемого в замке ключа… Входную дверь отперли снаружи. Вошел Антуан Брессак, только что завершивший последние приготовления.

— Можно идти, — сказал он. — Александра, вы по-прежнему настаиваете на своем участии? Вы помните, что лестница высокая? Наверху у вас может закружиться голова.

Она не ответила.

— А вы, друг мой? Вы в себе уверены?

Виктор тоже промолчал.

Они вышли из дома и безмолвно двинулись по пустынным улицам Нейи. Александра шла между мужчинами легкой размеренной походкой.

Безоблачное звездное небо нависало над домами и деревьями, купавшимися в электрическом свете.

Троица свернула на улицу Шарля Лафита, параллельную бульвару Майо. От улицы до бульвара тянулись дворы и сады, где высились темные, с редкими пятнами освещенных окон,

массивы домов.

Одно из владений ограждал дурно сколоченный дощатый забор, сквозь который виднелся пустырь, заросший кустарниками и травой.

Чтобы им не помешал никакой припоздниившийся прохожий, они выждали еще полчаса. Затем, пока Виктор и Александра стояли на страже, Антуан Брессак быстро отпер отмычкой висячий замок и приоткрыл калитку.

Проникнув на пустырь, они немедленно оказались в плену ветвей колючего кустарника. Под ногами валялись большие камни, оставшиеся от разрушенной постройки.

— Налево, вдоль стены. Там лестница, — шепнул Брессак.

Они нашли ее довольно быстро.

Легкая и прочная, она состояла из двух частей, одна из которых скользила в пазу другой и удлинялась до нужной высоты.

Они установили ее, погрузив ножки в кучу песка и щебня. Затем наклонили над стеной, отделявшей пустырь от соседнего двора, и медленно и осторожно прислонили ее верхний конец к третьему этажу дома, где жил грек Серифос.

С этой стороны здания из-за плотно закрытых ставен не пробивалось ни лучика света. Брессак

ощупью придвинул верхушку лестницы к окну с зеркальным стеклом, квадрат которого слабо поблескивал во мраке.

— Я поднимаюсь первым, — сказал Брессак. — Как только я скроюсь в доме, Александра последует за мной.

И он стал быстро подниматься по лестнице, чья хрупкая арматура содрогалась от его стремительных движений.

— Он у цели, — прошептал Виктор. — Сейчас он вырежет кусок стекла и откроет окно.

В самом деле спустя минуту Брессак перебрался через подоконник и спрыгнул в комнату. Затем они увидели, как, высунувшись из окна, он ухватил концы лестницы и придержал их, чтобы та не шаталась.

— Вы боитесь? — спросил Виктор княгиню.

— Совсем нет… — проговорила женщина. — Это восхитительно. Лишь бы ноги не подкосились и голова не закружилась!

Она быстро поднялась на несколько ступеней, но вдруг остановилась.

«Ноги подкашиваются, и голова закружилась», — подумал Виктор.

Пауза продолжалась больше минуты. Наконец княгиня достигла верха и скользнула в окно.

В последние дни в доме Брессака Виктор не раз говорил себе: «Они оба в моей власти. Начальник Готье доверил мне свой личный номер телефона. Один звонок — и их всех арестуют прямо в доме. Молеона никто предупреждать не станет. Весь успех операции достанется только инспектору Виктору из специальной бригады».

Однако инспектор отказался от такого решения, потому что хотел взять Люпена с поличным. Его следует схватить на месте преступления, как обычного вора.

Но разве сейчас этот момент не настал? Разве оба сообщника не угодили в мышеловку?

И все-таки он колебался… Тут в окне появился Брессак и торопливыми жестами стал призывать его наверх.

— К чему так спешить, старина? — тихо ворчал Виктор. — Ты, похоже, в отличие от своей подруги, не боишься тюрьмы. Ладно, наслаждайся, пока можешь… действуй… прикарманъ десять миллионов. Это твой последний подвиг. А потом, Люпен, баста — наручники…

И он поднялся по лестнице.

Глава 11
Страх

1

— Что вас так задержало, дружище? — спросил Брессак показавшегося в окне Виктора.

— Ничего. Я просто прислушивался…

— И что?

— Я всегда прислушиваюсь… Надо держать ухо востро.

— Ну, не будем преувеличивать, — с легким оттенком презрения произнес Брессак, полагавший излишние предосторожности ненужными.

Тем не менее он все же принял ряд мер — в частности, обвел комнату лучом электрического фонаря. Заметив на стене старинный коврик, он вскочил на стул, снял его и прикрепил на окно вместо шторы. Лишь теперь, когда изнутри не могло пробиться и лучика света, он повернул выключатель.

А потом обнял Александру и закружился с ней в бурном танце, напоминавшем одновременно канкан и джигу.

Молодая женщина снисходительно улыбалась.

Такое проявление веселья, свойственное Люпену, когда он приступал к делу, забавляло ее.

Виктор, напротив, нахмурился и сел.

— Черт возьми! — дружелюбно воскликнул Антуан. — Почему мы сидим? А как же работа?

— Я работаю.

— Любопытный способ…

— Вспомните одно из ваших приключений… уже не помню, которое по счету… Вы действовали ночью, в библиотеке какого-то маркиза, и долго смотрели на секретер, чтобы определить, где находится потайной ящик[3]. Вот и я разглядываю комнату, пока вы танцуете… Стараюсь быть вашим прилежным учеником, Люпен! Ведь лучше учителя не сыскать.

— Согласно моей теории, все надо делать быстро. У нас есть час.

— Вы убеждены, что оба стража, бывшие детективы, не совершают ночные обходы дома? — спросил Виктор.

— Нет, — уверенно ответил Брессак. — Если бы грек велел им совершать обход дома, включая и эту комнату, он тем самым признал бы, что здесь что-то спрятано. Впрочем, пора мне уже впустить

---

[3] Notes: 3

Эпизод из романа «Женщина с двумя улыбками», вошедший в сборник «Расследования Арсена Люпена» (СПб.: Азбука, 2024).

моих людей, чтобы они помешали любой попытке охраны поднять тревогу.

Усадив молодую женщину в кресло, он наклонился к ней:

— Вы не боитесь остаться здесь одна, Александра?

— Нет.

— О, меня не будет всего минут десять-пятнадцать, не больше. Все должно пройти легко и быстро. Хотите, чтобы наш друг побыл с вами?

— Нет-нет, — ответила она. — Идите… я пока отдохну…

Брессак сверился с подробным планом дома, потом тихо открыл дверь… Коридор, переходивший в переднюю, привел их ко второй двери, которую грек Серифос запирал, когда работал у себя в кабинете; сейчас ключ от нее торчал в замочной скважине. Вскоре они очутились на лестничной площадке, скупо озаренной идущим снизу светом.

Сообщники тихо, почти бесшумно спустились по лестнице.

В вестибюле, возле зажженной лампы, Брессак показал Виктору на плане комнату, где ночевали оба телохранителя. Чтобы попасть в спальню грека Серифоса, предстояло пройти через их

спальню.

Они подошли к входной двери с двумя огромными задвижками… Брессак отодвинул их. Справа располагался рычаг управления сигнальным устройством. Антуан опустил его. Возле рычага находилась кнопка, которую он нажал… в садовой ограде, что шла вдоль бульвара Майо, открылась решетчатая калитка.

Затем Брессак толкнул входную дверь, высунул наружу голову и издал тихий свист.

Трое его сообщников, трое мрачных субъектов, подошли к ним.

Брессак не сказал им ни слова: между ними все было обговорено заранее. Закрыв дверь, он снова поднял рычаг и тихо обратился к Виктору:

— Я провожу их в спальню охраны. Думаю, пока ваша помощь не требуется. На всякий случай стойте здесь, на карауле.

Оставшись один, уверенный, что сейчас за ним никто не наблюдает, Виктор опустил рычаг сигнализации, приоткрыл дверь и нажал кнопку, приводившую в движение калитку, выходившую на бульвар Майо. Теперь вход в дом был свободен. Именно этого он и хотел.

Повернувшись в сторону спален, он прислушался. Как и предполагал Брессак, нападение

на охрану прошло без сучка без задоринки. Обоих стражей застали спящими, и они не успели опомниться, как их прочно связали и заткнули им рты.

Так же поступили и с самим греком, рядом с которым Брессак на несколько секунд задержался.

— Из этого труса ничего не вытянешь, — сказал он Виктору, вернувшись. — Он полумертвый от страха. Однако когда я повел речь о рабочем кабинете на третьем этаже, глаза его забегали. Значит, я не ошибся в своих расчетах. Идемте.

— Ваши люди пойдут с нами?

— Еще чего! Искать будем мы вдвоем.

Он велел своим сообщникам не покидать первый этаж, следить за связанными пленниками и, главное, не шуметь, потому что служанки, ночевавшие в подвале, могли проснуться и поднять крик.

Когда они оказались наверху, Брессак запер тяжелую дверь коридора, чтобы сообщники не могли им помешать. В случае тревоги им достаточно было постучать, и при необходимости он им откроет.

Александра по-прежнему сидела в кресле. Ее бледное лицо напоминало застывшую маску.

— Все спокойно? — спросил Виктор. — Вам не

страшно?

— Страшно, очень страшно, — произнесла она изменившимся голосом.

— Похоже, вы прекрасно проводите время! — пошутил Виктор.

— Что за абсурд! — воскликнул Брессак. — Послушайте, Александра, нет никаких причин для страха. Мы здесь словно у себя дома. Охрана связана, мои люди стоят на страже. Если вдруг поднимется тревога, у нас есть лестница, так что путь к бегству обеспечен. Но успокойтесь, не будет ни тревоги, ни бегства. Я ничего не оставляю на волю случая.

И он немедленно приступил к поискам.

— Не так-то легко, — проговорил Виктор, — отыскать плоский конверт длиной двадцать — двадцать пять сантиметров, где находятся десять миллионов в неизвестной нам форме…

Сверяясь с планом, Брессак перечислял предметы, которые он осматривал:

— На рабочем столе телефонный аппарат… папки с оплаченными чеками… чеками на оплату… переписка с Грецией… переписка с Лондоном… бухгалтерские книги… Ничего… В ящиках папки с бумагами и письмами… Неужели тут нет ни одного потайного ящика?

— Нет, — уверенно заявил Виктор.

— Да, вы правы, — отозвался Брессак, простучав весь стол и его ящики. — И продолжил: — Этажерка с памятными вещицами… Портрет дочери… Портрет внучки. — Он прощупал оба портрета. — Рабочая корзиночка… Шкатулка для украшений пустая и без двойного дна, — добавил он, — альбом открыток с пейзажами Греции и Турции… Детский альбом с почтовыми марками… Книги по географии для детей… словари, — он пролистал их все, — книга с картинками… молитвенник… ящичек для карт… ящичек для фишек… зеркальный шкафчик для кукол…

Столь же досконально он проверил всю комнату. Все предметы были прощупаны и тщательно осмотрены. Стены простуканы, мебель внимательно исследована.

— Два часа, — объявил Виктор, продолжавший сидеть на месте и рассеянно слушавший, как Брессак проводит инвентаризацию. — Через час начнет светать… Черт побери, не пора ли подумать об отступлении?

2

— Вы с ума сошли! — воскликнул Антуан Брессак.

Он по-прежнему не сомневался в успехе. Наклонившись к молодой женщине, он спросил:

— Вы взволнованы?

— Нет-нет… — неуверенно ответила она.

— Скажите, что вас беспокоит?

— Ничего… совсем ничего… Нам пора уходить!

Брессак гневно всплеснул руками:

— О нет… Я же говорил вам… женщины должны оставаться дома… особенно такие впечатлительные и нервные, как вы!

— Но если мне станет дурно, мы ведь уйдем отсюда? — спросила она.

— Да, конечно, клянусь вам. Как только вы этого потребуете, мы покинем дом. Но умоляю вас, никаких капризов. Глупо же, право слово, прийти сюда, чтобы украсть десять миллионов, и удалиться с пустыми руками, точно зная, что конверт здесь. Это не в моих правилах.

Виктор усмехнулся, а Брессак снова принялся за дело:

— Наша работа и вправду навевает на даму тоску… Разумеется, кража не входит в круг ее интересов.

— Зачем же она тогда пришла?

— Чтобы посмотреть, как мы будем действовать в суматохе ограбления, когда нагрянет

полиция, чтобы проверить, как она сама станет себя вести. Но наше ограбление напоминает какую-то буржуазную прогулку… учет, который мелочный торговец проводит в задней комнате своей лавки.

Внезапно Виктор поднялся с места:

— Слушайте.

Они прислушались.

— Я ничего не слышу, — сказал Брессак.

— Да-да, вы правы… — признал Виктор. — Мне показалось.

— Звук донесся со стороны пустыря? Это удивительно, ведь я запер все как следует.

— Нет, из дома…

— Но это невозможно! — воскликнул Брессак.

Воцарилась долгая тишина, нарушаемая только постукиванием перебираемых Брессаком предметов. Нечаянно он уронил какую-то вещицу.

Молодая женщина испуганно привстала:

— Что случилось?

— Слышите? — воскликнул Виктор, опять вскакивая. — Да прислушайтесь же!

— О чем это вы? — нервно спросил Брессак.

Они замерли.

— Все тихо, — заявил Брессак.

— Нет, я убежден, что на этот раз шум доносится снаружи.

— Черт возьми, какой же вы зануда! — сказал Брессак, которого начинал раздражать его странный союзник, который всегда настороже и при этом всегда невозмутим. — Лучше займитесь поисками вместе со мной.

Не шелохнувшись, Виктор продолжал вслушиваться. По бульвару проехала машина. В соседнем дворе залаяла собака.

— Я тоже что-то слышу… — произнесла Александра.

— А ведь вы кое о чем не подумали, — проговорил Виктор. — Я сразу обратил на это внимание, когда поднимался сюда. Луна тогда только всходила на небосклоне, а теперь стена и лестница наверняка уже ярко освещены.

— А мне все равно! — воскликнул Брессак.

Однако он все же захотел удостовериться и, потушив свет, откинул коврик, приоткрыл окно и высунулся наружу.

Почти сразу Виктор и Александра услышали сдавленное проклятье. Что произошло? Что он увидел на заброшенном пустыре?

Брессак закрыл окно и, не зажигая света, сообщил:

— Лестницы нет.

Испустив хриплый крик, Виктор бросился к окну и тоже негромко выругался. Потом, закрыв окно и снова занавесив его ковриком, он подтвердил:

— Да, лестницы нет.

Включив свет, Виктор попытался осмыслить этот непостижимый факт:

— Лестница не могла исчезнуть сама по себе… Кто ее убрал? Полицейские? В таком случае мы попались, потому что они видели, куда она ведет — на третий этаж, вот к этому самому окну…

— Ну и?..

— Ну и они обязательно проникнут в дом и схватят нас с поличным. Поэтому надо готовиться к штурму. Полагаю, дверь в конце коридора заперта?

— Да!

— Хотя они легко ее взломают. Что для них какая-то там дверь! Нет, говорю вам… будет штурм! Нас схватят, всех троих, как кроликов в норе!

— Вас, может, и схватят, но если вы думаете, что я так просто им сдамся, то вы ошибаетесь, — возразил Брессак.

— Но ведь лестница исчезла…

— А окна?

— Мы на третьем этаже, а этажи здесь высокие. Вам, возможно, и удастся улететь, а нам — нет. Впрочем…

— Что — впрочем? — прорычал Брессак.

— Вы прекрасно знаете, что внешние ставни соединены проводами с системой сигнализации. Представляете, какой звон начнется среди ночи?..

Брессак окинул своего сообщника недобрым взглядом. Почему этот чертов тип вместо того, чтобы действовать, занимается тем, что перечисляет препятствия, да еще и преувеличивает их опасность?

Утонув в кресле, Александра, сжав кулачки, прижала их к щекам. Она не знала, как еще можно сдержать закипавший в ней страх. И сидела молча и неподвижно.

Антуан Брессак осторожно открыл одно окно. Никакого сигнала тревоги. Значит, сигнализация соединялась со ставнями. Он старательно, сверху донизу, обследовал их, осмотрел все пазы и выемки.

— Нашел! Глядите… Не знаю, где расположен механизм, но вот проволока, ведущая наружу, к звонку, который должен находиться где-то на первом этаже.

Маленькими щипчиками он быстро перерезал проволоку. Потом осторожно сдвинул железный брус, удерживавший все четыре створки ставен, и поднял щеколду.

Осталось только легонько толкнуть.

И он рискнул…

Результат не заставил себя ждать: с потолка донесся дребезжащий, словно подгоняемый пружиной, звонок.

3

Брессак стремительно захлопнул ставни, закрыл окно и задернул шторы, чтобы звук не вырвался наружу. Но в доме тревожный звонок продолжал пронзительно трещать в таком частом ритме, словно он и сам пришел в отчаяние.

Виктор ровным тоном объявил:

— Есть два провода: один — внешний, который вы перерезали, другой — внутренний. Это дает обитателям дома уверенность, что их не застанут врасплох.

— Идиот, — сквозь зубы выругался Брессак.

И подтащил стол к углу комнаты, откуда раздавался звук. Поставив на стол стул, он взобрался на созданную им конструкцию.

Вдоль карниза бежал второй провод. Он пере-

резал его. Раздражающий звук прекратился.

Антуан спустился и вернул стул и стол на место.

— Опасности больше нет, — сказал Виктор. — Вы можете бежать через окно, звонок замолчал.

Шагнув к нему, Брессак схватил его за руку:

— Я убегу, когда сочту нужным. А это случится только тогда, когда я найду конверт с десятью миллионами.

— Но это невозможно! Вы их не найдете.

— Почему же?

— У нас нет времени.

— Да что вы такое городите?! — Брессак возмущенно встряхнул его за плечи. — Все, что вы говорите, чистейшая глупость. Лестница просто упала либо съехала в сторону. Или какой-то дурень-шутник утащил ее, или же она кому-то понадобилась. Так что все ваши ужасы — сплошные выдумки. Охрана связана… мои люди настороже. И мы должны продолжать свою работу.

— Она уже закончена.

Брессак, вне себя от гнева, погрозил ему кулаком:

— Я вот-вот вышвырну вас в окно, старина! А что до вашей доли… теперь она равна нулю! Так что можете убираться на все четыре стороны!

Он умолк. С улицы донесся свист… Легкий и короткий звук шел со стороны пустыря.

— Теперь-то вы слышали? — спросил Виктор.

— Да… это на улице… какой-нибудь запоздалый прохожий…

— Или те люди, что унесли лестницу и сейчас находятся на пустыре… А возможно, они отправились за полицией.

Ситуация становилась невыносимой. Реальная, неумолимая опасность была совсем рядом. Она бродила вокруг, но никто не знал в точности ни откуда она явилась, ни какого она рода. «Да и опасность ли это?» — спрашивал себя Брессак. Нарастающий страх Александры и странное поведение чертова сообщника тревожили его и одновременно приводили в ярость.

Миновали пятнадцать минут; неясное беспокойство нарастало, а атмосфера в комнате постепенно сгущалась… в конце концов людям стало попросту трудно дышать. Александра вцепилась в ручки кресла и устремила неподвижный взгляд на закрытую дверь, откуда могла угрожать опасность. Брессак продолжил было поиски, но затем прекратил их, возможно осознав всю их бессмысленность.

— Операция плохо подготовлена, — заметил

Виктор.

Гнев Брессака вырвался наружу, и он накинулся на того, кого еще совсем недавно называл «старина». Виктор отразил удар и снова саркастически повторил:

— Операция плохо подготовлена… Мы не знаем, где искать… Сплошь сумятица да недоразумения!..

Брессак обругал его. Они, вероятно, сцепились бы, если бы Александра не подбежала, чтобы разнять их.

— Уйдем отсюда! — повелительным тоном произнесла она.

— Что ж, я готов, — воскликнул Брессак. — Дорога свободна.

И он вместе с Александрой направился к двери. Но Виктор вдруг воинственно заявил:

— А я остаюсь!

— Ну уж нет! Вы тоже уходите.

— Я остаюсь. Когда я что-нибудь предпринимаю, то довожу дело до конца. Вспомните ваши собственные слова: «Глупо же, право слово, прийти сюда, чтобы украсть десять миллионов, и удалиться с пустыми руками, точно зная, что конверт здесь. Это не в моих правилах». И не в моих тоже. Так что я остаюсь.

Брессак шагнул к нему:

— Однако вы наглец! И я давно уже задаюсь вопросом, какова ваша роль в этом деле.

— Роль человека, который сыт по горло.

— И что вы намереваетесь делать?

— Поставить дело на новые рельсы. Повторю: операция была подготовлена плохо. Паршивая подготовка, дурное исполнение.

— Да вы безумец! Мы начнем сначала, но позднее.

— Позднее будет слишком поздно. Я начинаю немедленно.

— И что вы, черт побери, собираетесь предпринять?

— Вы не умеете искать… Я тоже. Впрочем, для этого существуют специалисты.

— Специалисты?

— В наше время везде нужны специалисты. Я знаю асов обысков. И сейчас позвоню одному из них.

Он подошел к телефону и снял трубку:

— Алло…

— Проклятье! Что вы делаете?

— Единственно возможную и разумную вещь. Мы на месте. Нужно этим воспользоваться и уходить непременно с добычей. Алло, мадемуазель,

дайте мне, пожалуйста, Шатле двадцать четыре ноль-ноль…

— Но кто это?

— Один из моих друзей. Ваши друзья тупицы и дураки, и вы им не доверяете. А мой друг настоящий профессионал, и он мгновенно все уладит. Вот увидите. Алло… Шатле двадцать четыре ноль-ноль? А, это вы шеф… говорит Маркос Ависто. Я в доме девяносто восемь-бис по бульвару Майо, на третьем этаже. Приезжайте и присоединяйтесь ко мне. Садовые ворота и дверь в дом открыты. Берите два авто и четверых или пятерых человек… да, и непременно Лармона… Внизу вы найдете трех сообщников Арсена Люпена, которые попытаются сопротивляться… А на третьем этаже — самого Люпена, в нокауте, связанного по рукам и ногам, словно мумия.

Виктор замолчал. В левой руке он держал телефонную трубку, а в правой у него внезапно появился браунинг, нацеленный на Брессака.

— Спокойно, Люпен, — воскликнул Виктор, — или я пристрелю тебя как собаку! — И продолжил говорить по телефону: — Вы все поняли, шеф? Жду вас через три четверти часа. Надеюсь, вы узнали мой голос? Ошибок быть не может? Да, Маркос Ависто, иначе говоря… Иначе говоря…

Он сделал паузу, улыбнулся Брессаку, поклонился молодой женщине и отшвырнул оружие в другой конец комнаты:

— Инспектор Виктор из специальной бригады уголовной полиции.

Глава 12
Триумф Люпена

1

Виктор из специальной бригады уголовной полиции! Знаменитый Виктор, который постепенно, благодаря своей исключительной проницательности, размотал запутанный клубок преступления! За двадцать четыре часа разоблачил трех первых похитителей желтого конверта! Обнаружил папашу Леско! Преследовал барона д'Отрея и довел его до самоубийства! Переиграл хитрого Феликса Деваля! Так это он, под видом перуанца Маркоса Ависто…

Брессак, не дрогнув, перенес внезапный удар. Он позволил Виктору повесить телефонную трубку, поразмыслил несколько секунд, а потом тоже вытащил револьвер.

Догадавшись о его намерении, Александра в испуге бросилась к нему:

— Нет… Нет!.. Только не это!

Впервые обратившись к ней на «ты», он прошептал:

— Ты права. Впрочем, результат будет тот же.

Виктор насмешливо взглянул на него:

— Что за результат, Брессак?

— Результат нашей борьбы.

— Верно. Ведь он уже предрешен, — ответил Виктор, взглянув на часы. — Половина третьего… Думаю, через сорок минут мой шеф, господин Готье, начальник уголовной полиции, прибудет сюда в сопровождении своих бравых ребят и положит руку на плечо Арсена Люпена.

— Согласен. Но чем же ты, шпик, намерен заняться до его приезда?

— До его приезда?

— Ведь за это время многое может измениться.

— Ты уверен?

— Почти так же, как и ты. Да, до его приезда, месье Виктор…

Брессак твердо стоял на ногах, скрестив на широкой груди руки; он был выше своего противника и значительно более крепок и силен, чем старый инспектор с морщинистым лицом и сутулыми плечами.

— До его приезда, — произнес Виктор, тоже переходя на «ты», — ты будешь спокойно сидеть на месте, добрый мой Люпен… Да, понимаю, тебе смешна сама мысль о дуэли между Виктором и Люпеном, и сейчас ты уверен, что имеешь дело

только со мной. Один щелчок, и все будет кончено. Шут! Речь идет не о мускулах и бицепсах, но о мозге! А вот мозгов-то тебе, Люпен, и не хватило — по крайней мере, в последние три недели. Какая тупость! Неужто это тот самый знаменитый Люпен, которым я пугал самого себя? Люпен непобедимый! Люпен гигант! Ах, Люпен, теперь я задаюсь вопросом, а не сопутствовала ли тебе до сих пор простая удача, не объясняются ли все твои победы и твоя слава тем, что ты ни разу не встречал достойного соперника? Такого, как я!.. Как я!

И, ударив себя в грудь, Виктор еще дважды повторил:

— Как я! Как я!

Антуан Брессак вскинул голову:

— Согласен, полицейский, ты отлично провернул это дельце. Твоя первоклассная комедия с Александрой… кража заколки… грабеж скупщика краденого… все просто великолепно!.. А суматоха в «Кембридже», способ, которым ты спас нас!.. Дьявольщина, и как я мог поверить этому актеришке!

Держа в руке часы, Брессак постоянно посматривал на них.

— Ты дрожишь, Люпен! — со смехом произнес

Виктор.

— Я?

— Да, ты! Ты все еще хорохоришься. Но что ты скажешь, когда тебя возьмут за шиворот? — И Виктор прыснул со смеху. — Надо же! Струсил как заяц! Именно этого я и добивался… доказать, что на самом деле ты тряпка. И выставить тебя в таком виде перед Александрой, над которой ты посмеивался! Говоришь, лестница исчезла? Но она всего в метре от прежнего места, там, куда я ее оттолкнул, когда влезал в окно… Ах, как же ты перепугался! И я в этом нисколько не сомневаюсь, потому что когда я звонил по телефону, ты даже не подумал помешать мне, да и сейчас ничего не делаешь, надеясь в конце концов смыться через дверь, позабыв о своих миллионах. — И Виктор, топнув ногой, воскликнул: — Да сопротивляйся же ты, трус! Посмотри, твоя любовница не спускает с тебя глаз. Ты что, заболел? Совсем ослаб? Ну скажи хоть слово, хоть рукой пошевели!

Брессак не двигался. Казалось, сарказм Виктора его совершенно не трогал, можно было подумать, будто он и вовсе не слышит этих насмешек. Взглянув на Александру, он увидел, что женщина неотрывно смотрит на инспектора.

Потом Брессак вновь глянул на часы.

— Двадцать пять минут, — процедил он сквозь зубы. — Это гораздо больше, чем мне нужно.

— Верно, гораздо больше, — произнес Виктор. — Минута, чтобы спуститься двумя этажами ниже, и еще минута, чтобы выйти из дома со своими приятелями.

— Мне потребуется еще одна минута, — уточнил Брессак.

— Для чего?

— Чтобы проучить тебя.

— Дьявольщина! Ты хочешь меня отшлепать?

— Нет, хорошенько поколотить тебя на глазах у моей, как ты выразился, любовницы. Когда появится полиция, она найдет тебя слегка поцарапанным, помятым и крепко связанным…

— И с твоей визиткой во рту.

— Именно так, с визиткой Арсена Люпена… Надо уважать традиции. Александра, потрудись, пожалуйста, открыть дверь.

Александра не шелохнулась. Неужели волнение парализовало ее?

Брессак подбежал к двери и тотчас выругался:

— Черт возьми, она заперта на ключ!

— Как? — иронически осведомился Виктор. — Неужели ты не заметил, как я запер ее?

— Дай мне ключ.

— Ключа два: от этой двери и от двери в конце коридора.

— Дай мне оба.

— Это было бы слишком просто. Тогда бы ты спустился по лестнице и вышел из дома, как достойный буржуа, покидающий собственное жилище. Ну уж нет. Да будет тебе известно, что между тобой и выходом стоит воля Виктора из специальной бригады уголовной полиции. В конечном счете всю авантюру задумал я и осуществил тоже я. Ты или я! Люпен или Виктор! Молодой Люпен с тремя крепышами-приятелями, револьвером и кинжалами. И старый Виктор, совершенно один и безоружный. Ну и, конечно, прекрасная Александра как свидетель сражения и дуэльный арбитр.

Брессак, с суровым лицом, неумолимо надвигался на него.

Виктор не тронулся с места. Времени оставалось мало. Прежде чем явится полиция, старик Виктор должен быть повержен, наказан, и у него надо забрать ключи.

Еще два шага.

Виктор рассмеялся:

— Иди же сюда! Не щади моих седин! Давай, смелее!..

Еще шаг. Внезапно Брессак прыгнул на соперника и всем своим весом повалил его на пол. Сцепившись, они покатились по паркету, и дуэль сразу приняла характер яростной, почти дикой схватки. Виктор попытался высвободиться, но разжать объятия Брессака оказалось невозможно.

Александра с ужасом смотрела на дерущихся, однако не трогалась с места, словно не хотела влиять на исход борьбы, словно ей было безразлично, кто выйдет победителем. Похоже, охваченная тревогой, она просто ждала.

Однако период неуверенности оказался коротким. Несмотря на физическое превосходство Брессака, несмотря на возраст Виктора, инспектору удалось взять верх. Он вскочил на ноги — казалось, даже не запыхавшись — и с любезным видом, совершенно ему несвойственным, широко улыбнулся. Еще и поклонился, как это делает цирковой борец, уложивший своего соперника на лопатки.

А соперник действительно лежал неподвижно, распростершись на полу.

2

На лице молодой женщины было написано сильнейшее изумление: она явно не ожидала такой развязки, ни на миг не допуская поражения Антуана Брессака.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Виктор, обшаривая карманы поверженного противника и вытаскивая оттуда оружие: револьвер и кинжал. — У меня есть удар собственного изобретения, действующий мгновенно… Кулак бьет в определенное место, и новых ударов не требуется. Впрочем, никаких серьезных последствий это не несет… Удар болезненный, но выводит жертву из строя всего на час… Бедняга Люпен…

Но она не волновалась. Она уже определила свое место в происходивших событиях и теперь думала только о том, что случится дальше и каковы намерения этого странного субъекта, в очередной раз удивившего ее.

— Как вы намереваетесь с ним поступить?

— Как? Сдам его полиции. Через четверть часа на него наденут наручники.

— Вы этого не сделаете. Отпустите его.

— Нет.

— Умоляю вас.

— Вы просите меня за этого человека… а за себя?

— За себя я не прошу. Делайте со мной, что хотите.

Для женщины, которая только что трепетала от страха и которой грозила непосредственная опасность, она говорила на удивление спокойно.

Он подошел к ней и негромко произнес:

— Все, что хочу? Тогда уходите, и немедленно.

— Нет.

— Когда сюда приедет мое начальство, я уже не смогу отвечать за вас. Уходите.

— Нет. Все ваше поведение доказывает, что вы всегда поступаете по собственному желанию, не считаясь с полицией и даже наперекор ей, когда вам так удобнее. Раз вы предлагаете бежать мне, то спасите и Антуана Брессака. Иначе я остаюсь.

Виктор недоумевал:

— Так вы его любите?

— Это не имеет значения. Спасите его.

— Нет!

— Тогда я остаюсь.

— Уходите!

— Я остаюсь.

— Что ж, тем хуже для вас! — в ярости воскликнул он. — Ибо нет в мире такой силы, которая

заставила бы меня спасти его. Вы слышите? Вот уже месяц, как я делаю все, чтобы схватить его! Вся моя жизнь свелась теперь к этой цели… арестовать его!.. разоблачить!.. Я его ненавижу? Да, возможно, но главное — я его презираю.

— Презираете? Почему?

— Почему? Что ж, я объясню вам, раз вы до сих пор не поняли, в чем тут дело. А ведь все совершенно ясно!

В эту минуту мертвенно-бледный Брессак попытался приподняться, тяжело вздохнул… но тут же рухнул на пол. Было понятно, что, помышляя о бегстве, он все-таки признавал свое безусловное поражение.

Обеими руками Виктор обхватил ладонями лицо молодой женщины и властно проговорил:

— Не смотрите на меня… Не вопрошайте ни о чем своим жадным взглядом… Смотреть надо не на меня… Это он… человек, которого вы любите, а точнее, любите легенду о нем, легенду о его неукротимой смелости и неиссякаемой изобретательности. Так взгляните же на него! Не отворачивайтесь! Взгляните и признайтесь, что вы разочарованы. Вы ожидали большего, не так ли? Настоящий Люпен повел бы себя иначе!

И, указывая пальцем на побежденного, он зло

рассмеялся:

— Разве настоящий Люпен позволил бы играть с собой, как с младенцем? Не будем говорить о его просчетах, совершенных в самом начале подготовки этого дела, о том, как, обведя вас вокруг пальца, я втерся к нему в доверие, а потом и поселился в его доме в Нейи. Но здесь, вот в этом доме, в эту ночь, что он сделал? Целых два часа плясал под мою дудку! Я дергал его за ниточки, как марионетку. И это Арсен Люпен? Лавочник, подсчитывающий убытки, — вот он кто! Ни одной светлой мысли! Пока я манипулировал им, пока запугивал его, он нес всякую околесицу. Посмотрите теперь на вашего Люпена, на этого дурака в заячьей шкуре. А когда я легонько пощекотал ему бока, он побледнел так, что было похоже, будто его вот-вот стошнит. А ведь это поражение! Но Люпен, настоящий Люпен, никогда не смирится с поражением. И когда всем кажется, что ему конец, он возрождается снова.

Виктор выпрямился. Он словно бы стал выше ростом.

Александра, дрожа, произнесла:

— Что вы хотите этим сказать? В чем его обвиняете?

— Нет, это вы его обвиняете.

— Я?.. Я?.. Не понимаю…

— Понимаете. Истина начинает доходить до вас… Неужели вы и вправду считаете, что этот человек настолько велик, как он вам внушил? Неужели вы любили его? Или все же вы любили кого-то безмерно более талантливого… Настоящего предводителя, которым никак не может быть этот вульгарный авантюрист? Настоящий предводитель, — добавил он, ударяя себя в грудь, — узнается сразу, его ни с кем нельзя спутать! Вождь всегда, в любой ситуации, остается вождем! Как же вы могли быть так слепы и ничего не заметить?

— Что вы хотите сказать? — повторила она в растерянности. — Если я ошиблась, скажите в чем. Кто он такой?

— Антуан Брессак.

— А кто такой Антуан Брессак?

— Антуан Брессак, и ничего более.

— Нет, вы не правы! В нем живет другой человек! Кто он?

— Вор! — яростно воскликнул Виктор. — Вор, и только вор. Когда у тебя почти нет средств и ты не блещешь умом, что может быть удобнее, чем украсть прославленное имя?! И вот ты уже в одночасье герой! Можно безудержно хвастаться.

Можно напустить туману и шепнуть женщине: «Я — Люпен», а если эта женщина сломлена жизнью, если она ищет сильных ощущений, ищет чего-то необычного и недосягаемого, то роль Люпена подходит как нельзя более кстати, даже если ты и справляешься с ней через пень-колоду… Вплоть до того дня, когда события сами разоблачат тебя и швырнут на землю, как манекен.

Красная от стыда, она прошептала:

— О, как такое возможно?!. Вы уверены?

— Посмотрите же на него, как я вас и прошу с самого начала, и вы сами во всем убедитесь…

Она не повернула головы. Противилась реальности. Ее пылающий взгляд устремился на Виктора; казалось, что у нее невольно пробуждаются иные, пока еще смутные мысли.

— Уходите, — сказал он. — Люди Брессака вас знают, они вас выпустят… Впрочем, лестница также в вашем распоряжении…

— Зачем? — вымолвила она. — Я предпочитаю подождать.

— Подождать кого? Полицейских?

— Мне все равно, — удрученно ответила она. — Однако… небольшая просьба.

— Какая?

— Те трое внизу… они просто грубые недоум-

ки… Когда приедет полиция, может начаться схватка… не надо жертв…

Виктор взглянул на Брессака; тот по-прежнему лежал на полу и тяжело дышал, не способный ни на какие действия. Тогда инспектор отпер дверь, прошел в конец коридора и свистнул. Тотчас снизу прибежал один из трех караульных.

— Быстро убирайтесь… сюда едет полиция! Главное, не забудьте оставить открытыми ворота в сад.

И он вернулся в кабинет.

Брессак не шевелился.

Александра, похоже, и не думала подходить к нему.

Они даже не обменялись взглядами. Словно чужие друг другу люди.

Прошло несколько минут. Виктор прислушивался.

С улицы донесся шум мотора. На бульваре перед домом остановился автомобиль, за ним еще один.

Александра вцепилась ногтями в обивку кресла. Она была бледна, однако же владела собой.

На первом этаже зазвучали голоса. Потом наступила тишина.

— Готье и его агенты вошли в дом, — прошеп-

тал Виктор. — Они освобождают телохранителей и грека.

В эту минуту Антуан Брессак нашел в себе силы подняться и подойти к Виктору. Лицо его выражало скорее страдание, чем страх. Указывая на Александру, он пробормотал:

— Что будет с ней?

— Не думай об этом, бывший Люпен. Теперь это тебя не касается. Думай лишь о себе. Брессак ведь не твое настоящее имя?

— Нет.

— А настоящее можно узнать?

— Нет.

— Убил кого-нибудь?

— Нет. Разве что ударил ножом Бемиша. Впрочем, это еще надо доказать.

— Ограбления?

— Никаких веских улик.

— Короче говоря, несколько лет тюрьмы.

— Не больше.

— Ты их заслужил. А потом?.. На что будешь жить?

— На облигации Министерства обороны.

— Тайник, куда ты их спрятал, надежен?

Брессак улыбнулся:

— Лучше, чем тайник д'Отрея в такси. Найти

невозможно.

Виктор похлопал его по плечу:

— Ладно, думаю, мы все уладим. Я не злопамятен. Ты был мне противен за то, что украл славное имя Люпена, опустил до своего уровня человека такого масштаба. Подобных проделок я не прощаю, поэтому и позволю тебя арестовать. Но если ты не станешь болтать лишнего на следствии, то твой фокус с такси я вменять тебе в вину не буду.

Внизу возле лестницы раздались голоса.

— Это они, — произнес Виктор. — Обыскивают вестибюль и сейчас поднимутся сюда.

Внезапно его охватила неистовая радость, и он с потрясающей легкостью принялся танцевать. Очень забавно было видеть, как этот седовласый господин, посмеиваясь, выкидывает немыслимые антраша:

— Смотри, мой дорогой Антуан, вот что называется шагом Люпена! Ничего общего с твоими недавними прыжками! Ах, для этого надо обладать священным огнем, восторженностью настоящего Люпена, который слышит шаги полиции, кто в одиночку, окруженный врагами, может крикнуть полицейским агентам: «Вот истинный Люпен! Виктора из специальной бригады уголовной полиции не существует. Есть

только Люпен. Люпен и Виктор — одно и то же лицо. Если хотите арестовать Люпена, арестуйте Виктора». — Внезапно он остановился перед Брессаком. — Знаешь, я прощаю тебя. За то, что ты доставил мне такую минуту, как эта, я сокращаю твое наказание до двух лет, и из них лишь год в тюрьме. Через год я устрою твой побег. Согласен?

Изумленный Брессак пробормотал:

— Но кто же вы?

— Ты же слышал, приятель…

— Как? Разве вы больше не Виктор?

— Действительно, когда-то жил колониальный чиновник по имени Виктор Отен, кандидат на должность полицейского инспектора в Управлении безопасности. Но он умер, оставив мне свои документы в тот самый момент, когда я решил, что неплохо будет время от времени играть роль полицейского. Только об этом ни слова. Продолжай выдавать себя за Люпена, — так будет лучше. И не болтай о своем доме в Нейи, и, конечно, ни слова об Александре. Понял?

Голоса приближались. Внизу слышался неясный гомон.

Направившись навстречу месье Готье, Виктор, проходя мимо молодой женщины, тихо сказал ей:

— Закройте лицо носовым платком и ничего не бойтесь.

— Я ничего и не боюсь, — ответила она.

В сопровождении Лармона и еще одного агента появился господин Готье. Остановившись на пороге, он удовлетворенно обозрел представшую перед ним картину.

— Ну как, Виктор, все в порядке? — весело воскликнул он.

— Да, шеф.

— А этот тип и есть Люпен?

— Собственной персоной, под именем Антуана Брессака.

Готье взглянул на пленника, любезно ему улыбнулся и велел агенту надеть на него наручники.

— Приятно, однако, черт возьми! — проговорил он. — Арестовать самого Арсена Люпена! Знаменитый, неуловимый, непобедимый Арсен Люпен попал в ловушку, схвачен! Полиция торжествует! Не каждый день нам попадается такая крупная рыба… Наконец-то Арсен Люпен арестован, арестован Виктором из специальной бригады уголовной полиции. Да, эту дату следует запомнить! Скажите, Виктор, месье хорошо себя вел?

— Как агнец, шеф.

— Что-то у него несколько помятый вид.

— Мы немножко поборолись. Но это ничего.

Господин Готье повернулся к Александре, которая, склонив голову, прижимала к глазам платочек.

— А это что за женщина, Виктор?

— Любовница и сообщница Люпена.

— Дама из кинотеатра? Женщина из дома Леско и с улицы Вожирар?

— Да, шеф.

— Мои поздравления, Виктор. Какой улов! Скоро вы все мне расскажете, со всеми подробностями. А что касается облигаций Министерства обороны, то, полагаю, они исчезли? Люпен спрятал их в надежном месте?

— Они у меня в кармане, — заявил Виктор, вытаскивая конверт с девятью облигациями Министерства обороны.

Потрясенный Брессак так и подскочил на месте.

— Мерзавец! — бросил он Виктору.

— Вот и отлично! — отозвался тот. — Наконец-то ты ожил. Говоришь, тайник найти невозможно? Старая канализация в твоем доме… И ты считал, что никто не сумеет догадаться? Дитя! Я обнаружил его в первую же ночь, когда оказался у тебя в гостях.

Он шагнул к Антуану Брессаку и тихо, так, чтобы мог услышать только лже-Люпен, произнес:

— Молчи… я все тебе возмещу… семь или восемь месяцев тюрьмы, не больше… а потом отличная пенсия, как у ветеранов войны, и табачная лавочка в придачу. Идет?

Тем временем подошли остальные полицейские. Они освободили грека, и теперь тот, поддерживаемый с двух сторон своими телохранителями, отчаянно бранился и размахивал руками.

Заметив Брессака, он немедленно закричал:

— Я его узнаю! Это он ударил меня и заткнул мне рот! Я его узнал!

Но вдруг он замер, словно объятый внезапным ужасом, и едва не упал. Протянув руку к этажерке с сувенирами, он пробормотал:

— Они украли у меня десять миллионов! Альбом с марками! Бесценную коллекцию! Я мог продать ее за десять миллионов. Мне двадцать раз это предлагали… И это он, он! Пусть его обыщут!.. Негодяй!.. Десять миллионов!

3

Брессака обыскали; в полной растерянности, тот даже не сопротивлялся. Виктор ощутил на

себе тяжесть двух настойчивых взглядов: Александры, которая, отняв от глаз платок, подняла голову, и Брессака, смотревшего на него с изумлением. Десять миллионов исчезли… Но в таком случае… Голова Брессака заработала, и он что-то невнятно прошептал, словно намереваясь обличить истинного похитителя, чтобы защитить себя и Александру.

Однако взгляд Виктора, направленный на Брессака, был настолько властным, оказывал такое сильное влияние на этого человека, что он промолчал. Прежде чем обвинять, следовало поразмыслить, разобраться. Он не понимал, каким образом могли исчезнуть десять миллионов, если безуспешными поисками занимался он один, а Виктор даже не трогался с места.

Вскинув голову, Виктор заявил:

— Утверждения господина Серифоса меня удивляют. Будучи приятелем Антуана Брессака, я сопровождал его сюда и наблюдал за ним во время его поисков. Он ничего не нашел.

— Но…

— Но у Брессака было трое сообщников, все трое сбежали; впрочем, я могу их описать. Без сомнения, это они стащили деньги, точнее, альбом, о котором говорит месье Серифос.

Брессак пожал плечами. Он прекрасно знал, что никто из его сообщников не входил в комнату. Однако он ничего не сказал. Делать было нечего. С одной стороны — правосудие и вся его мощь… с другой — Виктор. Он выбрал Виктора.

Итак, в половине четвертого утра все было кончено. Допросы отложили на потом. Господин Готье решил увезти Антуана Брессака и его любовницу в отделение уголовной полиции, чтобы допрашивать их там.

Позвонили в комиссариат в Нейи. Кабинет грека опечатали, в доме, помимо обоих телохранителей и Серифоса, остались еще два агента.

Господин Готье и два инспектора усадили Брессака в автомобиль префектуры. Виктор вместе с Лармоном и еще одним агентом взялись сопровождать молодую женщину.

Занималась заря, когда они выехали на бульвар Майо. Холодный воздух покалывал кожу.

Проехав через Булонский лес, они по авеню Анри Мартена добрались до набережных. Первый автомобиль предпочел другой маршрут.

Забившись в угол, Александра по-прежнему прятала лицо под платком. Сидя возле открытого окна, она дрожала от холода. Виктор поднял стекло, а когда они подъезжали к префектуре,

попросил шофера остановиться и обратился к Лармону:

— Прохладно… Надо бы согреться. Как ты считаешь?

— Согласен.

— Тогда пойди и принеси нам пару кружек кофе. А я побуду в авто.

Машины торговцев зеленью, направлявшихся на Центральный рынок, выстроились перед дверями винной лавочки, дверь которой была приоткрыта. Выскочив из машины, Лармон забежал в магазинчик. Следом за ним Виктор отправил и инспектора:

— Забыл попросить Лармона захватить еще и круассанов. Сбегай к нему да возвращайтесь оба побыстрее!

Он опустил стекло, отделявшее его от шофера, и, когда тот обернулся, нанес ему мощный удар в челюсть. Затем выскочил из автомобиля, распахнул переднюю дверцу, схватил потерявшего сознание шофера, выволок его из машины и уложил на мостовой, а сам занял его место за рулем.

Набережная была пустынна, никто ничего не видел.

Он набрал скорость и помчался вперед.

Автомобиль пролетел по улице Риволи и авеню

Елисейских Полей, выехал на дорогу в Нейи и остановился на улице дю Руль, где располагался небольшой домик Брессака.

— У вас есть ключ?

— Да, — ответила Александра, казавшаяся на удивление спокойной.

— Вы можете пробыть здесь два дня без всякого риска. Но потом уезжайте, укройтесь у кого-нибудь из подруг. Позднее вы сможете перебраться за границу. Прощайте.

И он умчался в машине префектуры.

К этому времени начальника уголовной полиции уже предупредили о непостижимом поведении Виктора и о его бегстве в обществе пленницы.

Отправились к нему домой. Оказалось, что утром, загрузив в багажник несколько чемоданов, он вместе со старым слугой уехал в неизвестном направлении в автомобиле префектуры.

Автомобиль вскоре обнаружили посреди Венсеннского леса.

Что все это значило?

Вечерние газеты расписали приключение во всех подробностях, однако никто не высказал ни одной правдоподобной гипотезы.

Разгадка появилась только на следующий день,

когда телеграфное агентство «Гавас» опубликовало послание Арсена Люпена, вызвавшее взрыв как радости, так и негодования.

Вот его точный текст:

КРАТКИЙ ОТЧЕТ

Я обязан предупредить публику, что инспектор Виктор из специальной бригады уголовной полиции исполнил свою роль до конца. В последнее время в связи с кражей облигаций Министерства обороны она сводилась главным образом к преследованию Арсена Люпена, а точнее – ибо правосудие и публика не должны более пребывать в заблуждении – к разоблачению некоего господина по имени Антуан Брессак, узурпировавшего почтенное имя и блистательную личность Арсена Люпена. Виктор из специальной бригады уголовной полиции взялся за дело с особым пылом и упорством, демонстрировавшими его полное неприятие обычных методов полиции.

Сегодня, благодаря Виктору, псевдо-Люпен за решеткой, а Виктор, выполнив свою задачу, исчез.

Но он не может допустить, чтобы на его незапятнанную честь полицейского легла хотя бы легкая тень, а потому, проявив достойную восхищения щепетильность, не пожелал сохранить у себя девять облигаций Министерства обороны и передал их мне, дабы я отправил их в префектуру.

Что же касается обнаружения им десяти миллионов, то об этом его подвиге следует проинформировать публику подробно, в деталях, ибо, полагаю, все хотят услышать о возможностях и изобретательности человека, который, сидя на стуле и не пошевелив даже пальцем, решил необычайно сложную загадку. В названии одного из двух досье господина Серифоса, о которых проведал Антуан Брессак, уже содержался намек на разгадку: «Досье А. Л. Б.». Брессак истолковал это название как «Досье из Албании». Так вот, Брессак, имея целый ряд указаний для поиска, начал громко перечислять бережно хранимые сувениры: «Альбом с фотографиями… альбом с почтовыми марками…» И тут воистину случилось чу-

до: этих нескольких слов хватило, чтобы Виктор из специальной бригады уголовной полиции все понял!

Да, он моментально догадался, что толкование Антуана Брессака оказалось ложным, а три буквы «А. Л. Б.» должны быть не чем иным, как начальными буквами слова «альбом». Десять миллионов, составлявших половину состояния господина Серифоса, содержались не в албанском досье, а всего лишь в простом детском альбоме – в виде коллекции редчайших почтовых марок, рыночная стоимость которых равна десяти миллионам. Не правда ли, потрясающая интуиция и проницательный взор, способный проникнуть в любую тайну? Простое движение, сделанное Виктором в суматохе битвы, в нервном хождении взад и вперед, – и альбом с марками незаметно для всех перекочевал в его карман.

Так неужели это легкое движение не давало Виктору неоспоримое право на десять миллионов? По моему мнению, несомненно, давало. Но по мысли Виктора, чья совесть соткана из деликатности

и сентиментальной утонченности, вовсе нет. Поэтому он поручил мне передать не только облигации Министерства обороны, но и альбом с марками, не запачкав таким образом свои руки профессиональным бесчестием.

Я отправлю с курьером – ибо это мой священный долг – облигации Министерства обороны господину Готье, начальнику уголовной полиции, вместе с выражениями признательности инспектора Виктора. А если уж речь зашла о десяти миллионах, то хочу напомнить, что весьма состоятельный господин Серифос хранил половину своего состояния отнюдь не должным образом, а именно – в бесполезной коллекции почтовых марок, поэтому я считаю, что обязан самолично вернуть эти деньги в обращение. Все, до последнего сантима… Да-да, эту обязанность я, блюдя законность, беру на себя. До последнего сантима!

И еще одно. Мне известно, что Виктор из специальной бригады уголовной полиции хотя и вел свою битву сурово и напористо, но с дамой, которой он восхищался с того первого дня, когда увидел ее в кинотеатре, всегда обходился любезно, я бы даже сказал – по-рыцарски. К сожалению, эта дама пала жертвой обманщика Антуана Брессака, представшего перед ней под именем Арсена Люпена. Мне показалось справедливым дать ей возможность снова вернуться к жизни великосветской красавицы и кристально чистой женщины. Хотелось бы, чтобы она, пребывая в своем недоступном убежище, где ей пришлось укрыться, получила, вместе со словами прощанья Виктора из специальной бригады уголовной полиции и перуанца Маркоса Ависто, также слова почтения и уважения от

Арсена Люпена.

Назавтра после публикации письма начальник уголовной полиции получил в заказном письме девять облигаций Министерства обороны. Также туда был вложен листок с кратким объяснением

обстоятельств смерти Элизы Масон, убитой бароном д'Отреем.

О десяти миллионах, которые Арсен Люпен самолично собирался пустить в обращение, больше никто никогда не слышал.

В следующий четверг, около двух часов пополудни, княгиня Александра Васильева покинула квартиру подруги, предоставившей ей кров, довольно долго гуляла в саду Тюильри, а потом отправилась на улицу Риволи.

Несмотря на простую одежду, ее загадочная чарующая красота, как обычно, притягивала взоры. Она их не избегала. Не пряталась. Чего ей бояться? Никто из тех, кто мог ее в чем-то заподозрить, ее не знал. Ни англичанин Бемиш, ни Антуан Брессак не донесли на нее.

В три часа она вошла в маленький скверик Сен-Жак.

На одной из скамеек, в тени, отбрасываемой башней, сидел человек.

Она заколебалась. Он ли это? Он мало походил на перуанца Маркоса Ависто, но еще меньше — на Виктора из специальной бригады уголовной полиции. Насколько же этот господин моложе и элегантнее, чем Маркос Ависто! Насколько более утончен и изящен, чем полицейский Виктор! Его

молодость, его привлекательная и обаятельная наружность необычайно взволновали ее.

Она решилась подойти. Их взгляды встретились. Она не ошиблась: это точно он. Другой человек, но точно он. И она молча села рядом с ним.

Так они безмолвно сидели друг подле друга. Огромное чувство соединяло и одновременно разъединяло их, и они опасались разрушить очарование этой минуты.

Наконец он сказал:

— Да, первая наша встреча в кинотеатре определила все мои последующие действия. И я занялся этим делом главным образом для того, чтобы находиться рядом с вами. Но как же я страдал от той двойной роли, которую мне пришлось играть! Что за дурацкая комедия! К тому же этот Брессак сильно меня раздражал… Я его ненавидел и вместе с тем ощущал, как во мне, наряду с чувством к женщине, которую он дурачил с помощью моего имени, нарастают любопытство и раздражение против нее… однако это чувство было любовью, сильной и страстной, в которой я не имел права вам признаться и о которой говорю вам сегодня…

Он прервался. Ответа он не ждал… да и не хотел

его… После того, что он сказал в свою защиту, открыв Александре свои мысли, он намеревался говорить о ней, а она и не думала перебивать его сладостные речи.

— Что меня более всего растрогало, что позволило заглянуть к вам в душу, так это ваше инстинктивное доверие. Я украл это доверие, и мне было стыдно. Но оно вернулось незаметно для вас самой, по тайным причинам, которые вы и сами не осознавали… и главная из них заключалась в том, что в глубине души вы нуждались в защите. С тем, другим вы не чувствовали себя защищенной… Это ощущение опасности, временами столь вам необходимое, подле него превратилось в постоянный страх, который вы больше не могли выдерживать. А подле меня вы с первой же минуты ощутили спокойствие. Вспомните, в ту ночь, когда вы переживали свой самый сильный страх, вы неожиданно успокоились; страх ушел, как только инспектор Виктор подчинил вас своей воле. И с той минуты, когда вы догадались, кто такой на самом деле инспектор Виктор, вы поняли, что тюрьма вам не грозит. И потому спокойно и отважно ждали полицию. И с улыбкой сели в автомобиль префектуры. Ваш страх обратился в радость… И радость эта про-

истекала из того же чувства, что переполняло и меня, ведь так? Из чувства, что пробуждается внезапно и немедленно дает знать свою силу… Разве нет? Я же не ошибаюсь, это голос вашего сердца?

Она не протестовала. Но и не открылась ему. Однако какое спокойствие снизошло на ее прекрасное лицо!

Они не разлучались до самого вечера, а потом она позволила проводить себя… даже не зная толком куда…

Они были счастливы.

Если Александра обрела душевное спокойствие, то почему бы ей не вернуться к общепринятому взгляду на жизнь и почему бы не попытаться изменить беспорядочный образ существования своего спутника? Но этот спутник был столь милым в своем беспорядке, столь забавным в своих безумствах, столь преданным своим сотоварищам по не всегда поощряемым обществом предприятиям, столь верным самым нелепым из своих обещаний!

Так, он пожелал сдержать слово, данное Брессаку, и через восемь месяцев устроил ему побег, когда того из тюрьмы на острове Ре перевозили на каторгу. Также, выполняя данное Брессаку обещание, он освободил и англичанина Бемиша.

Однажды он приехал в Гарш. Именно в этот день из мэрии вышли двое новобрачных. Это были Гюстав Жером, который освободился от своей неверной супруги, разведясь с ней, и баронесса Габриэль д'Отрей — утешившаяся вдова, трепетная и влюбленная молодая жена, опиравшаяся на руку ее дорогого Гюстава.

Когда они уже собирались сесть в автомобиль, к ним приблизился очень элегантный господин и, поклонившись новобрачной, вручил ей вели-

колепный букет белых цветов.

— Вы меня не узнаете, мадам? Это я, Виктор, полагаю, теперь вы вспомнили?.. Виктор из специальной бригады уголовной полиции, иначе говоря — Арсен Люпен… Кузнец вашего счастья, в свое время догадавшийся о том, какое очаровательное впечатление произвел на вас Гюстав Жером. И сегодня я хочу выразить вам свое самое искреннее почтение и высказать самые наилучшие пожелания…

В тот же вечер этот элегантный господин говорил княгине Александре:

— Я собой доволен. Всякий раз, когда есть возможность, надо делать добро, чтобы компенсировать то зло, которое иногда приходится совершать. Уверен, Александра, что нежная Габриэль не забудет в своих молитвах Виктора из специальной бригады уголовной полиции, благодаря которому отвратительный д'Отрей отправился в лучший мир, уступив место неотразимому и жизнерадостному Гюставу. И вы даже представить себе не можете, как радует меня их счастье!..

Месть графини Калиостро

Месть графини Калиостро

Предисловие Арсена Люпена

Отдавая должное историографу, правдиво описавшему мои приключения, я все-таки выскажу некоторые сомнения по поводу того, как он изображает их в своих книгах.

Есть сотня способов потрафить публике, описывая реальные события. И один из них состоит в том, чтобы не выбирать самые яркие из этих событий, а всегда показывать меня в наиболее выигрышном свете, постоянно выставляя на первый план. Не довольствуясь простым замалчиванием тех эпизодов моей жизни, где надо мной довлели обстоятельства, или я был побежден своими противниками, или меня отстранили от дела уважаемые представители власти, историограф выбирает какие-нибудь другие мои приключения, исправляет их, смягчает, развивает, приукрашивает и, не идя против фактов, распоряжается ими таким образом, что от этого страдает моя скромность.

Такую манеру повествования я не одобряю. Не помню, кто сказал: «Счастлив тот, кто знает свои пределы». Я знаю свои и даже чувствую от этого некоторое удовлетворение, ибо питаю ужас

ко всему сверхчеловеческому, аномальному, чрезмерному и несоразмерному. Мне достаточно быть таким, каков я есть, — все сверх этого выглядело бы неправдоподобно и смешно. А одна из моих слабостей — страх попасть в смешное положение.

Но я таки непременно в него попадаю, когда меня выставляют перед публикой в надоевшей всем роли вечно влюбленного, — оттого и пишу это короткое предисловие. Конечно, я не стану отрицать, что обладаю чувствительным сердцем и что за каждым поворотом меня может настичь любовь с первого взгляда. А также и то, что многие женщины ко мне и благосклонны, и сострадательны. У меня есть несколько лестных воспоминаний, когда я становился причиной дамских обмороков, и любой другой на моем месте не преминул бы этим похвастаться. Но изображать меня Дон Жуаном, этаким неотразимым ловеласом — значит выставлять меня клоуном, и против такого я категорически возражаю. Мне нередко давали решительный отпор. Предпочитали мне всяких ничтожных личностей. Я пережил достаточно унижений и измен. Потерпел несколько совершенно необъяснимых поражений — и их нужно упомянуть, дабы мой

портрет полностью соответствовал оригиналу.

Вот почему я хотел, чтобы эта история была изложена честно и без прикрас. Не могу сказать, что всегда вел себя с абсолютной непогрешимостью. Зов сердца не затмевал мой разум. Моя тактика соблазнения потерпела полное фиаско. И, признавшись в этом, я, возможно, заслужу снисходительность тех, кого донельзя (и справедливо) раздражает число моих достоинств и побед.

Еще одно. Жозефина Бальзамо, к коей я испытывал сильнейшую страсть на двадцатом году моей жизни, выдававшая себя за дочь графа Калиостро — знаменитого самозванца восемнадцатого века — и утверждавшая, будто получила от него секрет вечной молодости, в романе не появляется[4]. Не появляется она по причине, важность которой читатель оценит сам. Но с другой стороны, как избежать имени этой женщины в названии истории, если ее образ отбрасывает на описанные происшествия трагическую тень, если любовь переплетается здесь с ненавистью, а месть окутана тайной?

---

[4] Notes: 4

См. роман «Графиня Калиостро», вошедший в сборник «Превращения Арсена Люпена» (СПб.: Азбука, 2023).

Часть первая
Вторая из двух драм
Глава 1
На тропе войны

Прекрасное январское утро, когда морозный воздух пропитан уже ярким солнцем, дарит людям радостное возбуждение. В холоде зимы начинает ощущаться дыхание весны. Дневные часы становятся длиннее. Только что народившийся год возвращает в юность и вас. Очевидно, именно это и чувствовал Арсен Люпен, прогуливаясь по бульварам в одиннадцатом часу.

Он шел пружинистой походкой, приподнимаясь на носках немного больше, чем требовалось, словно выполняя гимнастическое упражнение. Каждый шаг левой ноги сопровождался глубоким вдохом, который, казалось, удваивал объем его грудной клетки, и без того впечатляющий.

Голова слегка откинута назад. Поясница выгнута. Никакого пальто. Лишь легкий летний костюм серого цвета, и под мышкой — мягкая шляпа.

Лицо, которое, казалось, улыбалось всем прохожим, но в особенности представительницам

женского пола, если они были хоть мало-мальски хорошенькими, принадлежало господину, бодро приближавшемуся к своему пятидесятилетию, а то и пересекшему уже этот рубеж. Однако, глядя на него со спины или издали, никто не угадал бы его возраст — настолько он был подвижен, строен и элегантен; да этот щеголь, пожалуй, и оскорбился бы, дай ему кто-то больше двадцати пяти лет.

«И то! — думал он, любуясь своим изящным силуэтом в стеклянных витринах. — Сколько юношей могло бы мне позавидовать!»

Что уж точно могло вызвать всеобщую зависть, так это его ощущение собственной силы, уверенности в себе, да и вообще все то, что выдавало в нем физическую гармонию, нравственное здоровье и огромное удовлетворение своим отменным желудком, добросовестным кишечником и безупречной совестью. Благодаря этому можно шагать вперед с высоко поднятой головой.

Отметим также, что его бумажник был туго набит, а в заднем кармане лежали четыре чековые книжки разных банков и на разные фамилии и что чуть не повсюду во Франции — в надежных тайниках, в руслах рек, в пещерах и в недоступных горных расщелинах — у него хранились

золотые слитки и мешки с драгоценными камнями.

И это еще не говоря о кредите, который предоставлялся ему во всех уголках земли, независимо от того, как его звали: Раулем де Лимези, Раулем д'Авенаком, Раулем д'Эннери или Раулем д'Аверни — простые скромные имена добропорядочных провинциальных дворян. Сейчас он как раз проходил мимо Провинциального банка, где ему нужно было выписать чек на крупную сумму на имя Рауля д'Аверни. Он вошел, провел операцию, затем спустился в банковский подвал, подписал ордер и направился к сейфовой ячейке, чтобы забрать из нее некоторые документы.

Однако, перебирая бумаги, он заметил стоящего поблизости господина в старомодной и обветшалой одежде, похожего на бывшего провинциального нотариуса, который, вынув из ячейки несколько аккуратно перевязанных пакетов и разрезав веревочки, тщательно пересчитывал одну за другой пачки по десять тысячефранковых банкнот, скрепленные булавками.

Господин, по-видимому весьма близорукий, все время беспокойно оглядывался, явно не осознавая, что Арсен Люпен наблюдает за каждым его жестом, и продолжал свое занятие до тех пор,

пока не переложил в сафьяновый портфель восемьдесят, а то и девяносто пачек банкнот, то есть сумму в восемьсот или девятьсот тысяч франков.

Люпен считал и одновременно думал: «Что за чертовщину затеял этот почтенный рантье? Кто он? Здешний служащий? Казначей? А может, один из тех бессовестных персонажей, которые перекладывают деньги в кубышку, чтобы не платить с них налоги? Ненавижу таких субъектов… Обманывать государство! Как это низко!»

А «персонаж» тем временем завершил операцию и закрыл свой сафьяновый портфель, тщательно затянув ремень и застегнув на нем пряжку.

Затем он повернулся и начал подниматься по лестнице. Люпен пошел за ним, — в конце концов, даже самая безупречная совесть не может помешать вам следить за господином, уносящим с собой миллион наличными. Такая сумма испускает тонкий аромат, который чуют хорошие охотничьи собаки. А Люпен был отличной охотничьей собакой, наделенной исключительным чутьем. Итак, он начал преследовать добычу, трепеща от азарта и стараясь не привлекать к себе внимание. Впрочем, никакого плана у него не было. Как и конкретной цели. Какой интерес

может представлять пачка банкнот для обладателя кристально чистой совести и несметных сокровищ?

Господин зашел в кондитерскую на Гаврской улице и, выйдя оттуда с пакетом пирожных, направился в сторону вокзала Сен-Лазар.

«Дьявол! — подумал Люпен. — Неужели он сядет в поезд и потащит меня в какую-нибудь глухомань?»

Господин сел в поезд. Люпен, продолжая негодовать, сел следом, и в длинном купе, переполненном путешественниками, они вместе затряслись в направлении Сен-Жермена. Господин крепко прижимал к груди, словно мать свое дитя, сафьяновый портфель.

После того как они проехали маленький городок Шату, господин вышел на станции Везине, что очень обрадовало Люпена, которому нравилось это место.

Расположенное в двенадцати километрах от Парижа, в излучине Сены, Везине — или, по крайней мере, тот его квартал, где любое строительство находится под строжайшим контролем, — расстилается широкими аллеями с богатыми виллами и садами вокруг сонного озера, окруженного деревьями. В это утро ветки

сверкали на солнце каплями воды, напоминая о ночных заморозках. Твердая земля звенела под каблуками. Какое удовольствие гулять здесь, без всяких забот, лишь присматривая за богатством своего ближнего!

Нарядные дома на одной из аллей возвышаются над скромным прудиком — самым маленьким и непримечательным из всех, имеющихся в Везине, — берега́ которого являются собственностью владельцев вилл.

Они миновали «Розарий», «Оранжерею»; наконец господин подошел к вилле под названием «Клематисы» и постучал дверным молотком.

Люпен шел следом за незнакомцем, держась на почтительном расстоянии, чтобы не привлекать к себе внимания. Дверь открылась. Из нее выпорхнули две девушки и весело воскликнули:

— Опаздываешь, дядя! Обед уже на столе. Что ты принес нам вкусненького?

Люпен был очарован. Горячий прием добряку-дяде, возбуждение обеих племянниц, приземистый и несколько старомодный дом — все это выглядело ужасно мило. Было бы очень приятно оказаться среди этих сердечных людей и насладиться теплой атмосферой дружной семьи.

В пятистах метрах от дома виднелось большое

озеро — чрезвычайно живописное благодаря острову посередине, к которому вел деревянный мостик. На острове оказался отличный ресторан, и Люпен отдал должное тамошнему меню. После чего он обошел озеро, любуясь очаровательными виллами, большей частью запертыми в это зимнее время года.

Но одна из них привлекла его внимание — не только тем, что была нарядной и окружена садом геометрической формы, но и табличкой на воротах:

«Светлый уголок». Продается. Для осмотра обращайтесь сюда, по остальным вопросам – на виллу «Клематисы»

«Клематисы»! Та самая вилла, где обедает добряк-дядя! Судьба словно подмигивала Люпену. И впрямь: ну как не связать содержимое сафьянового портфеля с виллой «Светлый уголок»?

По бокам ворот располагались два флигеля. Садовник жил в том, что справа. Люпен позвонил в дверь. Ему показали дом, который сразу же привел его в восторг. Вилла оказалась очаровательной: немного обветшалая — местами даже полуразвалившаяся, — но зато прекрасной планировки; умелая реставрация, несомненно,

подарит ей вторую жизнь!

«Вот оно… Вот это мне и нужно, — думал Люпен. — Я давно мечтал иметь уютное гнездышко в окрестностях Парижа, чтобы время от времени спокойно проводить там выходные!»

И потом, какая неожиданная комбинация! Какая замечательная сделка! Судьба дарила ему, с одной стороны, идеальный дом, а с другой — средства для его приобретения без необходимости опустошать собственный кошелек. Разве сафьяновый портфель предназначался не для того, чтобы финансировать эту покупку? Как удачно все складывалось!

Спустя пять минут Люпен передал слуге свою визитную карточку и под именем Рауля д'Аверни представился господину Филиппу Гаверелю в гостиной на первом этаже, где находились две хорошенькие племянницы, с которыми дядя его тут же и познакомил.

Господин Гаверель все еще держал под мышкой сафьяновый портфель, по-прежнему перетянутый ремнем с пряжкой. Должно быть, он так и обедал, не выпуская его из рук.

Люпен объяснил цель визита: он намерен купить «Светлый уголок». Филипп Гаверель изложил свои условия.

Люпен на мгновение задумался. Он смотрел на сестер. К ним только что присоединился молодой человек, который ухаживал за старшей и которого она сама представила как своего жениха. Все трое весело смеялись. Люпен пришел в замешательство. Будучи весьма щепетильным, он спрашивал себя, какой ущерб нанесет сестрам его план заполучить виллу даром.

В конце концов он попросил себе сорок восемь часов на принятие окончательного решения.

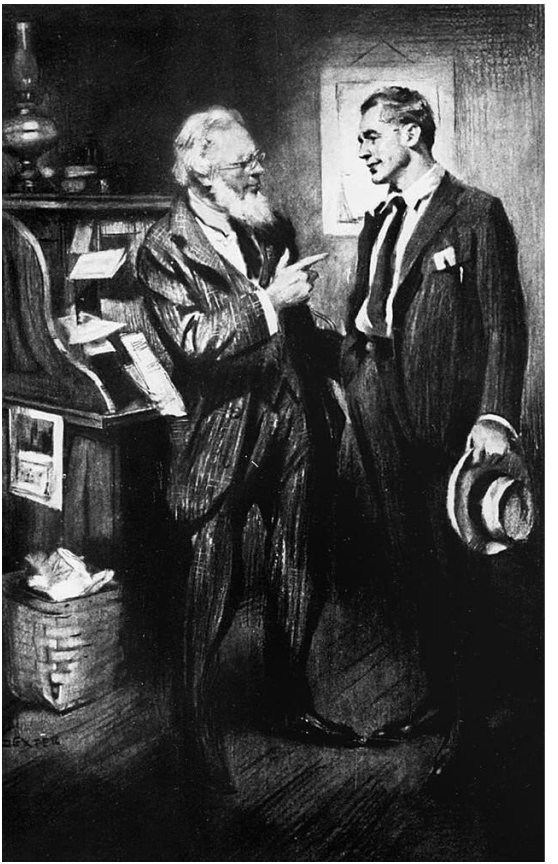
— Не возражаю, — ответил господин Гаверель. — Но будьте любезны, обратитесь к моему нотариусу. Я прямо сейчас уезжаю на юг.

И он объяснил, что восемь месяцев назад овдовел, а его сын только что женился и теперь Гаверель едет к нему в Ниццу, чтобы провести часть года с молодоженами.

— Вообще-то, я живу не здесь, это дом моих племянниц. А моя вилла «Оранжерея» расположена по соседству. Два наших сада — это, в сущности, один сад. Дом у меня очень симпатичный. Но пока заперт, а окна закрыты ставнями.

Люпен остался еще на час, болтая и перешучиваясь с девушками, развлекая их забавными историями и рассказами о своих многочисленных приключениях. Но краем глаза он наблюдал

за господином Гаверелем.



Общество прогуливалось по садам «Клематисов» и «Оранжереи». Филипп Гаверель, по-прежнему держа под мышкой сафьяновый портфель, отдал распоряжение своему камердинеру, и тот, перенеся чемоданы и сумки в грузовой автомобиль, поехал вперед на Лионский вокзал.

— Дядя, а портфель ты берешь с собой? — спросила одна из сестер.

— Конечно нет, — ответил он. — Я привез из Парижа кое-какие бумаги и оставлю их у себя.

Он и в самом деле скрылся в своем доме и вышел оттуда минут через двадцать. Портфеля под мышкой у него уже не было, карман сюртука не оттопыривался, так что было маловероятно, что он набит пачками банкнот.

«Он спрятал их где-то дома, — подумал Люпен. — И должно быть, полностью уверен в своем тайнике. Судя по всему, старый проныра утаил от налоговых органов продажу женининого наследства. Такие люди не заслуживают никакого снисхождения».

Он отвел Гавереля в сторону и объявил:

— Я все хорошо обдумал, месье, — я согласен.

— Прекрасно, — отозвался господин Гаверель и вручил ключи от своей виллы племянницам.

Люпен и дядя уехали вместе, и наш герой окон-

чательно уверился в том, что портфеля у его спутника при себе не было.

Две недели спустя Люпен выписал чек. Толстая пачка банкнот, спрятанная где-то в недрах «Оранжереи», в несколько раз превосходила скромный задаток, который он платил продавцу «Светлого уголка». Он даже не спешил начинать поиски, рассудив, что не может быть более надежного тайника, чем тот, который внушает столько доверия обладателю банкнот. Главное достоинство тайника заключается в том, что о существовании сокровища в нем никто не знает. Только он, Люпен.

Прежде всего ему нужно было подыскать архитектора, который восстановил бы «Светлый уголок». Помог счастливый случай. Однажды он получил письмо от врача, который когда-то оказал ему неоценимую услугу[5]. Этот врач знал его настоящее имя и был в курсе всех его «запасных» личностей и постоянно меняющихся адресов. Итак, доктор Делятр написал следующее:

Дорогой друг,
я был бы очень рад, если бы Вы изыска-

---

[5] Notes: 5

См. роман «Полая игла». — *Примеч. автора.* (Этот роман входит в сборник «Приключения Арсена Люпена». СПб.: Азбука, 2024.)

ли возможность позаботиться о юном Фелисьене Шарле, дипломированном архитекторе, поскольку меня очень волнует его судьба. Он талантлив… и т. д.

Люпен пригласил молодого человека к себе; тот оказался застенчивым, сдержанным и явно желал угодить, только не знал, как это сделать. Короче говоря, довольно милый юноша лет двадцати семи — двадцати восьми, умный и обладающий художественным чутьем. Он прекрасно понял, чего от него ждут, и даже сам вызвался еще и обставить виллу и привести в порядок сад. Жить он предполагал в левом флигеле.

Прошло несколько месяцев.

Люпен приезжал на виллу не больше трех-четырех раз. Он познакомил Шарля с сестрами и потому знал обо всем, что происходило у них дома. Да ему и самому нравилось бывать у соседок.

У старшей открылся довольно тяжелый бронхит, из-за чего свадьба откладывалась.

Наконец церемонию назначили на девятое июля. Дядя Гаверель должен был на ней присутствовать, и Люпен, который в это время путешествовал по Голландии, решил вернуться на неделю раньше, чтобы похитить банкноты.

Его план был прост. Он приметил между двумя виллами тропинку, которая вела вниз, прямо к озеру. Туда можно было перетащить лодку, принадлежавшую владельцу соседней виллы, и таким образом со стороны озера проникнуть ночью в сад «Оранжереи», а оттуда — в дом.

Завладев деньгами, он придаст тайнику первоначальный вид. Когда Филипп Гаверель убедится, что пакет на месте, он не станет проверять его содержимое и преспокойно проведет следующие двадцать четыре часа не в «Оранжерее», а у племянниц. Так что кража обнаружится не раньше начала октября.

Но, приехав утром на своем автомобиле, Люпен обнаружил, что накануне на берегу идиллического озера случилась трагедия, результатом которой стали совершенно неожиданные и жуткие события…

Глава 2
Убийства

Прежде всего следует отметить, что на обеде в «Клематисах», предшествующем ужасным двенадцати часам, в течение которых разворачивалась эта трагедия, царила веселая непринужденная

атмосфера, дышавшая влюбленностью и доброжелательностью. Сестры принимали двоих молодых людей, и никто из присутствующих не подозревал, что вскоре им предстоит стать жертвами рока. Увы, бури не всегда сопровождаются тревожными предзнаменованиями. Эта разразилась в ясном небе внезапно. И никакое предчувствие не закралось в сердца тех, кто вскоре должен был познать ужас и смерть.

Они смеялись и оживленно обсуждали свое ближайшее будущее, а также планы на завтра и следующую неделю. Сестры Гаверель после смерти родителей (с тех пор прошло семь-восемь лет) продолжали жить в «Клематисах» под присмотром гувернантки — старой Амели, которая воспитывала их с рождения, и ее мужа Эдуара, также работавшего в доме.

Старшая сестра, Элизабет, высокая белокурая девушка с прелестной невинной улыбкой и немного бледная после болезни, обращалась в основном к своему жениху Жерому Эльмасу — красивому малому с открытым лицом, который нигде пока не служил и имел доставшийся от матери домик в пригороде Везине, вблизи парижской дороги. Прежде чем стать женихом Элизабет, он был ее другом; что же до младшей,

Роланды, то, зная ее с детства, он обращался к ней на «ты». Молодой человек частенько обедал в «Клематисах».

Роланда, которая была намного младше сестры, отличалась большей выразительностью лица, природной красотой и прежде всего особенным, каким-то мистическим очарованием. И конечно, она не могла не привлечь внимания другого молодого человека, Фелисьена Шарля, который не переставал украдкой бросать на нее взгляды, словно не осмеливаясь смотреть ей в глаза. Был ли он влюблен в нее? Роланда не могла бы ответить на этот вопрос. Он был из тех загадочных натур, чьи лица непроницаемы, а чувства упрятаны за семью печатями и которые, похоже, никогда не открывают того, что думают и чувствуют.

Обед закончился; вчетвером они перешли в студию — комнату довольно просторную, однако очень уютную благодаря расстановке мебели, безделушкам и книгам. Широко распахнутое английское окно выходило на узкую лужайку, отделявшую виллу от пруда. Неподвижная вода отражала густые кроны деревьев, их длинные ветви, нависающие над гладью пруда, соединялись со своим отражением. Наклонившись чуть вперед, можно было увидеть справа, метрах в шестидесяти, другую виллу — «Оранжерею», где жил дядя Филипп. Низкая изгородь обозначала

границу между двумя садами, но череда лужаек окружала пруд сплошной лентой. Элизабет и Роланда с минуту стояли, взявшись за руки. Казалось, сестры бесконечно любят друг друга.

Роланда выказывала самоотверженность и постоянное беспокойство. Состояние Элизабет после перенесенной болезни еще требовало соблюдать осторожность.

Наконец, оставив ее с женихом, Роланда села за фортепьяно и подозвала к себе Фелисьена Шарля, однако тот попытался уклониться от приглашения.

— Надеюсь, вы извините меня, мадемуазель, но сегодня мы ужинали позже, а моя работа начинается каждый день в одно и то же время.

— Ваша работа лишила вас свободы?

— Именно потому, что я свободен, я вынужден быть пунктуальным. Тем более что месье д'Аверни приедет ранним утром. Он проведет всю ночь за рулем.

— Как нам повезло, что мы увидим его снова! — сказала Роланда. — Он такой милый, такой интересный!

— Тогда вы понимаете мое желание не разочаровать его.

— Все равно, сядьте… хотя бы на минутку…

Он молча повиновался.

— Давайте поговорим, — сказала девушка.

— Должен ли я говорить сам или мне надобно слушать вас?

— И то, и другое.

— Я могу говорить, только если вы не будете играть.

Роланда не ответила. Она упорно наигрывала несколько музыкальных фраз — таких нежных, таких меланхоличных, что их можно было принять за признание. Пыталась ли она поделиться с Фелисьеном каким-то секретом или подтолкнуть его к большей откровенности, к излиянию чувств? Так или иначе, но юноша продолжал хранить молчание.

— Уходите, — наконец приказала она.

— Уйти?.. Но почему?

— Мы уже достаточно поговорили.

Ошеломленный Фелисьен медлил, но, когда девушка повторила приказ, встал и ушел.

Роланда слегка пожала плечами и продолжила играть, наблюдая за Элизабет и Жеромом, которые тихо беседовали, сидя рядышком на диване, в то время как музыка словно убаюкивала их и, казалось, все больше придвигала друг к другу. Так прошло минут двадцать.

Наконец Элизабет встала и объявила:

— Жером, нам пора на вечернюю лодочную прогулку. Так замечательно скользить по воде в окружении деревьев!..

— Разумно ли это, Элизабет? Вы ведь еще слабы после болезни.

— Да нет же, вовсе нет! Наоборот, этот отдых пойдет мне на пользу.

— Однако…

— Однако так мы и поступим, мой дорогой Жером. Я пойду за лодкой и оставлю ее у лужайки. Ждите меня здесь.

Она поднялась в свою комнату, затем, как делала это каждый день, открыла секретер и, верная привычке, написала несколько строк в тетради, которая служила ей дневником и в которой позднее обнаружили ее последние слова:

«Сегодня Жером показался мне немного рассеянным, занятым какими-то своими мыслями. Я спросила его о причине. Он ответил, что я ошибаюсь, однако я настаивала, и он повторил то же самое, но уже без прежней уверенности:

— Нет, Элизабет, я ничем не озабочен. Чего еще я могу желать, если мы скоро поженимся и то, о чем я мечтаю уже больше года, наконец исполнится? Вот только…

— Вот только — что?

— Иногда я тревожусь о будущем. Вы знаете, что я небогат и в мои тридцать лет нигде не служу.

Смеясь, я закрыла ему рот рукой:

— Зато я богата… Конечно, мы не сможем позволить себе безумные траты… Но почему вас так волнует карьера?

— Только из-за вас, Элизабет. Мне самому ничего не нужно.

— Но мне тоже, Жером! Я готова довольствоваться самой малостью, например всего лишь быть счастливой, — сказала я со смехом. — Разве мы не предполагали скромно жить здесь, пока добрая фея не принесет предназначенное нам богатство?..

— О! — возразил он. — Я не верю ни в какое богатство.

— Но ведь наше существует, Жером… Вспомните, что я вам рассказывала… Есть старинный друг наших родителей, дальний родственник, которого мы не видели много-много лет и который не подавал о себе вестей, но очень нас любил… Сколько раз моя гувернантка Амели говаривала: „Мадемуазель Элизабет, вы будете очень богаты. Ваш старый родственник, Жорж Дюгриваль, должен оставить вам все свое состояние, да, именно

вам, Элизабет. И он, кажется, болен“. Вот как обстоят дела, Жером…

Жером прошептал:

— Деньги, деньги… Ладно. Но мне-то нужна работа. Элизабет, вам необходим супруг, который оправдает ваши надежды…

Он больше ничего не сказал. А я улыбалась. Жером… Мой милый Жером, разве думают о будущем, когда любят так, как мы?»

Элизабет отложила ручку. Дневник получил очередную порцию признаний. Она немного оживила лицо румянами, припудрилась, проверила, надежно ли застегнуто доставшееся ей от матери красивое жемчужное ожерелье, с которым она никогда не расставалась, и спустилась вниз, собираясь пройти через сад дяди Филиппа к трем деревянным ступенькам, служившим причалом для лодки.

Жером по-прежнему сидел на диване. Он слушал, впрочем довольно рассеянно, музыкальные импровизации Роланды.

Прервавшись, девушка сказала ему:

— Я очень рада за вас, Жером. А вы?

— Я тоже, — ответил он.

— Правда? Элизабет — такое чудо! Если бы вы

знали доброту и благородство вашей будущей жены! Но скоро вы их узнаете.

Роланда энергично заиграла триумфальный марш, долженствующий выражать ее ликование.

Внезапно она резко остановилась:

— Кто-то кричал… Вы слышали, Жером?

Они прислушались.

Снаружи царила полная тишина: ни с мирной лужайки, ни с сонного пруда не доносилось ни звука. Очевидно, Роланде послышалось. Она снова взяла несколько победительных и радостных аккордов…

Но тут же, снова прервав игру, резко встала. Кто-то кричал, теперь девушка слышала это совершенно ясно.

— Элизабет… — пролепетала Роланда и бросилась к окну.

Выглянув из него, она произнесла сдавленным голосом:

— Помогите!

Жером уже стоял рядом с ней. Наклонившись, он увидел на берегу, в том месте, где к пруду спускались ступеньки, мужчину, который держал Элизабет за горло. Она лежала навзничь, ногами в воде. Тут и Жером вскрикнул от ужаса и собрал-

ся было броситься вслед за Роландой, которая уже, выскочив из окна, бежала по лужайке.

Мужчина обернулся. Оставив свою жертву, он подобрал что-то с земли и скрылся в саду «Оранжереи».

Жером передумал. Он кинулся в соседнюю комнату, сорвал со стены винтовку (он точно знал, что она заряжена, так как сестры часто упражнялись в стрельбе) и встал на высоком крыльце, вглядываясь в сад.

Мужчина убегал. Он поравнялся с домом, явно намереваясь добраться до огорода «Оранжереи», который выходил на круговую аллею.

Жером вскинул винтовку и прицелился. Раздался выстрел: мужчина кубарем полетел в цветочную клумбу, где, несколько раз дернувшись, застыл в неподвижности. Жером помчался к пруду.

— Она жива? — крикнул он, подбегая к Роланде, которая, стоя на коленях, сжимала сестру в объятиях.

— Сердце уже не бьется, — ответила Роланда и зарыдала.

— Нет, как же так! Не может быть… — потрясенно сказал Жером.

Он склонился над телом и тут же, еще не убе-

дившись даже, что его невеста действительно мертва, пробормотал с широко открытыми от ужаса глазами:

— О! Ее ожерелье… его больше нет… Злодей задушил ее, чтобы сорвать жемчуг…

И он как безумный заметался по саду; старый слуга Эдуар не отставал от него. Роланда же и гувернантка Амели оставались около жертвы. Очень скоро Жером обнаружил мужчину, лежавшего ничком в цветочной клумбе. Пуля, пройдя между лопатками, вероятно, попала прямо в сердце.

С помощью Эдуара он перевернул его на спину. Это оказался субъект лет пятидесяти — пятидесяти пяти, бедно одетый, в засаленном картузе, с бледным лицом, обрамленным клочковатой седой бородой.

Жером обыскал его карманы. В грязном бумажнике лежало несколько листков, среди них — две карточки с написанным от руки именем: «Бартелеми».

В кармане куртки слуга обнаружил ожерелье Элизабет из крупного морского жемчуга.

Крики и выстрел были слышны далеко за пределами двух вилл, так что теперь отовсюду спешили люди — они заглядывали поверх садо-

вой решетки и даже стучали дверным молотком, пытаясь войти в «Клематисы». Связались с комиссариатом в Шату и с жандармерией. Прибыли стражи порядка. Место преступления отгородили от зевак. И приступили к осмотру.

Жером Эльмас лежал рядом с убитой невестой, прикрыв глаза судорожно сжатыми кулаками. Когда тело переносили в дом, он не двигался; когда его позвали к Роланде, которая с какой-то ожесточенной энергией обряжала Элизабет в подвенечное платье, он отказался идти. Он не желал сохранять в памяти свою возлюбленную в ее теперешнем, отмеченном смертью образе.

Фелисьен Шарль, вернувшийся в «Клематисы», как только ему сообщили о трагедии, и получивший отказ Роланды с ним увидеться, предпринял попытку расшевелить Жерома и приобщить к расследованию. Он подвел его к трупу убийцы, который уже лежал на носилках, и спросил, видел ли Жером этого человека раньше. Он также задал ему вопросы об обстоятельствах трагедии. Но ничто не могло отвлечь Жерома и вывести из оцепенения.

Когда же с вопросами к нему пытались обратиться полицейские, он укрылся в студии, где последний раз видел Элизабет живой, и больше

не показывался.

Вечером Роланда по-прежнему оставалась в комнате сестры, а измученный усталостью Жером — который все же уступил настоянию слуги Эдуара и поужинал, не заметив, впрочем, вкуса еды, — забылся тяжелым сном. Проснувшись, он спустился в сад, пересек его при свете луны и, упав на лужайке, снова заснул на мокрой траве среди цветов.

Начавшийся дождь разбудил его; Жером встал и пошел в дом. У лестницы он встретил Роланду, которая пошатываясь спускалась вниз с потемневшим от горя лицом. Они пожали друг другу руки, не проронив ни слова. Казалось, для них на свете нет ничего, кроме боли. Около часа ночи Жером ушел.

Роланда вернулась в комнату Элизабет и продолжила ночное бдение у тела вместе с гувернанткой. Оплывали горящие свечи. Их пламя дрожало от долетавшего с пруда свежего ветерка.

Шел довольно сильный дождь. Наконец наступил рассвет. На бледно-голубом небе еще сияло несколько звезд, но легкие облачка уже золотились в первых лучах солнца.

Именно в эти минуты на проселке, ведущем

в город Шату, дорожный рабочий обнаружил Жерома Эльмаса, который, мокрый от дождя и в полубессознательном состоянии, лежал на обочине и стонал. Его воротник был испачкан кровью.

Почти в то же время на другой дороге, в этот ранний час совершенно пустынной, молочник нашел еще одного раненого, который получил удар ножом в грудь, — это был хорошо одетый юноша в черных бархатных брюках, таком же пиджаке и с галстуком-бабочкой в белый горошек. Костюм выдавал в нем художника. Молодой человек был рослым и отличался крепким телосложением.

Этот пострадал серьезнее. Он не двигался, однако еще дышал, и его сердце слабо билось.

Глава 3
Вмешательство Рауля

Все утро в мирном Везине толпились люди; прибывали жандармы, инспектора в штатском и агенты в мундирах; фырчали двигатели, работая в автомобильной пробке на холостом ходу; сновали репортеры и фотографы. Встречая коллег, они перебрасывались парой слов. Циркулировали

самые невероятные и противоречивые слухи.

Единственным спокойным местом оставались дом и сад «Клематисов». Относительно них действовало жесткое указание: никого не пускать, кроме полицейских. Никаких зевак. Никаких журналистов. Здесь разговаривали, понизив голос из уважения к смерти Элизабет и к горю Роланды. Когда ей сообщили о нападении на Жерома Эльмаса, она разразилась рыданиями:

— Бедная моя сестра… Бедная моя Элизабет…

Она распорядилась отвезти Жерома в ближайшую больницу. В той же самой клинике приняли и другого раненого. Труп Бартелеми, задушившего девушку, лежал в гараже в ожидании, когда его отправят в покойницкую.

Около одиннадцати часов утра следственный судья господин Русслен, сидевший рядом с прокурором Республики в удобном садовом кресле, боролся со сном, выслушивая старшего полицейского инспектора Гуссо, который самодовольно излагал подробности трагедии в Везине, жертвами которой стали четыре человека.

Господин Русслен был коренаст и словно бы весь состоял из живота и ляжек, вследствие чего иногда страдал несварением желудка. Живя в провинции последние пятнадцать лет, неспеш-

ный и лишенный амбиций следственный судья сделал все возможное, чтобы остаться в глухом краю, где он мог удовлетворять свою страсть к рыбалке. К несчастью, последнее дело в замке д'Орсак[6], где он проявил недюжинную изобретательность и даже ясновидение, привлекло к нему внимание начальства, вследствие чего господина Русслена, к его величайшему сожалению, перевели в Париж. Черная куртка из альпаки и мятые полотняные серые брюки свидетельствовали о его полном безразличии к собственному внешнему виду. Но, несмотря на наружность, это был человек проницательного и глубокого ума, совершенно независимый в своих, иногда довольно экстравагантных, поступках.

Имевший завидную репутацию, не соответствующую его скромным заслугам, старший полицейский инспектор Гуссо заключил громким голосом, мгновенно разбудившим господина Русслена:

— Итак, вкратце: на мадемуазель Гаверель напали в тот момент, когда она наклонилась, чтобы взяться за цепь, которая удерживала лодку, и это нападение было таким жестоким, что три

[6] Notes: 6

См. роман «Красные четки». — *Примеч. автора.* (Этот роман Леблана на русском не издавался.)

деревянные ступеньки, спускающиеся к пруду, оказались проломлены. Именно этим объясняется тот факт, что мадемуазель Гаверель вымокла до пояса. Затем на берегу произошли следующие события: борьба, похищение жемчужного ожерелья и бегство убийцы, ноги у которого также оказались мокрыми. О преступнике, перенесенном после медицинского осмотра в гараж, нет никаких сведений, кроме его имени — Бартелеми. Лицо и одежда характерны для бродяги. Он убил, чтобы ограбить жертву. Больше мы ничего не знаем.

Старший полицейский инспектор Гуссо вздохнул и продолжил с видимым удовольствием человека, которому нет нужды подыскивать слова:

— Теперь что касается других. Господин Жером Эльмас застрелил убийцу из ружья, тем самым не дав ему скрыться. Вот единственный пункт, который не подлежит сомнению. В остальном же показания, которые он дал мне, выглядят довольно смутными… Впрочем, нам надо учитывать его состояние.

Во-первых, он не знает убийцу своей невесты. Во-вторых, ему неизвестно, кто напал на него ночью и какова причина этого. Что же до другого

раненого, то у нас нет никаких данных ни о его личности, ни о том, при каких обстоятельствах он подвергся нападению. Максимум, что мы можем предположить, — в обоих случаях действовал один и тот же злоумышленник.

Внезапно кто-то прервал полицейского:

— А не могли бы мы с тем же успехом предположить, господин старший полицейский инспектор, что сегодня ночью произошла трагедия с участием не троих мужчин, то есть нападавшего и двух жертв, а только двоих: Жерома Эльмаса и некоего субъекта, атаковавшего месье Эльмаса и после ранения, полученного от последнего, сумевшего проползти триста-четыреста метров до того места, где его нашли?

Эту неожиданную гипотезу, высказанную незнакомцем, выслушали не без интереса. Удивленные взгляды присутствующих обратились к чужаку. Кто он? Для всех было очевидно, что он вышел из виллы «Клематисы» и услышал заключение инспектора Гуссо. Но по какому праву он вторгся в разговор?

Полицейский инспектор, раздраженный тем, что эта гипотеза вытесняет его собственную, спросил:

— А вы, месье, собственно, кто?

— Рауль д'Аверни. Моя вилла находится неподалеку, напротив большого озера. Меня не было несколько недель, и вот, вернувшись сегодня утром, я узнал о том, что здесь произошло, от молодого архитектора, который живет у меня и обустраивает мой дом. Фелисьен Шарль дружил с барышнями Гаверель и вчера обедал с ними. Час назад я проводил его до дома мадемуазель Роланды и не счел зазорным немножко пройтись по саду и послушать ваши блестящие умозаключения, господин старший инспектор. Они выдают виртуоза сыскного дела.

У Рауля д'Аверни был такой лукавый вид, что любой другой на месте старшего инспектора Гуссо почувствовал бы, что над ним смеются. Но инспектор Гуссо так пыжился, так был уверен в своих талантах, что ему это и в голову не пришло. Польщенный заключительным комплиментом, он слегка поклонился и ограничился тем, что решил сбить спесь с симпатичного дилетанта.

— Это предположение, месье, я уже рассмотрел, — сказал он, улыбаясь. — Я даже высказал его господину Эльмасу, который возразил: «А каким оружием я бы его ударил? У меня его не было. Нет. Я защищался как мог, пинками и ударами кулаков. Я ударил противника по лицу и

обратил его в бегство», — сказал мне господин Эльмас, хотя сам при этом уже был ранен. Ответ исчерпывающий — не правда ли, месье? Однако я осмотрел второго раненого: на нем нет никаких следов ударов — ни на лице, ни где-либо еще. Следовательно…

Рауль д'Аверни в свою очередь слегка поклонился.

— Блестящее обоснование, — сказал он.

Но следственный судья господин Русслен, которому вновь прибывший понравился, спросил его:

— Может быть, у вас есть еще какие-нибудь наблюдения, которыми вы могли бы поделиться?

— О! Ничего особенного. И я боюсь злоупотребить…

— Говорите, говорите… прошу вас. Мы столкнулись с делом, которое представляется безнадежно запутанным, и даже маленькая подсказка может иметь значение. Слушаем вас.

— Итак, — начал Рауль д'Аверни, — причина, по которой подвергшаяся нападению Элизабет Гаверель упала в воду, очевидна всем, не так ли? Это обрушение деревянных ступенек. Я осмотрел их. Они держались на двух сваях, забитых в дно пруда на довольно большую глубину. Однако

эти сваи не устояли под толчком по той простой причине, что они были недавно подпилены на три четверти своей толщины.

Эти слова были встречены изумленными восклицаниями. Из дома, опираясь на руку Фелисьена Шарля и слегка пошатываясь, вышла Роланда. Она тоже услышала речь господина д'Аверни.

— Неужели это возможно? — пролепетала она.

Инспектор Гуссо бросился к пруду. Подняв одну из свай, которую господин д'Аверни вытащил на берег, он принес ее и сообщил:

— Ошибка исключена. Следы подпила четкие и совершенно свежие.

Роланда заметила:

— Последнюю неделю моя сестра каждый день в один и тот же час спускалась за лодкой. Значит, тот, кто ее убил, знал об этом? И все подготовил заранее?

Рауль покачал головой:

— Я не думаю, мадемуазель, что все произошло именно так. Убийце не нужно было бросать ее в воду, чтобы сорвать ожерелье. Внезапное нападение, недолгая, секунды две-три, борьба на берегу… и побег… этого было бы достаточно.

Следственный судья спросил с живейшим ин-

тересом:

— Значит, по-вашему, был кто-то другой, кто подстроил эту ужасную ловушку?

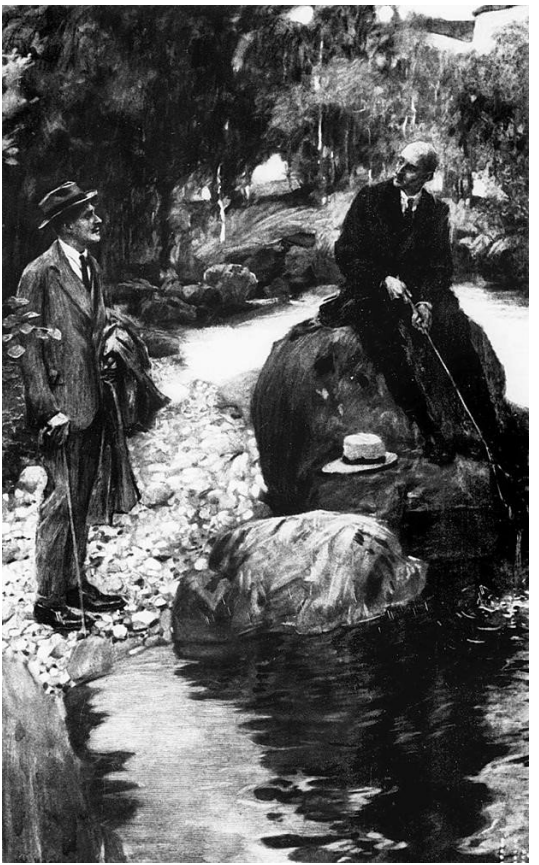
— Думаю, что так.

— Но кто? И с какой целью?

— Этого я не знаю.

Господин Русслен не мог сдержать легкой улыбки:

— Дело усложняется. Выходит, было двое убийц: один все заранее подготовил, а второй, так сказать, фактический, в итоге просто воспользовался случаем. Но как тот, другой, проник на виллу? И где прятался?



— Там, — ответил Рауль, указывая на соседнюю «Оранжерею» дядюшки Филиппа Гавереля.

— В доме? Но это невозможно. Смотрите: все окна и двери на первом этаже закрыты, вдобавок ставни на окнах защищены запорами.

Рауль невозмутимо ответил:

— На всех окнах ставни с запорами, но не все они заперты.

— Неужели?

— Одно из них, двустворчатое окно крайнее справа, не было закрыто. Внутренние щеколды с обеих сторон были только для вида сдвинуты вместе. Пойдите и убедитесь сами, господин инспектор.

— Но как же злоумышленник вошел в дом? — спросил господин Русслен.

— Очевидно, через главную дверь с внешней аллеи.

— Значит, у него была отмычка?

— Без сомнения.

— И он выбрал это место, чтобы наблюдать за мадемуазель Гаверель, а потом напасть на нее? Это почти невероятно.

— У меня есть идея на сей счет, господин следственный судья. Но давайте дождемся месье Гавереля. Мадемуазель Роланда послала ему

телеграмму, и он должен прибыть из Канн, где гостил у своего сына. Мы ждем его с минуты на минуту, не правда ли, мадемуазель?

— Он должен был уже приехать, — подтвердила Роланда.

Последовало долгое молчание. Уверенность месье д'Аверни произвела впечатление на слушателей. Все, что он сказал, выглядело весьма достоверным — до такой степени, что казалось правдой, несмотря на противоречия и несообразность некоторых деталей.

Инспектор Гуссо, стоявший перед «Оранжереей», изучал двустворчатое окно, которое и в самом деле не было заперто. Судейские негромко переговаривались. Роланда тихо плакала. Фелисьен смотрел то на нее, то на месье д'Аверни.

Рауль заговорил снова:

— Вы сказали, господин следственный судья, что дело сложное. Оно действительно выходит за рамки обычных преступлений. В таких случаях я не доверяю тому, что вижу и что кажется очевидным, а стараюсь упростить картину, исходя из того что реальность чаще всего сводится к некоторому единству фактов. В жизни не встречается такая путаница одновременных событий. Этого

просто не бывает. Судьба никогда не занимается нагромождением театральных эффектов ради забавы. Прошедшие двенадцать часов вместили в себя подготовку к убийству, утопление, удушение, кражу, смерть, а затем еще два нападения, которые могли бы, точнее, должны были привести к еще двум смертям! Все это нескладно, глупо, абсурдно и бессмысленно жестоко. Нет, правда, это уж слишком… И потому…

— Потому?..

— Потому я спрашиваю себя: нет ли в этом клубке какой-то красной нити, разделяющей факты: одни — налево, другие — направо; словом, нет ли здесь вместо одного слишком перегруженного дела двух простых, которые в какой-то момент своего развития случайно переплелись. Если это действительно так, достаточно найти точку, в которой это произошло, и тогда мы начнем их понемногу распутывать.

— О! О! — улыбаясь, сказал господин Русслен. — Мы вступаем в область фантазий. У вас есть хоть одно доказательство в подтверждение вашей гипотезы?

— Ни одного, — ответил Рауль д'Аверни, — но доказательства иногда не так убедительны, как логика.

Он замолчал. Все пребывали в размышлениях. Послышался шум автомобиля, затормозившего за «Клематисами». Роланда бросилась встречать дядю Гавереля.

Они вместе поднялись в комнату покойной, а затем месье Гаверель присоединился к судейским.

Ему кратко описали то, что произошло. Рауль д'Аверни указал на открытую дверь его виллы и пояснил:

— Возможно, месье, кто-то проник в ваш дом.

Господин Гаверель побледнел:

— Проник в мой дом? Но с какой целью?

— Чтобы обокрасть вас. Вы оставляли какие-то ценные предметы? Деньги?..

Дядя Роланды пошатнулся:

— Ценности?.. Деньги?.. Да нет… И потом, откуда он мог бы об этом узнать? Нет-нет, не верю… — Внезапно он как безумный бросился к вилле с криком: — Стойте!.. Не подходите… Никому не подходить!

Он толкнул полуоткрытую дверь и исчез за ней.

Прошло две минуты, и раздались восклицания. Через несколько секунд месье Гаверель возник на пороге и, взмахнув руками, рухнул наземь,

прямо там, где все его ожидали.

Он бормотал:

— Да… так и есть… меня обокрали… нашли мой тайник… Это ужасно… я разорен… Мой тайник нашли… Неужели это возможно? У меня забрали все…

— Что, серьезная кража? — спросил следственный судья. — Во сколько вы ее оцениваете?

Господин Гаверель поднялся. Он был бледен как бумага и словно напуган собственной откровенностью.

— Серьезная, да… Но это касается только меня… Правосудие должно заботить лишь одно: меня обворовали… И вора должны найти!.. И вернуть мне все, что украдено…

Рауль д'Аверни и инспектор Гуссо вошли в дом. Оказавшись в вестибюле, они обнаружили, что замок в главной двустворчатой двери со стороны улицы сломан, как и предполагал д'Аверни, и дверь закрыта только на задвижку, которая едва касается второй створки.

Они вернулись в сад, и Рауль спросил у Роланды:

— Вы мне рассказывали, мадемуазель, что вчера вечером, выбираясь из студии через окно, вы заметили, что убийца вашей сестры, убегая,

что-то поднял с земли?

— Да… в самом деле…

— Что это была за вещь?

— Мне было плохо видно…

— Сверток?

— Кажется, да… Небольшой пакет… он спрятал его на бегу под курткой.

Куда же исчез этот пакет? Слуга Эдуар, за которым сразу послали и которому не было причин не верить, утверждал, что на трупе его не было. Все допрошенные — и полицейские, и случайные зеваки — утверждали, что ни вчера, ни нынче утром они не находили никакого пакета.

У Филиппа Гавереля снова вспыхнула надежда.

— Его отыщут, — сказал он, — я уверен, что полиция его отыщет.

— Чтобы найти пакет, — заметил господин Русслен, — нам нужно его описание.

— Это серая холщовая сумка.

— А содержимое?

Месье Гаверель вышел из себя:

— Это никого не касается!.. Это мое личное дело… Что я счел нужным спрятать — деньги или документы, — это мое дело.

— Значит, там были банкноты?

— Нет-нет, я этого не сказал, — ответил господин Гаверель, раздражаясь все сильнее. — С чего вы взяли, что там были банкноты? Нет… Письма… для меня бесценные.

— Короче говоря, что мы ищем?

— Серую холщовую сумку — вот что я требую от полиции! Вам нужно всего лишь найти серую холщовую сумку.

— В любом случае, — сказал Рауль после долгого молчания, — мы получили доказательство. Позапрошлой ночью грабитель, старик Бартелеми, проник в ваш дом. После долгих поисков ему удалось завладеть вашей сумкой. Но как же он ушел? Через вестибюль и дверь, ведущую на улицу? Нет, средь бела дня его могли заметить. И потому он открывает это двустворчатое окно, рассчитывая на то, что в саду пустого дома ему никто не встретится и он сможет удрать через калитку за огородом. Но как раз в этот момент Элизабет Гаверель выходит из «Клематисов». Непредвиденная встреча. Молодая девушка вскрикивает, и этот крик смутно слышен в «Клематисах». И что же происходит потом? Грабитель бросается к ней. Она пытается убежать. Столкновение происходит на ступеньках. Остальное мы знаем.

Инспектор Гуссо снова пожал плечами:

— Очень возможно… но я там не был.

— Я тоже…

— Следовательно, нет никаких доказательств, что все происходило именно таким образом, что кто-то другой, а не сам этот господин Бартелеми подготовил убийство мадемуазель Гаверель.

— Действительно, никаких доказательств нет, — признался Рауль.

Однако уже наступил час обеда. Господину Русслену нужно было возвращаться в Париж, да и пустой желудок начинал его терзать. Он тихо осведомился у слуги, нет ли поблизости какого-нибудь хорошего ресторана.

— Господин следственный судья, — вмешался Рауль д'Аверни, — если вы окажете мне честь и примете мое приглашение, то, полагаю, мы неплохо пообедаем у меня дома…

Он пригласил также и инспектора Гуссо, который с досадой отказался, не желая прерывать расследование. Роланда отвела Рауля д'Аверни в сторону и взволнованно сказала ему:

— Месье, я верю в вас. Моя сестра будет отомщена, ведь правда?.. Я так ее любила…

Он подтвердил:

— Ваша сестра непременно будет отомщена. Но мне кажется, что именно вы, мадемуазель,

могли бы… — Он посмотрел ей прямо в глаза и повторил: — Да-да, именно вы можете мне помочь… Нужно распутать сложное дело, в котором у нас нет пока ни малейшей ясности. Постоянно помните об этом. Подумайте, не было ли у вашей сестры врага; не было ли в ее жизни чего-то, что могло вызвать зависть или ненависть… И если вспомните, сразу сообщите мне. Я же со своей стороны полностью в вашем распоряжении… и мы вдвоем обязательно добьемся правды.

Глава 4
Инспектор Гуссо наносит удар

Обед, на который Рауль пригласил Русслена и на котором также присутствовал Фелисьен Шарль, пришелся следственному судье весьма по вкусу, так что он не жалел восклицаний и похвал:

— Ах, какой лангуст!.. А сотерн!.. А пулярка!..

— Я знал вашу слабость, господин судья, — сказал ему Рауль.

— Неужели? Но от кого?

— От одного из моих друзей — Буажене, который был на слушании того знаменитого дела о замке д’Орсак, где вы совершили настоящее

чудо.

— Я? Я просто позволил событиям идти своим чередом.

— Да, мне известна ваша теория. Когда происходит преступление на почве ревности, сами актеры этой драмы, пускаясь в разгул страстей, постепенно рассеивают мрак.

— Совершенно верно, и очень жаль, что сегодня мы не имеем дело с таким же случаем. Кража денег, кража ожерелья… ничего интересного.

— Кто знает? Ведь для Элизабет Гаверель была приготовлена ловушка.

— Да, ловушка с подпиленными сваями. Но если говорить серьезно, вы действительно верите в эту комбинацию? Что это были два отдельных преступления?

— Прежде всего, господин следственный судья, не принимайте меня за сыщика-любителя, который кичится своими жалкими способностями. Нет… Я много читал… Но отнюдь не детективы — они наводят на меня смертельную скуку… — а «Судебный бюллетень» и описания реальных преступлений. И это чтение пошло мне на пользу: я получил определенный опыт и обзавелся собственным взглядом на вещи… Иногда он бывает правильным… а иногда совершенно оши-

бочным… Тем не менее он порой позволяет мне болтать, что в голову придет, чтобы произвести впечатление на второразрядных полицейских… вроде нашего славного инспектора Гуссо. Но суть состоит в том, что все это чертовски непонятно! Ясно здесь пока только одно, — добавил он, смеясь, — а именно: месье Филипп Гаверель не хочет, чтобы его подозревали в сокрытии денег. Но давайте представим, что его серая холщовая сумка нашлась, — какая от нее польза, если она пуста?

— Вот-вот, — подхватил господин Русслен, — ведь вор первым делом откроет сумку и завладеет содержимым. Так что вероятность найти деньги очень мала.

Фелисьен молчал. Во время трапезы он внимательно слушал Рауля д'Аверни, но ни разу не присоединился к разговору.

Около трех часов господин Русслен вместе со своими спутниками вернулся в сад «Клематисов», где их уже ждал старший инспектор.

— Итак, господин инспектор, что нового?

Гуссо принял самый что ни на есть бесстрастный вид:

— Хм! Ну, не то чтобы много. Я наведался в клинику, где навестил Жерома Эльмаса и поговорил с врачами. Хотя его жизнь вне опасности, мне не

позволили допросить его как следует. Он лишь сообщил, будто ему показалось, что неизвестный, напавший на него, свернул с тропинки, которая ведет к пруду.

— А нож, которым было совершено преступление?

— Его найти не удалось.

— А что с другим раненым?

— Он по-прежнему в тяжелом состоянии, и врачи не решаются давать прогноз.

— О нем ничего не известно?

— Ничего.

Старший инспектор помолчал, а потом якобы между прочим добавил:

— Однако я установил относительно него некий любопытный факт.

— О! Какой же?

— Этот субъект был вчера в этом саду.

— Что вы такое говорите?! В этом саду?

— Именно так.

— Но каким образом он сюда попал?

— Видите ли, сначала он пробрался на виллу следом за месье Шарлем Фелисьеном, который после убийства мадемуазель Элизабет захотел увидеться с ее сестрой Роландой.

— А потом?

— А потом он затерялся среди зевак, сбежавшихся на звуки выстрелов и пытавшихся всеми правдами и неправдами проникнуть в дом, пока полиция не навела там порядок.

— Вы уверены?

— Так утверждали люди, которых я допросил в клинике.

— Это, конечно, случайность, — обратился следственный судья к Фелисьену, — что незнакомец вошел в дом одновременно с вами?

— Я никого не видел, — ответил Фелисьен.

— Никого не видели? — повторил за ним Гуссо.

— Нет.

— Странно. А вот свидетели сказали, что вы с ним разговаривали.

— Вполне возможно, — ответил молодой человек без тени смущения. — Я действительно разговаривал с теми, кто там был, — с жандармами, с соседями.

— И вы не обратили внимания на рослого парня с галстуком-бабочкой в белый горошек, смахивающего на художника?

— Нет… а может, и обратил… не знаю… я был так взволнован.

Наступила пауза. Затем инспектор Гуссо продолжил:

— Вы живете во флигеле виллы месье д'Аверни, здесь присутствующего?

— Да.

— Вы знакомы с садовником виллы?

— Конечно.

— Так вот, этот садовник утверждает, что вчера, когда прозвучал выстрел, вы сидели перед домом…

— Совершенно верно.

— Причем с господином, который уже приходил к вам два или три раза. Однако этот господин и есть наш художник. Садовник буквально только что опознал его в клинике.

Фелисьен покраснел, вытер покрывшийся испариной лоб и после минутного колебания ответил:

— Я не знал, что вы имеете в виду его. Еще раз повторяю: я был так расстроен, что не могу сказать, зашел ли он вчера одновременно со мной в «Клематисы» и находился ли вместе со мной в толпе.

— Как зовут вашего друга?

— Он мне не друг.

— Не важно! Как его зовут?

— Симон Лорьен. Он как-то подошел ко мне, когда я рисовал на берегу озера. Сказал, что тоже

художник, что не знает, где выставить свои картины, и ищет работу. Хотел, чтобы я представил его месье д'Аверни. Я пообещал.

— Вы часто с ним виделись?

— Четыре или пять раз.

— Где он живет?

— В Париже. Больше я ничего не знаю.

К молодому человеку вернулась его прежняя уверенность, и следственный судья заметил:

— Что ж, звучит весьма правдоподобно.

Но Гуссо не сдавался:

— Значит, вчера вы с ним виделись?

— Да, у флигеля, где я живу. Я думал, что по возвращении месье д'Аверни представлю его.

— А позднее, когда я велел всем посторонним выйти из сада?

— Больше я его не видел.

— Однако он продолжал бродить вокруг домов, окружавших пруд. Потом ужинал в соседнем трактире, и я почти уверен, что его заметили вечером совсем близко отсюда. Он прятался в тени деревьев.

— Мне ничего об этом не известно.

— А где вы сами были в это время?

— Я ел у себя во флигеле; прислуживал мне, как всегда, консьерж месье д'Аверни.

— А потом?

— А потом я немного почитал и лег спать.

— В котором часу?

— Около одиннадцати.

— И больше не выходили?

— Нет.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Инспектор повернулся к группке из четверых свидетелей, которых он уже допросил. Один из них, немолодой мужчина, вышел вперед.

Гуссо спросил его:

— Вы живете по соседству, правильно?

— Да, моя вилла находится сразу за огородом месье Филиппа Гавереля.

— И с одной стороны вдоль вашей виллы тянется тропинка, по которой можно дойти до пруда?

— Верно.

— Вы мне сказали, что около часа ночи, подойдя к окну, чтобы подышать свежим воздухом, вы увидели какого-то человека, который плыл в лодке, гребя веслами, а потом вышел на берег в том самом месте, где начинается тропинка. Этот неизвестный вытащил лодку на вашу землю и привязал к колышку. То есть он воспользовался вашей собственностью. Вы, конечно, узнали

ночного гостя?

— Да. В этот момент ветер как раз разогнал облачка, закрывающие луну. На его лицо упал луч света. И он тут же бросился в тень. Это был месье Шарль Фелисьен. Он оставался на тропинке довольно долго.

— А потом?

— Не знаю. Я лег спать.

— То есть вы утверждаете, что видели господина Шарля Фелисьена, здесь присутствующего?

— Полагаю, что могу смело утверждать это.

Инспектор Гуссо повернулся к Фелисьену:

— Значит, вы провели ночь на улице, а не в постели?

Фелисьен твердо возразил:

— Я не выходил из своей комнаты.

— Если вы не выходили из комнаты, то как можно объяснить, что вас видели, когда вы высаживались из лодки? Вы провели какое-то время на тропинке у воды, а ведь господин Эльмас сказал, что напавший на него, как ему показалось, появился именно оттуда.

— Я не выходил из своей комнаты, — повторил Фелисьен.

Господин Русслен молчал, несколько смущенный тем, что обедал за одним столом с молодым

человеком, который так неуклюже защищается. Он посмотрел на Рауля д'Аверни; до сих пор тот бесстрастно слушал, не сводя пристального взгляда с Фелисьена, но, заметив смущение судьи, решил вмешаться в беседу:

— Пока следствие проверяет все эти слухи и ищет им правильное объяснение, могу я узнать, господин инспектор, чего вы добиваетесь от Фелисьена Шарля?

Гуссо ответил:

— У меня нет другой цели, кроме как сложить из имеющихся частей истинную картину произошедшего.

— Но, господин инспектор, обычно мы складываем эти части, уже имея общее представление о конечном результате.

— У меня пока нет этого представления.

— Ну как же. В данном случае по только что учиненному вами допросу отлично видно, куда вы клоните. Первое: вы обращаете внимание в основном на вторую драму, то есть на кражу банкнот и два ночных нападения. Второе: Фелисьен, как вы подозреваете, сегодня не ночевал дома, воспользовался лодкой, чтобы проникнуть через сад на виллу «Оранжерея» и найти серую холщовую сумку с банкнотами, а позже, около ча-

са ночи, под покровом темноты, мог проследить за женихом жертвы, месье Жеромом Эльмасом, а потом напасть на него; по какой причине — неизвестно. И в глубине души вы, конечно, задаетесь вопросом, не был ли другой пострадавший, Симон Лорьен, также его жертвой.

— Я не задаюсь никакими вопросами, месье, — сухо ответил Гуссо, — и я не привык, чтобы меня допрашивали.

— Я лишь позволю себе заметить, — продолжал Рауль д'Аверни, — что вы, судя по всему, подозреваете сговор между Фелисьеном Шарлем и Симоном Лорьеном. Но если это так, то как месье Фелисьен Шарль может быть одновременно сообщником Симона Лорьена и тем, кто напал на него?

Гуссо не ответил. Рауль пожал плечами:

— Такая гипотеза не выдерживает критики.

Его слова и молчание инспектора положили конец этой сцене, тем более что на крыльце уже какое-то время стояла Роланда, очень красивая в своем траурном наряде, и внимательно прислушивалась к разговору.

Девушка взяла дядю под руку. Они отправлялись в клинику, к Жерому Эльмасу.

Рауль ни на чем больше не настаивал. Он ска-

зал Фелисьену:

— Давайте вернемся домой.

И попрощался со следственным судьей.

По дороге Рауль д'Аверни молчал. На вилле он отвел молодого человека в свой небольшой, расположенный за гостиной рабочий кабинет, из которого был виден угол сада, скрытый от посторонних глаз живой изгородью.

Там он усадил его и сказал:

— Вы так и не спросили, почему я написал вам, предложив приехать ко мне.

— Я не осмелился, месье.

— Значит, вы не знаете, почему я попросил вас декорировать эту виллу и жить в ней?

— Нет.

— Вы не любопытны?

— Я боялся показаться нескромным. Вы сами ни о чем меня не спрашивали.

— Ну как же. Я интересовался вашим прошлым. Вы рассказали, что ваши родители давно умерли и вам приходилось нелегко. Но я почувствовал такую сдержанность с вашей стороны, такое нежелание хоть в чем-то открыться, что решил не настаивать. С тех пор мы с вами почти не разговаривали, а это значит, в общем-то, что я вас не знаю. Однако сегодня…

Он сделал паузу, словно не решаясь продолжать, но затем неожиданно и довольно резко заключил:

— Сегодня вы, похоже, скомпрометировали себя, потому что оказались замешаны в темном деле; по крайней мере, вы затрудняетесь объяснить, какую роль в нем играете, возможно сами того не желая. Прошу вас, признайтесь мне во всем, ничего не утаивая!

Фелисьен ответил:

— Месье, я бесконечно благодарен вам за все, что вы для меня сделали. Но мне не в чем признаваться.

— Ваш ответ меня нисколько не рассердил, — сказал Рауль. — В вашем возрасте и при таких обстоятельствах нужно уметь выпутываться самому. Если вы в чем-то виновны, тем хуже для вас. Если нет — жизнь вас вознаградит.

Фелисьен встал и подошел к Раулю:

— Но что *вы* обо всем этом думаете, месье?

Рауль довольно долго смотрел на него. Бегающий взгляд молодого человека свидетельствовал о том, что он был не совсем искренен. Наконец Рауль произнес:

— Не знаю.

Похороны Элизабет Гаверель состоялись на

следующий день. Роланда твердой походкой дошла до кладбища и не отводила глаз от отверстой могилы.

Положив руку на гроб, девушка шептала слова, которые никто не слышал; по-видимому, она рассказывала сестре о своем отчаянии и клялась остаться верной ее памяти.

Она ушла, поддерживаемая дядей. У того только что состоялся долгий разговор с господином Руссленом. Месье Гаверель был подавлен, но не желал отступаться от своей версии:

— Там не было ни единой банкноты, господин судья, исключительно письма и важные документы. Я требую от органов правосудия вернуть мне серую холщовую сумку, в которой они находятся. В противном случае перед отъездом на юг я подам жалобу в прокуратуру.

Между тем Рауль д'Аверни прогулялся вокруг пруда, а затем, присев на каменный бордюр, просмотрел утренние газеты.

Одна из них, явно обзаведшаяся каким-то смелым и ловким репортером, который накануне неизвестно где прятался, излагала малейшие подробности расследования и почти дословно цитировала интригующий допрос Фелисьена Шарля, который вел инспектор Гуссо.

— И как только можно работать в таких условиях! — проворчал д'Аверни, сильно раздосадованный.

Он вернулся в свое владение, где застал Фелисьена за работой. Миновав вестибюль, Рауль подошел к маленькой комнатке, где любил размышлять и предаваться мечтам. Там его ждала женщина — без шляпы, в очень простом платье, с красной косынкой на шее; на ее прекрасном, но измученном лице отражались самые разные чувства: боль, разочарование, гнев, враждебность…

— Кто вы?

— Любовница Симона Лорьена.

Глава 5
Фаустина Кортина и Симон Лорьен

Это было сказано с таким вызовом, словно в злоключениях Симона Лорьена был виновен он, Рауль д'Аверни.

Рауль ответил:

— Полагаю, вы прочитали сегодняшнюю статью в газете «Эхо Франции» с обвинениями в адрес моего гостя, Шарля Фелисьена. Не зная, где его искать, вы решили во всем обвинить меня, не так ли?

При этих словах гнев и ужас, обуявшие молодую женщину, вырвались на волю. Сквозь неистовые рыдания, выдававшие жестокую, темную натуру, не способную себя контролировать, она проговорила:

— Прошло три дня с тех пор, как мой любимый исчез, три дня я тщетно ищу его и сбиваюсь с ног, бегая повсюду как безумная. И вдруг сегодня утром в этой газете я увидела — потому что я читаю их все, с ужасом готовясь узнать, что он стал жертвой несчастного случая, — я увидела его имя… Он был ранен, смертельно… Возможно, уже умер…

— Тогда зачем же вы пришли сюда, вместо того чтобы пойти в клинику?

— Прежде чем идти туда, я хотела увидеть вас.

— Почему?

Молодая женщина не ответила. Подойдя к Раулю — разъяренная, но невероятно красивая, — она произнесла:

— Почему? Потому что виновник — вы. Да, вы! Все это — ваших рук дело, и чтобы понять это, достаточно прочитать газету. Фелисьен Шарль? Всего лишь пешка. А главный — вы. Тот, кто полностью спланировал преступление! Я чувствую, нет, я даже уверена… Как только я прочитала

газету, я сказала себе: «Это он»!

— Правда? Вы же меня не знаете.

— А вот и нет, знаю.

— Вы знаете меня, Рауля д'Аверни?

— Нет, вас — Арсена Люпена!

Рауль был ошеломлен. Он не ожидал ни такой яростной атаки, ни того, что его настоящее имя будет брошено ему в лицо как оскорбление. Откуда эта женщина могла узнать?..

Он грубо схватил ее за руку:

— Что вы такое говорите?! Арсен Люпен…

— О, только не врите! Какой смысл? Я давно это знала. Симон мне часто рассказывал о вас и об этой фамилии — д'Аверни, — за которой вы прячетесь!.. Я даже приходила сюда вечером на прошлой неделе, в ваше отсутствие и так, чтобы никто об этом не узнал… Он пожелал, чтобы я посмотрела на дом Арсена Люпена. Хотя я его заранее предупредила: «Не пытайся узнать этого человека. Он принесет тебе горе. Чего ты ждешь от этого авантюриста?..»

И она потрясла перед лицом Рауля сжатым кулаком. Ее взгляд казался продолжением оскорбительных слов, а голос дрожал от презрения. Рауль слушал ее, сохраняя бесстрастный вид. Однако что за странная история? Он заходил в

клинику, чтобы взглянуть на Симона Лорьена. Этого человека он никогда раньше не видел. Зачем Симон Лорьен хотел свести с ним знакомство? Как он мог догадаться, что Рауль д'Аверни — не кто иной, как Арсен Люпен? Какая случайность позволила ему завладеть этой тайной?

Рауль предполагал, что молодая женщина не сможет объяснить ему это… или, во всяком случае, не захочет. О том свидетельствовал ее непреклонный взгляд. Она сидела в кресле, горделиво выпрямившись, и, хотя ее переполняли чувства, держалась с поразительным достоинством, подчеркивавшим присущее ей несколько варварское очарование. Она умела — инстинктивно или благодаря выработанной привычке? — пользоваться своей красотой и оттенять ее. Лиф из мягкого шелка облегал ее грудь и обрисовывал изящные плечи.

Откровенное восхищение Рауля заставило ее

покраснеть. Молодая женщина наклонилась и спрятала лицо в ладонях. Силы оставили ее, и она снова заплакала.

— Вы представить себе не можете, что он значит для меня… Он — вся моя жизнь… Если он умрет, я тоже умру… Я никогда не любила другого мужчину… Я молилась на него… Я бы покончила с собой, чтобы избавить его от страданий… И он любил меня так же сильно… Мы собирались, как только разбогатеем, пожениться и уехать…

— И кто вам мешает?

— А если он умрет?!

Мысль о смерти снова пробудила в ней отчаяние. Лихорадочное возбуждение заставляло ее бросаться из одной крайности в другую.

Она накинулась на Рауля:

— Это вы его убили… Не знаю как… Но это вы… И я отомщу так, как умеют мстить у нас, на Корсике. Он не должен умереть, пока не будет знать, что отомщен. Удар ему нанес Арсен Люпен. И я буду повсюду выкрикивать ваше имя… Да, я заявлю на вас в полицию. Прямо сейчас! Пусть они знают, кто вы… Арсен Люпен — преступник, грабитель… Арсен Люпен!

По-прежнему громко крича, она распахнула дверь и попыталась бежать. Он зажал ей рот и

заставил вернуться в комнату. Завязалась отчаянная борьба. Незнакомка яростно сопротивлялась, так что ему пришлось схватить ее за руки, чтобы повалить в кресло и лишить возможности отбиваться. От прикосновения к ее телу, трепещущему, побежденному, но содрогавшемуся от возмущения и ненависти, он на какой-то миг потерял голову и попытался поцеловать ее. Но тут же выпрямился, рассердившись на себя за этот глупый порыв. Она злобно расхохоталась:

— А! Вы тоже! Вы такой же, как другие! Что вам женщина?! Вы избавляетесь от нее, не церемонясь, как от любой уличной девки! Черт возьми, Люпен, неужто вы и впрямь считаете, что вам все позволено, что все женщины принадлежат вам?! Жалкий фанфарон, если бы вы только коснулись моих губ, я убила бы вас, как собаку!

Рауль был взбешен:

— Хватит глупостей! Вы ведь пришли не для того, чтобы донести на меня или убить, верно? Так говорите, черт побери! Чего вы хотите? Говорите же!

Он бережно взял ее руки в свои и, глядя прямо в лицо незваной гостье, произнес дрожащим от гнева голосом:

— Я не имею никакого отношения к этому де-

лу… Это не я ранил Симона Лорьена… Клянусь вам… Так говорите же… Чего вы хотите?

— Спасти Симона, — пробормотала она, побежденная.

— Хорошо. Как только он немного поправится, я устрою ему побег. Ничего не бойтесь. Он не сядет в тюрьму.

Она затрепетала:

— Симон — и в тюрьму? Но он не сделал ничего плохого! Он честный человек. Нет, его спасение может прийти только от меня. Я одна могу его спасти, ухаживая за ним.

— И как вы себе это представляете?

— Я хочу, чтобы меня пустили в клинику, где я буду заботиться о нем днем и ночью. Я четыре года работала сестрой милосердия. Никто, кроме меня, не может ходить за ним. Но я должна попасть к нему сегодня… прямо сейчас.

Рауль пожал плечами:

— Почему вы не сказали мне этого в самом начале, вместо того чтобы тратить время на вздорные обвинения?

— Значит, договорились? — спросила она резко.

— Да.

— Прямо сейчас, ведь так?

После некоторого раздумья Рауль ответил:

— Да. Я повидаюсь с директором клиники. Он мне не откажет. Мало того, я устрою так, чтобы он *не смог* мне отказать и даже сохранил наше дело в секрете. Но мне нужна свобода действий. Как вас зовут?

— Фаустина… Фаустина Кортина.

— В клинике назовете другое имя и ни словом не обмолвитесь о ваших отношениях с Симоном Лорьеном.

Она все еще ему не верила:

— А если вы нас обманете?

— Ступайте, — сказал Рауль, потеряв терпение, и подтолкнул ее к задней двери, ведущей в маленький сад.

Участок сообщался с гаражом, но шофера в это время там не было. Рауль распахнул дверцу кабриолета и приказал:

— Снимите свой красный платок, чтобы вас не запомнили. И садитесь.

Она села в автомобиль. Рауль выехал с виллы через другие ворота и направился к Сене, которую пересек уже в Ле-Пеке[7]. Машина стремительно

---

[7] Notes: 7

Ле-Пек — коммуна в департаменте Ивелин региона Иль-де-Франс на севере Центральной Франции. Расположена в западном пригороде Парижа.

въехала на косогор.

— Где мы? — спросила Фаустина. — Если это ловушка, вам же будет хуже!

Рауль не ответил.

В квартале Сен-Жермен он остановился у большого магазина готового платья и купил там халат и косынку медсестры.

Через час Фаустина, одетая сестрой милосердия, уже входила в клинику, где ей сразу поручили ухаживать за пострадавшим. Симон Лорьен, измученный ранением и лихорадкой, не узнал ее.

Бледная как бумага, с напряженным лицом, строгая в своей белой униформе, она все-таки держала себя в руках и, выслушав указания врача, прошептала:

— Я спасу тебя, любимый… Я спасу тебя…

Выходя из клиники, Рауль встретил Роланду Гаверель, которая принесла Жерому Эльмасу цветы с могилы убитой сестры. Жером поправлялся. Лихорадка отступила. Молодые люди вместе поплакали. Его должны были допросить на следующий день.

Роланда поехала с Раулем. Он спросил у нее:

— Вы обдумали мое предложение?

— Я все время думаю о нем. Единственное, что меня сейчас поддерживает, — это стремление

узнать правду.

— И как, удалось вам ее узнать?

— Пока нет. Я роюсь в своих воспоминаниях. В воспоминаниях Элизабет. Ничего.

В «Клематисах» она показала ему дневник сестры. Это было описание многомесячного и радостного погружения в любовь, сменявшееся порой меланхоличными строками, продиктованными болезнью… Но затем на страницах вновь расцветала радость выздоровевшей и счастливой невесты.

— Прочитайте последнюю страницу, — сказала Роланда. — Как она была спокойна и беззаботна! Между ними и их будущим счастьем не было никаких препятствий.

В саду господин Русслен заканчивал последний этап расследования. Он жестом подозвал Рауля:

— Плохи дела у юного Фелисьена.

— Почему же, господин судья?

— Улики против него становятся слишком весомыми. Вот последняя, предоставленная мне слугой Эдуаром и вашим садовником, которые успели уже подружиться. Две недели назад, ближе к вечеру, Эдуар пришел поболтать со своим новым приятелем. Они разговаривали у живой изгороди, которая отделяет ваш сад от участка,

отведенного садовникам. В разговоре зашла речь о дяде этих барышень, и слуга Эдуар допустил большую оплошность, начав сплетничать о месье Филиппе Гавереле.

«Все копит да копит! — сказал он. — Тот еще скряга! Когда-то у него были неприятности с налоговой службой. И я знаю, что с того времени он прячет денежки дома… В конце концов это сыграет с ним дурную шутку».

Несколько минут спустя они увидели сквозь живую изгородь огоньки, а потом почувствовали запах табака. Какие-то люди, сидя по другую сторону, закуривали сигареты. Это были Фелисьен Шарль и Симон Лорьен. Их разговор был услышан.

Рауль спросил:

— Откуда вы знаете?

— Я только что беседовал с Фелисьеном Шарлем, и он это не отрицал.

— И каков ваш вердикт?

— О, следственные судьи так быстро вердикт не выносят. Перед тем как сделать окончательный вывод, нужно пройти через определенные этапы. Но полагаю, мы будем вправе считать, что мысль о краже зародилась в мозгу одного из молодых людей и что они решили осуществить свой план

руками старого Бартелеми, пособника на вторых ролях, привычного к такой работенке…

— После чего?..

— После чего серая холщовая сумка была похищена, затем потеряна, а затем снова найдена в саду одним из них; и вот уже спор из-за нее происходит с кинжалом в руке.

— И какова роль во всем этом Жерома Эльмаса?

— Он оказался случайным прохожим, который помешал одному из актеров этой драмы и от которого тот захотел избавиться.

Через два дня Рауль узнал, что Симону Лорьену стало хуже. Он бросился в клинику. Господин Русслен был уже там, как и инспектор Гуссо. Немного в стороне стояла, отвернувшись от них, Фаустина. Рауль обратил внимание на ее потухшие глаза и суровое выражение лица.

Симон Лорьен хрипел в предсмертной агонии. Но внезапно он сел в кровати и обвел присутствующих ясным взглядом. Увидев свою любовницу, он улыбнулся ей. Однако им тут же овладел бред, и он заговорил тихо, как хныкущий ребенок.

Они услышали такие слова: «Тайник… Старик нашел сумку… А потом… я искал… и уже не знаю… Фелисьен…»

Он повторил несколько раз: «Фелисьен… Фелисьен… Как ловко все подстроил…»

А затем упал на подушку и замер.

Наступило долгое молчание. Рауль встретил ненавидящий взгляд Фаустины. Разве не имя убийцы ее возлюбленного стало последним словом умирающего?

Господин Русслен, сопровождаемый инспектором Гуссо, вывел Рауля из палаты и сказал ему:

— Сожалею, месье д'Аверни, ведь Фелисьен Шарль был вашим гостем. Вы оказывали ему покровительство. Но, по правде говоря, подозрения против него очень сильны…

И все же чувствовалось, что он по-прежнему колеблется.

Рауль, находясь под впечатлением горящего ненавистью взгляда Фаустины, подумал, что арест Фелисьена, виновен тот или нет, защитит его от безрассудного акта мщения — и не стал протестовать.

— Я не вправе осуждать вас, господин следственный судья. Фелисьен сейчас должен быть во флигеле, который предоставлен ему мною для проживания.

Уверенный тон Рауля придал господину Русслену решительности, и он произнес:

— Инспектор Гуссо, доставьте подозреваемого в полицейский участок. И пусть он остается там до моего приезда.

Глава 6
Статуя

Вечером после ужина, узнав от прислуги, что арест Фелисьена прошел тихо и без огласки, Рауль наведался в одноэтажный флигель, где обитал молодой человек. Там были лишь два помещения: одно служило мастерской, а другое, к которому примыкала ванная комната, Фелисьен использовал как спальню.

Рауль ступил в мастерскую, оставив дверь открытой — так же, как и входную дверь…

Приближалась ночь — сумерки постепенно сгущались. Примерно через час он услышал скрип садовой калитки, которую никогда не запирали на ключ. Раздались осторожные шаги: кто-то приближался к флигелю. Зашуршала трава. Затем шаги послышались на ступеньках крыльца и чья-то тень мелькнула в прихожей.

Рауль вышел навстречу Фаустине. Едва взглянув на него, она покорно позволила подвести себя к стулу, на который и упала без сил.

Через мгновение раздался ее шепот:

— Где он?

— Фелисьен?

— Где он?

— В тюрьме. Вы разве не знали?

Она рассеянно повторила:

— В тюрьме?

— Да, меня так поразило выражение ненависти на вашем лице, что я встревожился и не стал возражать против его ареста. Я правильно поступил, как вы считаете?

Она сказала уныло:

— Я не знаю… не знаю… Я ищу… Кто напал на Симона Лорьена?.. Ах! Если бы я только знала!

— Вы знакомы с Фелисьеном?

— Нет.

— Тогда почему вы пришли сюда?

— Чтобы спросить его. Я бы сразу поняла, если это он…

Она говорила таким тихим и усталым голосом, что Рауль едва ее слышал. Он продолжил:

— Вам наверняка что-то известно… О некоем Бартелеми, например, личность которого полиция не может установить. Или о Симоне Лорьене… его место жительства так и осталось невыясненным. Оказалось, что его частенько ви-

дели на Монмартре — он был завсегдатаем кафе, куда захаживают второсортные мазилы. Но где он ночевал? Где его документы? И потом, какие отношения у него были с Фелисьеном? И почему в это дело замешан я? Вы слышали последние слова Симона… В предсмертном бреду он обвинял сам себя: «Тайник… старик нашел сумку… я искал…» Следовательно, они были сообщниками… Согласны? Они были сообщниками…

Фаустина отрицательно покачала головой, словно желая сказать, что Симон не был вором и что он ни словом не обмолвился ей об этом деле. Рауль, теряя терпение, воскликнул:

— Да что же это такое, в конце концов! Симон Лорьен преследовал меня. Шпионил за мной. Объяснитесь, Фаустина!

Но Фаустина не отвечала. По ее щекам текли слезы, она в отчаянии заламывала руки.

— Я никого не любила, кроме Симона… Но он умер… Я его больше не увижу… Кто напал на него? Как я смогу жить, если не отомщу убийце? Я должна отомстить… Я поклялась ему…

Всю ночь ее плач и клятвы мести мешали дремать Раулю, сидевшему рядом с ней.

Наступило утро, зазвонили церковные колокола. Началась панихида по умершим.

— Это по нему звонят, — сказала Фаустина. — Вчера, как раз в этот час, мы с ним условились… Я единственная буду за него молиться. И попрошу у него прощения за то, что еще не отомстила.

Она ушла. Ее походка была грациозной и решительной, подчеркивающей длинные ноги и гибкую талию.

Рауль уже достиг той поры своей насыщенной жизни, когда мысли об отдыхе рисуют приятные перспективы. Но лишь об отдыхе, а не об окончательном уходе на покой: он все же был еще слишком молод и слишком деятелен, чтобы отказаться от своей всепоглощающей страсти к приключениям. Тем не менее повсюду во Франции — и на Лазурном Берегу, и в Нормандии, и в Савойе, и в окрестностях Парижа — у него были устроены своеобразные оазисы, где при случае он мог отдохнуть. Одним из таких оазисов стал и его дом в Везине. Он поселил в нем, как и в других своих владениях, нескольких старых товарищей: шофера и по совместительству камердинера, повариху и садовников-сторожей, подарив им покойную жизнь в память о прошлых заслугах. И вот внезапно судьба снова бросила его в жестокий бой, которого он вовсе не искал и не желал.

Отступить? Отступить он уже не мог. Хочешь

не хочешь, а надо действовать. И для начала следовало выяснить главное: каким образом он — законопослушный гражданин, мирный житель безмятежного Везине — оказался замешан в эти события, которые соединились друг с другом помимо него и, возможно, даже против него? Потому что объяснить все это случайностью нельзя. Объяснение должно основываться на фактах. Но где найти эти факты? Как вытащить их на свет?

Рауль заперся в «Светлом уголке» и не выходил оттуда больше недели — ни с кем не видясь, отказываясь от разных приглашений, но ежедневно читая все газеты. Так он узнал, что Фелисьену предъявлено окончательное обвинение, однако ничего больше ему выяснить не удалось. Рауль все явственнее осознавал необходимость разобраться в том, каким образом он оказался втянут в это ужасное дело. Он старался распутать его, строил гипотезы, с трудом прокладывал пути во всех направлениях — и неизбежно наталкивался на заграждения и тупики.

Его неотступно преследовал один и тот же вопрос: «Как вообще вышло, что я в этом участвую? Если есть две трагедии и они переплелись друг с другом, а это не подлежит сомнению, то почему я вдруг стал действующим лицом в одной из них?

Почему мое мирное уединение в Везине нарушено? И кто его нарушил?»

В тот день, когда он случайно задал себе вопрос именно в такой форме, ему пришлось ответить себе самому: «Кто? Да Фелисьен же, черт возьми!»

И добавил: «Рекомендация доктора Делятра была для меня настолько солидной, что я не навел об архитекторе никаких справок! Откуда он родом? Кто его родители? Меня же просто использовали!»

Рауль заглянул в записную книжку: «Доктор Делятр, сквер Альбони». Он позвонил… К счастью, доктор оказался дома, и Рауль тут же бросился к своему автомобилю.

Доктор Делятр, высокий сухой старик с седой бородой, сразу принял его, несмотря на длинную очередь пациентов.

— Со здоровьем все в порядке?

— Все отлично, доктор.

— Тогда о чем пойдет речь?

— Я хотел бы спросить у вас кое-что. Кто такой Фелисьен Шарль?

— Фелисьен Шарль?

— Так вы не читаете газет, доктор?

— Нет времени.

— Фелисьен Шарль — молодой архитектор,

которого вы мне порекомендовали шесть или восемь месяцев назад.

— Действительно, действительно… припоминаю…

— У вас сложилось о нем хорошее мнение?

— У меня? Но я его никогда не видел.

— Однако же вам его кто-то порекомендовал, верно?

— Ну конечно… Вот только кто? Подождите, дайте-ка подумать… А, вспомнил! Знаете, это довольно смешно. Так вот! В то время у меня был слуга, которым я был очень доволен, — уже в летах, умный и скромный; он также стал моим секретарем. В тот день, когда я получил от вас открытку и велел ему записать ваш новый адрес, он внимательно изучил карточку, словно ему показался знакомым ваш почерк, и объявил — я это прекрасно помню: «Какой, видно, приятный мужчина — этот самый месье д'Аверни. Вы могли бы порекомендовать ему молодого архитектора, в семье которого я когда-то служил… и о котором рассказывал». Он сам напечатал на машинке письмо и дал мне его подписать. Вот и вся история.

Рауль спросил:

— Этот человек больше у вас не работает?

Доктор засмеялся:

— Я обнаружил, что он украл у меня довольно приличную сумму, и потому пришлось его уволить. Но я никогда прежде не видел такого отчаяния: «Прошу вас, доктор. Не выбрасывайте меня на улицу… Рядом с вами я исправлюсь… Мне страшно уходить… Не прогоняйте меня… Иначе я снова вернусь к дурной жизни».

— Его имя, доктор?

— Бартелеми.

Рауль и бровью не повел. Он ждал этого ответа.

— У Бартелеми не было семьи?

— Двое сыновей — хулиганов, как он признался мне, утирая слезы. В особенности он жаловался на одного из них, который вечно околачивается на скачках или в барах на улице Гренель.

— Сыновья навещали его здесь?

— Никогда.

— Никто к нему не приходил?

— Ну почему же, несколько раз я заставал его за разговорами с женщиной — женщиной из среднего класса… но утонченной и невероятно красивой. Я видел ее и раньше — полтора года назад; тогда она пришла ко мне, полубезумная, чтобы отвести к одному раненому… Идти оказа-

лось недалеко.

— Вы можете рассказать подробнее, доктор?

— Я не боюсь прослыть бестактным, потому что об этом писали в газетах. Речь идет об Альваре — ну вы знаете, конечно, этого известного скульптора, который в прошлом году выставлял в Салоне свою восхитительную «Фрину»? Надеюсь, — добавил доктор со смехом, — ваш допрос не преследует никаких предосудительных целей?

Рауль ушел в задумчивости. Наконец-то ниточка была в его руках и он уже имел право предположить сговор Бартелеми, корсиканки и Фелисьена, — сговор, который привел Фелисьена в Везине.

Теперь, вооруженный нужными сведениями, он отправился к скульптору Альвару, жившему в пяти минутах ходьбы от дома доктора. Передав свою визитную карточку и войдя в огромную мастерскую, он увидел довольно молодого мужчину изящного сложения с красивыми черными глазами. Рауль представился любителем-коллекционером, приехавшим во Францию приобрести кое-какие предметы искусства.

Осматривая и оценивая, как настоящий знаток, эскизы, бюсты, торсы и незавершенные работы,

загромождавшие мастерскую, он не переставал одновременно наблюдать за скульптором. Какие отношения связывали с корсиканкой этого мужчину — немного женоподобного, но элегантного и аристократичного? Любила ли она его?

Рауль приобрел пару очаровательных нефритовых статуэток, а затем указал на высокую статую на возвышении, очертания которой угадывались под складками белого покрывала:

— А это что?

— Это не продается, — заявил скульптор.

— Это ваша знаменитая «Фрина»?

— Да.

— Можно посмотреть?

Альвар сдернул покрывало, и в тот же миг у гостя вырвалось восклицание, которое скульптор не мог истолковать иначе как проявление восторга, но в котором еще больше было удивления, почти изумления. Перед Раулем, вне всякого сомнения, стояла Фаустина Кортина.

Он узнал ее черты лица и выражение на нем, разглядел даже намеченные резцом скульптора шелковистые складки платья.

Рауль долго молчал, ослепленный этим чудесным видением. Наконец, вздохнув, он заметил:

— Увы, такой женщины, как эта, нет на свете.

— Есть, — возразил Альвар, улыбаясь.

— Да, но она создана вашим воображением великого мастера. В действительности же со времен богинь Олимпа и греческих гетер подобное совершенство не существует.

— Оно существует, и мне нет нужды его воображать — мне остается только копировать.

— Как! Эта женщина — модель?

— Да, обычная модель. Которая получает плату за позирование. Однажды она явилась ко мне и рассказала, что уже позировала двум моим коллегам и что ее любовник ужасно ревнив — поэтому, мол, если я не против, она будет приходить тайно. Она, видите ли, обожает его и не хочет, чтобы он страдал.

— Зачем же она позировала?

— Ей нужны были деньги.

— Он так и не узнал об этом?

— Он следил за ней и однажды, когда она одевалась после сеанса, выломал дверь в мастерской и избил меня. Ей пришлось найти врача поблизости. Травма, к счастью, оказалась легкой.

— После этого вы ее видели?

— Да, и совсем недавно. Она в трауре по своему любовнику и заняла у меня денег, чтобы устроить ему достойное погребение.

— Она собирается снова позировать?

— Разве что для бюста, и только. Она поклялась ему в этом.

— И чем же ваша модель будет жить?

— Не знаю. Но она ни за что не станет унижаться ради денег.

Рауль окинул прекрасную «Фрину» долгим взглядом и пробормотал:

— Значит, вы не продадите ее ни за какие деньги?

— Ни за какие. Это дело моей жизни. Я уже ничего не создам с таким вдохновением и с такой верой в красоту женщины.

— В красоту женщины, которую вы любили, — сказал Рауль.

— Которую я желал… Могу в этом признаться, ибо желал безуспешно. Это она любила. Но я не жалею… Мне осталась моя «Фрина».

Глава 7
«Занзи-Бар»

На вывеске несколько лет назад были написаны слова: «У старого трактирщика», которые видны частично до сих пор, несмотря на то что поверх намалевано новое, более современное название:

«Занзи-Бар». Однако это был все тот же невзрачный тупик известной улицы Гренель, — тупик, затерявшийся среди заводов. Именно отсюда открывается один из самых замечательных видов Парижа — вид на берега Сены, несущей свои воды от собора Нотр-Дам к Марсову полю.

«Занзи-Бар» посещают жители квартала: те, что зарабатывают на скачках или проигрывают на них последнее; азартные завсегдатаи ипподрома, подпольные букмекеры, продавцы прогнозов.

Самая горячая пора наступает в полдень, когда рабочие выходят с заводов на обед, и повторяется в пять часов, когда подбиваются итоги дня.

Вечером заведение превращается в игорный притон. Иногда там дерутся. Частенько напиваются. И в этот момент Тома Ле Бук — по-французски «Букмекер» — становился важной фигурой. Тома Ле Бук играл по-крупному и всегда выигрывал. Он и пил так же, но напивался редко. Простодушно-жестокая физиономия, хладнокровие, властный вид, туго набитый карман, наружность буржуа и неизменная шляпа-котелок придавали ему вид человека, про которого говорят: «Он знает свое дело». Какое дело — не уточнялось. Но в этот вечер его увидели за работой, и внимание, всегда его окружавшее, возросло еще больше.

Было около одиннадцати часов, когда к одному из игральных столов нетвердой походкой подошел, чтобы спустить последнее, бледный субъект, который, судя по его виду, плохо переносил обильные возлияния. Его пальто, сильно поношенное и грязное, отличалось великолепным кроем. Имелся даже накладной воротничок, хотя и засаленный. К этому можно добавить чистые руки и гладко выбритые щеки. Словом, это был один из тех, кто знавал лучшие времена.

Субъект потребовал:

— Кюммель![8]

Недоверчивый хозяин возразил:

— Здесь положено платить вперед.

Человек достал записную книжку, в которой лежала пачка банкнот, и вынул из нее купюру в десять франков.

Тома Ле Бук не сомневался ни секунды. Он подошел к субъекту со словами:

— Сыграем в кости на сдачу?

И тут же представился:

— Тома Ле Бук.

Субъект ответил так же вежливо с небольшим английским акцентом:

---

[8] Notes: 8

Кюммель — сладкая анисовая водка.

— К вашим услугам, но я не играю в кости.

— А во что тогда?

— В экарте[9].

Итог экарте оказался таким же, как если бы они бросали кости.

Джентльмен потребовал реванша.

После нескольких партий он проиграл двести франков.

За это время он заказал и проглотил второй кюммель. Была ли причина в нем, или ему просто не везло? Он всхлипнул и неуверенным зигзагом пошел прочь.

Доблести Тома поаплодировали, но сдержанно. Проигравший джентльмен вызывал симпатию. В нем чувствовалась порода.

Он вернулся на следующий день, проиграл еще двести франков, заплакал и ушел.

Когда он заявился на третий день, то был так пьян, что не мог держать карты. И всем стало ясно, что не потеря денежных купюр делает его таким несчастным, а кюммель, потому что он снова плакал, что-то неразборчиво бормоча; однако несколько слов показались Тома Ле Буку такими странными, что он налил ему три кюм-

---

[9] Notes: 9

Экарте — карточная игра.

меля подряд да и сам выпил столько же, хотя терпеть не мог мешать этот напиток с другим алкоголем.

Они ушли вдвоем, пошатываясь, а на бульваре Эмиля Золя плюхнулись на скамейку и сразу заснули.

Проснувшись, они обнаружили больше взаимопонимания, и Тома Ле Бук, придя в полное сознание и воодушевленный новыми идеями, обнял своего спутника и сердечно сказал:

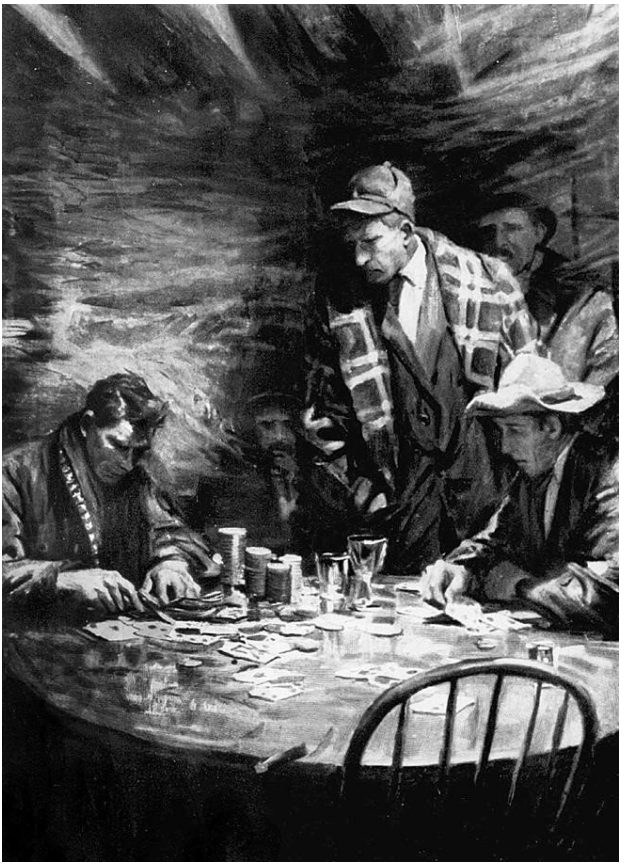
— Дела твои идут не слишком хорошо, а, дружище? Пьешь ты много, а потому попадаешь в разные переделки. Так ведь и в тюрьму недолго угодить.

— Меня нельзя в тюрьму! — еле ворочая языком, запротестовал джентльмен.

— Ну да, конечно! А что это за история в Везине, о которой ты твердил в кабаке?

— В Везине?

— Да, в Везине. Этим делом занимается полиция. Газеты только о нем и пишут. Ты там стащил свои деньги?



— Да как ты смеешь?!
— Так ты их не стащил?
— Нет. Мне их подарили.
— Кто?
— Один тип.
— Тип из Везине?
— Нет.
— Но ты все-таки бывал в Везине?
— Да.
— Когда?
— До войны.
— Не морочь мне голову… Думаю, деньги у тебя не довоенные.
— Нет.

Понадобилось не менее двадцати минут объяснений и пререканий, прежде чем джентльмен наконец объявил:

— Ты прав, Ле Бук. Наверное, я получил их позже.
— Дней десять-двенадцать назад?
— Кажется, да.
— А твоего типа звали?..
— А вот этого я не могу тебе сказать, Ле Бук.
— Не можешь?
— Нет, он мне запретил.
— Но почему он тебе их подарил?

— Это было вознаграждение.

— Вознаграждение за то, что ты сделал?

— Нет, за то, что нужно было сделать.

— Что именно?

— Больше я ничего не скажу.

Снова нескончаемые споры. Бредя по аллее, приятели завернули в какой-то бар, где джентльмен выпил еще два кюммеля, заставив Ле Бука выпить столько же. Потом они двинулись дальше, распевая песни, и наконец добрались до набережной.

Приятели спустились к Сене, туда, где причаливают баржи. Джентльмен тут же рухнул между грудами песка. Тома умылся речной водой, а затем намочил платок и обтер лицо своему приятелю.

Тот шумно и с облегчением вздохнул, и Тома продолжил свои попытки привести его в чувство, надеясь выудить из него нужные ответы.

— Сейчас я тебе объясню… На вилле в Везине украли серую холщовую сумку, в которой было много денег. Сумка исчезла. И тебе дали пять сотенных банкнот, чтобы ты ее нашел.

— Нет.

— Как же нет, а высокий парень с галстуком в горошек?

— Это не тот… У него не было сумки и галстука в горошек.

— Ты врешь! Тогда почему он дал тебе пятьсот франков?

— Это были не пятьсот франков.

— А сколько?

— Пять тысячных банкнот.

— Пять тысяч франков!

Тома Ле Бук пришел в чрезвычайное возбуждение. Пять тысяч франков! Подумать только! А он никак не мог добиться правды! Она утекала сквозь пальцы как вода. Его опьянение возрастало, и, как это ни глупо, теперь заплакал он — заплакал и пустился в откровенности, которые вырывались у него невольно и звучали как жалобы.

— Послушай, дружище… Они обошлись со мной как бандиты… Оба они — и старик Бартелеми, и Симон… Понимаешь?.. Они никогда не допускали меня к своим делам. Только говорили: «Арендуй фургон и жди нас у моста Шату… Как покончим с делом, сразу к тебе присоединимся…» А потом их убили. Хотя это-то меня не волнует, так что давай больше не будем об этом… Есть кое-что другое…

При мутном ночном свете джентльмен медленно приподнялся, опершись на одну руку. Он

не отрывал взгляда, отнюдь не затуманенного винными парами, от плаксивой физиономии Ле Бука.

— Кое-что другое? А что? — пробормотал он. — О чем это ты толкуешь, Ле Бук?

— О деле, которое они затеяли, — с трудом выговорил тот, — колоссальном деле! Я знаю многое, но не все. Знаю, против кого они его затеяли… Но они не назвали мне имя, которое этот тип носит сейчас, и не сказали, где он живет… А то бы мы заработали сотни тысяч… Сотни тысяч… Ах, если бы я только знал!..

— Да, — прошептал джентльмен, — если бы мы только знали! Я бы тебе обязательно помог!

— Ты бы мне помог, правда? — всхлипнул Ле Бук.

— Черт возьми, да, я и сейчас могу тебе помочь. Есть конторы, которые распутывают всякие такие дела… Разные агентства…

— Ты знаешь там кого-нибудь?

— Знаю ли я кого-нибудь? А где, по-твоему, я получил пять тысяч франков?

— Ты говорил о каком-то парне.

— Ну да, о парне из агентства… Он мне так сказал: «Один господин хочет знать, кем был в прошлом человек по имени Фелисьен, которого

сейчас упекли за решетку. Покопайся в этом как следует — и получишь еще столько же, когда добудешь сведения».

Тома Ле Бук вздрогнул. Имя Фелисьена словно смахнуло с него хмель. Он сказал:

— Что это ты несешь? Тебе заплатили за то, чтобы ты занялся каким-то Фелисьеном?

— Да, тем самым, который сейчас сидит в тюрьме. И я должен повидаться с тем господином.

— С тем, кто распорядился выдать тебе пять тысяч франков?

— Да.

— У тебя назначена с ним встреча?

— Не с ним, а с его шофером, который отвезет меня к нему.

— Где вы встречаетесь?

— На площади Согласия, перед статуей Страсбурга.

— Когда?

— Через три дня… В четверг утром, в одиннадцать часов. У шофера в руке будет «Лё Журналь»[10]. Видишь, я могу тебе помочь.

Тома Ле Бук прижал кулаки к голове, словно хотел удержать в ней мысли и упорядочить их.

---

[10] Notes: 10

«Лё Журналь» — французская литературная газета, издававшаяся с 1892 по 1911 год.

Он пытался разобраться в подноготной этой истории. Фелисьен… Какой-то господин, не знающий, куда девать пять тысяч франков… Разве не грех упускать такую возможность?

Ле Бук спросил:

— Где он живет, этот господин?

Джентльмен произнес, старательно артикулируя:

— Похоже, он живет в Везине… Да… Он живет в Везине…

— И тебе, конечно, сказали его фамилию?

— Да, газеты упоминали ее в связи с этим делом… Что-то вроде Таверни… Д'Аверни…

Голос джентльмена звучал очень устало. Он умолк.

Ле Бук изо всех сил старался привести в порядок свои мечущиеся мысли. Все это было совершенно непонятно. Тем не менее, поскольку отыскать противоречия в рассказанной истории ему было явно не под силу, он сумел наметить в этом мраке две-три относительно яркие точки, вокруг которых тут же закружились вихрем его идеи.

Джентльмен сидел рядом и дремал, свесив голову на грудь. Ночь, душная и тяжелая, задыхалась под слоем грозовых облаков. Огоньки стоявших на приколе барж отбрасывали дрожащие блики

на водную поверхность. На противоположном берегу виднелась линия темных домов, холм Трокадеро и арки мостов. На набережной не было ни души.

Тома Ле Бук осторожно просунул руку под пиджак и жилет своего спутника. Во внутреннем кармане жилета, застегнутом на английскую булавку (как трудно было ее расстегнуть!), его пальцы нащупали плотную бумагу банкнот. Он потянул их к себе, но, к несчастью, зацепился за острие булавки и непроизвольно дернул рукой.

Тут же проснувшись, джентльмен, вероятно не отдавая себе отчета в том, что произошло, резко нагнулся. Уже не церемонясь, Ле Бук всеми силами старался высвободить руку, в которую крепко-накрепко вцепился его противник.

Тома не ожидал такого яростного сопротивления. Ногти приятеля все глубже впивались в его плоть, грозя разорвать ее. Вдобавок джентльмен начал звать на помощь.

Ле Бук испугался не на шутку. Собрав все силы, он оттолкнул врага и повалил его на землю. Тот внезапно обмяк и ослабил хватку. Но ярость Ле Бука не позволила ему остановиться. Менее пьяный из них двоих, он сознавал, что наговорил много лишнего, однако не помнил, о чем в точно-

сти шла речь, и это приводило его в бешенство. Когда ему удалось наконец высвободить руку, они оба, как борцы, стояли на коленях у самой воды. Ле Бук огляделся. Никого.

Он толкнул джентльмена, и тот провалился в черную пустоту. Несколько мгновений Ле Бук растерянно озирался, испуганный тем, что произошло почти помимо его воли. Почему он это сделал? Чтобы обворовать джентльмена? Или помешать ему пойти на встречу ценою в пять тысяч франков?

Тем временем его противник барахтался, то уходя под воду, то снова всплывая… Наконец он исчез.

И тогда Ле Бук вернулся домой…

Затаившись, джентльмен около минуты плыл под водой, отдавшись течению. Уверившись же, что Ле Бук больше не следит за ним, он вынырнул и, будучи отличным спортсменом, быстро поплыл вдоль набережной. Из Сены он выбрался рядом с мостом Гренель. Неподалеку его ждал шофер. Он сел в свой автомобиль, переоделся и отправился в Везине.

В три часа утра Рауль уже был в «Светлом уголке» и мирно спал.

Глава 8
Тома ле Бук

Расследование топталось на месте. На следующий день Рауль встретился со следственным судьей, который находился в отличном расположении духа, как бывало всегда, когда он считал необходимым закрыть дело, не желавшее раскрываться.

— Обратите внимание, — сказал он, — у нас совершенно особый случай. Ничего общего с другими делами! Есть, правда, кое-какие зацепки и обстоятельства, требующие прояснения, так что Гуссо, к примеру, уверен в успехе. А я — я как сестра Анна[11] на вершине башни. Все жду, когда на горизонте что-нибудь появится.

— О господине Бартелеми нет никаких новых сведений?

— Никаких. Фотографии трупа, которые публикуют газеты, дают весьма смутное представление о том, как человек выглядел при жизни. Кроме того, Бартелеми бывал, скорее всего, только в сомнительных компаниях, где не стремятся со-

---

[11] Notes: 11
Сестра Анна — персонаж сказки Шарля Перро «Синяя Борода».

трудничать с полицией. Если кто и узнал его по фотографии, то промолчал, чтобы не нарваться на неприятности.

— Связь между Бартелеми и Симоном Лорьеном так и не нашли?

— Ни малейшей. Тем более что Симон Лорьен — тоже вымышленное имя, и мы не знаем, откуда он взялся.

— Однако следствие установило, что его видели в разных кафе… и даже, как написала одна газета, с очень красивой женщиной.

— Все это довольно туманно. А что касается женщины, мы так и не узнали о ней ничего конкретного. Эти люди, разумеется, держались в тени и часто меняли свои имена.

— А мой молодой архитектор?

— Фелисьен Шарль? И он — сплошная загадка. Документов нет. Семейное положение неизвестно. Военный билет в порядке, и описание в нем точное, но в графах «дата» и «место рождения» стоят прочерки.

— А что его ответы?

— Их нет. Он хранит о своем прошлом полное молчание.

— А о настоящем?

— Придерживается той же линии. «Я не убивал.

Я не крал». А если я возражаю: «А как вы тогда объясните это? А еще это?» — он заявляет: «Не мое дело давать объяснения. Я все отрицаю». Кроме того, мы установили, что он, живя у вас, не получал никакой корреспонденции.

— Так и есть, — подтвердил Рауль. — И я тоже ничего не знаю ни о его настоящем, ни о его прошлом. Мне был нужен архитектор и декоратор. Один из моих друзей, уж не помню кто, дал мне его имя и адрес. Это был адрес семейного пансионата, где он останавливался проездом. Я написал ему. Он явился.

— Вот видите, месье д'Аверни, Фелисьен Шарль окружен точно такой же атмосферой тайны, что и Симон Лорьен, — заключил господин Русслен.

На следующий день Рауль постучал в дверь «Клематисов», и открывший ему слуга сообщил, что мадемуазель гуляет в саду.

Роланда была у дома, сидела на скамье и шила в полном молчании. Неподалеку от нее Жером Эльмас, который все еще проходил лечение в клинике, но уже получил позволение иногда покидать ее, читал книгу, лежа в шезлонге. Он сильно похудел. Вокруг глаз виднелись темные круги, впалые щеки подчеркивали его изможденный вид.

Рауль пробыл там недолго. По его наблюдениям, Роланда сильно изменилась. В ней чувствовалась решимость; казалось, она одержима какой-то мыслью. Девушка едва отвечала на его вопросы. Жером был не более разговорчив. Он сообщил о своем скором отъезде, о том, что доктора рекомендуют ему провести остаток лета в горах. Он не находил в себе мужества оставаться в Везине, где все причиняло ему боль.

Итак, д'Аверни повсюду наталкивался на препятствия. Расследование приостановилось, а Фелисьен Шарль, Фаустина, Роланда Гаверель и Жером Эльмас ушли в себя, храня свои тайны и отказываясь поделиться собственными соображениями и способствовать раскрытию истины.

Но утром в ближайший четверг должна была разыграться большая партия. Появится ли Тома Ле Бук? Неужели никакое предчувствие не заставило его задуматься о том, кто на самом деле этот джентльмен, так настойчиво подталкивающий его наведаться в «Светлый уголок»? Неужели за эти последние два дня его прояснившийся от винных паров ум не обнаружил ловушку?

Д'Аверни надеялся, что нет, и в назначенный час послал своего шофера в условленное место, полагая, что Тома Ле Бук не заподозрит злого

умысла в бреде пьяницы и придет на встречу. Вдобавок Ле Буком должен двигать более важный мотив. Он убил человека. Разве не захочет он, чтобы его преступление принесло ему что-то посущественнее нескольких купюр, вытащенных из кармана его жертвы?

И действительно, Рауль различил шум мотора. В ворота сада въехал автомобиль. Зная, что шофер будет действовать согласно его инструкции, он тотчас же перешел в свой кабинет и стал ждать. Встреча, столь им желанная и стоящая таких усилий, должна была вот-вот произойти. Тома Ле Бук — единственный, кто мог рассказать ему о заговоре, затеянном против Арсена Люпена, и продолжавший исполнять план, подготовленный Бартелеми и Симоном, — был уже здесь.

Рауль переложил револьвер из кармана брюк в карман пиджака, чтобы иметь его под рукой. Всего лишь необходимая предосторожность — противник был опасен.

— Войдите, — сказал он, когда слуга постучал в дверь.

Дверь открылась. Слуга впустил Ле Бука, но — другого Ле Бука, принадлежавшего к более высокому сословию: в чистом костюме, в отутюженных брюках, в почти новой шляпе. Он стоял

прямо, крепко держась на ногах и выпятив свой квадратный торс.

Хозяин и гость несколько секунд смотрели друг на друга. Рауль мгновенно понял, что Ле Бук не узнал в нем джентльмена из «Занзи-Бара» и никак не связывает бродягу, сброшенного им в воду, с Раулем д'Аверни, хозяином «Светлого уголка».

Рауль спросил:

— Вы тот самый человек, которому я поручил через агентство прояснить прошлую жизнь Фелисьена Шарля?

— Нет.

— Как!.. А кто же вы тогда?

— Я тот, кто занял его место.

— Но с каким намерением?

Тома огляделся:

— Мы здесь одни? Нам никто не помешает?

— Значит, вы боитесь, что нам могут помешать?

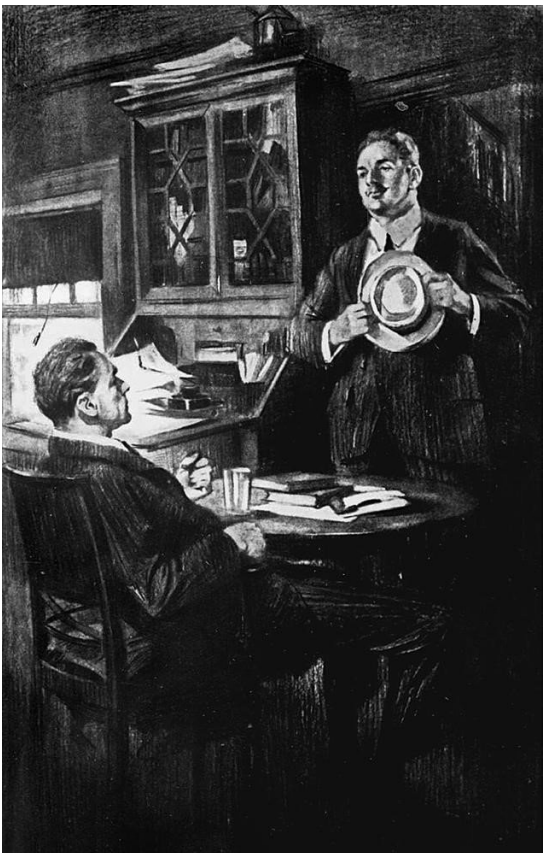
— Да.

— Почему?

— То, что я скажу, предназначено для ушей только одного человека.

— Кого?

— Арсена Люпена.



Ле Бук выделил голосом эти последние два слова, словно ожидая, что его собеседник остолбенеет от изумления. Он с самого начала занял враждебную позицию и сразу пошел в наступление. Его тон и поведение не оставляли в том никакого сомнения. Люпен и бровью не повел. На этом же самом месте Фаустина назвала его настоящим именем, а Фаустина была связана с Симоном Лорьеном — так же как Тома Ле Бук.

Он просто ответил:

— Если вы пришли на встречу с Арсеном Люпеном, то вы не ошиблись. Я — Арсен Люпен. А вы?

— Мое имя вам ничего не скажет.

Тома Ле Бук был немного озадачен неожиданным спокойствием Рауля. И теперь искал другой способ атаковать.

Рауль позвонил в колокольчик. Когда вошел шофер, он сказал ему:

— Примите у господина шляпу, с которой он никак не хочет расстаться.

Ле Бук понял преподнесенный ему урок — он протянул шляпу слуге, сразу унесшему ее, и с раздражением саркастически воскликнул:

— Изображаем из себя большого вельможу, да? Еще бы, ведь Арсен Люпен из знатных!.. Всегда титул в кармане. Не то что я. Я не вельможа, и

у меня нет титула. Поэтому, будьте так любезны, спуститесь на одну ступеньку. Так нам будет удобнее разговаривать.

Он закурил сигарету и ухмыльнулся:

— А, язык проглотили? Черт побери, небось привыкли иметь дело только с маркизами да герцогами, а как увидели перед собой простого парня…

По-прежнему невозмутимый, Рауль ответил:

— Когда я имею дело с маркизами и герцогами, я стараюсь быть максимально вежливым. Когда я имею дело с торговцем свиньями, я обращаюсь с ним…

— Вы обращаетесь с ним?..

— Как Люпен.

Одним движением руки он выбил сигарету из губ Ле Бука и резко бросил:

— Давай к делу. Я спешу. Чего ты хочешь?

— Денег.

— Сколько?

— Сто тысяч.

Рауль изобразил удивление:

— Сто тысяч! Значит, ты хочешь предложить мне что-то грандиозное?

— Вообще ничего.

— Так это угроза?

— Пожалуй, да.

— Шантаж?

— Точно.

— То есть, если я не откуплюсь, ты сделаешь что-то против меня?

— Да.

— И что же это?

— Я тебя разоблачу.

Рауль покачал головой:

— Плохой расчет. Я никогда не пойду на это.

— Пойдешь.

— Нет. И что дальше?

— Тогда я пишу в префектуру. И заявляю, что господин Рауль д'Аверни, который замешан в преступлениях в Везине, является не кем иным, как Арсеном Люпеном.

— А потом?

— А потом, Люпен, ты окажешься за решеткой.

— А после этого? Разве ты получишь свои сто тысяч франков? — И Рауль пожал плечами. — Идиот! Ты можешь давить на меня, только если я на свободе и боюсь зла, которое ты можешь мне причинить. Придумай что-нибудь другое.

— Все уже придумано.

— Что?

— Фелисьен.

— У тебя есть против него улики? Он соучастник ограбления? Убийств? Ему грозит каторга? Эшафот? С чего ты взял, что меня это волнует?

— Если тебя это не волнует, почему ты дал пять тысяч франков, чтобы разузнать о нем?

— Это другое. Но где бы он ни оказался, в тюрьме или где-то еще, меня это взволнует не больше, чем прошлогодний снег. Ты знаешь, кто смог остановить этого Фелисьена? Я.

В наступившей паузе Рауль услышал, как у гостя вырвался тихий смешок. Он почувствовал легкое беспокойство.

— Почему ты смеешься?

— Да так… Пришло на ум одно воспоминание.

— Какое воспоминание?

Беспокойство Рауля рассеивалось. У него было ощущение, что прошлое наконец приоткрывается и сейчас он узнает, по какой причине оказался вовлечен в эту темную историю.

— Какое воспоминание? Говори.

Ле Бук с нажимом произнес:

— Ты знаешь доктора Делятра?

— Да.

— Это его когда-то похитили твои сообщники и отвезли за город, на постоялый двор, где ты умирал и где он прооперировал тебя и спас, ведь

так?[12]

— А, так ты в курсе того давнишнего приключения? — заметил Рауль, изрядно удивленный.

— И еще многих других. Значит, это доктор Делятр порекомендовал тебе молодого Фелисьена?

— Да.

— А поскольку доктор Делятр никогда не слышал о своем протеже, ты выяснил, что рекомендация была придумана и написана слугой доктора, неким Бартелеми, который был убит на вилле «Оранжерея».

— Пока что ты не сообщил мне ничего нового.

— Потерпи. Я скоро закончу. Но нужно, чтобы ты хорошо понял механику этого дела. Итак, именно Бартелеми ввел Фелисьена в твой дом.

— Сговорившись с ним?

— Конечно.

— И в чем смысл этой схемы?

— Заставить тебя раскошелиться.

— И замысел провалился, потому что Бартелеми мертв, а Фелисьен в тюрьме.

— Да, но теперь в игру вступил я. Вот и весь секрет моего визита.

— А вот тут я совсем ничего не понимаю. О чем,

---

[12] Notes: 12

См. роман «Полая игла». — *Примеч. автора.*

собственно, идет речь?

— Терпение. Я рассказываю тебе историю в обратном порядке, возвращаясь к прошлому. Итак, последние лет примерно пятнадцать Бартелеми наблюдал издалека за жизнью Фелисьена, пока тот зарабатывал свой диплом архитектора. До этого парень трудился в бакалейной лавке. А еще раньше — служащим в присутствии. Но началось все с того, что Бартелеми встретил его на ферме в Пуату, где Фелисьен рос вместе с фермерскими детьми.

Рауль со все возрастающим интересом слушал этот рассказ, пытаясь понять, не без некоторых опасений, куда клонит собеседник. Он спросил:

— Очевидно, Фелисьен знает об этих обстоятельствах, хоть и отказался сообщить их следствию?

— Естественно, знает.

— Но откуда о них проведал Бартелеми?

— От фермерши, с которой он сошелся вскоре после смерти ее мужа. Именно она рассказала ему по секрету, что однажды какая-то женщина привезла к ним ребенка вместе с крупной суммой на расходы по его содержанию.

Рауль, сам не зная почему, вдруг почувствовал тревогу. Он пробормотал:

— В каком году это было?

— Понятия не имею.

— Но разве это нельзя было узнать от той женщины?

— Она умерла.

— Однако Бартелеми-то знал?

— Он тоже умер.

— Но он все же кое-что рассказал, раз об этом известно тебе!

— Да, рассказал.

— В таком случае объяснись. Эта женщина?.. Она — мать ребенка?

— Она ему не мать.

— Не мать?!

— Нет, она его похитила.

— Почему?

— Думаю, это была месть.

— Как она выглядела, эта женщина?

— Очень красивая.

— Богатая?

— Выглядела богатой. Она приехала на автомобиле. Сказала, что вернется. Но не вернулась.

Волнение Рауля росло. Он воскликнул:

— Но она же сообщила какие-то сведения?! Имя ребенка? Его звали Фелисьен?

— Имя Фелисьен дала ему фермерша… Точнее, Фелисьен Шарль — она дала ему два имени…

Называла его то одним, то другим…

— А каково его настоящее имя?

— Фермерша не знала.

— Но знала же она хоть что-нибудь?! — рассердился Рауль.

— Может быть… может быть… но ничего не рассказала…

— Ты врешь! Я вижу, что ты врешь. Она знала что-то и наверняка рассказывала.

— На самом деле ничего она не знала. Но Бартелеми, пока длилась их связь, все время занимался поисками. Автомобиль сломался в десяти километрах от деревни, в соседнем городе, где дама была вынуждена остановиться и ждать замену детали. И механик в ремонтной мастерской обнаружил в машине завалившееся за подушки сиденья письмо. Даму звали графиня Калиостро.

Д’Аверни вздрогнул:

— Графиня Калиостро!

— Да.

— А это письмо, что с ним стало?

— Бартелеми украл его у механика.

— Ты его видел?

— Бартелеми зачитал мне его.

— И ты помнишь?..

— Сам текст — нет.

— А что же тогда?

— Имя.

— Чье?

— Отца ребенка.

— Говори. Говори его немедленно!

— Рауль.

Рауль бросился к Ле Буку и схватил его за плечи:

— Ты врешь!

— Клянусь тебе!

— Нет, врешь! Ты все выдумал. Подумаешь, Рауль. Да во Франции сто тысяч Раулей. Рауль — а дальше как?

— Рауль де Лимези… Почти как ты, Рауль д'Аверни. Фамилия вполне в стиле Люпена.

Рауль пошатнулся. Когда-то его звали Рауль де Лимези. О ужас! Брошен свет на одну из страшных страниц его жизни. Но возможно ли, чтобы Фелисьен…

Все его существо восстало против этой гипотезы, и он произнес негромко:

— Ложь! Выдумываешь бог весть что.

— Я не мог придумать фамилию де Лимези.

— Кто тебе ее назвал?

— Бартелеми.

— Бартелеми был мошенником. Я его не знал.

И он меня тоже.

— Знал.

— Что за чушь?!

— Он подчинялся твоим приказам.

— Что ты несешь?!

— Он — один из твоих бывших сообщников.

— Бартелеми?

— Тогда его звали по-другому.

— И как же?

— Огюст Дайлерон, и Люпен назначил его главой приставов в Совете министров, где сам Люпен был главой Службы безопасности[13].

Глава 9
Глава службы безопасности

Рауль опустил голову. Он все вспомнил. В первой половине бурной жизни Люпена этот Огюст Дайлерон был одним из его самых активных сообщников, которому он доверял участие в наиболее секретных операциях. Со времени событий в Совете министров Рауль ничего о нем не слышал.

---

[13] Notes: 13

См. роман «813». — *Примеч. автора.* (Этот роман входит в сборник «Приключения Арсена Люпена». СПб.: Азбука, 2024.)

И вот теперь выясняется, что Огюст Дайлерон стал Бартелеми и затеял заговор против своего бывшего патрона!

Заметив растерянность Рауля, Тома Ле Бук стал еще наглее. Не сомневаясь в своей победе, он заявил:

— Теперь это стоит двести тысяч. И ни сантимом меньше. — И фамильярно-снисходительным тоном пояснил: — Ты ведь все понимаешь, правда? Ты отказался раскошелиться, когда речь шла о тебе. Что ж, ладно. Но черт возьми, теперь дело касается твоего сына и потому сразу становится весьма щекотливым! Так вот, если ты не выложишь мне триста тысяч франков (я сказал «триста тысяч», и оно того стоит!), я сообщу следственному судье неопровержимые факты из прошлого Фелисьена и с легкостью докажу, что он — сын Рауля д'Аверни, то есть Арсена Люпена. Одним ударом убью двух зайцев — просто отлично, согласен? Д'Аверни — это Люпен, а Фелисьен — сын Люпена, который под именем барона де Лимези женился на мадемуазель…

Рауль поднял голову и властно сказал:

— Замолчи. Я запрещаю тебе произносить ее имя.

Но это имя Рауль мысленно произнес сам. И в

его памяти воскресли драматические события: свежее и нежное чувство, которое он испытывал к Клариссе д'Этиг, затем безудержная страсть к Жозефине Бальзамо, графине Калиостро, — женщине безжалостной и дикой… а потом, после трудной борьбы, его женитьба на Клариссе. И чем все закончилось? Спустя пять лет у них родился ребенок, которого зарегистрировали в книге актов гражданского состояния под именем Жана де Лимези. Но на второй день после его рождения мать умерла от родовой горячки, а младенец исчез, похищенный сообщниками графини Калиостро.

Был ли Жаном де Лимези тот малыш, которого эта ужасная женщина, само воплощение ненависти и мести, поручила когда-то фермерше в Пуату? Был ли тем самым Жаном, которого он так долго искал в память о прелестной Клер д'Этиг, этот странный, с туманным прошлым, Фелисьен, появившийся у него в доме как участник заговора? Неужели Фелисьен и впрямь был его родным сыном, которого он чуть ли не своими руками посадил в тюрьму?

Рауль осторожно заметил:

— Я думал, Калиостро давно умерла.

— А даже если и так? Ребенок-то не умер! И это

Фелисьен.

— У тебя есть доказательства?

— Правосудие разберется, — ухмыльнулся Ле Бук.

— У тебя есть доказательства? — повторил Рауль.

— Есть, неопровержимые и задокументированные, благо Бартелеми терпеливо их собирал. Сейчас-то тебе это понятно, правда? Такая удача привалила! Он пристроил мальчика в твоем доме, и ты оказался полностью в его власти! Сегодня я сделал то, что он намеревался сделать сам, и ты бы видел, с какой мстительной радостью он предвкушал, как придет к тебе и бросит прямо в лицо: «Или ты вытащишь меня из нищеты, или я отдам вас обоих под суд — тебя и твоего сына… тебя и твоего сына!»

— У тебя есть доказательства? — повторил Рауль в третий раз.

— Бартелеми однажды показал мне пакет с уликами, которые собрал за долгие годы расследования.

— Где этот пакет?

— Полагаю, он отдал его любовнице Симона, корсиканке: они с ней хорошо ладили.

— С этой женщиной можно встретиться?

— Сложновато. Я ее давненько не видел. И мне кажется, ее ищет полиция.

Рауль долго молчал. Потом вызвал слугу:

— Обед готов?

— Да, месье.

— Поставьте еще один прибор.

Он подтолкнул Ле Бука вперед, в столовую:

— Садись.

Тот, опешив, повиновался. Он был убежден, что сделка состоялась, и только сомневался в окончательной сумме — теперь он склонялся к четыремстам тысячам франков. Рауль д'Аверни, подавленный неожиданным нападением, не станет скряжничать.

Рауль ел мало. Он не был подавлен, как предполагал его противник, но все же пребывал в сильной тревоге. Проблема представлялась чрезвычайно сложной, и ему следовало рассмотреть ее с разных сторон, прежде чем остановиться на том или ином решении. К тому же она распадалась на две части и требовала, соответственно, двух разных подходов. Во-первых, Фелисьен. Во-вторых, Тома Ле Бук. Нужно было срочно найти средство противостоять очень серьезной угрозе с его стороны.

Они перешли в кабинет.

Еще полчаса пролетели в полном молчании. Ле Бук, развалившись в кресле, сладострастно курил толстую сигару, которую собственноручно выбрал из коробки с «гаванами». Рауль задумчиво ходил по кабинету, заложив руки за спину.

Наконец Ле Бук объявил:

— Учитывая все обстоятельства, я не соглашусь на меньшее, чем пятьсот тысяч франков. Это разумная цена. К тому же я принял меры предосторожности. Если ты вздумаешь подложить мне свинью, мой приятель отнесет на почту письмо с доносом. Так что выбора у тебя нет. Попал ты в переплет. Не пытайся торговаться. Пятьсот тысяч. И ни сантимом меньше.

Рауль не ответил. Он выглядел спокойным, как человек, который принял решение и ни за что от него не отступится. Спустя десять минут он взглянул на настольные часы. Затем сел перед телефонным аппаратом, снял трубку и покрутил диск. Когда на другом конце провода ответили, он сказал:

— Полицейское управление? Будьте добры, соедините меня с кабинетом господина Русслена.

И почти сразу же:

— Рауль д'Аверни у аппарата. Это вы, господин следственный судья? Очень хорошо, спасибо… Да,

есть новости. Я дома, а рядом со мной — человек, который принимал участие, и очень действенное, в драме, разыгравшейся в Везине… Нет, он пока не признался, но его положение таково, что он будет вынужден это сделать… Алло! Да, именно так. Хорошо бы вам прислать кого-нибудь, чтобы доставить его в участок… Старшего инспектора Гуссо? Прекрасная идея… О, вам нечего опасаться. Ему от меня не ускользнуть. Он лежит на полу связанный… Благодарю вас, господин следственный судья.

Рауль повесил трубку.

Тома Ле Бук слушал этот разговор в полном остолбенении. Белый как бумага, не похожий сам на себя, он пробормотал:

— Да ты сумасшедший! Что все это значит? Задержать меня… меня! Тогда и тебя надо задержать, и Фелисьена.

Рауль, казалось, не слышал. Он продолжал действовать так, словно Тома Ле Бука здесь не было, словно он поступал сообразно плану, к которому тот не имел никакого отношения. Все это касалось только его, Рауля д'Аверни. Не помня себя, Ле Бук выхватил револьвер, взвел курок и прицелился.

— Сумасшедшего можно только пристре-

лить! — заявил он.

Однако же он не выстрелил. Убийство д'Аверни поставило бы крест на его мечте о богатстве. Да и возможно ли, чтобы Рауль д'Аверни бросился в огонь лишь ради удовольствия бросить туда же Ле Бука? Нет, тут одно из трех: блеф, недоразумение или ошибка. Как бы то ни было, у них оставалось еще полчаса, чтобы объясниться.

Ле Бук закурил вторую сигару и рассмеялся:

— Отличный ход, Люпен. Ей-богу, ты вполне оправдываешь свою репутацию. Похоже, Бартелеми не соврал, когда рассказывал о тебе. Черт возьми, до чего эффектно! Но со мной это не сработает. Ну подумай сам, Люпен: предположим, ты меня выдашь — простого парня, который шантажировал Арсена Люпена. И в дурацком положении окажешься ты сам. Ведь ты меня даже не знаешь! С чего ты взял, что меня пугает встреча с полицией? Это меня-то? Да я чист, как дитя! За мной не водится даже мелких грешков.

— Тогда почему ты так позеленел? — спросил Рауль. — Почему косишься на часы?

— Не больше, чем ты, дружище. Повторяю: я честный человек.

— Обернись, честный человек. Возьми этот ключ и открой секретер. Так. Видишь ящичек на

полке? Передай мне его. Спасибо. Понимаешь, у меня есть несколько таких ящичков, и в них собраны уже отработанные дела. Ну, или близкие к тому. Твой формуляр находится вот здесь.

Рауль перебирал подобранные в алфавитном порядке карточки, называя вслух соответствующие буквы:

— П. Р. С. Т. Вот она! Я поместил тебя в ячейку под буквой Т.

— В ячейку под буквой Т?

— Разумеется. Я записал тебя как «Тома». — Рауль взял карточку и громко прочитал: — «Тома Ле Бук, он же Тома Букмекер. Рост: один метр семьдесят пять сантиметров. Объем груди: девяносто пять. Усы щеточкой. На лбу залысины. Физиономия вульгарная, иногда звериная. Проживает: в квартале Гренель, на улице Ардеву, двадцать четыре, в доме владелицы колбасной лавки, любовником которой является. Любимый аромат: белая сирень. В комоде лежат две пары трусов небесно-голубого шелка и четыре пары носков того же цвета». Что ж, неплохо, Тома Ле Бук.

Тома смотрел на него, оторопев.

— Я продолжаю, — сказал Рауль. — «Вышеупомянутый Тома Ле Бук приходится братом бездарному мазиле Симону Лорьену; оба они

— сыновья старого Бартелеми, грабителя виллы „Оранжерея“».

Ле Бук вскочил:

— Что это значит?! Что за нелепые слухи?!

— Нет, это правда, и полиция удостоверится в этом во время обыска у тебя дома, или поговорив с твоей колбасницей, или наведя справки в «Занзи-Баре», где ты завсегдатай.

— А потом? — вскричал Ле Бук, все еще пыжась, несмотря на охватившее его смятение. — На что ты рассчитываешь? Воображаешь, что меня можно за что-то посадить?

— Уж посадить-то тебя найдется за что.

— Разве что вместе с тобой!

— Нет, потому что это всего лишь последняя и незначительная часть твоего уголовного дела, которое я подготовил для суда и которое мы оставим на столе до приезда старшего инспектора Гуссо. Но есть и кое-что получше.

— Что? — с тревогой спросил Ле Бук.

— Твоя тайная жизнь… некоторые ее подробности… Некоторые провинности, совершенные тобой… к которым мне будет легко привлечь внимание полиции. Поверь, я располагаю множеством сведений.

Тома Ле Бук, судорожно сжимая револьвер,

постепенно отступал к застекленной двери, выходящей в сад и к гаражу. Он бормотал:

— Все вранье! Люпеновские штучки… Ни одного слова правды. Ни одного доказательства.

Рауль подошел к нему и сердечно посоветовал:

— Оставь в покое свой браунинг… И не пытайся сбежать. Мы не ссоримся! Мы беседуем. И у нас есть еще добрых четверть часа. Послушай, я и правда не успел пока собрать убедительные доказательства, но для Гуссо и его коллег добыть их не составит никакого труда. К тому же появилось кое-что новое. Ну? Догадываешься, на что я намекаю? Всего три дня назад… И это не какой-то там мелкий грешок!

Тома Ле Бук побледнел. Преступление было слишком недавнее, и он еще помнил тот свой ужас.

А Рауль уточнил:

— Ты ведь не забыл ни славного парня, которого звали джентльменом, ни того, что агентство, в котором он работал, вело для меня расследование? Итак, каким образом ты занял его место и заявился сюда?

— По его просьбе…

— Это неправда. Я связывался с агентством по телефону. Его не видели уже несколько дней… А

точнее, с вечера воскресенья… И я начал охоту и оказался в «Занзи-Баре», в твоем излюбленном месте. В воскресенье вечером вы с ним вышли оттуда вместе, здорово перед тем набравшись. С тех пор о нем ни слуху ни духу.

— Это ничего не доказывает…

— Ошибаешься. Вас обоих видели на набережной два свидетеля.

— И что дальше?

— Что дальше? Слышали, как вы дрались… Парень кричал: «Помогите!» У меня есть имена этих свидетелей…

Ле Бук не протестовал. Он мог бы спросить, почему эти невидимые свидетели не вмешались и даже никак не проявили свое присутствие. Но он больше ни о чем не мог думать. Он задыхался от страха.

— Так что, — продолжал Рауль, не давая ему опомниться, — придется объяснить господам полицейским, что ты сделал со своим спутником и как он утонул. Потому что он утонул… Его труп обнаружили вчера вечером у Лебединого острова.

Ле Бук вытер лоб обшлагом рукава. Без сомнения, он вспоминал ужасную сцену совершенного им преступления… как пьяница упал в реку, как

отчаянно барахтался, а потом исчез под черной водой. Однако он все же попытался возразить:

— Полицейские не знают, что это я…

— Возможно, и не знают, но обязательно узнают. Джентльмен предупредил директора и сотрудников агентства. В то самое утро он сказал им: «Если со мной случится несчастье, пусть допросят человека по имени Ле Бук. Я ему не доверяю. Его можно найти в „Занзи-Баре“ на улице Гренель». И я действительно все там о тебе разузнал…

Рауль почувствовал, что противник совершенно раздавлен. Борьба окончилась. Тома Ле Бук полностью и окончательно признал его превосходство и, доведенный до беспомощности, неспособный размышлять и понимать, куда направляет его непреклонная воля Рауля, созрел для того, чтобы безусловно принять любое предложение. Здесь был не столько страх преступника перед разоблачением, сколько признание поражения от человека, который вправе приказывать, от *начальника*. Рауль положил ему руку на плечо и заставил сесть. А затем сказал сердечно и снисходительно:

— Ты ведь не убежишь? Здесь мои слуги, и они сразу тебя схватят. Поверь, с Люпеном тягаться

бесполезно. Но вот если ты меня послушаешь, тебе все сойдет с рук, и условия сделки будут прекрасными. Ты должен только выполнять мои указания и не роптать. Мужество и откровенность. Отвечай. Судимости нет?

— Нет.

— Никаких грязных историй с воровством или мошенничеством?

— Никаких, насколько мне известно.

— Никто тебя ни в чем не подозревает, чтобы когда-нибудь позже предъявить обвинения?

— Нет.

— И никакой карточки с антропометрическим описанием в полицейской картотеке?

— Нет.

— Клянешься в этом?

— Клянусь.

— В таком случае ты — мой человек. Гуссо и его подручные будут здесь через несколько минут. Ты позволишь себя арестовать.

Испуганный Ле Бук выпучил глаза и заартачился:

— Ты с ума сошел!

— Что с того, что тебя задержит полиция, если я тебя уже задержал? А это гораздо серьезнее! Ты просто перейдешь из рук в руки и сделаешь мне

одолжение.

— Сделаю тебе одолжение?! — воскликнул Тома Ле Бук, и его глаза загорелись.

— Разумеется, а одолжение такого сорта оплачивается, причем хорошо! Да и как иначе? Но у меня есть только один способ узнать, действительно ли Фелисьен — мой сын. Мне надо расспросить его! Во что бы то ни стало с ним повидаться! И потом, если он мой сын, я что, по-твоему, оставлю его в тюрьме?

— С этим уж ничего не поделаешь…

— Ошибаешься. У полиции одни только предположения. Никаких доказательств. Твой арест и последующие признания камня на камне не оставят от их выстроенной гипотезы.

— Какие еще признания?

— Что ты делал в тот день, когда старик Бартелеми совершал ограбление, и ночью, когда твой брат Симон был ранен?

— По уговору с ними я арендовал фургон и ждал около Шату на случай, если им понадоблюсь. Около половины первого ночи я подумал, что они вернулись домой другой дорогой, и уехал.

— Хорошо. Ты сможешь доказать, что возвратился именно в это время?

— Да, потому что я вернул фургон на место и

немного поболтал со сторожем. Был примерно час ночи.

— Прекрасно. Итак, ты расскажешь все это в соответствии с указаниями, которые я тебе дам. Расскажешь, что ждал около Шату. Но что еще до наступления полуночи — слышишь? — до наступления полуночи забеспокоился, поехал в Везине и стал бродить вокруг «Оранжереи», а потом спустился по тропинке к пруду и на лодке отправился к вилле посмотреть, есть ли кто-нибудь на лужайке. Не увидев ни старого Бартелеми, ни Симона и не встретив их на садовых аллеях, ты вернулся к своему фургону. Вот и все, точка.

Тома Ле Бук слушал очень внимательно. Он покачал головой:

— Это слишком опасно! Мне пришьют соучастие в преступлении. Сам подумай: говорить об «Оранжерее» и о прогулке на лодке — это равносильно признанию, что мы трое были в сговоре.

— Пассивное соучастие. Шесть месяцев тюрьмы. Для тебя главное другое: ты можешь доказать, что к тому времени, когда на твоего брата и на Жерома Эльмаса напали, ты уже вернулся в Париж.

— Да, но я не выйду из тюрьмы раньше чем через полгода. А вот Фелисьена освободят сразу.

— Совершенно верно. Как только следствие

разуверится в том, что в лодке видели Фелисьена, и решит, что это ты бродил вокруг «Оранжереи» в поисках пачки банкнот, все сомнительные гипотезы относительно него рухнут.

Немного поколебавшись, Ле Бук объявил:

— Ладно. Вот только…

— Только?..

— Все зависит от цены. Я рискую гораздо больше, чем ты думаешь.

— Поэтому я заплачу тебе больше, чем ты думаешь.

— Сколько?

— Сто тысяч в день освобождения Фелисьена. Сто тысяч в день твоего освобождения. И деньги ты получишь немедленно.

Пораженный Ле Бук хлопал глазами:

— Двести тысяч… это сумма.

— С ней ты сможешь стать честным человеком. Сможешь купить колбасную лавку в провинции или за границей. А обязательство Люпена — все равно что подпись казначейства Франции.

— Я тебе верю. Однако могут возникнуть разные сложности.

— Какие сложности?

— Вдруг следствие хорошенько покопается в моем прошлом и все-таки обнаружит нечто та-

кое, за что меня сошлют на каторгу?

— Я устрою тебе побег.

— Это невозможно!

— Дурак! А что насчет твоего отца? Он был главой приставов при Совете министров, и я разоблачил его, но потом сам же устроил ему побег — в центре Парижа, причем в тот день, который был мною заранее объявлен!

— Это правда. Но хватит ли тебе денег?

— Наивный вопрос!

— Побег стоит дорого.

— За это не волнуйся.

— Сотни и тысячи! Цена побега и компенсация. Которую ты мне пообещал… это много. Ты уверен?

— Подойди-ка опять к секретеру… Пошарь на той же полке, где стоит картотека… Нашел?

Тома Ле Бук повиновался и вытащил небольшую сумку из серого холста.

— Что это, по-твоему?

— Серая холщовая сумка, — пробормотал Ле Бук.

— Смотри… Я надрезал ткань… Видишь пачки денег? Это деньги дядюшки Гавереля, которые старик Бартелеми обнаружил в «Оранжерее».

Ле Бук пошатнулся и упал на стул:

— Черт побери! Черт побери! Ну ты и пройдоха!

— Надо же как-то жить, — усмехнулся Рауль, — и помогать товарищам, если они очутились в затруднительном положении.

— Но как тебе удалось?..

— Легко! Я сразу подумал, что Симон Лорьен должен был найти сумку в саду или где-то неподалеку и что, возможно, у него безуспешно пытались ее отнять. Утром следующего дня я отправился к тому месту, где он был ранен. И не ошибся. Сумка валялась в траве, но довольно далеко, и потому ее никто не заметил… Я не хотел, чтобы она затерялась.

Потрясенный Тома Ле Бук произнес, отказавшись от фамильярного «тыканья»:

— О! Да вы и вправду настоящий мастер! — И порывисто протянул ему сжатые кулаки. — Полицейская машина будет с минуты на минуту. Вяжите меня, шеф. Вы правы, я ваш человек. Где прошел отец, там и сын пройдет. Какие же мы дураки, что думали атаковать вас!

— Всем известно, что твой отец был когда-то храбрым малым… К тому же я знаю: он изо всех сил пытался снова стать честным человеком.

— Да, но была эта история с Фелисьеном, ко-

торая не давала ему покоя. Симон твердил, что из нее можно извлечь большую выгоду, и он же подговаривал отца ограбить «Оранжерею». «Кража — ладно, на это я согласен, — сказал однажды старик. — Шантаж — это даже забавно, и мы разбогатеем. Но только не убийство, договорились?»

— И однако, Бартелеми убил ее. Задушил Элизабет Гаверель.

— Хотите, скажу вам мое мнение, шеф? Думаю, старик сделал это, сам того не желая. Более того, он бросился за девушкой, только чтобы спасти ее. Ну, когда она упала в воду. Да-да, чтобы спасти… Отец был способен на такие порывы. Но, вытащив ее из пруда, он увидел жемчужное колье и потерял рассудок.

— Я думаю так же, — сказал Рауль.

Послышался звук подъезжающего автомобиля.

Он продолжил:

— Прежде всего не сболтни настоящее имя твоего отца. Та старая история в Совете министров вкупе с историей теперешней привлечет ненужное внимание к Люпену. А я этого не хочу, мое нынешнее положение и без того довольно сложное. Так что будь осторожен, не отклоняйся ни на йоту от той версии, которую мы выработали. Ни одного лишнего слова. В случае сомнений нет

лучшего ответа, чем молчание. И положись на меня, дружище.

Потом Рауль подошел к нему поближе и задушевно произнес:

— Да, еще одно: не расстраивайся так из-за джентльмена, которого ты убил.

— О! А почему?

— Потому что джентльмен — это я.

Тома Ле Бук отдал себя в руки Гуссо в каком-то экстазе. Ловкое похищение серой холщовой сумки, дерзость и мастерство, с которым Люпен сыграл роль джентльмена, неожиданная радость оттого, что он, Ле Бук, не убийца, — все это вызывало в нем ликование. Чего ему бояться с таким покровителем? Заявившись в «Светлый уголок» с намерением разворошить вражеское гнездо, теперь он собирался в тюрьму как человек, одержавший блистательную победу и собиравшийся удвоить ее, обхитрив правосудие и оказав тем самым услугу своему благодетелю.

— Мои поздравления, месье д'Аверни, — сказал инспектор Гуссо, сияя от удовольствия. — Значит, этот клиент замешан в нашем деле?

— Еще как! Он брат Симона Лорьена!

— Что? Его брат? Но каким чудом вам удалось его задержать?

— О, — скромно ответил Рауль. — Это не совсем моя заслуга. Глупец сам заявился ко мне.

— Что он хотел?

— Шантажировать меня…

— Чем?

— Фелисьеном Шарлем. Он пришел сообщить об имеющемся у него доказательстве, что Фелисьен, сообщник его брата Симона Лорьена, убил Симона с целью похитить у него серую холщовую сумку. Он потребовал у меня огромную сумму, если я хочу сохранить это в тайне. Но я немедленно позвонил господину Русслену. Допросите Тома Ле Бука, господин старший инспектор, и я уверен — вы получите признания, которые не только сильно продвинут расследование, но и принесут вам заслуженную славу.

Уже в дверях Тома Ле Бук, которого тащил за собой инспектор, обернулся к Раулю и воскликнул, изображая гнев и обиду:

— Вы мне за это заплатите, любезнейший!

— Договорились, заплачу. И с лихвой!

Ле Бук вышел, беззаботно посвистывая.

Рауль прислушивался к их удаляющимся шагам. Потом автомобиль тронулся с места… Однако, вопреки обыкновению, Люпен ни единым жестом не выдал свои радость и торжество, хотя

ему только что удалось отправить Тома Ле Бука в тюрьму. Но нет, он оставался молчаливым и сосредоточенным. Его мысли занимал Фелисьен, запертый в камере. Был ли он его сыном? Удастся ли его освободить? И что это вообще за странный сын — тайный сообщник Бартелеми и Симона Лорьена?

Глава 10
«Я, графиня Калиостро, приказываю…»

Как-то в удушливое жаркое воскресенье Рауль оказался на некоей улице в Шату — маленьком городке, примыкавшем к Везине. В трехэтажном доме, который отделяла от Сены полоса садов и огородов, судя по вывеске, сдавались меблированные комнаты. Рауль миновал кафе на первом этаже, поднялся на третий, мансардный, этаж и, пройдя полутемным коридором, остановился перед номером с табличкой «5». Ключ торчал в двери. Постучав и не получив ответа, Рауль бесшумно вошел. Сидя на обшарпанной железной кровати, которая вместе с комодом, парой стульев и столом составляла всю меблировку этой бедной комнаты, спала Фаустина.

Она не покинула Везине: неутолимая жажда мести задержала ее в городе, где умер Симон Лорьен.

В клинике она работала помощницей медсестры, но ночевать там было невозможно, так что ей пришлось снять комнату. Она возвращалась сюда каждый вечер, а по воскресеньям вообще не выходила из дома.

В этот час Фаустина, должно быть, уснула за починкой корсажа: ее плечи были обнажены, корсаж лежал на коленях, а рука с наперстком на пальце все еще держала иголку с ниткой. В окне, за деревьями сада, виднелся мирный речной пейзаж.

Вокруг женщины — на кровати, на столе — лежало множество развернутых газет, что показывало, с каким вниманием она следит за событиями последних дней. Рауль с расстояния мог прочитать только заголовки: «Арест брата Симона Лорьена. Первый допрос», «Следствие предполагает, что братья были сыновьями старого Бартелеми».

Рауль снова устремил взгляд на Фаустину. Она была так же красива, как в минуты возбуждения и душевного порыва, а может быть, даже еще красивее — благодаря ясности умиротворенного

сном лица. И она вызывала в памяти великолепную «Фрину» скульптора Альвара.

Внезапно, просочившись между двумя облаками, в окно скользнул солнечный луч. Не отводя от Фаустины взгляда, Рауль неслышно подошел и стал ждать, когда луч коснется ее лица, ее сомкнутых век. Почувствовав свет, женщина медленно открыла глаза, опушенные длинными ресницами. Не успела она толком проснуться, как Рауль, крепко схватив за плечи, толкнул ее навзничь на кровать и завернул в одеяло, лишив возможности двигаться.

— Не вздумай кричать! Ни звука, — приказал он сквозь зубы.

— Подлец, подлец! — застонала она в гневе, стараясь вырваться из его объятий.

Рауль накрыл ей рот рукой:

— Замолчи. Я тебе не враг. Тебе нечего бояться, если будешь меня слушаться.

Она яростно боролась, продолжая сыпать оскорблениями, хотя его рука и сдавила ей рот. Но постепенно ее сопротивление ослабло, и, наклонившись над ней, он повторил:

— Я не враг тебе… И не насильник. Но ты должна выслушать меня и ответить. Иначе тебе же будет хуже.

Рауль снова взял ее за плечи, не давая подняться, и тихо сказал:

— Я видел брата Симона, Тома Ле Бука, долго разговаривал с ним. Он открыл мне правду о Фелисьене — ту ее часть, что была ему известна. Остальное я хочу услышать от тебя. И ты меня знаешь — я не отступлю. Ты заговоришь, и немедленно, слышишь, немедленно… или… или…

Рауль склонился к самому ее лицу, искаженному яростью и страхом. Когда его губы оказались совсем близко, Фаустина крепко сжала рот.

— Говорите, Фаустина, говорите, — сказал он неожиданно дрогнувшим голосом.

Она взглянула в его холодные беспощадные глаза, и ей стало страшно.

— Отпустите меня, — прошептала Фаустина, сдаваясь.

— Вы будете говорить?

— Да.

— Расскажете всю правду, не увиливая?

— Да.

— Поклянитесь памятью Симона Лорьена.

— Клянусь.

Рауль мгновенно отпустил ее и подошел к окну, встав к молодой женщине спиной.

Когда она привела свое платье в порядок, он

повернулся, с сожалением посмотрел на нее, как на соблазнительную, но недоступную добычу, и начал допрос, стремительный и деловитый:

— Тома Ле Бук утверждает, что Фелисьен — мой сын.

— Я не знаю Тома Ле Бука.

— Но через Симона Лорьена вы знали его отца, старого Бартелеми?

— Да.

— Он вам доверял?

— Да.

— Что вы знаете о его тайной жизни?

— Ничего.

— А о жизни Симона Лорьена? О его планах?

— Ничего.

— Даже об их заговоре против меня?

— И этого не знаю.

— Однако они сказали вам, что Фелисьен — мой сын.

— Так и было.

— Не предоставив никаких доказательств?

— Я их не спрашивала. Какое мне до этого дело?

— Зато мне есть дело, — ответил Рауль, и лицо его напряглось. — Мне нужно знать, мой это сын или нет. Разыгрывают ли они спектакль, поль-

зуясь сведениями, случайно попавшими к ним в руки? Или всерьез шантажировали меня, грозя все обо мне рассказать? Я не могу жить в такой неизвестности. Не могу…

Казалось, Фаустина была удивлена тем еле сдерживаемым волнением, что выдавал его голос. Однако она повторила с еще большей убежденностью:

— Я ничего не знаю.

— Допускаю. Однако можете узнать… или, по крайней мере, дать такую возможность мне.

— О чем это вы?

— Тома Ле Бук утверждает, что Бартелеми передал вам конверт, в котором находились некие важные документы.

— Да, но…

— Но?

— Однажды, перечитав эти документы, он их сжег прямо у меня на глазах, не объяснив причину. Он сохранил только один из них и положил его в конверт. Этот запечатанный конверт он отдал мне.

— Присовокупив какие-то указания?

— Нет. Просто сказал: «Убери это пока. Там видно будет».

— Вы можете дать мне его?

Она колебалась.

— Что вас смущает? — настаивал Рауль. — Бартелеми мертв, Симон Лорьен — тоже. А Тома Ле Бук сам мне все рассказал.

Фаустина долго размышляла, глядя в одну точку и слегка наморщив лоб, а затем достала из ящика комода бювар, в котором хранила письма. Среди них она нашла конверт, решительно сломала печать и вынула из него листок бумаги, сложенный пополам.

Она хотела сначала сама прочесть эти несколько написанных строчек и убедиться, что может показать их Раулю.

Читая, она вздрогнула. Однако все же молча передала ему бумагу.

Это была одна фраза… точнее, две фразы, похожие на властный приказ, который какой-нибудь деспот, главарь банды мог отдать своему подручному. Почерк был крупный, тяжелый, каждая буква выведена жирно, с сильным нажимом. Разве мог Рауль с первого же взгляда не узнать почерк той, которую сам когда-то называл дьявольским созданием? Не узнать ее жестокую и презрительную манеру отдавать самые чудовищные приказания?

Трижды перечитал он эти ужасные строки:

Сделать ребенка вором, еще лучше — убийцей. А позже — столкнуть с отцом.

И надменная подпись, перечеркнутая двумя мечами.

Бледность Рауля поразила молодую женщину. Эта бледность свидетельствовала о невыразимом страдании, о воскресшем из прошлого ужасе, который угрожающе навис над настоящим. С каким любопытством, мешавшимся едва ли не с сочувствием, смотрела она в эту минуту на его измученное лицо, замечая те невероятные усилия, которые он прилагал, чтобы держать себя в руках!

— Ненависть… месть… — медленно произнес Рауль. — Вы-то разбираетесь в этом, Фаустина! Но в той женщине было нечто иное, чем просто ненависть и жажда мести… Она нуждалась в зле, наслаждалась им… Была чудовищем, полным гордыни и злобы! И ее деяния принесли свои плоды… Ребенок, которого воспитали в ненависти ко мне, чтобы превратить в убийцу! Ничто в жизни меня не пугает, однако о ней я не могу вспоминать без ужаса. И мысль о том, что снова придется начать эту жуткую борьбу…

Фаустина, встав, подошла к нему и после минутного колебания тихо сказала:

— Прошлое не вернется… Графиня Калиостро умерла.

Рауль спросил, весь дрожа:

— Что вы сказали? Она умерла? Откуда вы знаете?

— Умерла.

— Одного утверждения мало. Вы ее видели? Вы ее знали?

— Да.

Он воскликнул:

— Возможно ли это?! Как странно! Два или три раза я спрашивал себя, не являетесь ли вы ее шпионкой… не продолжаете ли ее разрушительную работу против меня.

Фаустина покачала головой:

— Нет. Она никогда ничего мне не рассказывала.

— Продолжай.

— Это случилось пятнадцать лет назад, когда я была еще ребенком. Ее привезли в мою деревню на Корсике и поселили в маленьком домике. Она казалась полубезумной, но ее безумие было тихое, спокойное. Она зазывала меня к себе, очень ласково, однако никогда со мной не разговаривала… Много плакала, не вытирая слез… Тогда она еще была красива… но болезнь съедала ее очень

быстро… и вот, шесть лет назад, мне выпало провести ночь у ее смертного одра.

— Вы в этом уверены? — спросил Рауль в сильнейшем волнении. — Кто вам сказал ее имя?

— В деревне оно было известно… И кроме того…

— Кроме того?..

— Я его знала от старого Бартелеми и Симона Лорьена, которые искали ее повсюду и нашли в нашей деревне незадолго до ее смерти. Именно тогда, в течение всего нескольких недель, мы любили друг друга, Симон и я. А потом он взял меня в Париж…

— Зачем они ее искали?

После некоторого колебания она проговорила:

— Я уже сказала, что ничего не знаю о тайной жизни Симона и его отца… Сейчас-то я понимаю, что они творили дурные вещи и все от меня скрывали… Однако я слышала обрывки их бесед и со временем догадалась, кто такой Фелисьен… но они и сами не знали всего.

Рауль спросил:

— Бартелеми нашел его на ферме в Пуату?

— Да.

— Его привезла туда Калиостро?

— Не уверена. Симон думал, что, возможно,

отец ребенка — автор письма, найденного механиком.

— Однако оно написано, несомненно, рукой Калиостро. Так откуда же взялось это письмо?

— Симон не знал.

— Но приказ в послании действительно касался ребенка, воспитанного фермершей, то есть Фелисьена Шарля?

— В этом тоже есть сомнения. Бартелеми никогда ничего не объяснял. Они с Симоном напали на след Калиостро и потому приехали на Корсику. Но опоздали.

— То есть их целью было…

— Целью Бартелеми всегда было — и теперь я это понимаю — показать вам документы, свидетельствующие о том, что Фелисьен — ваш сын.

— И вытянуть из меня деньги. А Фелисьен знал об этом плане? Действует ли он с ними заодно, как утверждает Тома Ле Бук? Стал ли он таким, как хотела Калиостро? Мошенником, убийцей?

— Не знаю, — искренне ответила Фаустина. — Это было частью их тайной жизни, и я никогда не говорила с Фелисьеном Шарлем.

— Значит, теперь только он может все объяснить, — сказал Рауль, — и мне придется допросить его, чтобы узнать правду.

Он помолчал и добавил:

— Это я сделал так, чтобы Тома Ле Бука арестовали, — кстати, с его согласия. Он сбивает следствие с толку и разрушает доказательства, собранные против Фелисьена. Если, как я надеюсь, юношу выпустят, вы не станете ему мстить, Фаустина?

— Нет, — твердо ответила она. — Нет, если не он виновен в смерти Симона, — это для меня главное. Я не могу жить, не думая о мести. Мне кажется, душа Симона не обретет покой, пока убийца не будет наказан.

Разговор закончился. Рауль протянул Фаустине руку, но она повисла в воздухе.

— Воля ваша, — сказал он. — Я знаю, что вы не подарите мне ни свое доверие, ни дружбу, но давайте не будем врагами, Фаустина. И я благодарю вас за этот разговор…

Рауль покидал теперь «Светлый уголок» лишь изредка — ради коротких прогулок по Везине или по ближайшим окрестностям. Несколько раз он видел Жерома Эльмаса, который то направлялся к вилле «Клематисы», то выходил из нее; судя по всему, молодой человек отказался от планировавшейся поездки в горы. Однажды Рауль заметил его в компании Роланды Гаверель: они молча шли по аллее.

Рауль приветствовал их издалека. Ему показалось, что Роланда не желает говорить с ним.

Как-то Рауля вызвал господин Русслен, явно очень раздосадованный. Тома Ле Бук избрал тот простейший вид защиты, который и предписал ему Рауль. Он не менял своих показаний, не совершал ошибок, и следственный судья при всей своей ловкости никак не мог поймать его на слове.

«Я сделал это… Я сделал то… А больше я ничего не знаю».

— В их объяснениях все сходится — как у Ле Бука, так и у Фелисьена Шарля, — сказал господин Русслен, не скрывая озабоченности. — Оба или говорят готовыми фразами, всегда одними и теми же, или упорно молчат. Никакого зазора, куда бы мог проникнуть луч света. Они будто затвердили урок. Знаете, какое у меня ощущение, месье д'Аверни? По-моему, есть какая-то внешняя сила, которая пытается подменить Фелисьена Шарля Тома Ле Буком.

Господин Русслен взглянул на Рауля, и тот подумал: «А ведь он совсем неглуп, этот судья!»

Русслен между тем продолжал:

— Разве это не странно? Мне уже не верится, что Фелисьен виновен. Но я пока не могу согласиться с мыслью, что Ле Бук, который обвиняет сам себя, действительно совершил эту ночную прогулку по пруду. Я снова вызвал владельца лодки и устроил ему очную ставку с Ле Буком и с Фелисьеном. Но он не может с уверенностью указать ни на одного из них. Что скажете?

Он не сводил с Рауля глаз. Рауль кивнул, как бы соглашаясь. А судья вдруг спросил, меняя тему разговора:

— Вам известно, что вы очень популярны среди членов правительства, месье д'Аверни?

— И немудрено, — отозвался Рауль. — Мне случалось оказывать этим господам некоторые услуги.

— Да, мне так и сказали… Впрочем, без подробностей.

— Как-нибудь, когда у вас будет время, господин судья, я предоставлю вам эти подробности. В моей жизни хватает красочных эпизодов.

В целом казалось, что события разворачиваются в правильном направлении, а некоторые

тайны раскрываются. В частности, поведение Фаустины не выглядело больше загадочным: когда-то ее связывала с Калиостро тонкая ниточка, во Францию она попала потому, что влюбилась в случайно встреченного ею Симона Лорьена, а уж здесь старый Бартелеми и его сын сразу втянули простушку без ее ведома в свои махинации. Отныне в глазах Рауля она была лишь женщиной, не имеющей другой цели, кроме как отомстить за обожаемого ею человека.

С другой стороны, точное свидетельство о смерти Калиостро обрадовало Рауля, ибо теперь не было никаких причин верить, что гнусный приказ, подписанный ею когда-то в отношении Фелисьена, исполнялся. Весь этот замысел против Рауля мог осуществиться только под руководством Калиостро, а такие второстепенные игроки, как Бартелеми и его сыновья, неизбежно бы его провалили.

Итак, Рауль д'Аверни, внезапно сведенный судьбой с юношей (который то ли был, то ли не был его сыном), теперь, когда смерть унесла Бартелеми и Симона Лорьена, не имел никаких средств добиться правды… Впрочем, как и любой другой в этом мире.

Так прошло три недели. В один прекрасный

день Рауль узнал, что дело в отношении Фелисьена прекращено из-за отсутствия состава преступления. В одиннадцать часов Фелисьен позвонил по телефону и попросил у Рауля разрешения прийти днем и забрать свои вещи. После обеда, прогуливаясь вокруг большого пруда, Рауль заметил Роланду и Жерома, сидевших на скамейке посреди острова. Был прекрасный августовский день, свежий от северного ветерка, который слегка шевелил ветки деревьев. Впервые Рауль увидел молодых людей за беседой. Жером говорил о чем-то, и весьма оживленно. Роланда слушала, коротко отвечала, потом снова слушала, не поднимая глаз от цветов, которые держала в руках. Наступила пауза. Спустя минуту Жером повернулся к девушке и произнес несколько слов. Кивнув, она взглянула на него и слегка улыбнулась.

Рауль вернулся в «Светлый уголок» не спеша, но в некотором волнении от мысли, что он сейчас встретится с этим чужаком, который вдруг занял такое важное место в его жизни и к которому он не испытывал никакого чувства. Он и прежде-то относился к Фелисьену без особой симпатии, а уж теперь, когда молодой человек мог претендовать на его любовь, она и вовсе иссякла. Но как бы то

ни было, он не допускал мысли, что Фелисьен просто заберет свои вещи и пожмет ему на прощание руку. Нет. Он непременно хотел объясниться с ним и оставить подле себя, чтобы хорошенько к нему присмотреться. Дело было не в том, чтобы узнать, сын ему Фелисьен или нет, — важно было понять, желал ли сам Фелисьен представляться его сыном. Понять, был ли Фелисьен сообщником Бартелеми и Симона Лорьена и принимал ли он участие в заговоре. Исходя из фактов, так оно и было. Однако прямое доказательство могли ему предоставить только действия и слова самого молодого человека.

— Господин Фелисьен пришел? — спросил он садовника.

— Четверть часа назад, месье.

— Он здоров?

— Господин Фелисьен выглядел очень взволнованным. И сразу закрылся у себя во флигеле.

— Странно… — пробормотал д'Аверни.

И поспешил к флигелю.

Дверь и впрямь была заперта.

Обеспокоенный, он обошел строение кругом, безуспешно попытался открыть окно спальни, а затем прислушался.

Из спальни доносились стоны.

Рауль разбил стекло и повернул задвижку. А затем одним прыжком преодолел подоконник, на ходу раздернув шторы.

Фелисьен стоял на коленях, опустив голову на стул; шею его прикрывал окровавленный платок. Рядом на полу валялся револьвер.

— Вы ранены! — воскликнул Рауль.

Молодой человек попытался ответить, но тут же потерял сознание.

Рауль быстро опустился на колени, послушал, бьется ли сердце, осмотрел рану, поднял револьвер и пробормотал:

— Он хотел покончить с собой. Но его рука дрогнула, и потому рана не очень серьезная.

Продолжая ухаживать за Фелисьеном, он смотрел на его побледневшее лицо, и поток вопросов едва не срывался с его губ: «Наш ли ты с Клер д'Этиг сын? Вор ли ты и убийца, сообщник двух, уже мертвых, бандитов? И почему ты хотел покончить с собой, несчастный?»

Спустя пять минут раненого окружила прислуга.

— Всем молчать об этом, понятно? — строго сказал Рауль.

Он написал несколько строчек на листе почтовой бумаги:

Фаустина,

Фелисьен пытался покончить с собой. Не рассказывайте об этом никому и приходите позаботиться о нем. Я не хочу никаких докторов. Скажите в клинике, что здесь срочно понадобилась сиделка.

Д'Аверни

Он запечатал конверт и послал своего шофера в клинику.

Когда автомобиль привез Фаустину, Рауль встретил ее на крыльце флигеля:

— Вы раньше никогда с ним не разговаривали?

— Нет.

— Симон Лорьен не рассказывал ему о вас?

— Нет.

— Разве он не приходил в клинику в те последние дни, когда Симон сражался со смертью?

— Приходил. Но уделял мне внимания не больше, чем остальным сестрам.

— Хорошо. Не говорите ему, кто вы, а также — кто я.

Она вошла в дом.

Часть вторая
Первая из двух драм
Глава 1
Помолвка

Итак, за прошедшие полтора месяца ситуация коренным образом изменилась. Как с самого начала и подсказала Раулю д'Аверни интуиция, тут переплелись две разные драмы, пересеклись два разных пути, а в какой именно момент — решил слепой случай.

Первая история: Рауль д'Аверни следует за человеком, имеющим в кармане пачку денежных банкнот, приезжает в Везине и покупает там виллу. Он намеревается покрыть свои расходы — и стоимость переезда, — похитив эти деньги. Одновременно туда же являются Бартелеми и его сыновья, которые, собираясь шантажировать Рауля, опережают его, выкрадывая из тайника на вилле «Оранжерея» серую сумку.

Вторая история: в тот же самый день — это и есть точка пересечения, перекресток двух дорог! — злой рок приводит Элизабет Гаверель к вилле «Оранжерея» в тот самый момент, когда

Бартелеми закончил свою грязную работенку. И тогда все запутывается в сложный узел необъяснимых тайн, среди которых беспомощно, словно заблудившись в темной лесной чаще, бродит правосудие.

— На сегодняшний день, — сказал себе Рауль д'Аверни, — все выглядит ясно и просто, по крайней мере для меня. Два дела четко разделены между собой. Второе дело (о шантаже Бартелеми) уже закрыто, так как Бартелеми и Симон мертвы, Тома Ле Бук задержан, а Фаустина сделала свое признание. Первое дело (дело сестер Гаверель, которое не касается меня непосредственно) до сих пор не закончено, и чем оно закончится, пока непонятно. Но еще остается Фелисьен, поведение которого трудно объяснить и который, по-видимому, связан с обоими делами.

И Рауль задумчиво повторил:

— Да, остается Фелисьен — сам предмет и главное условие шантажа, организаторы которого устранены… Субъект мутный, вызывающий беспокойство, внешне холодный и равнодушный, ставший после смерти Бартелеми наследником его тайны, раскрыть которую я смогу, только разобравшись в трагедии сестер. В чем была его роль? Кто он? Себя не убивают без причины.

Значит, что-то подействовало на него настолько сильно, что перевернуло ему всю душу, поставив на грань жизни и смерти. Кто же он? И чего от меня хочет?

Каким внимательным взглядом изучал теперь Рауль Фелисьена каждый раз, когда наведывался к нему в спальню во флигеле! И как ему не терпелось поговорить с ним! Лихорадка уже спала. Фаустина больше не делала перевязки. Однако Фелисьен оставался вялым и подавленным, словно причина ужасной попытки самоубийства по-прежнему заставляла его страдать.

Однажды Фаустина, которая эти дни спала в мастерской, отвела Рауля в сторону и прошептала:

— Кто-то приходил к нему сегодня ночью.

— Кто?

— Не могу сказать. Услышав шум, я хотела войти. Но дверь была заперта на задвижку. Они долго шептались, время от времени замолкая. А потом этот кто-то ушел, и я так его и не увидела.

— Значит, вы ничего не узнали?

— Ничего.

— Жаль!

В любом случае в последующие дни Рауль мог наблюдать результат этого ночного разговора: Фелисьен уже не был прежним. Он словно обрел

новую жизнь. Он улыбался. Болтал с Фаустиной. Даже хотел написать ее портрет и планировал вернуться к работе. Рауль больше не колебался. Через три дня, войдя в спальню, он сел у кровати юноши и начал:

— Я рад, что вы выздоравливаете, Фелисьен, и надеюсь, что наши отношения останутся прежними. Но чтобы они стали более сердечными, нам нужно поговорить начистоту. Итак: решением господина Русслена вы объявлены непричастным к начатому им расследованию. Но есть некоторые факты, которые касаются преимущественно вас и меня.

И Рауль спросил, дружелюбно и мягко:

— Почему вы не рассказали мне, Фелисьен, что росли на ферме у славной крестьянки в Пуату?

Юноша покраснел и пробормотал:

— Нелегко признаваться в том, что ты подкидыш…

— Но… до этого?

— У меня нет о том никаких воспоминаний. Моя приемная мать умерла, ничего мне не рассказав. Единственное, что она сделала, — отдала мне деньги, доверенные ей дамой… которая, кажется, тоже не была моей матерью.

— Вы помните, что в последние годы вашего

пребывания на ферме там поселился мужчина?

— Да… друг… или, кажется, родственник…

— Как его звали?

— Я не знал его имени… во всяком случае, совершенно его не помню.

— Его звали Бартелеми, — пояснил Рауль.

Фелисьен рухнул на подушки:

— Бартелеми?.. Этот вор?.. Убийца?..

— Да, отец Симона Лорьена. С тех пор этот человек никогда не терял вас из виду. Был в курсе всех ваших дел в Париже, следил за вашими перемещениями. И в конце концов порекомендовал вас мне через одного моего друга.

Фелисьен выглядел ошеломленным. Рауль не сводил с него глаз, внимательно наблюдая за его жестами и реакциями, высматривая малейшие признаки искренности или притворства.

— Но зачем? — спросил юноша. — С какой целью?

— Не знаю. Очевидно, что Бартелеми приставил вас ко мне с определенным намерением, а его сын Симон приехал сюда, чтобы вы помогли ему в реализации определенного плана, направленного против меня. Но какого плана? Мне не удалось это выяснить. Симон Лорьен не делал намеков в разговорах с вами?

— Нет… я ничего не понимаю.

— Значит, у вас самого не было другого плана, кроме как работать в этом доме?

— А что еще я мог бы здесь делать? — спросил Фелисьен.

Рауля охватила радость. Фелисьен говорил правду. Он не был замешан в шантаже, а если что-то и знал, то все равно ничего не требовал.

— Еще одно, Фелисьен: Тома Ле Бук сознался, что это его видели в лодке в тот вечер, когда произошли убийство и кража. Это признание вас не удивило?

— Почему оно должно меня удивить, если это был не я? — возразил Фелисьен. — Я в то время спал.

Но теперь он говорил иначе. Глаза его беспокойно бегали. Скулы порозовели.

«Он лжет, — решил Рауль, — и если он лжет в этом, то лжет и во всем остальном».

Рауль встал и начал задумчиво мерить шагами комнату. Двуличие молодого человека вновь дало о себе знать. Это был мошенник, плут. Рано или поздно он заявит о своих сыновних правах и начнет угрожать, подобно своим сообщникам. Не в силах сдержать гнев, Рауль двинулся к двери. Но тут Фелисьен прервал молчание; в его голосе

слышалась тревога.

— Вы мне не верите, месье, — сказал он. — Нет… нет… я чувствую это… Я для вас по-прежнему тот, кто вернулся ночью завладеть сумкой с украденными банкнотами и смертельно ранил своего сообщника Симона Лорьена. В таком случае мне лучше уйти отсюда.

— Нет, — резко ответил Рауль. — Наоборот — я прошу вас остаться до тех пор, пока мы не установим непреложную истину… Какой бы она ни была.

— Эта истина уже установлена, ее открыл следственный судья…

Рауль яростно перебил его:

— Решение господина Русслена ничего не значит! Оно было вызвано ложными свидетельствами Тома Ле Бука, которого разыскал я и которому я же за них заплатил. Но вот ваша роль так и остается непроясненной. Ни разу, — продолжал Рауль, — ни разу я не заметил в вас того порыва искренности или возмущения, которые показывают истинное лицо человека. Свои самые серьезные, самые жестокие поступки вы скрываете. Вот, например, ваше самоубийство. Вы вернулись сюда, чтобы попрощаться со мной, ведь так? И чтобы объясниться. Но я нахожу

вас чуть ли не в агонии, рядом с револьвером. Почему?

Фелисьен не ответил, и это еще больше разозлило д'Аверни.

— Молчание… все время молчание… или увертки, увиливания, как со следственным судьей. Ну отвечайте же, черт вас побери! С самого начала нас разделяет стена молчания, которую вы воздвигли. Так что оставьте свои штучки, если хотите, чтобы я вам доверял! А иначе… Иначе я начну искать, строить гипотезы, дам волю воображению и, возможно, обману сам себя и ложно обвиню вас. Вы этого хотите?

Он схватил Фелисьена за руку.

— В вашем возрасте с собой кончают только из-за любви. Я провел расследование — узнал, что вы делали в тот день, когда совершили попытку самоубийства. Когда Роланда Гаверель и Жером Эльмас вышли из дома и направились к озеру, вы последовали за ними, держась на расстоянии. Перебравшись на остров, они сели на скамейку. И вы увидели то же, что увидел я, — их взаимную влюбленность. И это открытие поразило вас. Вы ловко выведали у моего садовника — так, что он этого даже не заметил, — что они встречались каждый день. Через час у вас в руке оказался

револьвер. Все правильно?

Фелисьен слушал в напряженном молчании.

— Я продолжаю, — сказал Рауль. — Роланда Гаверель каким-то образом узнала о вашей попытке самоубийства. Три дня назад, встревоженная, она пришла к вам ночью — просила успокоиться и уверяла, что ваши подозрения беспочвенны. Ее объяснения убедили вас до такой степени, что с той ночи вы счастливы и здоровы. Все верно?

Раулю показалось, что на этот раз юноша не намеревался уклоняться от столь настойчивых вопросов. Однако он колебался, должно быть не зная, как на них отвечать. Наконец он сказал:

— Месье, я не видел Роланду Гаверель с того самого дня, когда случилась трагедия, а особа, приходившая ко мне прошлой ночью, не она. Мои дружеские отношения с Роландой не позволили бы ей совершить такой поступок. Тем более она приняла решение, о котором сообщила мне в письме, только что переданном ее слугой.

Это письмо Фелисьен протянул Раулю, который начал читать его со все возрастающим удивлением:

Фелисьен,
горе объединило нас – Жерома Эльмаса

и меня. Вместе оплакивая нашу бедную Элизабет, мы почувствовали, что нет для нас другого утешения, как остаться верными, один подле другого, ее драгоценной памяти. Я ясно чувствую, что это она сближает нас и просит основать семейный очаг в том месте, где она была так счастлива и где мечтала, что в будущем ее счастье станет еще более безоблачным. Я не знаю, когда мы решимся на брак. Нужно ли объяснять Вам, что меня многое останавливает, что я боюсь совершить ошибку и что до последней минуты этот страх будет держать меня в сомнении? Но тогда как жить? У меня больше нет сил оставаться наедине с собой.

Вас, Фелисьен, который ее знал, я прошу прийти завтра в «Клематисы» и сказать мне, что она бы меня благословила.

Роланда

Рауль перечитал письмо тихим голосом и, усмехнувшись, медленно проговорил:

— Какая интересная история! Эта молодая особа своеобразно хранит верность памяти своей

сестры! Навестите ее, Фелисьен, и всячески поддержите. Срочности в работе нет, а вам пойдут на пользу несколько дней отдыха.

После минутного размышления он наклонился к юноше:

— Однако я не могу не поделиться с вами мыслью, которая часто приходила мне на ум, — о договоренности между женихом и невестой.

— Разумеется, — ответил изумленный Фелисьен, — разумеется, между ними есть договоренность, поскольку они помолвлены.

— Да, но разве она не была достигнута куда раньше?

— Раньше? Но когда именно?

Следующую ужасную фразу Рауль произнес по слогам:

– *Когда Элизабет Гаверель была еще жива.*

— Что это значит?

— Это значит, что смертельная ловушка, расставленная за два месяца до ее свадьбы, выглядит очень подозрительно.

Фелисьен возмущенно взмахнул рукой и воскликнул:

— О, месье, ваше предположение безосновательно! Я знаю их обоих, я знаю, как любила Роланда свою сестру… Нет-нет, мы не имеем права обвинять ее в подобной гнусности!

— Я не обвиняю. Я просто задаю вопрос, который нельзя не задать.

— Почему нельзя?

— Из-за этого письма, Фелисьен. Его строки проникнуты легкомыслием!

— Роланда — честная девушка, само благородство.

— Роланда — девушка… которая быстро забывает.

— Я уверен, что она ничего не забыла.

— Нет, но она готова обустроить свое семейное гнездышко при обстоятельствах, которые, пожалуй, многих бы смутили, — иронично заметил Рауль.

Фелисьен встал и торжественно произнес:

— Прошу вас, месье, больше ни слова. Роланда вне всяких подозрений.

Когда они оба вышли из флигеля, Рауль вернул молодому человеку письмо и зашагал по лужайке, размышляя о том, что при некоторой

настойчивости ему все-таки удастся проникнуть в эту темную душу, скрывающую тайны и в настоящий момент кипящую возмущением. Он уже собирался вернуться, чтобы немедленно добиться своего, когда вдруг услышал, как открываются ворота.

— Черт возьми! — пробормотал он. — Да это же полицейский инспектор Гуссо! Что он нам принес, сей предвестник несчастья?

Инспектор направился к ним через сад и, подойдя, пожал руку Раулю, который сказал ему со смехом:

— Как! Разве мы с вами еще не закончили, господин старший инспектор?

— Несомненно, несомненно, — ответил Гуссо шутливым тоном, нимало ему не свойственным. — Но согласитесь… когда система правосудия имела с кем-то дело, она все-таки вправе…

— Вести слежку.

— Нет, проявлять дружеское внимание. Вот почему, продолжая расследование, я пришел справиться о здоровье нашего больного.

— Фелисьен Шарль чувствует себя превосходно, не правда ли, Фелисьен?

— Отлично, отлично! — отозвался Гуссо. — А то в округе, знаете ли, ходят слухи о каком-то

выстреле, неудачном самоубийстве и о прочем в том же роде. Мы даже получили по этому поводу анонимное письмо, отпечатанное на машинке. Короче говоря, столько баек вокруг… хорошо, что я им не верю. Ведь тот, кто официально признан невиновным, не станет себя убивать.

— Конечно же нет.

— Разве что этот невиновный на самом деле не так уж невиновен, — добавил Гуссо.

— Ну, это явно не тот случай.

— Ошибаетесь.

— Неужели?

— Именно так. Я, знаете ли, выяснил — извините за полицейские методы, — что, выйдя из тюрьмы, ваш юный друг совершил звонок…

— Да, мне.

— А затем мадемуазель Роланде Гаверель с просьбой о короткой встрече.

— И что?

— А то, что упомянутая барышня отказалась его видеть.

— О чем же, по-вашему, это свидетельствует?

— О том, что упомянутая барышня не верит в его невиновность. Иначе как объяснить ее отказ?

Рауль усмехнулся:

— Это и есть итог вашего «дружеского внимания», господин инспектор?

— Пожалуй, что так.

— В таком случае…

Он показал ему на ворота. Гуссо развернулся было на каблуках, но, вдруг передумав, вновь обратился к собеседнику:

— Ах да, забыл сказать. Мы обнаружили в камере хранения на одном из парижских вокзалов чемодан, принадлежавший Симону Лорьену, а в кармане его одежды я нашел вот эту визитную карточку. Видите, на обратной стороне нарисован план второго этажа дома, а на нем — крестик красными чернилами. Это тот самый этаж, откуда отец Симона Лорьена и друг Фелисьена Шарля похитил банковские билеты месье Филиппа Гавереля.

— И на карточке стоит имя?..

— Фелисьена Шарля.

И инспектор, кивнув Раулю и Фелисьену, не спеша направился к воротам, насмешливо бросив на ходу:

— Карточка сама по себе ничего не доказывает, и я просто приобщил ее к делу. Хотя как знать, возможно, всплывет что-нибудь еще…

Рауль бросился вперед и оказался у ограды

одновременно с ним.

— Послушайте, инспектор!

— Чем могу быть полезен, господин д'Аверни?

— Ничем. Просто предупреждение. Для вашей же пользы. Видите два столба этих ворот?

— И что с того, черт возьми?

— Да то, что я советую вам никогда больше не пересекать идеально ровную линию, которая их соединяет.

— Мои полномочия полицейского…

— Ваши полномочия действительны лишь в том случае, если вы учтивый и хорошо воспитанный полицейский, такой, как ваши товарищи, а не ехидная и злопамятная ищейка. Имеющий уши да услышит!

Рауль вернулся к Фелисьену, который во время этой сцены оставался совершенно невозмутимым, и сказал ему:

— Вы утверждали, что больше не видели Роланду.

— Она отказалась со мной встречаться.

— И вы по-прежнему не хотите признаться, что собирались покончить с собой из-за нее?

Юноша промолчал.

— Ответьте, — продолжал Рауль, — откуда у Симона Лорьена ваша визитная карточка?

— Должно быть, он взял ее здесь, когда нас не было дома.

— А план «Оранжереи» на ней?

— Наверное, сам нарисовал. Я тут совершенно ни при чем.

— А то, что вы находитесь под пристальным наблюдением полиции, вас не беспокоит?

— Нет, месье. Они всячески пытались меня уличить, но безуспешно. Я ведь не совершил ничего предосудительного и потому не беспокоюсь.

Глава 2
Таинственный визит

Рауль сдался. Никакого объяснения с Фелисьеном не получится. Никакая гипотетическая опасность не поколеблет его беспечность, возможно напускную, но ничем не уступающую упорному сопротивлению. Одними лишь словами его тайну не выведать.

Значит, надо действовать.

Поначалу события к этому не располагали. Фаустина вернулась на работу в клинику. Фелисьен, который раньше обедал во флигеле в то же самое время, что и она, теперь обедал на вилле «Клематисы», проводя там вторую половину дня.

На пятый день, решив разобраться в ситуации, Рауль тоже пришел на виллу.

Дверь ему открыла кухарка, которая сказала:

— Барышня, наверное, на лужайке. Месье может пройти туда через столовую.

В вестибюле было две двери. Рауль вошел в столовую. Но вместо того, чтобы сразу спуститься в сад, он заглянул за тюлевые занавески, закрывающие стеклянные двери студии. Его глазам предстало неожиданное зрелище.

В левой части комнаты, залитая ярким солнечным светом, стояла Фаустина с полуобнаженными плечами и голыми руками, позируя сидевшему за мольбертом Фелисьену.

Рауль почувствовал острый укол раздражения, к которому примешалось — и он даже не пытался этого отрицать — недостойное чувство ревности.

«Бесстыдница! — подумал он. — Что она здесь делает? И что от нее хочет этот мальчишка?»

Он ясно видел ее лицо; взгляд молодой женщины был устремлен за широкое эркерное окно, выходящее на лужайку и пруд. Ее белоснежные плечи, полные и изящные, слегка золотились под лучами солнца. В который уже раз он мысленно увидел (это воспоминание преследовало его) сияющую мраморную «Фрину».

Он бесшумно открыл дверь, желая услышать их разговор, и тут заметил жениха и невесту — Роланду и Жерома Эльмаса, сидевших на подоконнике. Они тихо беседовали. Время от времени Фелисьен Шарль поглядывал в их сторону.

И у Рауля внезапно возникло глубокое убеждение, что драма в «Клематисах» и «Оранжерее» — то есть первая из драм — произошла именно в этой студии, причем разыгралась она между четырьмя персонажами, здесь находившимися. Нет нужды искать разгадку вне этого тесного кружка, где бушевала трагедия любви и ненависти, честолюбия и ревности. Все четверо выглядели спокойными, погруженными в свои занятия. Но прошлое и будущее, преступление и наказание, жизнь и смерть сошлись здесь в поединке, как беспощадные враги.

Какова была роль каждого из них в этом спектакле? Какую роль играл Фелисьен, несомненно влюбленный в Роланду, по отношению к жениху и невесте?

Как Фаустина, простая сиделка, попала в это общество? И по какой причине Роланда, девушка, принадлежащая к совершенно иному сословию, принимала ее? Как много неразрешимых загадок!

Меж тем парочка спустилась в сад, и Рауль тихонько вошел в студию. Переведя взгляд на свой портрет, Фаустина увидела его поверх мольберта и головы Фелисьена.

Тут же смутившись и покраснев, она накинула на плечи шаль.

— Не беспокойтесь, Фелисьен, — сказал Рауль. — Но, боже мой, какая у вас прекрасная модель!

— Восхитительная, и я ее совершенно недостоин, — признался юноша.

— Что же, у вас нет никаких амбиций?

— Они меркнут перед такой красотой.

Рауль усмехнулся:

— А вы, Фаустина? Что, позировать в подобном виде вам нравится больше, чем ухаживать за больными в клинике?

— Пациентов сейчас мало, — ответила она, — и в дневные часы я свободна.

— Как и в вечерние, а также в ночные. Пользуйтесь этим, Фаустина. Наслаждайтесь своей молодостью.

Он спустился в сад и, не сводя глаз с Роланды, поздравил жениха и невесту с предстоящей свадьбой. Конечно, невеста была не так ослепительна, как Фаустина, ее красота была не такой

театральной, более трогательной. Но, как и у Фаустины, ее лицо и чувственные изгибы тела обладали той прелестью, которая волнует даже больше, чем классическая красота. Жером Эльмас смотрел на девушку со страстным восхищением.

Жером собирался вечером уехать в Париж; Роланда с Раулем проводили его через сад «Оранжереи», откуда можно было выйти на дорогу. Им, естественно, пришлось миновать те злосчастные обрушившиеся мостки, на которых нашла свою смерть Элизабет. Однако молодые люди не обратили на них никакого внимания. Они каждый день гуляли по этой стороне пруда. И теперь остановились, беспечно глядя на противоположный берег, где рядом с тропинкой качалась на воде знакомая лодка. Туда как раз забрались три человека: Гуссо и два его помощника. Один из них принялся прощупывать палкой дно.

— Расследование продолжается, — заметил Жером. — Ищут оружие, с которым на нас с Симоном напали.

Роланда вздрогнула и прошептала:

— Неужели этот кошмар никогда не закончится?

Жером попрощался с ней. Роланда и Рауль вернулись в «Клематисы», и Рауль спросил мно-

гозначительно:

— После свадьбы вы по-прежнему будете жить на этой вилле?

— Думаю, да… как только немного обустроимся…

— Но конечно, после свадебного путешествия?..

— Еще ничего не решено…

Он задал ей и другие вопросы. Роланда отвечала коротко и довольно туманно, а потом оборвала разговор, сказав:

— Кто-то постучал. Но я не жду никаких посетителей.

Когда они подошли к двери, до них донесся шум спора, быстро перешедший в бурную ссору. Они узнали голос слуги Эдуара, который яростно кричал:

— Вы сюда не войдете! Пока я жив, ноги вашей не будет в этом доме!

Роланда опрометью бросилась через столовую. Фелисьен и Фаустина были уже в вестибюле. Там старый слуга пытался преградить путь пожилому господину, который его увещевал:

— Прошу вас, успокойтесь. Я желаю говорить с мадемуазель Роландой… Извольте доложить ей о моем визите.

Роланда, остановившись на пороге, оглядела гостя и произнесла:

— Не думаю, что я имею честь, месье…

Не говоря ни слова, он протянул ей свою визитную карточку. Она взглянула на нее и сразу смутилась.

Словно боясь категорического отказа, незнакомый господин с нажимом произнес:

— Я хочу поговорить с вами, Роланда. Этот разговор необходим… Вы не можете отказаться… в ваших собственных интересах…

Он был сутулый, совершенно седой, с тонкими, благородными чертами лица, чрезмерная бледность которого свидетельствовала о болезни и крайнем истощении.

После минутного колебания она сказала слуге:

— Оставьте нас, Эдуар…

Эдуар подчинился, не скрывая гнева. И тогда она обратилась к гостю:

— Сожалею, что моего жениха здесь нет. Я бы познакомила его с вами.

— А я ведь знаю, что вы помолвлены, Роланда…

— Да, с Жеромом Эльмасом.

— Этот юноша должен был жениться на вашей сестре, не так ли?

— Все верно.

— В прошлом я знавал его мать. Он тогда был совсем ребенок.

Но Роланда, явно не желая продолжать разговор при свидетелях, сказала:

— Поднимемся в мой будуар, месье, там нам будет удобнее беседовать. Идите за мной.

Она пошла вперед. Он поднимался медленно, с усилием.

Раулю было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться: Фелисьен и Фаустина заинтригованы не меньше его и не могут объяснить себе этот визит.

Все трое стали ждать, не прерывая молчания.

Только через два часа гость спустился, поддерживаемый Роландой. Глаза у нее покраснели, лицо выражало сильное волнение.

— Итак, Роланда, у вас скоро свадьба… И когда же?

Девушка ответила ясно и без колебаний, словно приняла внезапное решение:

— Через двенадцать дней. Необходимый срок после официального объявления о бракосочетании.

— Будьте счастливы, Роланда.

Он поцеловал ее в лоб, и она заплакала; затем

осторожно высвободилась и повела его к двери.

— Можно мне вас проводить? — спросила она.

— Нет, станция недалеко. Предпочитаю идти один. До скорой встречи, Роланда! Буду очень рад увидеть вас у себя! Помните: вы мне пообещали. И не слишком откладывайте ваш визит.

Больше он не оборачивался. Девушка какое-то время смотрела ему вслед, а затем закрыла дверь и с задумчивым видом вернулась в студию. Не теряя ни минуты, Рауль вышел через столовую и покинул «Клематисы», намереваясь последовать за неизвестным и получить о нем какие-нибудь сведения. Он увидел, что старик идет по аллее, опираясь на руку слуги в униформе шофера. На обочине дороги дожидался автомобиль. Шофер помог ему сесть, и они уехали. Рауль успел лишь заметить, что машина была покрыта толстым слоем пыли, словно уже проделала долгий путь.

Около семи часов вечера он встретился с Фаустиной, которая выходила из клиники.

— Что-нибудь известно об этом старике? Роланда что-нибудь рассказала?

— Нет.

— Черт! — воскликнул Рауль. — Впрочем, даже если вы что-то знали, все равно бы мне не сказали! Ладно, сам справлюсь. Это не так уж сложно и

наверняка прольет свет на то, что я уже выяснил. Мы продвигаемся вперед, Фаустина. — И продолжил тоном более резким и агрессивным: — Ответьте, какую роль вы играете в «Клематисах»? Вы уже стали в доме своей. На каком основании? Что общего между вами четырьмя? Не для того ли вы показываете Фелисьену свои прелести, чтобы вскружить ему голову? Довольно хитрить, детка. Не то я похищу у вас этого молодого человека, и все ваши старания пропадут зря.

Она не рассердилась и спросила с улыбкой:

— А мне сильно пришлось стараться, чтобы понравиться вам?

— Пожалуй, нет.

— Однако, я вам нравлюсь.

— И даже очень! — сказал он, смягчившись, и тоже рассмеялся. — Возможно, именно поэтому я слегка волнуюсь…

Вечер того дня и следующее утро Рауль посвятил расследованию, которое после двадцатиминутной поездки в автомобиле привело его к дому престарелых вблизи Гарша. По его просьбе к нему в приемную проводили господина Станисласа — славного старика, который, однако, так трясся, что, казалось, вот-вот рассыплется. Рауль изложил цель своего визита.

— Вы родом из коммуны Везине и прослужили там больше сорока лет, причем тридцать из них — у одного хозяина, отца господина Филиппа Гавереля, нынешнего владельца виллы «Оранжерея». Все верно? Так вот, муниципалитет включил вас в список тех, кому выделена материальная помощь, и уполномочил меня передать вам этот банковский билет в сто франков.

После этой пятиминутной речи и часовой болтовни о Везине — о местных жителях, о тех, кто часто посещал «Оранжерею» и кто занимал виллы по соседству, — Рауль узнал все, что хотел.

В частности, ему стало известно, что отец Элизабет и Роланды, господин Александр Гаверель, брат Филиппа, плохо ладил со своей женой. Супруг оказался отчаянным ловеласом и доставлял ей много страданий. Вдобавок он был еще и страшным ревнивцем, у которого, впрочем, имелись причины для ревности, учитывая постоянное присутствие в доме дальнего родственника госпожи Гаверель.

— Короче говоря, — пояснил Станислас, — до нашего сада постоянно доносился шум перебранок, и в конце концов — кстати, мадемуазель Элизабет тогда как раз исполнилось три года — месье Александр прогнал родственника мадам;

мало того, они еще и подрались в вестибюле, так что слуге Эдуару, моему приятелю, пришлось прийти на помощь хозяину. А уж что они кричали! У нас на кухне потом поговаривали, будто настоящий отец мадемуазель Элизабет — тот самый дальний кузен Жорж Дюгриваль.

— Но супруги Гаверель помирились?

— Более или менее. Через три-четыре года у них родилась вторая дочь, Роланда. Только месье снова начал распутничать и спустя какое-то время умер в Париже от апоплексического удара после попойки с приятелями.

— И больше вы этого кузена не видели?

— Никогда. Вот только каждый год, до самой своей смерти, госпожа Гаверель брала с собой дочек и проводила лето у моря, в Кабуре. А Кабур находится в двадцати километрах от Кана, где сейчас живет месье Жорж Дюгриваль, тот самый дальний родственник госпожи Гаверель. Я слышал, будто их обоих несколько раз видели на пляже Кабура… конечно, без девочек. А кухарка в «Оранжерее» однажды сказала: «Вот увидите, он оставит все свое состояние мадемуазель Элизабет. Это решенный вопрос. Они уже обо всем договорились с госпожой Гаверель. О, у нее будет недурное приданое, у нашей мадемуазель

Элизабет!..»

Рауль был в восторге от своей поездки. И чем больше он размышлял, тем яснее становилась ему важность достигнутых им результатов. Только теперь он начал прозревать истинную суть этого семейного конфликта, породившего, как он давно и подозревал, немало темных дел.

Вечер и весь следующий день он провел в «Клематисах», где ощутил, несмотря на всегдашний сердечный прием, то же самое чувство одиночества, что и в первый раз, и ту же печальную атмосферу. Каждый гость, каждый обитатель виллы был погружен в свои мысли и преследовал свои личные цели. О чем думали все эти люди? Время от времени Роланда и Жером обменивались влюбленными взглядами, а Фелисьен отрывал взгляд от Фаустины и от портрета, который писал, чтобы посмотреть на жениха и невесту.

В тишине вдруг прозвучал вопрос Роланды:

— Жером, ваши документы готовы?

— Конечно.

— Мои тоже. Сегодня вторник, седьмое число. Давайте назначим свадьбу на субботу, восемнадцатого. Вы согласны?

Жером взял ее руку и с восторгом поцеловал,

выдав этим жестом свою страстную любовь. Она улыбнулась и закрыла глаза.

Фелисьен усердно работал.

Рауль сказал себе: «Восемнадцатое сентября наступит через одиннадцать дней. Тут-то и должен произойти взрыв, и тогда пыл их страсти высветит истину, пока еще непостижимую».

Никто уже не вспоминал о таинственном посетителе Роланды. Но для чего он приезжал? Почему Роланда, такая враждебная вначале, выглядела затем столь мягкой и взволнованной? И получил ли Жером Эльмас какие-нибудь объяснения?

В субботу, одиннадцатого сентября Роланда передала Раулю просьбу прийти в «Клематисы», куда к трем часам должен был прибыть инспектор Гуссо для важного сообщения. Роланда хотела, чтобы месье д'Аверни и Фелисьен Шарль присутствовали при этом.

Рауль пришел на встречу ровно в назначенное время; Фелисьен тоже. Фаустины не было.

Сообщение инспектора было кратким. Демонстративно не замечая ни Рауля, ни Фелисьена, он обращался лишь к Роланде и Жерому:

— Вот несколько анонимных писем, которые мы получили. Все они напечатаны на машинке — впрочем, довольно неумело — и отправлены

ночью с почты в Везине. О моем поиске людей, имеющих пишущую машинку, видимо, стало известно, поскольку сегодня утром мы обнаружили старинную машинку в куче мусора в трех километрах отсюда. Но последний раз ею пользовались не далее как вчера, и вечером в префектуру пришло письмо, которое я вам сейчас зачитаю:

На аллее, где в ту самую ночь Симона Лорьена ударили ножом, находится дом, обнесенный невысокой решетчатой оградой, в котором уже многие месяцы никто не живет. Сквозь прутья этой решетки виден лежащий под кустом носовой платок. Возможно, будет нелишним узнать, кому этот платок принадлежит.

Я последовал совету, — продолжал главный инспектор. — И вот он, этот платок. Разумеется, мокрый и грязный от дождя и росы. Но на нем ясно видна длинная полоса ржавого цвета — след от окровавленного ножа. Что касается инициалов, то имеется только один, как и на большинстве носовых платков, купленных в магазине, — буква «Ф». Раз уж вы здесь, господин Фелисьен Шарль, вы позволите взглянуть на ваш?

Фелисьен послушно протянул свой носовой платок. Гуссо сравнил их:

— На вашем нет никаких инициалов. Но оба они одинакового тонкого полотна и одного размера. Благодарю вас. Эти предметы будут приобщены к делу, а лабораторная служба проверит, являются ли бурые следы пятнами крови. В случае положительного ответа против того, кто нанес удар Симону Лорьену, а прежде — Жерому Эльмасу, будет выдвинуто серьезное обвинение.

После этого инспектор распрощался с молодой парой и уехал.

— Дорогой Фелисьен, — заметил Рауль, вставая, — события набирают ход. У полиции нет ни малейших сомнений относительно вас. Через несколько дней господин Русслен будет вынужден вызвать вас к себе в кабинет, и тогда…

Фелисьен не ответил. Казалось, он думает о чем-то своем. Рауль уже ненавидел его.

Вечером после ужина, проходя через темный сад, он услышал тихий свист и заметил женщину, которая шла вдоль центрального озера, а потом повернула налево, удаляясь от виллы «Клематисы».

Рауль подумал, что свист, наверное, служит сигналом. И правда — на пороге флигеля тут же появился Фелисьен. Он бесшумно открыл ворота и тоже двинулся налево. Рауль из осторожности

прошел через «Светлый уголок», воспользовавшись для выхода оттуда дверью гаража. На тропе, огибавшей озеро, он различил два силуэта: благодаря тому что ночная тьма сгустилась еще не полностью, ему удалось узнать Фелисьена и Фаустину, которые оживленно разговаривали.

Он следовал за ними в отдалении.

Молодые люди перешли мостик и сели на ту же самую скамейку, где прежде Рауль видел Роланду и Жерома Эльмаса. Поскольку они сидели к нему спиной, он смог, не опасаясь, подойти к ним на расстояние двадцати пяти — тридцати метров.

Рауль совершенно ясно увидел, что Фаустина держит Фелисьена в объятиях, а его голова покоится на плече молодой женщины.

Глава 3
Похищение

Первым инстинктивным желанием Рауля было кинуться к влюбленным и задушить Фаустину, а Фелисьена швырнуть в воду. И если он этого не сделал, а, напротив, застыл на месте, даже повернув уже было к мостику, то только из побуждений, которые ему самому стали ясны позже.

Итак, он старался сохранять хладнокровие.

Слишком уж не годился этот момент для вспышек ярости и необдуманных атак. Рауль никогда не испытывал к Фаустине ничего, кроме желания, в котором не было ни капли любви, и в эту минуту, когда все возвещало о приближающейся буре и стремительной развязке, он, разумеется, не поддастся порыву сумасбродной страсти, который может только навредить. Факты, начавшие было выстраиваться в логическую цепочку, несмотря на всю их запутанность, от его неожиданного вмешательства могли снова сплестись в тугой узел.

И тут перед ним внезапно предстал образ графини Калиостро. Отец и сын, друг против друга, сражаются за одну и ту же женщину! Ах, какую громкую победу одержала бы умершая! С какой отвратительной точностью свершилась бы месть, которую она доверила судьбе!

Рауль отправился домой. Он запер ворота и включил устройство, которым никогда раньше не пользовался: оно приводило в действие электрический звонок, когда ворота открывались.

Спустя полчаса звонок зазвенел. Это вернулся Фелисьен. И Рауль заснул.

Все следующее утро он за глаза бранил Фелисьена, которого ненавидел все больше. Сейчас,

вопреки всем противоречиям и сомнениям, он склонялся к тому, чтобы считать Роланду и Жерома соучастниками преступления. Планы этой парочки явно были связаны с довольно мутной историей о наследстве Дюгриваля. Рауль совершил короткую прогулку, пообедал и решил прокатиться в Кан, чтобы побольше разузнать о Жорже Дюгривале, а то и встретиться с ним — и затем под покровом ночной темноты наведаться с познавательным визитом в его дом.

Но когда он уже садился в автомобиль, раздался телефонный звонок из виллы «Клематисы». Жером Эльмас умолял его срочно, не теряя ни минуты, прийти туда. Молодой человек был в полном отчаянии.

Через две минуты Рауль уже был на месте. Жером, стоя на пороге рядом со слугой, сказал, задыхаясь:

— Она похищена!

— Кто?

— Роланда. Похищена этим мерзавцем.

— Каким мерзавцем?

— Фелисьеном Шарлем.

— Бросьте! — возразил Рауль, который помнил Фелисьена в объятиях Фаустины. — Разве Роланда согласилась бы?

— Да вы, верно, умалишенный! — возмутился Жером. — Она похищена силой! Увезена на автомобиле! Я вам объясню по дороге… Я сразу же подумал, что только вы можете…

Он прыгнул на соседнее сиденье.

— По какой дороге он поехал? — спросил Рауль.

— На Сен-Жермен. Правильно, Эдуар? Вы же их видели?

— Да, на Сен-Жермен, — подтвердил слуга.

Автомобиль Рауля сорвался с места. Через триста метров они выехали на шоссе, повернули направо и пересекли Сену. Дорога под номером сто девяносто вела в Руан — в Нормандию…

Жером, вне себя от ярости, бормотал сквозь зубы:

— Она ни о чем не подозревала… Я тоже… Фелисьен пригнал из Парижа автомобиль, который, по его словам, собирался купить. Воспользовавшись тем, что я был в саду, он предложил ей опробовать машину… Роланда села в нее. Но когда он завел мотор, она, наверное, захотела выйти, а он ее не выпустил, и тогда она закричала, и Эдуар услышал ее крик, так же как и я. Когда Эдуар вышел, машина была уже далеко.

— Какой марки автомобиль?

— Кабриолет.

— Что-нибудь особо приметное?

— Светло-желтый кузов.

— Когда это произошло?

— Максимум десять минут назад.

— Мы их догоним. Из Фелисьена плохой шофер.

Рауль направился было в сторону Сен-Жермена, но затем внезапно повернул к Версалю:

— Десять-двенадцать километров по прямой. Прибавим газу.

— Но почему вы изменили направление?

— У меня идея! Фелисьен вырос в Пуату. Поскольку у нас нет точных сведений, уменьшим риск ошибки и предположим, что он намерен скрыться в местах, которые хорошо знает. Думаю, дорога номер десять — это то, что нам нужно.

— А если вы ошиблись?

— Рискнем.

Они одним махом преодолели версальскую Оружейную площадь и двинулись к Сен-Сиру и Траппу.

— Мы вот-вот увидим желтый кабриолет, хотя Фелисьен и едет на полной скорости…

— Вы уверены?..

— О! Абсолютно уверен. Наша скорость — сто

десять километров в час. Такими темпами мы обязательно догоним его еще до Рамбуйе.

Рауль торжествовал, предвкушая скорую победу. Отличная месть этому проклятому Фелисьену, которого ничто теперь не спасет от поражения и насмешек!

— Вы уверены? Вы правда уверены? — настаивал Жером. — А если вы выбрали не ту дорогу?

— Невозможно… О, смотрите-ка, не они ли это… видите, въезжают в лес?

— Да! Они! — воскликнул Жером. — И, разгорячившись, разразился гневной речью: — Подлец! Я знал, что он ее любит… Я раз двадцать говорил это Роланде… Он всегда ее любил… С первого дня вился вокруг нее. Еще когда бедняжка Элизабет была жива. Это она первая заметила. Он без ума от нее, говорю вам, месье… Ах, притворщик! Он это скрывает, делает вид, что ухаживает за Фаустиной, но я чувствовал его ненависть ко мне… его бешеную ревность. Когда она объявила ему о своей помолвке, он хоть и хорохорился, но весь дрожал от гнева. Он в нее влюблен. Влюблен и увозит с собой. А вдруг он сбежит? Да-да, он ускользает, а Роланда не может спастись! О ужас! Шевелитесь же, мы едва ползем!

В глубине души Рауль испытывал смутное удо-

влетворение. Ничего не скажешь, этот Фелисьен иногда действовал очень дерзко. Его одолевали страхи, полиция следила за каждым его шагом, а он между тем покорял Фаустину и похищал Роланду! Вместо того чтобы защищаться и избегать опасностей, он остался на поле боя и даже перешел в наступление, не заботясь о последствиях! Каков разбойник и до чего смел!

В Рамбуйе мощеная и очень извилистая длинная улица заставила Рауля сбросить скорость, тем более что необходимо было выбрать, куда ехать: в Шартр или в Тур.

— Поедем наугад, — решил Рауль.

Жером явно растерялся и уже не владел собой:

— Трус! Сколько раз я предупреждал Роланду, чтобы остерегалась его! Подлец… лицемер… Я уже не говорю об остальном… У меня есть собственные соображения обо всех этих событиях в «Оранжерее»… Ах, если бы я мог его остановить!

Он гневно потрясал кулаками. Рауль подумал, что высокий, крепкий, хорошо сложенный и очень спортивный Жером легко бы одолел худощавого и хрупкого Фелисьена. Впрочем, ничто не мешало уязвленному обидой и жаждущему мести Раулю прибавить газу и добраться до беглеца.

Внезапно, после очередного поворота, перед

ними в трехстах-четырехстах метрах возник желтый кабриолет. Автомобиль Рауля, казалось, в одну секунду увеличил скорость вдвое, как скаковая лошадь перед финишем. Отныне никакое препятствие, никакое расстояние не могло помешать остановить похитителя.

Кабриолет по-прежнему несся впереди, сохраняя дистанцию. Уменьшилась она внезапно. Автомобиль Рауля каким-то непостижимым образом обогнал кабриолет, заставив его затормозить, чтобы не быть смятым в гармошку, и через пятьдесят метров машина остановилась на обочине.

Шоссе было совершенно пустым.

— А теперь посмотрим кто кого! — крикнул, выскакивая из автомобиля, Жером.

Распахнулась дверца, и показался Фелисьен. Затем на дорогу, пошатываясь, выбралась Роланда.

Жером, которому не терпелось начать поединок, запрыгал туда-сюда, как боксер при разогреве.

Фелисьен не шевелился.

Роланда бросилась между ними. Но Рауль д'Аверни остановил ее, схватив за плечи:

— Оставайтесь здесь.

Она попыталась высвободиться:

— Пустите! Они же сейчас будут драться!

— Ну и что?

— Я не хочу… Он его убьет…

— Успокойтесь… Мне надо знать…

— Это отвратительно… Пустите меня…

— Нет, — сказал Рауль. — Мне надо знать, испугается ли он.

Роланда вырывалась из его рук, но он держал ее крепко и жадно наблюдал за Фелисьеном.

Фелисьен не испугался. Как ни странно, он даже улыбался. Улыбка была вызывающей, насмешливой, полной презрения и самоуверенности. Как такое возможно?

Жером Эльмас остановился в нескольких метрах от него и дважды прорычал:

— Убирайся отсюда… Убирайся… Иначе…

Тот только пожал плечами. Его улыбка стала еще шире. Он явно не думал защищаться.

Еще шаг, еще… Резко подавшись вперед, Жером сделал попытку угодить кулаком в невозмутимое лицо врага.

Фелисьен дернул головой и отклонился, чтобы избежать удара.

Сила инерции бросила Жерома вперед, но он развернулся и крикнул:

— Не двигайтесь, Роланда, сейчас я ему по-

кажу!

И начался первый раунд бокса, пылкий и яростный. Полусогнув колени, Фелисьен уперся ногами в землю и уже не отступал ни на шаг. После первого обмена ударами Жером, должно быть, почувствовал, что так ему противника не одолеть, и изменил тактику: кинувшись на Фелисьена, он сгреб его в охапку и начал сжимать изо всех сил, давить всем своим весом, стараясь повалить на землю.

Фелисьен какое-то время сопротивлялся, откинувшись назад так, что чуть не переломил себе поясницу. Но потом сдался и упал наземь, увлекая за собой Эльмаса.

Роланда все еще вырывалась из рук Рауля и кричала. Рауль прикрыл ей рот:

— Замолчите… вам нечего бояться… Если один из них достанет оружие, я вмешаюсь. Сейчас я здесь отвечаю за все.

— Это гнусно, — пробормотала она.

— Нет, ссора должна чем-то закончиться. Так надо…

Тем временем соперники катались по земле и по пыльной траве. Фелисьен явно слабел. Исход был близок… Но дальнейшее стало для всех неожиданностью. Фелисьен внезапно поднялся и

принялся отряхивать пыльную одежду, а Жером остался лежать на земле, издавая бессильные стоны.

— Черт побери, — усмехнулся Рауль, — отличная работа!

Он поспешил к побежденному и, наклонившись над ним, убедился, что серьезных травм у Жерома нет, разве что сильно болит рука.

— Через пару минут вы сможете встать, — сказал Рауль. — Но с этим малым я советую вам больше не связываться!

Фелисьен неторопливо зашагал прочь. Его лицо не выражало ни волнения, ни радости, и трудно было поверить, что он только что положил на обе лопатки своего ненавистного соперника. Он без единого слова прошел мимо Роланды, но она промолчала и ни в чем его не упрекнула…

Роланда казалась встревоженной и нерешительной. Она бросила взгляд на обоих мужчин, на Рауля… потом посмотрела на шоссе.

К ним медленно подъезжал автомобиль. Это было пустое такси, возвращающееся в Рамбуйе. Роланда окликнула водителя, переговорила с ним и села в машину.

Жером, поднявшись с земли, сделал таксисту знак задержаться и присоединился к девушке.

Такси тронулось с места.

Фелисьен как будто не обратил на это никакого внимания. Когда он уже собирался сесть в кабриолет, Рауль сказал ему:

— Мои поздравления. Прекрасный прием джиу-джитсу… впрочем, вполне классический… но так искусно примененный… с выкручиванием рук… Где, черт возьми, вы этому научились? И какое мастерское боксирование! Еще раз поздравляю вас, особенно учитывая преимущество Жерома в росте и весе.

Фелисьен равнодушно пожал плечами и открыл дверцу. Но Рауль все не унимался:

— Вы вечно меня удивляете, Фелисьен. Ну что за характер! Вы так влюблены в Роланду, что теряете хладнокровие и похищаете ее, но затем беззаботно уступаете девушку своему противнику!

Тот пробормотал:

— Они помолвлены.

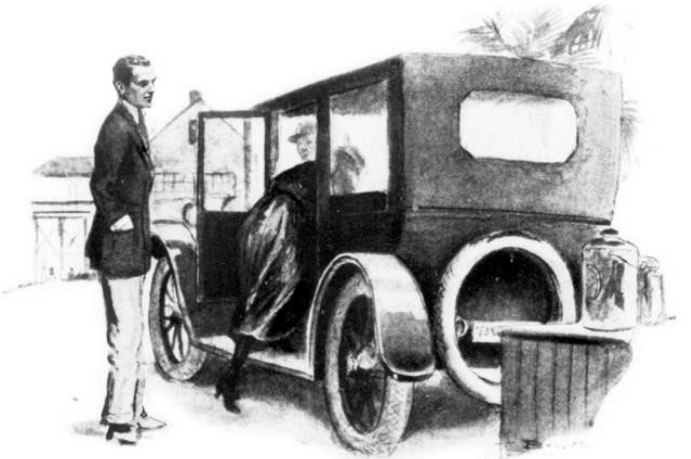
— Ну и что? Если она вам дорога, надо биться до конца!

Фелисьен повернулся к Раулю и сказал вежливо, но твердо:

— Я бился бы до конца и, возможно, победил бы, если бы вы не приняли сторону Жерома. Вы,

месье, тоже считаете их женихом и невестой, а я для вас всего лишь взломщик, которого теперь преследуют за кражу… Так что мне остается лишь уповать на судьбу… Будь что будет!

Загадочные слова — впрочем, как и поступки молодых людей или поведение Роланды. Пока кабриолет Фелисьена уносился вдаль, Рауль размышлял, связывая новые факты с теми, которые он начал понимать, либо разобравшись в них, либо дав им другое объяснение. Его ум строил новые гипотезы. Истина постепенно становилась ощутимой и логичной. Нет ничего более волнующего, чем видеть, как рассеивается туман! Вместо того чтобы вернуться в Париж, он продолжил свой путь, повернув на северо-запад. Ему было весело, и временами он не мог удержаться от смеха, вполголоса произнося следующий монолог:



— Так кто же он? Спортсмен? Атлет? Кто бы мог подумать, что за внешностью архитектора, озабоченного только работой, скрываются стальные мускулы, нервы, воля и мужество? Да он неподражаем, этот юноша! За несколько уроков джиу-джитсу, бокса и савата[14] я сделал бы из

[14] Notes: 14
Савате — вариант французского бокса, возникший в XVIII веке.

него чемпиона. Признайся, старина Люпен, как сын он совсем неплох! Надо бы присмотреться к нему поближе…

Рауль прибавил газу. В жизни наступила белая полоса. Акции молодого Фелисьена явно шли вверх.

Нонанкур… Эврё… Лизьё… Около восьми часов Рауль остановился перед большим отелем в Кане, велел достать из багажника чемодан, который всегда был там наготове именно на такой случай, и отправился ужинать.

В этот же вечер он начал собирать сведения о Жорже Дюгривале, бывшем друге госпожи Гаверель и предполагаемом отце Элизабет Гаверель.

Заканчивалось воскресенье, двенадцатое сентября. В следующую субботу Роланда выйдет замуж за Жерома Эльмаса.

Глава 4
Голубой футляр

Жорж Дюгриваль всегда жил на широкую ногу. Владелец значительных долей в нормандских металлургических предприятиях и компаниях по добыче руды, он сколотил крупное состояние, и это дало ему возможность заниматься разве-

дением лошадей. Он приобрел конный завод и небольшую конюшню для участия в местных скачках.

Дюгриваль жил один в окружении слуг в старом особняке — такие еще встречаются в живописном городе Кане, сохранившем дух античности. Фасад с высокими окнами, украшенный скульптурами времен Регентства, выходил на тихую, пустынную улицу. Рауль даже прошелся по ней несколько раз вечером. В трех из этих окон свет горел до самой поздней ночи. За одним из них находилась комната консьержей; за двумя другими на втором этаже, с полузадернутыми шторами, видимо, располагались спальни.

Первой мыслью Рауля было нанести визит Жоржу Дюгривалю и объяснить ему положение дел. Но на следующее утро он узнал, что у Жоржа Дюгриваля, страдавшего неизлечимым заболеванием печени, случился приступ, поэтому никакого шанса на то, что его примут, не было. Комната, в которой горел свет, очевидно, являлась его спальней. Два человека дежурили при нем днем и ночью. Консьерж не ложился спать, всегда готовый пойти за врачом.

«Подытожим, — сказал себе Рауль. — Домашний визит переносится на ночь. Но как я войду?»

Особняк был широким с торца, и его задний фасад смотрел на двор и сад, отделенный от улицы очень высокой стеной, в которой находилась массивная дверь. Высота стены достигала добрых пяти метров, а улица была одной из самых оживленных в городе. Предприятие выглядело сложным, если не сказать — неосуществимым.

Озадаченный Рауль вернулся в отель, но, проходя по вестибюлю в ресторан, вдруг остановился как вкопанный, пораженный неожиданным зрелищем. Через ресторанное окно он увидел Фелисьена Шарля и Фаустину, сидящих за столиком. Они обедали и оживленно беседовали.

Какие темные дела свели их здесь? Что сделало их сообщниками, связанными друг с другом не только обстоятельствами, но и, без сомнения (потому что он видел это собственными глазами), близкими отношениями?

Он уже был готов подсесть к ним и тоже заказать себе обед. И не сделал этого лишь потому, что знал заранее, каким резким тоном и с каким злым смехом будет говорить с ним эта парочка. Но зачем они приехали сюда и рыскают вокруг дома Жоржа Дюгриваля?

Он торопливо поел в своем номере, одновременно ловко допросив коридорного, принесшего

ему обед. Оказывается, эти двое прибыли ночным поездом и попросили два отдельных номера. Отель почти полон, так что дама поселилась в номере на третьем этаже, а месье — на пятом.

Утром месье выходил один. Дама не покидала своей комнаты.

Рауль снова спустился вниз.

Они по-прежнему разговаривали, наклонившись друг к другу, как люди, которые обсуждают какое-то важное дело или вместе ищут наилучшее решение.

В ожидании конца их беседы Рауль занял наблюдательный пост в сквере недалеко от отеля. Двадцать минут спустя появился Фелисьен. Сквозь прутья ограды Рауль видел непреклонное выражение его лица. Фелисьен явно собирался что-то предпринять и был настроен действовать по плану. Он знал свою цель, а также самый безопасный и быстрый способ ее достичь. Ни одна минута не будет потрачена зря. Он направился в ту часть города, где жил Жорж Дюгриваль, но вместо того, чтобы пойти прямо к его дому, выбрал путь, который привел его к параллельной улице, той, что граничила с двором и садом.

«Не полезет же он на стену средь бела дня на глазах у прохожих и лавочников, — сказал себе

Рауль. — И насколько мне известно, у него в кармане нет лестницы. С другой стороны, для взлома замка тоже неподходящее время — эта сложная задача привлекает внимание и обычно ведет к препровождению в полицейский участок».

Фелисьен, казалось, даже не задумывался об этих проблемах, не беспокоился о предстоящих препятствиях и не выбирал лучшее из решений. Он шел быстро, но не так, чтобы это привлекало внимание. Идя вдоль высокой стены, он вдруг остановился перед дверью с двумя ключами в руке.

«Браво! — подумал Рауль. — Вот человек, соблюдающий меры предосторожности. Рассудив, что самый простой и банальный способ открыть запертую дверь — это раздобыть ключ от нее, он именно так и поступил. Любой прохожий решит, что месье просто-напросто возвращается домой».

Действительно, молодой человек дважды повернул ключ в замке, дважды повернул другой, приводивший в действие задвижку с другой стороны, вошел и прикрыл за собой дверь.

Раулю пришла в голову мысль, что если Фелисьен ограничился тем, что просто захлопнул за собой дверь (предположение вполне вероятное), то открыть ее будет достаточно легко. Взломать

замок, не закрытый на два поворота ключа, — детская забава. Достаточно отмычки и наличия практики. У него имелось и то и другое. Поэтому он воспользовался смелым приемом Фелисьена: перешел улицу, вставил в замок отмычку, повернул туда-сюда… и — второй месье «просто-напросто возвращается домой».

Половина левой стороны двора была занята одноэтажной пристройкой, из окон которой невозможно было увидеть тех, кто в нее входит или из нее выходит.

Рауль проник внутрь, не потревожив тишины. Сначала он пересек небольшой вестибюль, граничивший с одной стороны с гардеробной, где висело несколько пальто, а с другой — с отдельной комнатой, отведенной Дюгривалем под рабочий кабинет с большим письменным столом, стеллажами и книжными шкафами. Повсюду в доме лежали ковры.

В углу, в полуоткрытом встроенном шкафу, виднелся сейф. А перед этим сейфом стоял на коленях Фелисьен.

Он был настолько поглощен работой, что не услышал осторожных шагов Рауля, который, впрочем, остановился на пороге и только просунул голову в приоткрытую дверь.

Фелисьен действовал весьма проворно. Он решительно повернул три ручки, словно знал шифр, а затем воспользовался ключом, который честно выполнил свою работу, поскольку был предназначен именно для этого сейфа.

Тяжелая стальная дверца открылась. Внутри лежала груда папок, но Фелисьен даже не стал в них заглядывать. Его явно интересовало что-то другое.

Сперва он отодвинул папки, лежавшие на верхней полке, затем те, что лежали на средней, и наконец пошарил рукой в самой глубине сейфа. Со второй попытки он достал оттуда довольно большой голубой футляр, который, по-видимому, и был предметом его поисков.

По-прежнему стоя на коленях, он слегка повернулся к окну, чтобы лучше разглядеть свою добычу, и благодаря этому Рауль не упустил ни единого его движения.

Крышка была снята. В голубом футляре оказалось полдюжины бриллиантов, которые молодой человек не спеша, один за другим, рассматривал, а затем так же хладнокровно поочередно опускал в карман.

Вот это-то хладнокровие и удивляло Рауля больше всего. Оно доказывало, что дело было

так хорошо подготовлено, нужные сведения так тщательно собраны, а все необходимые меры предприняты, что Фелисьен мог действовать, нисколько не боясь. Он даже не прислушивался к звукам во дворе и в доме, явно зная, что в этот час ему ничего не угрожает.

«Сделать ребенка вором…» — приказала графиня Калиостро. Если Фелисьен и был тем самым ребенком, то можно сказать, что ее приказ выполнен. Фелисьен воровал. Фелисьен грабил. И с каким мастерством! Ни одного лишнего движения. Хладнокровие, метод, анализ. Сам Арсен Люпен не справился бы лучше.

Когда футляр опустел, Фелисьен убедился, что в нем нет второго дна, а также в том, что на нижней полке сейфа нет ничего, кроме папок, и начал запирать сейф.

Желая избегнуть встречи с молодым человеком, Рауль проскользнул в гардеробную и спрятался за висевшими там пальто. Фелисьен ничего не заметил и удалился, так и не заподозрив, что за ним могли наблюдать.

Он пересек двор, вышел и запер снаружи дверь в стене на первый ключ, а внутреннюю задвижку — на второй. И тогда Рауль вернулся в комнату. Уверенность, которую излучал Фелисьен, была

настолько глубокой, что передалась и ему, так что он, сохраняя это приятное ощущение, удобно устроился в кресле, дабы спокойно поразмыслить.

«Сделать ребенка вором…» Желание графини было исполнено. Фелисьен воровал, и воровал прямо на глазах своего отца. Какая чудовищная месть! «Да, чудовищная, — сказал себе Рауль, — если он действительно мой сын. Но могу ли я допустить, чтобы мой отпрыск был вором? Ну же, Люпен, зачем себя обманывать? Тебя никто не слышит. Тебе нет нужды разыгрывать спектакль поруганной чести. Признайся: если бы в глубине души ты хоть одну секунду верил, что этот заурядный жулик — твой сын, разве не было бы это для тебя хуже смерти? Однако ты нимало не страдал, глядя на Фелисьена, устроившего кражу со взломом. Значит, Фелисьен — не твой сын. Это так же ясно, как дважды два четыре, и я бросаю вызов каждому, кто станет утверждать обратное. Решительно, дружище Фелисьен, с каждым разом ты падаешь все ниже! Впрочем, можешь развлекаться так и дальше, мне все равно!»

И он прибавил вслух:

— А теперь можно задать себе вопрос по-другому…

Но Рауль не стал ни о чем себя спрашивать. У него были занятия поважнее, чем пустое умствование. Ему предстояло обыскать все ящики письменного стола.

Аккуратно вскрыв замки, чтобы порыться в содержимом ящиков, он подумал с иронией, что не испытывает сейчас к ремеслу грабителя того отвращения, которое охватило его, когда ограбление совершал другой.

В этом деле главным было — добиться успеха. И Рауль его добился. То, что он обнаружил, вознаградило его за старания, и притом весьма щедро.

В коробке, стоявшей в глубине потайного ящика, он нашел два десятка писем, написанных женским почерком. Имя отправителя не упоминалось, но некоторые детали помогали его угадать. Адресантом была мать Элизабет и Роланды, и ее послания недвусмысленно свидетельствовали о том, что она, вопреки очевидности, оставалась верной своему мужу даже после того, как между двумя мужчинами произошла ссора.

Однако более поздние письма позволяли предположить — по некоторым туманным намекам и более нежному тону отправительницы, — что она все же ответила на любовь Жоржа Дюгриваля. Следовательно, если одна из двух сестер и

впрямь являлась его дочерью, то это могла быть только Роланда. Однако наверняка этого не знал никто, и никто не имел права утверждать подобное. Судя по всему, Роланде тоже была неизвестна тайна ее рождения, и вряд ли ей представится возможность когда-нибудь проникнуть в нее.

Мать очень беспокоило это обстоятельство, о чем явно свидетельствовала следующая фраза: «Умоляю Вас, пусть она никогда ничего не узнает…»

Чем дольше Рауль размышлял над своим открытием, тем очевиднее становилось, что выйти из пристройки тем же способом, каким он вошел, ему не удастся; нужно было дожидаться ночи.

Около семи часов он поднялся на четыре ступеньки, которые вели на первый этаж дома. Сначала перед ним предстала большая гостиная, темная от опущенных штор, с чехлами на мебели и на фортепьяно. Затем он оказался в вестибюле с широкой лестницей, из круглого окошка которой была видна комната консьержей.

Около восьми часов в доме началась суматоха. Вниз спустились два человека. Послали за доктором, который не заставил себя ждать и, обменявшись несколькими словами с этими господами, поднялся по лестнице.

Двое вышеупомянутых мужчин, довольно бедно одетые, тихо переговорили о чем-то с консьержем, а затем уселись в вестибюле, прямо около приоткрытой двери гостиной, и начали шептаться между собой. Рауль расслышал несколько слов. Это были кузены Жоржа Дюгриваля. Речь шла о критическом состоянии больного и о развязке, которая едва ли последует позднее чем через одну-две недели. Они также упомянули, что нужно опечатать рабочий кабинет, находившийся в пристройке во дворе, учитывая запертый в сейфе футляр с драгоценностями, среди которых есть весьма дорогие бриллианты.

Спустился доктор. Пока двое кузенов искали в соседней гардеробной свои шляпы, собираясь его проводить, Рауль непринужденно вышел из гостиной, делая вид, что он один из друзей дома, протянул на прощание доктору руку и спокойно вышел в открытую консьержем дверь.

В десять часов вечера Рауль покинул город Кан. В пути его настиг штормовой ветер, сопровождаемый ливнем, и ему пришлось задержаться на ночь в Лизьё; поэтому мост Пек внизу Сен-Жерменского холма он пересек только поздним утром.

Шофер поджидал его в условленном месте.

— Ну как? Что нового? — спросил его Рауль.

Шофер быстро сел рядом с ним:

— Патрон, я боялся, что вы вернетесь другой дорогой и мы разминемся!..

— Рассказывай!

— Инспектор Гуссо сегодня утром проводил обыск.

— У меня? В «Светлом уголке»? Да ради бога!

— Нет, не у вас, а во флигеле…

— У Фелисьена? Он тоже был там?

— Да, он вернулся вчера вечером. Обыск проходил в его присутствии.

— Они нашли что-нибудь?

— Не знаю.

— Его забрали?

— Нет. Но вилла оцеплена. Фелисьену запрещено покидать ее. Даже прислуга должна спрашивать у полицейских разрешение. Я это предвидел и ушел заранее.

— А обо мне никто не справлялся?

— Ну как же без этого!

— У них был ордер на мой арест?

— Не знаю. Но у Гуссо есть бумага из префектуры, в которой указано ваше имя. И он ждет вашего возвращения.

— Проклятье! Хорошо, что я велел тебе встре-

тить меня на полдороге. Незачем мне лезть в эту мышеловку. — И Рауль произнес сквозь зубы: — Что они собираются делать? Арестовать меня? Нет-нет… Они не осмелятся. И все-таки… и все-таки… очень может быть, что они придут с обыском… Но что потом? — И он приказал: — Возвращайся. А я шагу не ступлю из своего дома в Ранлаге[15] раньше завтрашнего утра. И позвоню тебе днем.

— А как же Гуссо? И его люди?

— Если они к этому времени еще не уйдут, значит все пропало. Так что выкручивайтесь как-нибудь сами. А! Еще одно… Что с Фаустиной?

— Они говорили о ней… Собирались ехать в клинику. Наверное, нынче днем.

— О! Дело становится серьезным. Что ж, выходи из машины.

Шофер ушел. Рауль, держась подальше от больших дорог и Везине, обогнул полуостров Круасси-сюр-Сен и поехал в Шату.

С почты он позвонил в клинику:

— Позовите, пожалуйста, мадемуазель Фаустину.

— Кто ее спрашивает?

---

[15] Notes: 15

Ранлаг — название квартала и станции парижского метро.

Ему пришлось назвать свое имя:

— Месье д'Аверни.

Молодую женщину позвали к телефону.

— Это вы, Фаустина? Это д'Аверни… Слушайте внимательно. Вы в опасности. Верьте мне. Вам надо где-то спрятаться. Расплатитесь за отель и приезжайте в Шату, встретимся с вами на дороге в Круасси. Не спешите. У вас еще есть время.

Она ничего ему не сказала, однако полчаса спустя появилась с чемоданом в руке.

В полном молчании они промчались через Буживаль и Мальмезон. В Нейи Рауль спросил:

— Где мне вас высадить?

— В Порт-Майо.

— Не слишком-то точный адрес, — усмехнулся он. — Вы по-прежнему мне не доверяете?

— Да.

— Какая глупость! Все наши неприятности происходят из-за вашего недоверия. Абсолютно ко всем. И какой в этом толк? Думаете, это помешало мне вчера в Кане пообедать одновременно с вами в отеле, когда вы спустились в ресторан, или наблюдать, как Фелисьен грабит дом Дюгриваля? И думаете, мне это помешает добиться успеха с вами, Фаустина, и получить от вас то, что я никогда не переставал желать? Прощайте, дорогая.

Рауль укрылся в Ранлаге, в одной из своих парижских квартир, и, пообедав, проспал там остаток дня и всю ночь.

На следующее утро он отправился в префектуру, где попросил передать свою визитную карточку господину Русслену, следственному судье.

Была среда, пятнадцатое сентября.

Свадьба Роланды и Жерома должна была состояться в следующую субботу.

Глава 5
Свадьба?

Хотя Рауль ждал несколько долгих минут, прежде чем его провели в кабинет следственного судьи, он еще успел заметить удивление на лице господина Русслена, вызванное его визитом. Возможно ли, чтобы господин д'Аверни добровольно бросался навстречу опасности? Судья не мог в это поверить.

Рауль протянул ему руку. Озадаченный господин Русслен пожал ее.

— Что называется, выкручиваю вам руки, — сказал Рауль, смеясь. И, увидев улыбку судьи, пошутил: — Это вообще отличительная черта всего нашего приключения. На вас давят из-за Фе-

лисьена Шарля. А сегодня добрались и до меня.

— До вас? — повторил господин Русслен.

— Черт возьми! Я слышал, что у Гуссо в кармане лежит ордер на мое имя.

— Всего-навсего вызов в суд.

— Это тоже лишнее, господин судья. Со мной можно связаться куда проще: достаточно позвонить по телефону. «Дорогой месье, нам нужно кое-что прояснить». И я бегу. Итак, я здесь. Чем могу быть полезен?

К господину Русслену вернулось самообладание; он мысленно забавлялся, глядя на этого дьявола в человеческом обличье, который несколькими ловкими словами поставил себя в положение союзника.

Прежде чем ответить посетителю, господин Русслен отправил секретаря суда в полицию с просьбой без промедления прислать к нему человека, которого он только что опрашивал, и лишь потом весело произнес:

— Чем вы можете быть полезны? Господи, да рассказав все, что вам известно!

— Я расскажу вам часть сегодня, а остальное — в субботу или в воскресенье. А до тех пор позвольте мне работать по-своему.

— Скоро уже два месяца, как вы работаете

по-своему, месье д'Аверни: манипулируете событиями, посадили в тюрьму Фелисьена, затем заменили его на Тома Ле Бука… Вам этого мало?

— Мало, дайте мне еще три дня.

— Там видно будет. Поговорим для начала о Фелисьене Шарле. Вчера утром инспектор Гуссо, не найдя вас в «Светлом уголке», рассудил, что можно воспользоваться вашим отсутствием, и провел у Фелисьена еще один обыск, в результате которого обнаружил в хитроумно устроенном тайнике два предмета: нож и лезвие пилы. Так вот, нам удалось установить, что этот нож…

— Простите, что перебиваю вас, господин судья, — сказал Рауль, — но я пришел не для того, чтобы защищать Фелисьена Шарля.

— Тогда кого?

— Себя. Да, себя, поскольку вы, кажется, адресуете мне какие-то упреки. Упреки, которые, по сути, являются обвинениями. Или я ошибаюсь? Если нет, то я хотел бы их услышать.

Господин Русслен развеселился:

— Какой вы фантазер, месье д'Аверни. Уже не я управляю нашим разговором, а вы… Итак, что вы хотите от меня узнать?

— В чем меня обвиняют?

— Ладно, — решительно сказал господин

Русслен. — Короче говоря, все перипетии этой истории, весь ход моего расследования, а также упорное запирательство Тома Ле Бука создают у меня впечатление — нет, это неправильное слово… убеждают меня в том, что вы в некоторой степени (в какой именно — не могу сказать) имеете касательство к этому делу. И я позволю себе задать вам тот же вопрос: я ошибаюсь?

— А я отвечаю вам с той же откровенностью: нет, не ошибаетесь. Но работаю я в ваших интересах.

— Вставляя мне палки в колеса?

— Это каким же образом?

— Разве не вы подтолкнули нас к тому, чтобы арестовать Тома Ле Бука? И не вы надиктовали ему правильные ответы?

— Я. Признаю это.

— Зачем?

— Я хотел освободить Фелисьена.

— С какой целью?

— Чтобы понять его роль, которую даже правосудие не способно прояснить.

— Вы его хорошо знаете?

— Узнаю в субботу или в воскресенье, при условии, что вы предоставите мне свободу действий.

— Я не могу вам это обещать, пока вы вмеши-

ваетесь в мои решения.

— У вас есть еще примеры?

— Да вот хотя бы вчера…

— О чем это вы?

— У нас есть все основания полагать, что мадемуазель Фаустина, устроенная вами сиделкой в клинику и выхаживавшая Симона Лорьена, была любовницей последнего. Это правда?

— Да.

— Так вот, Гуссо днем поехал в клинику, чтобы допросить ее. Но птичка упорхнула! Оказывается, около полудня ей звонил господин д'Аверни. Гуссо бросился в пансион, где она жила. И там ее тоже не было. В половине первого она села в автомобиль… принадлежащий вам, конечно?

— Да, мне.

В эту минуту в дверь кабинета постучали, и господин Русслен произнес:

— Войдите.

Вошел крепкий, коренастый детина, этакий Геркулес:

— Вы меня звали, господин следственный судья?

— Да, я хотел кое-что выяснить. Но сначала я вас представлю: это господин Молеон, комиссар судебной полиции. Вы знаете комиссара Молео-

на, месье д'Аверни?

— Конечно, это имя мне известно. Комиссар Молеон был заклятым врагом знаменитого Арсена Люпена в деле о похищении облигаций из Министерства обороны[16].

— А вы, Молеон, — продолжал господин Русслен, — вы знаете месье д'Аверни?

Молеон озадаченно молчал, устремив взгляд на Рауля. Наконец он удивленно взмахнул рукой и пробормотал:

— Ну да… ну да… Черт побери, это же…

Следственный судья сделал ему знак замолчать и отвел в сторонку. Несколько минут они оживленно разговаривали, а затем господин Русслен открыл перед ним дверь и сказал:

— Побудьте пока в коридоре, Молеон. И позовите кого-нибудь из своих товарищей, пусть они составят вам компанию. Главное, молчите об этом — ни слова, ни звука, ясно?

Он вернулся и стремительно зашагал по кабинету; его животик над короткими ножками подпрыгивал, а обычно добродушное лицо выражало озабоченность.

Рауль смотрел на него, размышляя: «Это конец.

---

[16] Notes: 16

См. роман «Виктор из специальной бригады уголовной полиции», гл. IV. — *Примеч. автора.*

Меня опознали. И хотя судья не честолюбив, он все же был бы страшно рад упрятать Люпена за решетку… Точно бы прославился! Но осмелится ли он взять на себя ответственность? В этом все дело. Если он захочет подписать ордер на арест, никто на свете не сможет ему помешать! Никто!»

Господин Русслен внезапно снова сел, постучал по столу своим пресс-папье и хриплым, дрожащим от волнения голосом спросил:

— А что вы предлагаете взамен?

— Взамен?

— Не надо лишних слов, прошу вас. Вы прекрасно знаете, что вам нужно.

Рауль действительно прекрасно понимал, о чем идет торг, и, когда господин Русслен повторил свой вопрос, резко ответил:

— Что я предлагаю? Имя того… или тех… кто подпилил сваи ступенек, спровоцировав тем самым гибель Элизабет Гаверель, а также имя человека, нанесшего смертельный удар Симону Лорьену.

— Вот ручка и бумага. Пишите имена.

— Через три дня.

— Почему?

— Потому что через три дня произойдет собы-

тие, которое позволит мне выбрать один из двух вариантов.

— Значит, вы колеблетесь между двумя подозреваемыми?

— Да.

— Какими? Я не разрешаю вам молчать. Так какими?

— Виновник — или Фелисьен Шарль, или…

— Или?..

— Или наша парочка — Жером и Роланда.

— О! — воскликнул в изумлении господин Русслен. — Что вы такое говорите? И о каком событии речь?

— О свадьбе, которая состоится в субботу утром.

— Но эта свадьба не имеет никакого отношения…

— Ошибаетесь. Я считаю, что, если Фелисьен виновен, свадьба не состоится.

— Почему?

— Потому что он до безумия любит Роланду. Он никогда не допустит, чтобы женщина, ради которой он дважды стал преступником и *которую он уже похищал,* принадлежала другому… тому самому, на кого он напал… Вспомните ту трагическую ночь… И потом, здесь замешана не

только любовь…

— А что еще?

— Деньги. Роланда должна унаследовать в ближайшем будущем большое состояние, которое ей оставляет дядя, а на самом деле — ее отец. И Фелисьен об этом знает.

— А если Фелисьен смирится с этим браком?

— В таком случае относительно него я заблуждаюсь. И виновны те, кому выгодны совершенные убийства. А это Роланда, и это Жером.

— А Фаустина? Какова ее роль?

— Понятия не имею, — признался Рауль. — Я знаю, что Фаустина живет только ради того, чтобы отомстить за своего любовника — Симона Лорьена. Так что если она крутится возле этой троицы — Фелисьена, Роланды и Жерома, — значит ее толкает к ним женский инстинкт. Фелисьен, Роланда, Жером… Давайте не будем искать других подозреваемых. О, я не утверждаю, что мне все совершенно понятно! Нет, есть еще вещи необъясненные, которые, однако, со временем непременно разъяснятся. Но в любом случае только я способен распутать дело до конца. Если в это вмешается полиция — считайте, все пропало.

— Почему? Догадки, которыми вы поделились…

— Эти догадки не дадут вам уверенности. Истина здесь, в моем мозгу, где собраны все кусочки головоломки. Без меня вы будете по-прежнему топтаться на месте, как это происходит уже два месяца.

Господин Русслен колебался. Рауль встал и, подойдя к нему, дружелюбно сказал:

— Не думайте слишком долго, господин судья; есть определенные решения, которые можно принимать, только зная их последствия.

Господин Русслен упрямо возразил:

— Следственный судья принимает решения абсолютно самостоятельно, месье.

— Да, но бывает так, что прежде чем их принять, он должен предупредить об этом.

— Предупредить кого?

Рауль не ответил. Господин Русслен был сильно взволнован. Волнение заставило его вновь, чуть подпрыгивая, забегать по кабинету. Очевидно, он не осмеливался в одиночку встать на тот путь, который подсказывала ему совесть.

Наконец он все-таки подошел к двери и открыл ее. Рауль увидел комиссара Молеона, который беседовал с полудюжиной своих товарищей.

Господин Русслен успокоился. Стражи порядка были на месте. И он вышел, оставив Рауля одного

в своем кабинете.

Рауль быстро приоткрыл дверь. Молеон сразу же подался вперед, но Рауль, приветливо помахав комиссару, захлопнул дверь прямо у него перед носом.

Миновало десять минут, едва ли больше.

Мнение начальства, точнее, одного начальника, весьма высокопоставленного, с которым господин Русслен только что имел беседу, было весьма категоричным, судя по тому что судья вернулся в кабинет с угрюмой миной, совсем ему несвойственной. Он начал:

— Решение таково…

— Решение таково: ничего не предпринимать до субботы, — подхватил Рауль, смеясь.

— Однако Фелисьен Шарль больше чем просто подозреваемый…

— Я займусь им. Если он попытается действовать, я доставлю его вам, связанного по рукам и ногам. Если от меня в субботу не будет звонка до одиннадцати утра, значит бракосочетание свершилось. И в этом случае…

— В этом случае?..

— Приезжайте на следующее утро в половине десятого ко мне в «Светлый уголок». Это будет воскресенье, выходной. Мы побеседуем. И если

вы согласитесь отобедать со мной…

Господин Русслен пожал плечами и проворчал:

— Я прихвачу с собой Гуссо и его людей.

— Как вам угодно. Но это совершенно бесполезно, — добавил Рауль веселым тоном. — Я всегда доставляю товар хорошо упакованным и перевязанным. Ах да, чуть не забыл. Будьте так любезны, черкните несколько строк Гуссо, чтобы он немедленно прекратил свое расследование в Везине. В эти выходные там должно быть спокойно.

Побежденный, господин Русслен взял лист бумаги.

— О, это лишнее, — сказал Рауль. — Я взял на себя смелость и сам написал нужное письмо. Вам осталось только его подписать… Да, вот здесь.

Дурное настроение господина Русслена мгновенно рассеялось. Он от всей души рассмеялся. Но подпись свою ставить не стал, а вместо этого позвонил Гуссо по телефону. А затем проводил до конца коридора Рауля д'Аверни, который элегантно-небрежной походкой прошел мимо Молеона и его полицейских, дружески им кивнув.

В четверг и пятницу Рауль и Фелисьен не выходили за ограду «Светлого уголка», словно бы все, что происходило снаружи, не представляло

для них никакого интереса и жизнь других могла продолжаться без их участия и даже при полном их неведении. Они часто виделись, но обсуждали только отделку дома. Ни единым намеком они не обмолвились о событиях предыдущего дня или о том, что ожидалось завтра. Обыск, новые обвинения, железные объятия полиции, внезапная свобода действий, свадьба Роланды и Жерома… все это уже будто не имело значения.

Рауль действительно почти не думал об этом. Факты, со всей их жестокостью или загадочностью, потеряли для него всякий смысл. По его мнению, суть проблемы сводилась к психологии, и если ему не удавалось полностью ее разрешить, то лишь потому, что характеры троих участников драмы он понимал еще не до конца.

Вот уже два месяца Рауль почти постоянно присутствовал в жизни Фелисьена, но при этом ничего не знал о его сокрытых деяниях, потому что не мог проникнуть в сокровенные мысли и стремления молодого человека. Да и много ли было ему известно об истинных натурах Роланды и Жерома — двух этих непостижимых персонажей, которые истаивали в тумане, словно призраки?

Рауль разговаривал с господином Руссленом с той самоуверенностью, которую всегда напускал

на себя в минуты нерешительности, и господин Русслен терпел ее, как и все остальные, склонявшиеся перед его авторитетом. Но на самом деле, благодаря логическим аргументам, подкрепленным замечательной интуицией, твердо он знал только одно: брак Жерома и Роланды является развязкой, которой Фелисьен, Жером и Роланда дали бы каждый свое объяснение.

Между тем Фелисьен до последней минуты выказывал полнейшее безразличие к предстоящему событию. Разумеется, попытка похищения Роланды закрыла перед ним двери «Клематисов» и не позволила появиться ни в мэрии, ни в церкви, но в субботу утром ни один мускул не дрогнул на его лице, когда наступил назначенный час подписания брачного контракта в мэрии, и оно ничем не омрачилось, когда зазвонили церковные колокола. Все было кончено. Роланда от него ускользнула. Отныне она носила имя другого и ее палец украшало обручальное кольцо.

Было ли это со стороны Фелисьена притворством? Или проявлением редкостного самообладания либо умения полностью подавлять свои чувства? Рауль, жадно наблюдавший за ним, не уловил ни единого знака. Молодой человек занимался делами и работал, следуя собственному плану по декорированию дома, с такой безмятежностью, словно в его жизни ничего не случилось.

Этак вот мирно, под шелест слетающих на землю сухих листьев, прошла вторая половина прекрасного сентябрьского дня.

И весь день и весь вечер Рауль продолжал свой внутренний монолог: «Значит, ты не страдаешь? Не думаешь о том, что вскоре произойдет? Как?! Любимая женщина будет принадлежать другому, а ты это терпишь? Зачем же тогда ты ее похищал?»

Стемнело. Как только сгустилась ночь — черная, жаркая, полная тайн, — Рауль незаметно вышел из «Светлого уголка» через гараж, обогнул виллу и притаился во мраке у ворот. Разные мысли обуревали его. Он вспоминал дом Жоржа Дюгриваля в Кане и Фелисьена, стоявшего на коленях перед сейфом и опустошавшего голубой футляр с драгоценностями. Вспоминал его поединок с Жеромом Эльмасом, происходивший

на глазах у Роланды, которая лепетала: «Он его убьет». А еще Рауль думал о загадочном поведении Фаустины. Что с ней сталось? Ибо в драме, которая сейчас разыгрывалась, не хватало одного из четырех персонажей. Быть может, Фаустина отказалась играть свою темную роль?

Где-то пробили со звоном десять раз часы. От слуг Рауль знал, что дядя Роланды, Филипп Гаверель, вернулся с юга, чтобы присутствовать на свадьбе вместе с сыном и невесткой. И Фелисьену, конечно, тоже было об этом известно. Свадебный ужин завершился. Гости разъехались, и в «Клематисах» остались только молодожены. Смирился ли Фелисьен? Не собирался ли он вмешаться, поразить врага, уничтожить брак Роланды?

Часы отбили четверть, потом — половину…

Рауль, укрывшийся на аллее за деревом, услышал хруст гравия на подъездной дорожке. Кто-то медленно и осторожно приближался к воротам. Их створка была почти бесшумно открыта и тут же закрыта.

Шаги раздавались совсем рядом. Рауль узнал силуэт Фелисьена Шарля. Когда Фелисьен миновал дерево, Рауль бросился на него сзади и повалил на землю.

Схватка длилась недолго. Застигнутый врас-

плох, Фелисьен не смог оказать сопротивления. Уже через минуту его голова была замотана куском ткани, а сам он крепко связан.

Взвалив юношу на спину, Рауль дотащил его до дома, привязал веревкой к колонне в вестибюле, обмотал шторой и оставил, беспомощного, в этом подобии кокона.

Потом он ушел, получив полную свободу действий.

«В одиночку — против четверых!» — сказал он себе.

Глава 6
Ненависть

Поскольку Рауль предполагал, что рано или поздно ему понадобится совершить ночной визит на соседнюю виллу, он приготовился к своей экспедиции заблаговременно. Так, он раздобыл ключ от калитки, отделяющей огород от примыкавшего к нему сада «Оранжереи». С этой же целью он запомнил расположение железных скоб, которые поддерживали шпалеру на боковом фасаде виллы «Клематисы».

Итак, он проник в огород, пробрался вдоль пруда мимо «Оранжереи», отметив, что все окна

в доме темны, и подошел к «Клематисам». В столовой и в комнате над ней было темно. Студия была ярко освещена, но пуста. Роланда с мужем, наверное, находились в тех верхних комнатах, где горел свет: там располагались ее будуар, спальня, а за лестничной площадкой — большая комната, превращенная (Рауль это точно знал) в спальню новобрачных и прежде принадлежавшая Элизабет.

Он нащупал железные скобы на шпалере бокового фасада и без особого труда добрался до углового помещения, то есть до ванной комнаты. Ухватившись за карниз, он влез на балкон, объединяющий ванную с будуаром. Ставни будуара были прикрыты, но неплотно, а окно чуть приотворено. Рауль увидел Роланду, сидевшую спиной к нему в кресле. Она сняла свадебное платье и надела пеньюар, прикрыв плечи муслиновой накидкой.

Жером, очень элегантный в своей домашней куртке, ходил по комнате. Оба молчали.

«Наконец-то! — сказал себе Рауль. — Занавес поднят, спектакль начинается».

Он не мог припомнить, приходилось ли ему прежде с таким почти мучительным нетерпением ожидать начала спектакля, а ведь жизнь его

была богата самыми разнообразными приключениями. Он страстно хотел услышать первые слова, которые покажут ему, в какой атмосфере начинают свои отношения супруги, их душевное состояние, позволят приметить их любовные прикосновения, проникнуть в саму тайну их существования вдвоем. То, что невозможно узнать, он сейчас увидит собственными глазами.

Спустя довольно долгое время Жером остановился перед Роландой и спросил:

— Как ты?

— Лучше.

— Итак, Роланда… Почему ты не пришла ко мне туда… в *нашу* спальню?

— Подожди немного, — пробормотала она. — Я еще не полностью оправилась.

Пауза. Он сел и, подперев подбородок руками, сказал, глядя прямо ей в глаза:

— Все же это странно! Мы только что поженились, и я пока не понимаю…

— Что ты не понимаешь?

— Наш брак. В этом необыкновенном месте твоя дружба превратилась в любовь, а я даже не сразу осознал это… И когда я говорил с тобой, то был настолько убежден в твоем отказе, что заранее дрожал от страха… Но теперь я люблю тебя

больше, чем тогда, когда предлагал свою любовь.

И он добавил, понизив голос:

— Может, то, что я говорю, не слишком важно, однако я чувствую, что должен это сказать… Вдобавок меня обуревает какая-то необъяснимая тоска…

Он ждал ответа, но его все не было; он уже собрался продолжить, когда вдруг повернул голову и насторожился:

— Кажется, я что-то слышал… в спальне…

— Что?!

— Какой-то шум…

— Это невозможно, слуги спят в другом крыле, причем под самой крышей.

— И все же… вот опять, слышишь?

Жером встал, но Роланда его опередила: вскочив, она заглянула в спальню, заперла дверь и, вынув ключ, крикнула:

— Никого нет! Да и кто здесь может быть?

Он на мгновение задумался и ответил:

— Ты всегда возражала против того, чтобы я входил в твою спальню…

— Да. Потому что это моя девичья спальня.

— Ну и что?

С усталым видом Роланда снова села. Жером опустился на колени и долго смотрел на нее;

затем нежно, едва касаясь, взял ее обнаженную руку и медленно склонился к ней. Но в ту секунду, когда его губы почти притронулись к коже, Роланда резко встала:

— Нет-нет… Я тебе запрещаю…

Теперь они стояли лицом к лицу, глядя в глаза друг другу, и Жером пытался прочесть что-нибудь в этой душе, всегда от него закрытой. Вскоре он вновь заговорил, голосом тихим и нежным:

— Не волнуйся, дорогая Роланда. Ты все еще беспокоишься из-за того маленького утреннего происшествия. Хотя мы ведь пришли к согласию, и я сообщил тебе желание моей матери, ее волю. Помнишь? Моя мать была небогата и не оставила мне ничего, кроме кольца; она ни за что не хотела его продавать и часто говорила: «Когда женишься, сделай так же, как твой отец: после венчания, но не раньше, надень ей на палец это кольцо поверх обручального…» Так что ты это знала… и согласилась. Однако… ты упала в обморок, когда я подарил его тебе…

Роланда возразила:

— Простое совпадение… волнение… усталость…

— Но ты приняла его от чистого сердца?

Она вытянула руку. На пальце красовались два

кольца: обручальное и еще одно, с прекрасным бриллиантом в золотой оправе.

— Да, обручальное и фамильное, — сказал Жером, улыбаясь. — Обручальное, которое выбрал я, и кольцо моей матери… Поэтому, Роланда, твоя рука принадлежит мне… Ты отдала мне ее, когда я тебя об этом попросил…

— Нет, — ответила Роланда.

— Как «нет»? Ты не отдала мне свою руку?

— Нет. Ты просто сказал: «Могу я надеяться, что когда-нибудь ты согласишься выйти за меня замуж?»

— И ты ответила: «Да».

— Я ответила «да», но руки тебе не отдавала.

Они по-прежнему стояли друг напротив друга. Жером прошептал:

— Что это значит? Ты и раньше вела себя иногда как чужая… А сегодня… сегодня вечером ты от меня еще дальше. Возможно ли это?

Его раздражение все росло.

— Нам нужно объясниться. Роланда, позволь мне взять тебя за руку, ведь на ней обручальное кольцо и кольцо моей матери… Я имею на нее право… имею право поцеловать ее.

— Нет.

— Как?! Но это немыслимо!

— Разве ты когда-нибудь ее целовал? Разве я позволяла к себе прикасаться? Прикасаться к моим губам, моим щекам, лбу, волосам?

— Нет, конечно нет… — пробормотал он. — Но ты же объяснила почему. Причина в Элизабет. В память о той, которая для нас все еще жива, ты не хотела… в силу какой-то стыдливости… ты отвергала мои ласки… я понял это… и даже одобрил… Но теперь…

— А что изменилось?

— Ну как же, Роланда, ведь ты моя жена…

— И что?

Он выглядел ошеломленным; его голос дрогнул:

— Значит, ты не хочешь?.. И как же ты себе это представляешь?

Она со всей серьезностью произнесла:

— То есть ты полагал, что я могу согласиться — в этом доме… где она жила… и где ты ее любил?

Жером вышел из себя:

— Тогда уедем! Уедем, куда захочешь! Но повторяю: ты моя жена, и ты будешь ею по-настоящему.

— Нет.

— Как «нет»?

— Не в том смысле, как тебе хочется.

Он порывисто обнял ее, ища губы.

Она оттолкнула его с неожиданной силой, вскричав:

— Нет… нет… никаких ласк… ничего!..

Он снова попытался привлечь ее к себе, но встретил такое бешеное сопротивление, что тут же в растерянности отступил и сказал дрожащим голосом:

— Ты, наверное, что-то скрываешь? Если бы причина была только в Элизабет, ты бы так себя не вела. Есть еще какая-то…

— Есть много разных причин… И главная из них та, которая поможет тебе ясно понять свое истинное положение.

— О чем это ты?

— Я люблю другого мужчину. И если он не стал моим любовником, то лишь из уважения ко мне.

Она сделала свое признание, не опуская глаз, да еще таким высокомерным тоном, что ее слова прозвучали как вызов… как пощечина.

На исказившемся лице Жерома появилось подобие улыбки.

— Зачем ты меня обманываешь? Я не могу представить, чтобы ты, Роланда…

— Повторяю тебе, Жером, что я люблю другого мужчину, и люблю его больше всего на свете.

— Замолчи! Замолчи! — закричал он, потрясая кулаками. — Замолчи. Я знаю, что это ложь! Ты говоришь так, чтобы разозлить меня, только не могу понять зачем… Но ведь ты сама вскружила мне голову.

Он топал ногами и жестикулировал, как безумный. Затем снова приблизился к ней:

— Я знаю тебя. Если бы ты говорила правду, то не приняла бы это кольцо.

Роланда порывисто сорвала кольцо и швырнула его на пол.

Жером с гневом воскликнул:

— Но это чудовищно! Что ты творишь? Ты и обручальное кольцо выбросишь? Кольцо, которое приняла? Которое я надел тебе на палец?

— Которое надел мне на палец другой мужчина. Оно не твое.

— Ты лжешь! Лжешь! Там выгравированы наши имена: «Роланда и Жером».

— Их там нет, — возразила она. — Это другое кольцо с другими именами.

— Неправда!

— Да, с другими именами… «Роланда и Фелисьен».

Он бросился к ней, схватил за руку и, грубо сорвав с пальца золотое кольцо, впился в него

жадным взглядом.

— «Роланда»… «Фелисьен»… — пробормотал он, задыхаясь.

Жером сопротивлялся невыносимой реальности, отказываясь в нее верить, но она обступила его со всех сторон, и бежать было некуда.

Он сказал еле слышно:

— Это какой-то бред… Зачем ты вышла за меня? Ведь ты теперь моя жена. Ничто не может это изменить… Ты моя жена… Я имею на тебя право… Сегодня наша брачная ночь… И я у себя дома… дома… со своей женой…

— Ты не у себя дома. И это не наша брачная ночь… Ты чужой, враг… И уйдешь, когда будут произнесены определенные слова.

— Я?! Уйду?! — вскрикнул он. — Да ты сумасшедшая!

— Ты уйдешь, чтобы освободить место *другому*, тому, кто здесь главный и кто здесь у себя дома.

— Тогда пусть он придет сюда! — воскликнул Жером. — Пусть посмеет прийти!

— Он уже пришел, Жером. И он приходил ко мне в тот вечер, когда умерла Элизабет… Я плакала в его объятиях… и была так несчастна, что призналась ему в любви. И с тех пор он дважды побывал у меня… Он здесь, Жером, в моей спальне, и она

будет принадлежать ему… Этот шум, который ты только что слышал, — это был он… И больше он отсюда не уйдет. Это его брачная ночь.

Жером бросился к двери, пытаясь открыть ее или выбить ударами кулака.

— Не утруждайся, — сказала Роланда с пугающим хладнокровием. — Ключ у меня, и сейчас я отопру дверь. Но сначала отойди, отойди на десять шагов…

Жером не двигался. Он колебался. Наступило долгое молчание. Притаившийся на балконе, невидимый за полузакрытыми ставнями, Рауль д'Аверни, смущенный этой трагической сценой с ее ошеломляющими поворотами и изумленный холодной жестокостью и откровениями молодой женщины, сказал себе: «Почему она утверждает, что Фелисьен сейчас в ее спальне? Этого не может быть, потому что я оставил его связанным в „Светлом уголке", а за четверть часа он бы никак…»

Но доводы здравого смысла в подобные переломные моменты не действуют. События следуют одно за другим без всякой логики, и сейчас Рауль являлся потрясенным свидетелем мук Жерома, который вот-вот схватит Роланду, отнимет у нее ключ, а потом набросится на Фелисьена…

Но тут Роланда наставила на Жерома малень-

кий револьвер и повторила:

— Отойди… Отойди на десять шагов…

Он отступил назад, а Роланда шагнула вперед и, по-прежнему целясь в Жерома, распахнула дверь спальни.

На пороге появился Фелисьен, — Фелисьен, которого Рауль оставил запеленутым в «Светлом уголке»…

Юноша вошел в комнату и сказал, улыбаясь:

— Ваше оружие ни к чему, Роланда. За что нам сражаться? За его красивую домашнюю куртку? Но ведь на мне точно такая же… И потом, он вряд ли помышляет о борьбе.

Фелисьен держался более непринужденно, чем обычно. Раулю показалось, что он говорит искренне; его глаза сияли, а поведение было под стать поведению Роланды — спокойным и уверенным.

«Но как он здесь оказался? — не мог понять Рауль. — Как ему удалось освободиться?»

Фелисьен подобрал кольцо с ковра и, положив его на туалетный столик, произнес загадочную фразу:

– Не расставайтесь с ним больше, Роланда; вы знаете, что имеете право его носить.

А потом добавил, повернувшись к Жерому:

— Этой встречи хотела Роланда. И я согласился, потому что она всегда права и потому что нам троим необходимо объясниться.

— Нам четверым, — поправила девушка. — С нами Элизабет. После своей смерти Элизабет меня не покинула. Я не совершила ни одного поступка, не спросив ее совета. Надеюсь, теперь, Жером, ты начинаешь понимать, чего я от тебя хотела?

Жером был бледен, на его напряженном лице читалась ожесточенность.

— Если ты хотела причинить мне боль, тебе это удалось, Роланда, — ответил он. — Наш брак, который, как я думал, сделает меня счастливым, оказался подлой западней.

— Ты прав. С первой секунды, как только я осознала истину, у меня появилась мысль о западне… ничуть не хуже той, что расставил ты… и которая была смертельной. Ты ведь понимаешь, о чем я, правда?

Роланда слегка наклонилась к нему; несмотря на все ее попытки сохранять спокойствие, в ней явно клокотала ненависть.

— Нет, — сказал Жером, — не понимаю.

Тогда она схватила с каминной полки фотографию своей сестры и резким движением поднесла

к его лицу:

— Так смотри же, смотри на нее! Это была самая нежная, самая любящая из женщин… Она любила тебя, а ты ее убил. О, ничтожество…

Этого обвинения Рауль ждал с того самого момента, как обнаружился раздор между Роландой и Жеромом. Но удивило его то, что никогда раньше в своих подозрениях он не разделял этих двоих, не допускал, несмотря на отдельные несоответствия, что Жером мог быть виновен, а Роланда — нет. Да, Роланда поистине мастерски разыграла свою партию, если ей удалось сбить с толку такого искушенного наблюдателя, как Рауль. Что уж говорить о Жероме, ослепленном страстью!

Однако молодой человек не сдавался. Недоуменно пожав плечами, он возразил:

— Сейчас, только сейчас я понял твое странное поведение. Чтобы отомстить за сестру, тебе нужна жертва, и ты обвиняешь меня. Но всего одно возражение, Роланда, всего одно! Разве мы не видели своими глазами, ты и я, твою сестру — тогда еще живую — в руках убийцы? В руках того самого Бартелеми, которого я застрелил из ружья, чтобы отомстить за нее?

Она, в свою очередь, тоже пожала плечами:

— Не увиливай и не ищи оправданий. То, что я знаю о тебе, что узнавала понемногу, расспрашивая о твоем прошлом и наблюдая за тобой, полностью открыло мне глаза, так что даже твои признания ничего к этому не добавят. Вот, — сказала она, доставая из ящика журнал в твердом переплете, — я описала здесь, продолжая дневник Элизабет, всю твою жизнь, полную лжи и лицемерия… Когда правосудие узнает об этом, ты станешь для него, как стал уже для меня, единственным убийцей.

— Вот как?! — воскликнул он, и гримаса исказила его лицо. — Значит, ты намерена?..

— Для начала я намерена показать тебе твое обвинительное заключение…

— Чтобы потом меня осудить, — усмехнулся Жером. — Стало быть, я стою перед судьями…

— Ты стоишь перед Элизабет. Слушай же.

Жером посмотрел сперва на нее, затем на Фелисьена и, без сомнения, сообразил, что двое его противников, основательно вооруженных, пристрелят его как собаку, если он попробует сопротивляться; поэтому он сел, небрежно закинул ногу на ногу и, как человек, который из любезности соглашается внимать скучной проповеди, со вздохом сказал:

— Слушаю.

Глава 7
Череда смертей

Роланда говорила размеренным голосом, без горячности и гнева. Это было не обвинительное заключение, а лишь краткое изложение авантюры, которое она не перегружала комментариями или психологическими соображениями о натуре Жерома Эльмаса.

— Твоей первой жертвой, Жером, стала твоя мать. Не возражай, ты, по сути, признался мне в этом. Она умерла из-за твоих неблаговидных поступков, о которых никто из окружавших вас людей не знал, потому что мать, заботясь о тебе, молчала о них… Подделанные подписи, фальшивые чеки, обман… Никто ни о чем не подозревал, потому что она все оплачивала… пока не дошла до нищеты… и не умерла. Не будем больше об этом.

— И в самом деле не будем, — сказал Жером, смеясь, — но я должен предупредить тебя, что если вся твоя история — такой же вздор, то ты напрасно теряешь время.

Роланда продолжала:

— Что происходило с тобой в последующие годы, я не знаю. Ты жил то ли в провинции, то ли за границей. Однако случай свел тебя с Элизабет, и ты вернулся в Везине, в свое родное гнездо, став постоянным гостем в «Клематисах». Тогда-то у тебя и возникла идея.

— Какая идея?

— Жениться на Элизабет. Идея поначалу смутная, потому что ее приданого было недостаточно для твоих честолюбивых планов, но со временем полностью оформившаяся благодаря признанию Элизабет, которое она имела неосторожность тебе сделать.

— Неужели?

— Да, она призналась тебе, что однажды, после смерти родственника нашей матери, ее приданое заметно увеличится.

— Чистая выдумка, — возразил Жером, — я вообще об этом не знал.

— Зачем ты лжешь? В дневнике Элизабет, который я, интуитивно чего-то опасаясь, никогда не разрешала тебе читать, хотя и доверяла его другим, сказано об этом совершенно недвусмысленно. Итак, успокоившись по поводу денег и зная, что родственник серьезно болен, ты решаешь поторопиться, влюбляешь в себя Элизабет

и добиваешься ее согласия на брак. Элизабет счастлива. Ты тоже… по крайней мере, выглядишь таковым. Но все это время ты наводишь справки.

— О чем?

— О мотивах нашего родственника оставить такое завещание. Поэтому ты роешься в прошлом, расспрашиваешь всех вокруг — не отрицай, мне это повторяли многие, — копаешься в старых сплетнях и выясняешь, что между нашим отцом и кузеном произошла ссора и что злые языки в то время утверждали, будто Элизабет на самом деле дочь Жоржа Дюгриваля. Я не боюсь называть его имя, потому что это гнусная клевета.

— Так и есть, клевета.

— Но тебе очень важно во всем разобраться. Ты хочешь быть уверенным в планах Жоржа Дюгриваля и потому, оставив больную Элизабет в одиночестве, уезжаешь в Кан проводить там свое расследование. Ночью, уж не знаю, каким способом, ты проникаешь в спальню к Жоржу Дюгривалю, открываешь зеркальный шкаф, читаешь его завещание, составленное десятью годами ранее, и обнаруживаешь, что Элизабет не получит ни сантима, а наследницей назначена я. С этой минуты Элизабет приговорена.

Жером покачал головой:

— Даже если бы в твоей фантазии нашлось хоть немного правды, я все равно бы не понял, почему Элизабет была приговорена? Я мог бы просто разорвать нашу помолвку.

— Как бы я согласилась выйти за тебя замуж, если бы ты порвал с ней? Твой отказ был бы равносилен измене и положил бы конец всем надеждам. Итак, наследство уплывало из твоих рук. Тогда ты стал тянуть со свадьбой, и по прошествии некоторого времени в твоей голове созрел чудовищный план… план, вдохновленный подлостью и лицемерием. Убийство — это страшное решение, притом довольно рискованное! Так ли уж оно было необходимо, чтобы освободиться от обязательств? Нет, но зато оно позволяло выиграть время и расстроить свадьбу самым подлым способом, да еще и чужими руками. Элизабет уже тяжело больна, — если подтолкнуть ее на грань смерти, ваш брак станет невозможным… Полученная таким образом свобода позволила бы тебе в скором времени переметнуться ко мне, не прибегая к разрыву или убийству. Так что надо подстроить гибель Элизабет в результате несчастного случая, ведь тогда тебя не в чем будет винить. И ты тайком начал действовать.

Ты тщательно подготовил свое преступление… и подпилил сваи и ступеньки, по которым каждый день в одно и то же время спускалась Элизабет.

Роланда вконец обессилела. Ее голос был едва слышен. Она умолкла.

Сидящий напротив Жером всем своим видом демонстрировал беспечность и пренебрежение рассказом, который он был вынужден слушать.

Фелисьен не спускал с него глаз.

Укрывшись за ставнями, Рауль жадно следил за происходящим. Обвинение развертывалось с неумолимой логикой; неразъясненным оставался пока единственный пункт: Роланда ничего не сказала о причинах, по которым предположительной наследницей Жоржа Дюгриваля назначалась она, а не Элизабет. Но даже если они были ей откуда-то известны, разве не должна была она говорить и действовать так, словно их не знала?

Роланда заговорила снова:

— Убийство, совершенное на твоих глазах и за которое ты несешь ответственность, сначала потрясло тебя. Несколько часов ты находился в растерянности и даже в отчаянии. Но, обнаружив рядом с трупом Бартелеми серую холщовую сумку, быстро успокоился.

В суматохе того дня, среди хождений туда-сюда, тебе удалось где-то спрятать сумку — скорее всего, в студии. Однако кое-кто видел, как ты ее подобрал, и это Симон Лорьен, который в ожидании тебя бродил среди посетителей «Клематисов», а вечером пошел за тобой следом и пустил в ход нож. Вы боролись в том самом месте, где его нашли на следующее утро с раной, от которой он умер; тебе же, хотя и тоже раненному, все-таки удалось уйти. Таково твое второе преступление.

— А теперь переходим к третьему, — ухмыльнулся Жером.

— Третье ты подготовил не мешкая. Необходимо было избежать подозрений, направив их на другого. Но на кого? И тут подвернулся удачный случай. Фелисьен переплыл пруд на лодке, чтобы навестить меня и утешить. Проведя со мной два часа, он вернулся тем же путем, но кто-то увидел, как он поднимается от пруда по тропинке, и узнал его. Примерно в то же время ты вышел из «Клематисов», а следом — Симон Лорьен. На допросе тебя спросили, откуда, по твоему мнению, появился нападавший. И что же ты ответил? «Мне показалось, что он шел по тропинке». С этой минуты подозрение падает на Фелисьена, который молчит и даже не пытается себя защитить.

Поскольку объяснить свое присутствие на пруду он может, только сознавшись, что я принимала его у себя в спальне, он все отрицает, говорит, что не выходил из дома… и в конце концов его арестовывают. Итак, у тебя появилось поле для маневра. Однако… Однако я начинаю задумываться…

Роланда помолчала, а потом глухо повторила, задыхаясь все сильнее:

— Да, я все время думаю об этом… Эта мысль не оставляет меня ни на минуту. Во время похорон я положила руку на гроб и поклялась Элизабет отомстить за нее… Поклялась, что моя жизнь будет посвящена только одной цели и что я всем пожертвую ради этого. Вот почему я пожертвовала Фелисьеном. «Оглянитесь вокруг, — сказал мне месье д'Аверни, — и не отмахивайтесь от своих подозрений». Вокруг? Но вокруг меня нет никого, кроме Фелисьена и тебя. Фелисьен невиновен, у него нет причин убивать Элизабет, так что остаешься лишь ты, Жером! Внимательное чтение дневника сестры пробудило во мне воспоминания. Так, я вспомнила, что когда Элизабет собиралась спустить лодку на воду, чтобы совершить с тобой обычную прогулку по пруду, ты был странно угрюм, погружен в себя. Жаловался, что не имеешь доходов. Ты переживал за будущее, а

моя бедная сестра вынуждена была утешать тебя перспективой скорого получения наследства… Тогда, впрочем, никакие подозрения меня еще не тревожили. Да, конкретных подозрений не было, но я вообще ко всему и всем на свете отношусь с недоверием… даже к месье д'Аверни, хотя именно он обнаружил, что сваи были подпилены заранее. Я ни с кем не делилась своими мыслями. Дело Симона Лорьена и Бартелеми меня нисколько не интересовало. Когда ты, выздоровевший, покинул клинику и появился у меня — вспомни! — мы проводили время в молчании. Я и не думала задавать тебе вопросы, подозревать… Не было никакого предчувствия, никаких задних мыслей о твоей роли в произошедшем. Но однажды…

Очевидно, Роланда собиралась с мыслями. Наконец, шагнув к Жерому, она произнесла:

— Однажды мы сидели с тобой на лужайке и читали. В пять часов ты собрался уходить и, прощаясь, взял меня за руку. Но твое рукопожатие длилось на две-три секунды дольше обычного. Это не был ни знак дружбы, ни знак печали об Элизабет. Нет, это было другое: напор мужчины, который стремится выразить свои невысказанные чувства. Это было почти признанием и одновременно призывом. Какая неосторож-

ность, Жером! Надо было выждать год или два, прежде чем предпринимать такую попытку. Но ведь миновал всего месяц! С этого дня я удвоила внимание. Если рядом со мной, в самом близком кругу находился виновный, то им мог быть только тот, кто через месяц после смерти невесты перенес внимание на ее сестру. Это была всего лишь догадка. А разгадка таилась в тебе, во мраке твоей души, в том, что ты знал и чего желал. Отныне я ежечасно наблюдала за тобой, как наблюдают за преступником, и размышляла о всех событиях, которые связывали нас двоих и Элизабет. Мало того, чтобы поощрить тебя и поймать в ловушку, я притворилась, что принимаю любовь, о которой ты мне все время толковал. Ты, судя по всему, поверил, что она взаимна, и в конце концов полюбил меня по-настоящему, утратив хладнокровие.

Роланда понизила голос:

— Да! Но видишь ли, как ни печальна была моя тогдашняя жизнь, уверенность росла во мне с каждым днем. Теперь я знала, что отомщу за Элизабет. И очень боялась, что кто-нибудь раскроет мою тайну! Я хранила ее в себе, как сокровище. Я даже сначала отказалась принять Фелисьена, когда он вышел из тюрьмы, и не стала разубеж-

дать его в том, будто предала и его, и Элизабет. И только позднее, узнав, что он хотел покончить с собой, я испугалась и, придя к нему ночью, все рассказала. Затем мне доверилась Фаустина, поведав о своей ненависти и о планах мести, а я взамен поделилась с ней своими подозрениями о том, кто убил ее любовника. Подозрениями? Нет, следовало бы сказать — неопровержимыми доказательствами. Именно так сказала Фаустина, выслушав меня. А ты жил в доме своей жертвы, гулял по ее саду, проходил мимо разрушенных тобою ступенек и ухаживал за мной — ее сестрой, говоря мне те же самые слова, что и Элизабет всего несколькими неделями раньше. О лицемер, да как ты мог?..

Ей снова, на пределе сил, удалось взять себя в руки, и она продолжила:

— Хотя ты и вел себя весьма осмотрительно, ты все же не догадался о нашем с Фаустиной сговоре. Мы приняли столько мер предосторожности! Поскольку ты ревновал к Фелисьену, о чувствах которого начал догадываться с первых дней, видя его преданность мне, Фелисьен ни на минуту не расставался с Фаустиной и этим усыпил твои подозрения. Ты же тем временем продолжал свою гнусную работу против него, посылая аноним-

ные письма, — да, я знаю, что это ты их писал и отправлял. И это ты подбросил на то место в саду, где заколол Симона Лорьена, носовой платок, испачканный кровью, — такие же платки покупал себе Фелисьен. Но все это не могло служить прямым доказательством, а оно было мне необходимо. Наконец удача мне улыбнулась. Однажды меня навестил Жорж Дюгриваль, а тебя, по счастью, не оказалось в тот момент в «Клематисах».

Жером вздрогнул и даже не стал скрывать тревогу. Его лицо побледнело от страха.

— Да, — подтвердила Роланда, — он приезжал ко мне. Сначала я отказалась беседовать с ним, зная о его ссоре с отцом. Но он настаивал, говоря, что у него есть на то серьезные причины. Я приняла его в этой самой комнате. Признавшись, какое сильное чувство, исключительно дружеское и уважительное, питал он к моей матери, он открыл истинную причину своего визита.

«Роланда, — сказал он мне, — в те дни, когда я болел, кто-то взломал мой зеркальный шкаф в спальне. На завещании, по которому я оставляю вам часть своего состояния, была сломана печать, а из кожаного футляра с великолепными семейными украшениями похитили кольцо, составлявшее пару с другим. Через несколько дней

я получил из Везине, где у меня остались друзья, которые всегда держат меня в курсе здешних новостей, письмо с сообщением о вашей свадьбе и сведениями очень дурного свойства о вашем женихе, Жероме Эльмасе. И тогда, Роланда, я подумал, что обязан вас предупредить…»

Надо ли мне пересказывать тот наш разговор целиком, Жером? Я умоляла его порвать завещание, ведь у меня не было никаких прав становиться его наследницей… но все же согласилась принять от него драгоценности. Мы договорились, что Фелисьен приедет к нему в Кан. Предвидя, что он опять может серьезно захворать, Жорж Дюгриваль передал мне ключи, чтобы Фелисьен мог в случае необходимости войти в дом незамеченным и открыть сейф, где находится кожаный футляр. Все прошло по плану, и Фелисьен открыл сейф. В футляре, среди других драгоценностей, было кольцо, в точности такое же, какое украли у Дюгриваля, и теперь я могу сравнить их. Если кольцо, якобы принадлежавшее твоей матери, которое ты обещал подарить мне в день нашей свадьбы, ничем не отличается от того, что лежит вот здесь, в этой шкатулке, значит это ты украл его, чтобы сделать мне свадебный подарок, и тогда ты — убийца Элизабет

и Симона Лорьена. Однако, чтобы получить это доказательство, мне необходимо было выйти за тебя замуж. Фелисьен воспротивился этому и даже применил силу. Потрясенный мыслью, что я буду носить твое имя, пусть даже всего один день, он похитил меня. Но то, что должно было произойти, произошло, и он не смог этому помешать. Сегодня утром ты подарил мне кольцо. Понимаешь ли ты теперь, почему мне, несмотря на всю мою уверенность и ненависть, стало плохо, когда я увидела его — в такой же оправе и с таким же бриллиантом? Ведь я увидела неопровержимое доказательство твоего преступления! Понимаешь ли ты это, ничтожество, понимаешь ли?!

Голос Роланды становился все ожесточеннее. Она дрожала от отвращения и ненависти. Угрозы и оскорбления рвались у нее, казалось, прямо из души. Но какой смысл был в этих угрозах и оскорблениях? Она вдруг поняла, что Жером ее не слушает.

Молодой человек смотрел в пол невидящим взглядом; было ясно, что он не способен защищаться, полностью разоблаченный, припертый к стене обличениями Роланды.

Подняв голову, он пробормотал:

— А что потом?

— Потом?

— Да, каковы твои намерения? Ладно, ты меня обвинила, но что произойдет потом? Ты заявишь на меня в полицию?

— Да, письмо уже написано.

— И отправлено?

— Нет.

— А когда ты его отправишь?

— Днем.

— Днем? Ну да, — сказал он с горечью, — чтобы дать мне время сбежать за границу.

Помолчав, он проговорил:

— К чему тебе выдавать меня полиции? Разве ты недостаточно мне отомстила, выбросив из своей жизни? И стоило ли обольщать меня, чтобы затем довести до полного отчаяния?

— А Фелисьен, разве его не подозревают, разве за ним не ведется слежка? Как спасти его, невиновного, если преступник не будет разоблачен? И потом, я хочу иметь гарантии… Я должна быть уверена, что ты не вернешься… Что все закончится благополучно… Так что письмо попадет в полицию.

Поколебавшись, она продолжила:

— Если только…

— Если только?.. — повторил Жером.

— Вот ручка и бумага, — произнесла Роланда. — Напиши, что ты единственный виновен в смерти Элизабет и в смерти Симона Лорьена, а также виноват перед Фелисьеном Шарлем, которого ложно обвинил… и поставь свою подпись.

Жером долго размышлял. Его лицо не выражало ничего, кроме боли и бесконечного уныния. Он пробормотал:

— Какой смысл сопротивляться? Я так устал! Ты права, Роланда. Как я мог играть такую гнусную комедию? Мне почти удалось убедить себя, что Элизабет умерла не по моей вине и что я ударил Симона Лорьена, защищаясь. Какой же я трус! Но видишь ли, чем больше я любил тебя, тем больше страшился того, что совершил… Ты не могла этого заметить… Но я постепенно менялся… и ты спасла бы меня от себя самого… Однако не будем больше об этом… Все уже в прошлом…

Он сел за стол, взял перо и написал признание.

Роланда читала, стоя у него за спиной.

Он поставил подпись.

— Ты этого добивалась?

— Да.

Жером встал. Все закончилось, как того хотела Роланда. Он поочередно смотрел то на нее, то на Фелисьена. Чего он ждал? Слов прощания?

Прощения?

Роланда и Фелисьен не двигались, храня молчание.

В последнюю минуту Жерома обуял гнев и он чуть было не разразился проклятиями, но все же сдержался и вышел. Они услышали, как он вошел в комнату, ставшую недавно спальней новобрачных… По-видимому, с намерением забрать свои вещи. Через несколько минут он уже спускался по лестнице. Дверь в вестибюле бесшумно открылась и сразу закрылась. Жером ушел…

Когда молодые люди остались одни, их руки сплелись, а в глазах заблестели слезы.

Фелисьен поцеловал Роланду в лоб, как самый почтительный жених.

Она сказала, улыбаясь:

— Это наша брачная ночь, не так ли, Фелисьен? Однако мы проведем ее, как жених и невеста, вы — у себя, а я — в этом доме.

— Но у меня есть два условия, Роланда. Во-первых, я останусь с вами на час или два и удостоверюсь, что он больше не вернется.

— А во-вторых?

— Жених и невеста имеют право хотя бы на один поцелуй, и не только в лоб…

Роланда покраснела, окинула взглядом свою спальню и растерянно произнесла:

— Хорошо, но не здесь… а внизу. Да, внизу, — весело добавила она, — в студии, где я первая сделала вам музыкальное признание.

Девушка положила в шкатулку для драгоценностей бумагу, подписанную Жеромом, и они спустились вниз.

Почти в ту же минуту Рауль д'Аверни проник в комнату, достал из шкатулки документ и спрятал его в карман.

После чего вернулся на балкон, добрался до карниза бокового фасада и, соскользнув по шпалере, вышел через сад.

В три часа утра Фелисьен вернулся во флигель. Рауль, который в ожидании его возвращения заснул в кресле, протянул ему руку:

— Я прошу у вас прощения, Фелисьен.

— За что, месье? — удивился Фелисьен.

— За то, что напал на вас и связал. Я хотел помешать вам совершить некоторые глупости.

— Какие глупости, месье?

— Мм… сопряженные с этой брачной ночью…

Фелисьен рассмеялся:

— Я подозревал, что это вы, месье; во всяком случае, теперь мы квиты, и я тоже прошу у вас прощения.

— За что?

— За то, что освободился…

— Своими силами?

— Нет.

— Кто же вам помог?

— Фаустина.

— Я мог бы и сам догадаться, — пробормотал Рауль сквозь зубы. — Значит, Фаустина расхаживала здесь всю ночь… — И он громко заключил: — Ладно, поглядим… Фелисьен, вы очень меня обяжете, если прямо с утра телефонируете Роланде Гаверель и посоветуете не беспокоиться о документе, подписанном Жеромом. Пускай она прекратит свои тщетные попытки его разыскать. Сегодня в половине десятого меня навестит следственный судья, и, чтобы избавить Роланду и

вас от лишних неприятностей, я счел разумным забрать из шкатулки эту бумагу.

— Как! — воскликнул ошеломленный Фелисьен. — Но это же невозможно, чтобы вы…

— Так что пусть она ничего не опасается, — сказал Рауль, уходя, — и, пожалуйста, предупредите ее, что скоро я загляну к ней на виллу. Вы ведь тоже там будете, не правда ли, Фелисьен?

Глава 8
«Фрина»

Господин Русслен оказался очень пунктуальным и появился на пороге ровно в половине десятого, когда Рауль заканчивал завтракать. Сегодня он был не следственным судьей, а рыбаком с удочкой, который идет «дразнить уклейку», как он выразился, на побережье в Круасси. На нем была старая соломенная шляпа, желтые брезентовые штаны, а на ногах — эспадрильи…

— Приветствую вас, господин следственный судья! — воскликнул Рауль. — День обещает быть превосходным, и это дарит нам хорошую возможность забыть наконец о нашем ужасном деле.

— Вы правда так думаете?

— Черт возьми! Во всяком случае, предпола-

гаю!

— Но вы позвали меня, посулив скорую развязку… едва ли не нынешней ночью!

— Она уже произошла.

— Однако я не вижу ничего из того обещанного, ради которого предоставил вам всю широту маневра.

— Завтра… Вас это не устраивает?

— Завтра будет слишком поздно.

Рауль внимательно посмотрел на собеседника:

— Есть новости, господин судья?

Господин Русслен рассмеялся:

— Да, месье д'Аверни, есть новости, и, вопреки нашему уговору, сообщаю их я. — И судья веско произнес: — Полтора часа назад комиссар полиции Шату позвонил в префектуру и сообщил, что служанка обнаружила тело Жерома Эльмаса в вестибюле его дома в Везине. Он выстрелил себе в сердце из револьвера. Скорее всего, он тогда только что вернулся, даже дверь в дом была приоткрыта. Инспектор Гуссо уже на месте. Я узнал об этом, выйдя из поезда.

Даже глазом не моргнув, Рауль заявил:

— Это вполне логическое завершение дела, господин следственный судья. Преступник сам вынес себе смертный приговор.

— К сожалению, никакой записки, позволяющей судить о его безусловной виновности, Жером Эльмас не оставил. Самоубийство — это не признание. С другой стороны, совершенно обоснованное удивление вызывает тот факт, что Жером Эльмас, новобрачный, покинул семейное гнездышко, чтобы свести счеты с жизнью в своем прежнем доме.

— Этот его поступок является следствием признания, которое он сделал в присутствии Роланды Гаверель, Фелисьена Шарля и моем.

— Признание, конечно, устное?

— Письменное.

— Оно у вас?

— Вот, извольте.

Рауль протянул судье бумагу, подписанную Жеромом Эльмасом.

— Отлично! — воскликнул господин Русслен с явным удовлетворением. — Итак, проблема почти решена. Но чтобы она была решена полностью и в деле не оставалось белых пятен, вам придется дать мне некоторые разъяснения, месье д'Аверни… и, возможно, кое в чем признаться…

— С превеликим удовольствием, — весело ответил Рауль. — Но с кем я сейчас имею честь беседовать? С господином следственным судьей

Русслеком, представляющим правосудие, или с месье Русслеком — рыбаком, славным человеком и тонким психологом, чьи снисходительность и доброта мне так хорошо известны? С одним мне придется быть сдержанным. С другим же я готов говорить откровенно, дабы в конце концов, по обоюдному согласию, отделить то, что может быть сказано публично, от того, что должно остаться в тени.

— Что, например, месье д'Аверни?

— Предположим, вот это: Фелисьен Шарль и Роланда Гаверель любят друг друга. Два месяца назад, в тот день, когда произошло убийство, Фелисьен воспользовался лодкой лишь для того, чтобы встретиться с Роландой. И не пытался обелить себя только потому, что опасался скомпрометировать ее. Разве этот секрет не стоило бы оставить в тени?

У господина Русслена, обладавшего чувствительным сердцем, на глаза навернулись слезы, и он воскликнул:

— Сейчас перед вами рыбак, месье д'Аверни! Продолжайте без колебаний. Тем более что в префектуре мне сообщили о той роли, которую вы играете как наш временный сотрудник, и о весьма важных услугах, вами оказанных. В данном

случае вы, несмотря на ваше прошлое…

— Чересчур богатое прошлое — вы это хотите сказать?

— Именно так! Но я готов закрыть глаза на те нарушения строгих норм закона, которые вы себе позволяете, и вы здесь — персона грата. Так что говорите, месье д'Аверни!

Господин Русслен сгорал от любопытства. И Рауль д'Аверни дал этому любопытству такую пищу, что судья и думать забыл о рыбалке и принял предложение пообедать в «Светлом уголке», где до трех часов слушал рассказы Рауля д'Аверни, чередовавшиеся с некоторыми откровениями Арсена Люпена.

Уходя, судья сказал голосом, все еще дрожавшим от восторга:

— Благодаря вам, месье д'Аверни, я провел один из самых интересных дней в моей жизни. Теперь я вижу дело во всех его аспектах, и я согласен с вами: его можно предать огласке лишь при разумном подходе и с большой осторожностью. Это красивая история любви, несмотря на неотделимые от нее преступления и корыстные мотивы. Однако прежде всего это — захватывающая история ненависти и мести! Черт побери! Как ловко нашей красавице Роланде удалось

довести до конца свой план! Какая энергия! Какая сила чувств!

— У вас больше нет ко мне вопросов, господин судья?

— Остались еще два пункта, не получившие разъяснений… нет, даже три… Чистое любопытство с моей стороны. Первое: каковы ваши намерения относительно Фелисьена? И разумеется, верите ли вы, что он — ваш сын?

— Я этого не знаю сейчас и не узнаю никогда. Но даже если он мой сын, мое обхождение с ним не изменится. Я ничего ему не скажу. Пусть лучше он считает себя приемышем, чем сыном… сами знаете кого. Вы согласны?

— Совершенно, совершенно согласен! — ответил господин Русслен, сильно взволнованный. — Второе: что стало с Фаустиной?

— Загадка. Но я найду ее.

— Значит, вы хотите ее найти?

— Да.

— Но почему?

— Потому что она очень красивая и я не могу забыть ее в образе Фрины.

Господин Русслен кивнул с видом человека, которому не чужды страсти. И перешел к третьему пункту:

— Вы заметили, месье д'Аверни, что во всем этом ворохе событий не нашлось места вопросу о серой холщовой сумке и о нескольких сотнях банкнот, которые в ней хранились? Но ведь такое состояние не могло затеряться бесследно!

— Согласен. Кто-то явно его заполучил.

— И кто же?

— Право, этого я сказать не могу, но предполагаю, что кто-то оказался хитрее остальных и отыскал сумку неподалеку от того места, где произошла схватка между Симоном Лорьеном и Жеромом. Оба были ранены, и сумка отлетела в сторону.

— Кто-то оказался хитрее остальных, — повторил за Раулем господин Русслен. — Но я не вижу никого, кто был бы настолько хитер…

— Неужели?.. — пробормотал месье д'Аверни и, закурив сигарету, устремил задумчивый взгляд в пространство.

По правде сказать, господин Русслен задал вопрос без всякой задней мысли. Но, присмотревшись к Раулю, сразу все понял. Теперь он не сомневался, что его собеседник, случайно проходя мимо, позволил себе присвоить валявшееся в траве сокровище Филиппа Гавереля. Как говорится, что упало, то пропало…

«Какой удивительный человек! — казалось, было написано на лице господина Русслена, глядевшего на Рауля. — Такой щепетильный, однако в основе своей все тот же грабитель. Он пожертвует жизнью для спасения другого, но не устоит перед возможностью стянуть у него кошелек. Подавать ли ему перед уходом руку?»

И Рауль словно бы ответил на эти душевные колебания своего гостя. Смеясь, он сказал:

— По моему мнению, господин судья, надо извинить того, кто это сделал. Это может быть совершенно честный человек, у которого никогда и мысли не возникало ограбить соседа, но поведение недобросовестного налогоплательщика Филиппа Гавереля устранило все его сомнения и заставило действовать. — И добавил все так же весело: — В любом случае, господин судья, я считаю, что это мое последнее приключение. Да, мне пора дышать более чистым воздухом и браться за дела более достойные. И потом, я столько работал на других, что мне уже хочется позаботиться о себе. Конечно, я не собираюсь уходить в монастырь… Но тем не менее… Послушайте… знаете, чего мне хочется? Чтобы после моей смерти обо мне говорили: «В сущности, это был славный малый… может, и шалопай, но славный малый…»

Уходя, господин Русслен протянул ему руку.

— Я пришел попрощаться с вами, мадемуазель Роланда, и с вами, Фелисьен. Да, я уезжаю… Кругосветное путешествие, что-то вроде этого… У меня повсюду друзья, и они зовут меня в гости… Кроме того, мне нужно извиниться перед вами, Роланда, и заодно поблагодарить за то, что вы не стали ни в чем меня упрекать… Да-да, признаюсь, что был не прав. Выкрал у вас из шкатулки листок с признанием, который понадобился мне для разговора со следственным судьей… И если бы только это! Ах, Роланда, ведь я стал свидетелем вашей «брачной ночи»… Возможно ли это? Черт возьми, я занимал лучшее место, в кресле на балконе, откуда все видел и все слышал. И я был в кабинете Жоржа Дюгриваля в Кане, когда вы, Фелисьен, грабили сейф. И видел еще много чего другого — более или менее… тайного.

Но учтите, друзья мои, что все это — ваша вина. Помните, Роланда, вначале вы просили у меня совета, и я мог решить, что мы с вами действуем заодно? А потом — внезапное молчание… Вы отвернулись от друга, который предоставил себя в ваше распоряжение… «Прощайте, Рауль, каждый сам за себя!» А вы, Фелисьен, — как долго добивался я вашего доверия! Но нет — месье

совершил круг по пруду и вместо того, чтобы сказать мне откровенно: «Признаюсь: я отправился к своей возлюбленной», предпочел закрыть рот на замок.

И к чему это привело? К тому, что, разделенные на два лагеря, мы не всегда делали то, что было бы правильно! Да, мы часто ошибались. Я действовал то совместно с господином Руссленом, то против него и в конце концов, уверенный в невиновности Фелисьена, пришел к убеждению, что Роланда и Жером — сообщники. Разве мог я представить, Роланда, что все ваше поведение было продиктовано ненавистью! Ненависть — не то чувство, которое люди испытывают сплошь и рядом. Ненависть, доведенная до такой степени, — это уже аномалия, и она всегда толкает к совершению глупостей. И сколько же глупостей вы натворили, дорогая моя Роланда!

Послушайте, — Рауль сел рядом с ней и нежно взял за руку, — неужто вы думаете, что разумно было доводить ситуацию до свадьбы? Потому что не надо забывать: вы по-прежнему замужем, вы носите имя Жерома Эльмаса, вы — госпожа Эльмас, а чтобы дождаться настоящей брачной ночи, вам придется потратить месяцы на бессмысленные усилия и ненужные хлопоты.

Никогда — слышите? — никогда, если бы вы удостоили меня своей дружбы, я не позволил бы вам совершить такую глупость. Есть десяток способов достичь той же цели, но без участия господина мэра. Кто вам мешал, например, сказать вашему возлюбленному: «Дорогой Фелисьен, вы так ловко подплываете к моим окнам и залезаете ко мне на балкон! Что вам стоит пробраться в дом к Жерому и разыскать там кольцо, которое он украл? И тогда мы их сравним». И дело было бы сделано. Тем более, Роланда, что вы совсем не ставили своей целью передать Жерома полиции, чтобы его гильотинировали, а только хотели разоблачить и послать к чертовой матери. Итак, не кривите душой и признайтесь, что для вас было бы гораздо лучше довериться Раулю д'Аверни.

Она собиралась ответить, и ее улыбка явно показывала, каким будет ответ, но он ей этого не позволил:

— Нет. Я пришел не для того, чтобы просить у вас признаний, а чтобы произнести свою маленькую речь, предложить вам решение и поздравить. Да, Роланда, поздравляю вас: вы выходите замуж за Фелисьена. Я ошибался на его счет и думал, что он способен на множество злодеяний. Но больше всего он способен любить. Он смелый и

настойчивый юноша, на которого я сердился за то, что он не принимает мою дружбу, и который не станет сердиться на меня за то, что я, вопреки его желанию, решил заниматься его делами. Это было для его же блага. Он сделает вас совершенно счастливой — а вы, конечно же, заслуживаете счастья.

И теперь — мой свадебный подарок… Да-да, вы примете его, потому что это принесет мне выгоду, а вам еще придется его заслужить. Работы в «Светлом уголке» почти закончены. Но я, Фелисьен, намерен поручить вам заняться моим старым домом в Ницце — на холме, в окружении великолепной оливковой рощи. Вам будет предоставлена возможность сделать там нечто очень красивое и сообразное вашим вкусам. Итак, примерно через две недели, как только вы повидаетесь с господином Руссленом и дело будет закрыто, вы оба поедете в Ниццу и там, вдали от людских глаз (это в ваших же интересах), переждете год. Вы позволите поцеловать вас, Роланда?

Он поцеловал молодую девушку с пылом, который удивил его самого, затем поцеловал Фелисьена, протянул ему руку и несколько секунд пристально смотрел прямо в глаза.

— Возможно, мне еще есть что вам сказать, Фелисьен. Но мы вернемся к этому позже… если боги будут ко мне благосклонны. А они будут, потому что я это заслужил.

Он снова поцеловал его и ушел, оставив обоих удивленными и в сильном волнении.

Рауль путешествовал больше года. Все это время он вел бурную переписку с молодой парой. Фелисьен посылал ему свои наброски, спрашивал совета, и постепенно тон его писем делался все более непринужденным и доверительным. Однако Рауль полагал, что между ними никогда не возникнет настоящей близости.

«Возможно, он наш с Клер д'Этиг сын. Но хочу ли я узнать его по-настоящему? Возникнет ли у меня, даже при полной уверенности, отцовское чувство?»

Однако он был счастлив. Калиостро сделала все, чтобы отомстить. Но ее месть не удалась, и время от времени Рауль мысленно отпускал в ее адрес ироничные реплики.

«Ты промахнулась, Жозефина Бальзамо. Мало того что мой ребенок — если это действительно Фелисьен — не стал ни вором, ни убийцей, так между нами вдобавок царит полное согласие. Да, Жозефина, ты промахнулась».

Как он и предполагал, дело «Клематисов» и «Оранжереи» было закрыто. Бедняге Тома Ле Буку не повезло. После установления личности истинного виновника его должны были выпустить из тюрьмы, но, к несчастью, следствие обнаружило серьезные улики против него в другом деле; он бы отправился на каторгу, если бы сильный грипп не избавил его от этой неприятности.

Спустя пятнадцать месяцев Рауль вернулся во Францию и поселился в своем восхитительном поместье на Лазурном Берегу, которое он расширил, разбив в нем великолепные цветники.

И вот как-то в одном из игровых залов Монте-Карло он увидел чрезвычайно элегантную даму, окруженную восторженными поклонниками. Пробравшись сквозь толпу, он встал за ее спиной и прошептал:

— Фаустина…

Дама резко обернулась.

— А, это вы! — сказала она, улыбаясь.

— Да, я… который ищет вас повсюду и неустанно!

Они вышли прогуляться среди изумительных пейзажей. Рауль рассказал ей о последних трагических событиях, расспросил о том вечере, когда она сидела на скамье вместе с Фелисьеном,

сжимавшим ее в объятьях.

— Но он вовсе не сжимал меня в объятиях, — возразила она, — он уткнулся мне в плечо. И плакал.

— Плакал?

— Да. Несмотря ни на что, он ревновал к Жерому Эльмасу, и мысль об этом браке была для него невыносима. У него случались приступы тяжелой меланхолии, и в тот вечер я очередной раз утешала его.

Затем Рауль в подробностях рассказал Фаустине, как прошла «брачная ночь», и внезапно, посмотрев ей прямо в глаза, спросил:

— Это ведь ваших рук дело, да?

— Какое дело?

— Вы же не сомневались, что Жером виновен и что Роланда прогонит его, и вы предвидели, что из страха разоблачения он решит сбежать, но прежде непременно зайдет домой, чтобы захватить самое необходимое?

— И что с того?

— А то, что вы поджидали его, спрятавшись за дверью, и, когда он ее открыл, вы выстрелили… Все так и было, правда? Тем более Жером был явно не из тех, кто кончает с собой…

Не отвечая, Фаустина вытянула руку и указала

куда-то вдаль:

— Вон там моя родина… Корсика. Иногда ее отсюда даже видно. Если корсиканцу нанесли оскорбление, он не будет счастлив, пока не отомстит обидчику.

— А вы счастливы, Фаустина?

— Очень счастлива. Счастлива благодаря прошлому и тому, как именно все завершилось. Один богатый итальянский синьор из Генуи предложил мне свое сердце и дворец из розового мрамора.

— Значит, вы собираетесь замуж?

— Да.

— Вы его любите?

— Ему семьдесят пять лет. А вы сами счастливы, Рауль?

— Был бы счастлив, но для этого мне не хватает одной малости.

— Какой же?

Их глаза встретились, и она покраснела.

Он прошептал:

— Я не забыл ничего… из того, чего не произошло.

— Может, оно и к лучшему, — заметила она, — иначе кто знает, к чему бы это привело…

Он окинул ее взглядом.

— Я ничего не забыл, — повторил он.

Она дерзко ответила:

— Докажите!

— Доказать?

— Да, докажите мне, что вы сохранили точные воспоминания и сожаление о том, что не случилось.

— Это больше чем сожаление, Фаустина.

— Дайте мне доказательства.

— Вы можете подарить мне одни сутки? Завтра, в это же время, я верну вас обратно.

Молодая женщина села в его автомобиль, и через час Рауль привез ее на холм поблизости от деревни Аспремон, с которого Ницца была видна как на ладони.

Открылись ворота. Над ними аркой выгнулась надпись: «Вилла Фаустина».

Глубоко тронутая, она прошептала:

— Это доказательство памяти, но не сожаления.

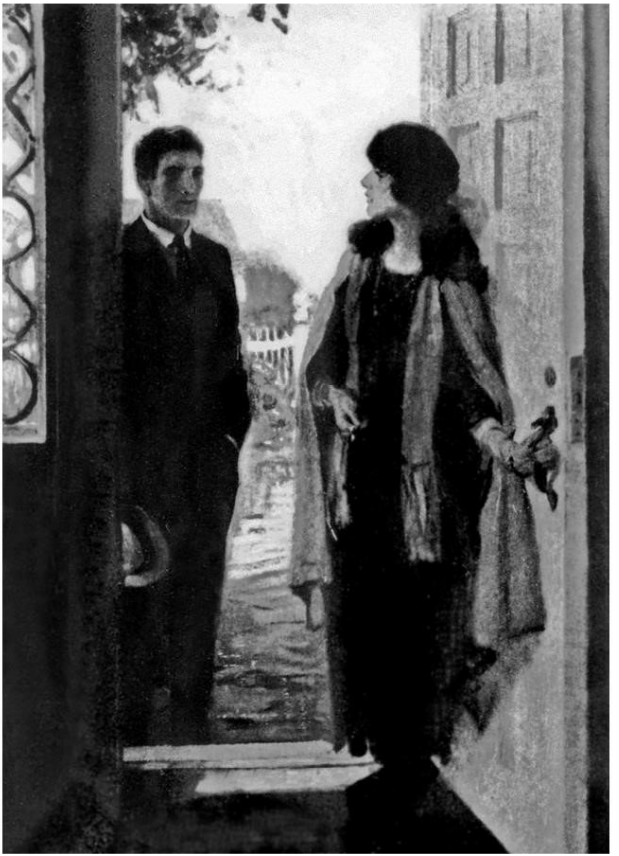
— Это доказательство надежды, — ответил он. — Надежды на то, что когда-нибудь я увижу вас на этой вилле.

Она покачала головой:

— Такой мужчина, как вы, Рауль, мог бы предложить мне что-нибудь получше, чем просто имя

между двумя столбами.

— У меня есть и нечто лучшее, несравнимо лучшее, и вы не будете разочарованы. Но прежде — всего одно слово, Фаустина. Почему с первого дня вы были так враждебны ко мне? Не только недоверие, но и обида, гнев… Ответьте честно.



Она снова покраснела и прошептала:

— Это правда, Рауль, я ненавидела вас.

— За что?

— За то, что моя ненависть к вам была недостаточно сильной.

Он порывисто схватил ее за руку…

Они шли по тропинкам, ведущим вверх, от террасы к террасе, с каждой из которых открывались восхитительные виды на горы, поросшие кустарником, и на заснеженные пики Альп.

Они поднялись на самую верхнюю террасу, окруженную двойными арками, густо увитыми ползучими растениями.

В центре террасы во всем своем божественном великолепии гордо высилась статуя Фрины.

— О! — пролепетала потрясенная Фаустина. — Это же я!.. Я!..

Фаустина провела на вилле, названной ее именем, целых три месяца.

Миллиарды Арсена Люпена

Миллиарды Арсена Люпена

Глава 1
Паула Синнер

Джеймс Мак-Аллерми, основатель и владелец «Алло, полиция!», крупнейшей газеты в Соединенных Штатах, посвященной криминальной хронике, влетел в редакцию поздно вечером. С окружившими его сотрудниками он тотчас заговорил о совершенном накануне отвратительном преступлении: неизвестный злодей убил троих маленьких детей. Пока было сложно сказать что-то определенное о том, каковы мотивы и круг подозреваемых, но публика, возмущенная обстоятельствами дела, немедленно окрестила это «кровавым убийством близняшек». Порассуждав несколько минут о преступлениях против детей вообще и о вчерашнем преступлении в частности, шеф обратился к своему секретарю Патриции Джонстон, которая присоединилась к собравшимся:

— Патриция, пора заняться почтой. Вы подготовили бумаги мне на подпись? Давайте пройдем в мой кабинет.

— Все готово, сэр… Но… — Патриция осеклась,

прислушиваясь к странному шуму. — Мистер Мак-Аллерми, а кто сейчас там находится?

Шеф пожал плечами:

— В моем кабинете? Никого! Дверь в приемную заперта на задвижку.

— А ваша собственная дверь, сэр?

Мак-Аллерми улыбнулся, достав из кармана ключ:

— Ключ всегда при мне. Не фантазируйте, Патриция… Пора заняться делами… Извини, Филдс, тебе придется меня подождать!

Он дружески похлопал Филдса по плечу. Известный юрист и адвокат Фредерик Филдс не был сотрудником редакции, но как близкий приятель патрона почти каждый день наведывался в газету.

— Все в порядке, Джеймс, — откликнулся тот. — Я понимаю, как важно вовремя отправить почту, и вдобавок никуда не тороплюсь.

— До свидания, господа, увидимся завтра, — сказал Мак-Аллерми, прощаясь с коллегами. — Постарайтесь как можно больше разузнать об этом преступлении.

Покинув редакцию вместе с Патрицией и Фредериком Филдсом, он проследовал по коридору к своему кабинету и отпер дверь. Огромная, эле-

гантно обставленная комната была пуста.

— Вот видишь, Патриция. Здесь никого нет.

— Да, сэр, но обратите внимание: эта дверь была закрыта, а теперь… — Патриция указала на дверь, которая вела из кабинета в комнату поменьше, где находился сейф.

— Патриция, от этого сейфа до черного хода, которым я иногда пользуюсь, чтобы попасть на улицу, около двухсот метров — по коридорам и лестницам; к тому же надо миновать еще тринадцать запертых дверей и пять решетчатых перегородок. Нет, здесь вряд ли кто пройдет.

Патриция размышляла, слегка нахмурив тонкие брови.

Это была высокая стройная молодая женщина, чьи осанка и уверенные движения свидетельствовали о занятиях спортом. Ее лицо, может быть чуть широковатое, не было классически красивым, но матовая, чистая, почти прозрачная кожа, крупный, четко очерченный рот, алые от природы губы, ослепительно-белые зубы, высокий лоб, вьющиеся волосы, в оттенке которых смешались золото и бронза, продолговатые серо-зеленые глаза с густыми темными ресницами — все это придавало Патриции несравненное очарование, глубокое, почти таинственное. А

когда в порыве искреннего веселья ее настроение менялось, это очарование становилось легким и немного детским. Она словно бы излучала здоровье, физическое и моральное равновесие, энергию и жизнелюбие. Короче говоря, Патриция Джонстон была из тех женщин, которые не лгут и не разочаровывают. Они вызывают у окружающих симпатию и доверие, и многие ищут их дружбы и любви. По привычке, перенятой от Мак-Аллерми, она окинула взглядом кабинет, чтобы убедиться, что с тех пор, как она наводила там порядок, ничего не изменилось.

Одна деталь поразила ее. На странице лежавшего на столе блокнота карандашом были написаны два слова. Хотя относительно нее текст был перевернут, Патриции удалось разобрать первое слово: «Паула»; второе она расшифровала не так легко, это была фамилия: «Синнер — Грешница». Итак, Паула Синнер. Какая-то дама. Патриция, знавшая строгий нрав Мак-Аллерми, ни на секунду не допускала, что в его жизнь могла войти женщина и уж тем более что он мог открыто

написать ее имя. Но что же тогда это значит? Кто такая Паула Грешница?

Мак-Аллерми, наблюдавший за ней, улыбнулся:

— Верно, Патриция, от вас ничто не ускользнет. Но все объясняется просто: это название французского романа, который мне очень понравился. Сегодня его как раз принес переводчик. Паула — имя героини. На французском языке название звучит ярче: «Поль ла Пешресс».

Патриции показалось, что Мак-Аллерми пытается что-то скрыть. Но стоит ли настаивать на объяснении? Впрочем, задать вопрос она бы все равно не успела. В этот момент внезапно погасло электричество и кабинет погрузился во тьму.

— Не волнуйтесь, сэр, — должно быть, опять что-то с проводкой. Сейчас разберусь, — сказала Патриция.

Она на ощупь выбралась из кабинета в приемную, которая выходила на площадку четвертого этажа — оттуда босс мог спуститься на улицу по отдельной лестнице. Сюда пробивался рассеянный свет лампочек, горевших на первом этаже. В узкой нише, служившей кладовкой, молодая женщина взяла легкую двойную стремянку с шестью ступеньками и, расставив ее, придвинула к

стене. Забравшись на лесенку, она прислушалась: откуда-то из полутьмы донесся слабый шорох. У нее вдруг тревожно сжалось сердце…

Там кто-то был… Да, несомненно, затаившись в полутьме, готовый напасть, как дикий зверь, преследующий добычу, там был он… Странный, загадочный, опасный. Она никогда не встречала его, но знала, что он существует; это человек, которого мало кто видел, — личный помощник Мак-Аллерми, а еще его телохранитель, шпион, мастер на все руки с тайными и разнообразными полномочиями, загадочный, коварный, опасный, человек тьмы. Патриция постоянно ощущала рядом его присутствие и настороженное внимание. Это вызывало беспокойство, а порой — хоть она была не из робких — пугало. Застыв на стремянке, девушка вновь прислушалась… Сердце учащенно билось. Нет, ничего!.. Возможно, просто показалось… Взяв себя в руки, она попыталась улыбнуться. Сняла пломбу, заменила предохранитель, установила другой. Выключатель сработал. Зажглась матовая лампочка. И тут, вынырнув из тени, таинственное существо набросилось на Патрицию, вцепившись в ее колени. Стремянка дрогнула, Патриция в полуобморочном состоянии, не в силах вымолвить ни

слова, пошатнулась. Чьи-то руки обхватили ее, удержав от падения, и опустили на пол.

Напавший был гораздо выше ее ростом и сильнее. Придя в себя, Патриция попробовала разжать эту стальную хватку, но безуспешно. Мужчина явно не собирался отпускать добычу. Удерживая молодую женщину, он прошептал ей на ухо:

— Не стоит сопротивляться, Патриция, это бессмысленно. Старик Мак-Аллерми услышит, и что он подумает, увидев тебя в моих объятиях? Он решит, что мы сговорились. И будет прав. Мы просто созданы для того, чтобы поладить. Мы оба хотим удовлетворить свои амбиции, заработать деньги, получить власть, причем немедленно. Но ты, Патриция, напрасно тратишь время. То, что ты любовница Мак-Аллерми-младшего, не дает тебе никакого преимущества. Сынок владельца газеты — просто болван, он ни на что не годится. Да и старик ничем не лучше. Он и его дружок Филдс — одного поля ягоды, сейчас они пытаются провернуть крупную сделку… уж я-то знаю… но их ждет полный провал. Патриция, если мы с тобой сумеем перехватить инициативу, то уже через полгода газета «Алло, полиция!» будет у нас в руках. Доллары потекут рекой, сотни тысяч долларов! Подписка, реклама, скандалы, шан-

таж — все пойдет в ход. Нужно только суметь этим воспользоваться. А я сумею! Но я люблю тебя, Патриция. В этом моя сила и моя слабость. Помоги мне завладеть газетой, стать хозяином, способным все подмять под себя. Согласна?

— Оставь меня… Не сейчас… Поговорим обо всем этом позже… — беспомощно бормотала она. — Потом. Сейчас нас может кто-нибудь услышать, нас заметят…

— Ну, если мы договорились, мне нужно доказательство… Один поцелуй, и я оставлю тебя в покое.

Патриция совершенно растерялась. Запах виски, искаженное страстью мужское лицо, губы, прикоснувшиеся к ее щеке… потом к шее. Она попыталась отвернуться.

— Я люблю тебя, Патриция, — прошептал он прямо ей в ухо. — Понимаешь ли ты, что любовь упрочит наше с тобой партнерство? Отец и сын Мак-Аллерми — полные ничтожества, они просто марионетки… А я помогу тебе воплотить в жизнь амбициозные планы, о которых пока могу лишь догадываться, все твои мечты сбудутся и даже больше. Люби меня, Патриция. В мире нет никого, кто обладал бы моим умом, волей и энергией. Ах, ты слабеешь, Патриция, ты колеблешься…

Мужчина совершенно верно оценил ее состояние. Несмотря на отвращение и попытки дать отпор, она испытывала странное головокружение, которое могло привести к пугающей развязке.

— Ну же, соглашайся, Патриция… — Мужчина хмыкнул. — Сопротивление бесполезно. Бедняжка, ты будто стоишь на краю пропасти, и это не потому, что ты женщина, дело совсем в другом!.. Рядом со мной любой ощущает смятение и тоску. Моя воля господствует над всеми, преодолевает любые препятствия, отбрасывает их… И люди едва ли не счастливы, когда вручают свою судьбу в мои руки. Не так ли? Признай это… И не бойся. Я неплохой парень, хотя мои партнеры и враги — друзей у меня нет — называют меня Дикарем, суровым, неумолимым, беспощадным…

Патриция была в смятении. Кто сможет прийти к ней на помощь?

Внезапно безжалостные руки разжались. Дикарь застонал от ужасной боли:

— Кто?.. Кто это?

Низкий насмешливый голос ответил:

— Джентльмен, друг мистера Филдса. Он просил меня отвезти его на Лонг-Айленд, на ужин к его родственникам, где он, вероятно, и заночу-

ет. Итак, тебе все ясно? Я проходил мимо, когда услышал твой монолог. Недурная речь, мистер Дикарь. Только ты ошибаешься, считая, что превосходишь всех.

— Я не ошибаюсь, — глухо прорычал Дикарь.

— Нет, ошибаешься. У тебя есть хозяин.

— Мой хозяин?.. Назовите его… Мой хозяин?.. Это может быть только… Вы, случайно, не Арсен Люпен?

— Я тот, кто задает вопросы.

Напавший на Патрицию задумался.

— В конце концов, почему бы и нет? — пробормотал он изменившимся голосом. — Мне известно, что он в Нью-Йорке и что-то затевает с Мак-Аллерми, Филдсом и компанией. Кто еще может так скрутить человека? Такой прием уложит на лопатки любого силача. Так вы и есть Арсен Люпен?

— Какая разница? Люпен или нет, но я приказываю тебе подчиниться.

— Да вы с ума сошли! Будь вы хоть сам Люпен, мои действия вас не касаются! Филдс сейчас в кабинете Мак-Аллерми. Ищите его там! А меня оставьте в покое.

— Для начала оставь в покое эту женщину! Уходи!

— Не уйду.

И тяжелая рука вновь стиснула Патрицию.

— Нет? Тем хуже. Тогда я повторю свой прием.

Дикарь протяжно застонал. Казалось, жизнь покинула его тело. Железные пальцы разжались. Он рухнул на пол, как сломанная кукла. Таинственный спаситель поддержал Патрицию, не позволив ей упасть. Стоя напротив него, все еще задыхаясь и дрожа, она прошептала:

— Осторожно! Этот человек очень опасен.

— Вы знаете, кто он?

— Я не знаю его имени. Никогда не видела его раньше. Но он преследует меня, и я его боюсь!

— Как только почувствуете, что вам грозит опасность, зовите меня, и я приду на выручку. Вот, возьмите: этот маленький серебряный свисток — его слышно повсюду… В случае нападения свистите непрерывно. Я непременно помогу вам… Остерегайтесь Дикаря. Это отпетый бандит. Мне следовало бы немедленно передать его в руки правосудия. Порой мы пренебрегаем подобными обязанностями… и совершенно напрасно!

Улыбка осветила тонко очерченное лицо высокого незнакомца. Он изящно поклонился и с учтивой галантностью поцеловал руку Патриции.

— Вы в самом деле Арсен Люпен? — прошептала она, пытаясь разглядеть своего защитника.

— Какая разница? Разве вы были бы против, если бы он пришел к вам на помощь?

— Нет, конечно, но я хотела бы знать…

— Бессмысленное любопытство.

Патриция не стала продолжать расспросы и вернулась в кабинет шефа. Она извинилась за долгое отсутствие, сказав, что почувствовала себя плохо.

— Но теперь все в порядке, не так ли? — заботливо спросил Мак-Аллерми. — Да, вижу, что на вашем лице снова заиграл румянец. Нам нужно поговорить, — добавил он, резко сменив тон. — Я должен сообщить вам несколько очень серьезных вещей!

Патриция тут же вняла этому вполне дружелюбному призыву шефа. Лицо ее прояснилось. Сев в кресло, на которое указал Мак-Аллерми, она выжидательно посмотрела на него.

— Патриция, придя в газету около десяти лет назад, вы поработали в разных отделах. Пять лет назад я предложил вам стать секретарем главного редактора. Знаете ли вы почему?

— Вероятно, вы сочли меня достойной этой должности.

— Конечно, но не только. Были и другие причины.

— Могу я узнать какие?

— Во-первых, вы хороши собой, а я люблю красоту. Не обижайтесь, что я говорю это в присутствии Филдса. Он мой друг. У меня нет от него секретов. Во-вторых, в вашей жизни произошла трагедия, за которой я внимательно следил. Мой сын Генри воспользовался ситуацией и навязал вам отношения. Вы были еще совсем юной, одинокой. Он пообещал, что женится на вас. Вы не смогли устоять. Он соблазнил вас, а потом бросил. Полагая, что поступает по справедливости, Генри предложил вам денежную компенсацию, от которой вы отказались. А он вскоре женился на девушке из богатой и влиятельной семьи.

Патриция, покраснев, закрыла лицо руками.

— Не продолжайте, мистер Мак-Аллерми, — выдавила она. — Мне так стыдно! Я хотела тогда покончить с собой…

— Покончить с собой, потому что какой-то молодой негодяй сыграл с вами злую шутку?!

— Пожалуйста, не говорите так о своем сыне…

— Вы что, все еще любите его?

— Нет. Но я его простила.

Мак-Аллерми в ярости воскликнул:

— Зато я не простил! — Он резко взмахнул рукой. — Он виноват перед вами — вот почему я позвал вас работать со мной.

— Вы хотели поддержать меня?

— Да, это так.

Патриция вскинула голову и посмотрела на него в упор.

— Если бы я знала, то отказалась бы, так же как отказалась от денег, предложенных вашим сыном, — с горечью сказала она.

— Но как бы вы жили?

— Так же, как и прежде, сэр… По вечерам я прямо из редакции отправлялась в другую контору, а рано утром делала копии для еще одного работодателя. Любой здоровый человек, слава богу, может прокормиться своим трудом!

Мак-Аллерми нахмурился:

— Вы очень гордая девушка.

— Гордая, это правда.

— И амбициозная.

— И это тоже, — спокойно сказала она.

Помолчав, Мак-Аллерми продолжил:

— Сегодня я нашел на своем столе вашу статью о том ужасном преступлении, которое мы только что обсуждали в редакции, — о расправе над тремя близнецами.

Выражение лица Патриции изменилось; с тревогой в голосе она спросила:

— Сэр, неужели вы были настолько любезны, что прочли ее?

— Да.

— Вам понравилось?

Мак-Аллерми кивнул:

— То, что вы пишете об этом злодеянии, о мотивах, о человеке, которого вы считаете виновным, кажется вполне достоверным… и все изложено изобретательно и логично. Вам присущи и проницательность, и развитое воображение.

— Так вы согласитесь это напечатать? — спросила обрадованная девушка.

— Нет.

Патриция вздрогнула.

— Но почему?.. — спросила она слегка изменившимся голосом.

— Потому что это плохо!

— Плохо? Но ведь вы сказали…

— Плохо как статья, — пояснил Мак-Аллерми. — Видите ли, мисс Джонстон, настоящий криминальный репортаж, на мой взгляд, — это не просто сумма умозаключений, предположений и выводов, а еще и то, как именно преподносится подобный сюжет.

— Я не совсем вас понимаю.

— Давайте рассуждать. Предположим…

Шеф остановился. Он уже явно пожалел, что пустился в объяснения, и потому решил не затягивать беседу:

— Предположим, я ввязался в некую мутную авантюру, из-за чего этой ночью меня могут убить. Итак, если бы в силу обстоятельств вам пришлось рассказывать об этом, то в ваш репортаж следовало бы включить разговор, который мы сейчас ведем, и придать ему патетический характер, чтобы читатель предчувствовал жуткую развязку. Интенсивность ожидания должна нарастать вплоть до последней строчки. Все искусство журналиста и беллетриста заключается в подготовке кульминации драмы, в завязке сюжета, сразу же приковывающей внимание читателя. Как именно? Я не могу вам сказать. В этом и есть весь секрет. Если у вас нет этого таинственного призвания, умения приковать внимание к своему рассказу, тогда уж лучше шить платья или мастерить корсеты, а не писать романы или статьи. Это понятно, Патриция?

— Значит, сэр, сначала мне следует поработать подмастерьем?

— Вот-вот. В вашей статье есть несколько удач-

ных моментов, но кажется, что все это писала девчушка, перешедшая в третий класс. Акценты не расставлены, куда все ведет — непонятно. Перепишите текст, сделайте новый вариант истории, потом еще один. Я буду читать их… и возвращать вам статью до тех пор, пока у вас не получится то, что нужно. И надеюсь, речь пойдет не обо мне, а о занимающем меня таинственном убийстве.

Патриция обеспокоенно посмотрела на него:

— Сэр, я волнуюсь. Вы и в самом деле что-то задумали?

В ее голосе сквозила привязанность к человеку, рядом с которым она проработала столько лет.

— Ничего, абсолютно ничего конкретного… Но в силу характера моей газеты мне приходится соприкасаться с довольно специфической средой, и некоторые материалы, которые мы публикуем, могут навлечь на меня опасность… вызвать чье-то недовольство, желание отомстить. Такова специфика нашей работы. Давайте оставим эту тему. Лучше поговорим о вас, Патриция, о вашей ситуации и вашем будущем. Вы прекрасная помощница, и я, чтобы облегчить вашу жизнь и помочь достичь желаемого, выписал чек на две тысячи долларов, которые вы получите в кассе.

— Это слишком много, сэр.

— Слишком мало, учитывая то, что вы уже сделали для меня и еще сделаете в будущем.

— А что, если я потерплю неудачу?

— Это невозможно.

— Вы так верите в меня?

— Мало того, я в вас абсолютно уверен! Мне нужно поговорить с вами откровенно, причем об очень личных вещах. Видите ли, Патриция, в определенном возрасте мужчине требуются более сильные ощущения, ему хочется ставить перед собой более высокие и сложные цели. Мы с моим другом Филдсом как раз вступаем в этот возраст. И чтобы придать новый мощный импульс нашему слишком уж монотонному существованию, мы затеяли масштабное, новое и увлекательное дело, которое требует всего нашего опыта и энергии и одновременно дает возможность удовлетворить наши боевые инстинкты, подчиненные заботе о высокой нравственности. Цель, которой мы хотим достичь, грандиозна, она отвечает духу суровых старых пуритан, которым ненавистны любые проявления зла. И я, Патриция, позднее расскажу вам о сути этого дела, потому что вы достойны принять участие в нашей борьбе. Вскоре мы с Филдсом

отправимся во Францию, чтобы осуществить наш план. Я приглашаю вас отправиться с нами. Я привык к вам; мне, как никогда, необходимы ваше присутствие, помощь и... — Мак-Аллерми замешкался, крайне взволнованный, не зная, как закончить фразу, или, скорее, не решаясь ее закончить. Очевидно смутившись, он сжал ее руки и, понизив голос, выговорил: — Это будет наше свадебное путешествие.

Патриция была ошеломлена, она сомневалась, что правильно расслышала. Все это было настолько неожиданным, настолько трогательными были и внезапное смущение шефа, и его искреннее волнение, что она, не в силах сдержать слез, бросилась в объятия старика.

— Спасибо!.. О, спасибо!.. Вы очень любезны! Но я не могу согласиться, сэр. Ведь между нами стоит ваш сын, — закончила она, отводя взгляд.

Он нахмурился:

— Мой сын строит свою жизнь в погоне за удовольствиями, а я хочу строить свою по велению сердца.

Покраснев, Патриция смущенно прошептала:

— Дело в том, что вам известно не все, мистер Мак-Аллерми. У меня есть ребенок...

— Ребенок?! — воскликнул Мак-Аллерми, вско-

чив со стула.

— Да! Это сын вашего Генри, мой мальчик, которого я обожаю и которому поклялась посвятить всю свою жизнь. Его зовут Рудольф… Он прекрасен, как сама любовь… Ласковый, умный…

— Значит, в нем течет моя кровь. Разве не естественно считать, что сын моего сына — это мой сын?

— Нет, не естественно, — вмешался Фредерик Филдс.

Он держался внешне спокойно, хотя был крайне взволнован, сознавая, что ситуация весьма щекотливая.

Мак-Аллерми мрачно повернулся к нему:

— Значит, по-твоему, Филдс, мне следует сдаться?..

— Сдаться? Я этого не говорил… Но подумай еще раз, рассмотри взвешенно и мудро все обстоятельства… Ведь об этой весьма двусмысленной ситуации узнают все… И она будет истолкована как акт слабости с твоей стороны… даже как проявление безнравственности.

Мак-Аллерми на мгновение задумался.

— Пусть так, — неохотно сказал он наконец, — время покажет. Оно всегда работает на тех, кто любит. Так или иначе, Патриция, — добавил

он, — все это не может оказать влияния на нашу жизнь и нашу работу. Вы ведь согласны со мной, не так ли?

Молодую женщину тронуло волнение старика, которого страшила возможность потерять ее.

— Разумеется, мистер Мак-Аллерми, — ответила она.

Шеф достал из ящика стола конверт, запечатал его, написал на нем имя Патриции и протянул ей:

— В этом конверте находится документ, который я составил для вас. Вы вскроете его и прочтете лишь через шесть месяцев, пятого сентября. В точности выполняйте данные в нем инструкции. Всегда носите этот конверт с собой или храните его в надежном месте. Об этом никто не должен знать! Никто!..

Патриция взяла конверт и наклонилась к Мак-Аллерми, который поцеловал ее в лоб. Потом она ласково пожала руку Филдсу и уже на пороге обернулась:

— Увидимся завтра, шеф… завтра, послезавтра… и так далее…

Эти слова прозвучали обещанием.

Она первая пересекла приемную; Мак-Аллерми и Филдс следовали за ней. Выйдя на лестничную

площадку, все они увидели, что внизу, со второго на первый этаж, быстро спускаются двое. Мужчина, шедший сзади, — высокий, широкоплечий, похожий на бандита — двигался тихо и быстро, словно хотел неслышно подобраться к другому. Нагнав его, он стремительно поднял правую руку… мелькнуло лезвие ножа. Патриция хотела закричать, но не смогла издать ни звука. Рука опустилась. Но как раз в тот момент, когда нож должен был вонзиться в спину, тот, что спускался первым, развернулся, ухватил нападавшего за щиколотки, резко дернул и мощным усилием перебросил через перила на лестничную площадку первого этажа.

Мак-Аллерми разразился хохотом.

— Но что тут смешного, мистер Мак-Аллерми? — спросила Патриция. — Это же ваш секретарь, ваше доверенное лицо.

— Отличный урок для этого отвратительного гангстера, — удовлетворенно ответил старик. — Дикарь — враг общества номер один. Еще секунда, и он зарезал бы своего приятеля. Надо же, какой лихой парень. Но я понятия не имею, кто он такой… А вы, Филдс?

— Я тоже, — лаконично ответил Филдс.

Затем друзья вернулись в кабинет, так как Мак-

Аллерми забыл на столе кожаный портфель, где хранились материалы, касавшиеся задуманного им предприятия. Патриция спустилась к выходу, но на площадке уже никого не было — соперники исчезли. «Жаль, — подумала она. — Хотела бы я взглянуть на этого ловкача. Ведь это не иначе как сам Арсен Люпен!»

Она вышла из здания, пытаясь успокоиться. Свежий воздух помог ей в этом. К вечеру на людном проспекте зажглись электрические фонари; девушка повернула направо и, дойдя до небольшой площади, где было потише, присела на скамейку. Ей нужно было поразмыслить. Первая попытка заняться журналистикой потерпела неудачу, и тем не менее горечь разочарования смягчалась глубокой симпатией, с которой шеф говорил о ее будущем; он явно поверил в нее… Ну а предложение выйти за него замуж Патриция восприняла как отпущение прошлых грехов. Очистившись, она могла двигаться дальше.

Патриция рано осиротела, а дальний родственник отца, который с неохотой стал ее опекуном, не любил девочку и не интересовался ею. Ее детские порывы жестко подавлялись. Патриция провела суровую и одинокую юность, лелея единственное желание — как можно скорее обрести

независимость. Она заканчивала учебу, когда ее опекун умер; оставленных им денег едва хватило на несколько недель. К счастью, к тому времени девушка уже прилично освоила машинопись, так что вскоре получила скромную должность в конторе, что давало ей скудный, но постоянный заработок.

Затем в клубе, куда она иногда захаживала по субботам, Патриция познакомилась с Генри Мак-Аллерми. Он был молод, хорош собой, казался искренним и страстным… Он начал ухаживать за одинокой, привлекательной и наивной юной девушкой… И Патриция, восторженная, опьяненная желанием жить и быть счастливой, забыв обо всем, уступила магнетизму любви, отдалась ей, трепеща от уверенности и надежды… Несколько месяцев счастья, а потом — измена, чувство покинутости, жестокий, циничный разрыв, разбивший ей сердце… она ощущала ужасную горечь оттого, что теперь вынуждена презирать человека, которого так любила — и которого, возможно, любит до сих пор…

Но у нее родился ребенок, и он стал новым звеном, связавшим молодую женщину с жизнью. Сын еще был в колыбели, а Патриция уже возложила на него все свои надежды. Не ожидая

ничего для себя, она сосредоточила всю любовь и мечты на маленьком Рудольфе. Он должен был стать воплощенной местью Генри Мак-Аллерми, предавшему ее; вырасти искренним и благородным человеком, таким, каким она некогда видела мужчину, которого полюбила… Сама еще почти ребенок, она решила, что ее единственная цель — воспитать сына… Со временем печальные воспоминания почти стерлись, а ощущение радости вернулось. Но желание сделать из сына человека, достойного высочайшего предназначения, оставалось для нее смыслом жизни… И вот теперь нежданно-негаданно ей предложили помощь, в которой она так нуждалась. Вдруг это и есть та самая бесценная возможность? Вдруг Мак-Аллерми-старший станет для нее и для Рудольфа надежной опорой, а брак с ним позволит забыть о предательстве Генри?

Уже совсем стемнело. Очнувшись от грез, Патриция направилась в маленький ресторанчик. Именно там она обычно ужинала перед тем, как вернуться в свою скромную квартирку, типичное жилище одинокой женщины, которая могла рассчитывать лишь на собственный заработок. Но вдруг она резко остановилась, заметив, что в знакомом здании на противоположном конце

площади открылась дверь и оттуда вышли двое: Мак-Аллерми и Фредерик Филдс. Патриция знала, что из этого подъезда по длинным коридорам и многочисленным лестницам можно попасть в узкую комнату, где находился сейф. Шеф часто пользовался этим выходом.

Не заметив Патрицию, друзья пересекли площадь и свернули на улицу, которая тянулась параллельно центральному проспекту.

Глава 2
Одиннадцать мужчин: Тайная встреча

Патриция последовала за этой парой, стараясь держаться на расстоянии. Ею двигало вовсе не банальное любопытство: из головы у нее не выходили слова Джеймса Мак-Аллерми об опасной авантюре, исход которой может оказаться фатальным. Быть может, ему угрожает конкретная опасность? И разве не следует в таком случае воспринимать эти слова как предупреждение, к которому необходимо прислушаться? Ее долг — присматривать за шефом. Мак-Аллерми и Филдс явно отправились на опасное дело. Поэтому Патриция решила, что нужно действовать.

Друзья шагали, не оборачиваясь и оживленно болтая. Мак-Аллерми держал в руке светло-коричневый кожаный портфель, а Фредерик Филдс поигрывал тростью.

Они шли долго, причем по улицам совершенно неизвестным их тайной преследовательнице, однако двигались уверенно, будто дорога была им хорошо знакома.

Наконец они вышли на обширную квадратную

площадь. Ее замыкала аркада, под которой тянулся ряд магазинов. Туда они и направились. В этот час витрины были уже закрыты ставнями. Несколько лавок, совершенно одинаковых по внешнему виду, планировке, размерам и оформлению, были разделены дверями подъездов, ведущих в расположенные над ними квартиры.

Перед одной из таких дверей Мак-Аллерми и остановился. Патриция, прятавшаяся поодаль, в тени аркады, увидела освещенную лестницу в бельэтаж.

Мак-Аллерми и Фредерик Филдс поднялись по ней, и дверь за ними закрылась. Шеф пробыл наверху едва ли минуту, а затем, должно быть, спустился в магазин, потому что Патриция увидела, что первый этаж озарился ярким светом, пробивавшимся сквозь звездообразные отверстия в металлических жалюзи. Патриция выждала еще несколько минут. Пробило десять часов. Почти сразу на площади появились двое мужчин и с бесстрастным видом двинулись к аркаде. Патриция отступила глубже в тень. Мужчины подошли к магазину, и один из них чем-то постучал по жалюзи. Металлическая штора поднялась, и тут же открылась маленькая низкая дверца. Двое мужчин нырнули внутрь, и дверь-

ловушка закрылась. Встревоженная Патриция продолжала наблюдать за происходящим и вскоре заметила на площади новую группу. Четверо прохожих неторопливо, как праздные гуляки, шли в сторону аркады. Они тоже остановились перед магазином и постучали. Маленькая дверь открылась и для них.

После того как четверка скрылась внутри, на площади появился одинокий мужчина. Постучав, он вошел. За ним последовал еще один. И наконец последний… Высокий тип в шляпе, надвинутой на глаза… Нижнюю часть его лица скрывал серый вязаный шарф.

Всего одиннадцать человек. Патриция выждала несколько минут, но больше никто не появился. Одиннадцать мужчин, включая Мак-Аллерми и Филдса, которые пришли первыми и впустили остальных. Но кого?.. Кто эти люди, принадлежавшие, казалось, к самым различным классам общества? Что они там делают? Что за таинственное предприятие заставило их собраться в этом с виду заброшенном магазине? В этом окраинном районе?..

Патриция вспомнила слова шефа. Он говорил, что вместе с Фредериком Филдсом затевает грандиозную авантюру. Неужели это и есть та самая

рискованная и опасная затея, которая может закончиться гибелью Мак-Аллерми?

Патриция запаниковала. Что, если Мак-Аллерми в эту самую минуту грозит смерть?.. Она уже собралась было остановить первого встречного, чтобы спросить адрес ближайшего полицейского участка, но все же сумела взять себя в руки. Имеет ли она право вмешиваться в предприятие, о котором ничего не знает? Возможно, здесь нет никакой опасности. Мак-Аллерми явно отдавал себе отчет в своих действиях, организуя эту встречу. Если он и шел на риск, то добровольно. Патриция прикидывала, нельзя ли под каким-нибудь предлогом вмешаться в его планы. Это может оказаться куда более опасным, чем воображаемая угроза.

Молодая женщина ждала, затаившись у колонны. Прошли минуты… час… два часа… Наконец металлическая штора поднялась. Мимо Патриции прошли трое… четверо… пятеро мужчин. Она жадно вглядывалась, пытаясь запомнить их лица. Потом еще пятеро заговорщиков покинули магазин и растворились в ночных сумерках. Увидев человека в кашне, она решила, что это Филдс, но Джеймса Мак-Аллерми рядом с ним не было, и он так и не показался.

Патриция подождала еще немного… И вдруг под аркадой появился человек, кутавшийся в шарф. Он направился к магазину, постучал, дверца приоткрылась… он скрылся внутри.

Прошло всего четыре или пять минут, и тот же мужчина выскользнул из магазина, держа в руке светло-коричневый портфель Мак-Аллерми.

Это показалось Патриции подозрительным. Почему незнакомец унес драгоценный портфель, в котором хранились секретные бумаги, касавшиеся затеянного шефом предприятия? Патриция размышляла, как ей поступить: дождаться появления Мак-Аллерми или все же пойти за человеком в шарфе. И решение было принято. В несколько быстрых шагов молодая женщина нагнала неизвестного. Мужчина шел быстро, с тревогой оглядываясь. Патриции приходилось двигаться предельно осторожно, чтобы не быть замеченной. Хотя преследовательница и опасалась, что незнакомец может резко свернуть на боковую улочку и в этом незнакомом районе она его потеряет, однако подобраться поближе все же не решалась. Внезапно мужчина бросился бежать. Патриция кинулась вдогонку и оказалась на какой-то площади. Она остановилась, чтобы перевести дух. От площади отходило несколько

улиц. По какой из них идти? Мужчина исчез…

Погоня была напрасной… Разочарованная и слегка пристыженная своей неудачей, Патриция пожала плечами. А она-то считала себя ловкой. Да уж, сыщика из нее не вышло! Несколько часов слежки псу под хвост. К тому же она вдруг поняла, что не знает адреса таинственного магазина, где встречались все эти загадочные субъекты, и вряд ли сможет вернуться на ту площадь… Там была аркада… Да… Но узнает ли она это место, даже если ее туда привезут? Вечер потерян. И это единственный результат ее усилий…

Сбитая с толку и недовольная собой, она вышла на широкую многолюдную улицу. Из ярко освещенных баров, где толпилась весьма сомнительная публика, доносились крики и смех. Патриция ускорила шаг, не решаясь спросить дорогу. Ее тревога нарастала. Полиции видно не было. Скоро к ней привязались какие-то малоприятные типы. С трудом оторвавшись от них, она пошла еще быстрее. В лицо повеяло свежестью, точно где-то неподалеку струилась река. Вокруг было тихо, пустынно и темно. Она оказалась на набережной, загроможденной какими-то ящиками, мешками с песком и штукатуркой, грудами досок и рядами пустых и полных бочек.

Молодая женщина вздрогнула, когда чья-то рука грубо вцепилась в ее плечо.

— Вот ты где, Патриция! Какая встреча! Грех отпускать такую красотку. Да не дергайся ты!

Она не узнала ни голоса, ни силуэта нападавшего, но была уверена, что это тот самый человек по прозвищу Дикарь… тот самый, что перепугал ее днем в редакции, на лестничной площадке. Она попыталась высвободиться, но у этого типа была железная хватка. Мужчина продолжал глумиться и угрожать:

— Предупреждаю, малышка, ты ступила на скользкую дорожку, так что остерегайся! Теперь ты еще и шпионить принялась! На кого работаешь? Ради кого? Неужто ради старика Мак-Аллерми?! Черт побери, стало быть, после сына взялась за отца? Одна семейка! Слушай внимательно, прелесть моя: если ты хоть словом обмолвишься о том, что видела сегодня, тебе несдобровать! И тебе, и твоему маленькому Рудольфу! С малышом будет покончено, клянусь! Так что молчи! Не лезь в мои дела, если не хочешь, чтобы я встрял в твои! Это понятно, да? Что ж, поцелуй меня, красотка, надо же скрепить нашу сделку! Всего один, но настоящий любовный поцелуй!

Он стиснул ее в объятиях, как тогда, на лест-

нице; Патриция тщетно пыталась увернуться от его губ. Растерянная, она задыхалась, не смея закричать. Дикарь прорычал:

— Не упрямься! Один поцелуй, и я возьму тебя в долю: говорю тебе, тут пахнет деньгами! Большими деньгами! Их хватит, чтобы сделать твоего Рудольфа герцогом, принцем, королем! И ты отказываешься? Неужели ты думаешь, что добьешься чего-то, работая с Мак-Аллерми? Ну и дура!.. Ах ты, шлюха!

Она, как разъяренная кошка, изо всех сил вцепилась в него острыми ногтями. По его расцарапанному лицу потекла кровь.

— Альбер, старина, а ну-ка, подсоби! — крикнул он.

На зов Дикаря из тени ящиков, сваленных на набережной, вынырнул детина шести футов ростом в матросской одежде. С его помощью Дикарь повалил Патрицию на землю, заставив ее согнуться пополам.

— Придержи ее, Альбер! Вот отличная тесная клетка. Отсюда ей не удастся достать меня, да и сбежать не получится!

И он указал на одну из пустых бочек. Негодяи грубо затолкали молодую женщину в импровизированную клетку, так что оттуда теперь

высовывалась лишь ее голова.

— Стой рядом, Альбер, — приказал Дикарь, — и если она попытается позвать на помощь или освободиться, хорошенько стукни ее по темечку, чтобы она, как устрица, залезла обратно в свою раковину. А я на часок отлучусь. Ты ведь знаешь, куда я иду, правда? Надо довершить дело. Куй железо, пока горячо. Удача на нашей стороне, так что, как говорится, лови момент. Гарантирую, ты тоже получишь свою долю. До встречи, Патриция. Коли замерзнешь, сможешь погреться в комнатушке, что я снял тут, неподалеку, над баром «Океан». А ты, матрос, действуй по инструкции. Врежь ей по башке или поцелуй, чтобы замолчала! Ей понравится!

Он усмехнулся, подхватил коричневый кожаный портфель и пошел прочь. Патриция, попав в столь нелепую ситуацию, теперь лихорадочно прикидывала, чем она ей грозит. Ее колотило от страха. Стоило Дикарю удалиться, как матрос склонился над бочкой, обдав пленницу запахом вина и табака. Патриция содрогнулась от отвращения.

— Так тебе это нравится? — заговорщицки произнес он, понизив голос. — Тогда мы сможем поладить. Плевать я хотел на Дикаря!.. Поцелуй

меня разок по доброй воле, и я вытащу тебя из бочки.

— Сначала вытащи, — прошептала Патриция, увидевшая в этом отвратительном предложении возможность освобождения.

— Обещаешь? — недоверчиво спросил он.

— Конечно! Это же такая малость!

— Можем заняться и чем получше! — сказал он с пьяным смехом. — Ладно уж, поверю тебе на слово!

Схватив бочку, он с легкостью, как цирковой атлет, опрокинул ее. Патриция выбралась на грязную набережную и вскочила на ноги.

— Теперь целуй! — верзила тянул к ней руки.

Патриция отпрыгнула:

— Я готова целовать тебя сколько угодно. Но не здесь. Слишком уж тут холодно. Куда бы нам перебраться? Где эта его комната?

Он махнул рукой куда-то во тьму:

— Видишь, светится красным… вон там… Это бар «Океан».

— Я иду туда, — сказала Патриция. — Ступай следом, я буду ждать тебя там.

Патриция буквально неслась вперед. Она была настолько взволнована своим нежданным избавлением, что даже не чувствовала усталости.

Вдобавок ее занимал важный вопрос. Слова, сказанные Дикарем напоследок, напугали девушку. Что он имел в виду, когда говорил, что надо довершить дело? Что ему оставалось сделать? Может, он намерен кого-то убить?

Она поспешила к улице, где горели окна баров и таверн, и вошла в бар с красной вывеской.

— Кофе и бренди, — приказала она официанту. — Где здесь телефон?

Официант провел ее в кабинку. Патриция, поколебавшись, открыла телефонный справочник. Взвесила все обстоятельства, сказав себе: «Посмотрим… С кем сейчас следует связаться? Куда звонить? В полицию? Нет… Сначала Филдсу… Он, наверное, уже дома… А его враг здесь. Да… Фредерик Филдс…»

Покрутив дрожащим пальцем диск, она услышала, что кто-то поднял трубку.

— Алло… Алло… — произнесла она охрипшим от волнения голосом.

— Алло… Кто это говорит? — В голосе Филдса звучала тревога. — Это вы, Мак-Аллерми? Ко мне только что явился Дикарь.

Молодая женщина содрогнулась от ужаса. Может, предупредить Филдса об опасности? А что толку? Разве старик сумеет защитить себя?

Нужно каким-то образом напугать бандита.

Она ответила:

— Вот с Дикарем-то я и хочу поговорить… от имени Мак-Аллерми.

Вскоре она услышала резкий, сиплый голос:

— Алло! Кто это?

— Это я, Патриция… Хочу дать вам совет. Убирайтесь оттуда… Я сообщила полиции о том, что вы затеяли проделать с Филдсом. Уходите немедленно!

— Вот оно, значит, как… — невозмутимо ответил Дикарь. — Тебе удалось обвести вокруг пальца этого идиота-матроса… Ничего страшного, я успею скрыться. Минут пять у меня точно есть. Мне еще нужно кое-что сказать мистеру Филдсу.

Патриция вздрогнула, но голос ее по-прежнему звучал властно и сурово:

— Дикарь, не делайте глупостей. Я вас предупредила. Полиция выехала. Они, вероятно, уже окружили дом. Если вы совершите преступление, вас ждет электрический стул, помните об этом…

— Спасибо, что проявили ко мне интерес, — ответил насмешливый голос. — Придется поспешить…

В наступившей тишине вдруг раздался приглу-

шенный предсмертный крик…

— Ах, бандит! — пробормотала Патриция, задыхаясь, почти теряя сознание. — Он убил его.

В смятении она бросила трубку и выбежала из заведения, швырнув деньги бармену. Ей чудом удалось разминуться с подоспевшим матросом. К счастью, она увидела свободное такси и прыгнула в машину. Совсем потеряв голову, вместо того чтобы назвать водителю адрес Фредерика Филдса или адрес газеты, она назвала свой собственный, стремясь, подобно раненому зверю, укрыться в надежном логове.

Патриция вдруг ощутила страшную слабость и смертельную усталость. Ей хотелось лечь в постель, уснуть… забыть о том, что, судя по всему, свершилась трагедия; она предчувствовала, что все кончено и с этим уже ничего не поделать. Ход событий ей не переломить.

Спала она скверно, ужасные кошмары среди ночи сменялись бессонницей, и тогда произошедшее казалось ей еще более ужасным. Эпизод с украденным портфелем усугублял ее страдания. Патриция прекрасно понимала, что Фредерик Филдс стал жертвой Дикаря, но почему-то ни секунды не тревожилась за Мак-Аллерми; она ни о чем не догадывалась, ее не одолевали никакие

предчувствия.

На следующий день, придя на работу, она была ошеломлена царившей в редакции суматохой и новостью, что владелец газеты убит. Ему нанесли удар ножом в сердце, и это случилось в магазине на площади Свободы. Площадь Свободы! Та самая площадь с аркадой!

Она с трудом сдержала стон, стараясь устоять на ногах и не упасть в обморок. Это событие потрясло ее до глубины души; она испытывала жесточайшие угрызения совести. Почему она не попыталась спасти Мак-Аллерми? Все прочее, а именно откуда полиция узнала о нападении, что известно полицейским о магазине, его владельце, о проводимых там собраниях, — все эти подробности, всплывшие позже, не имели для нее никакого значения в ту трагическую минуту, когда она казнила себя за преступное бездействие!

Тем не менее она просмотрела все утренние газеты; везде были напечатаны материалы об убийстве: детали происшествия и комментарии разнились, но в рассказе о жертве, известной личности, чья трагическая и загадочная смерть взбудоражила общественность, приводились ошибочные факты. В этих же изданиях сообщалось и о другом сенсационном преступлении

— убийстве Фредерика Филдса. Впрочем, для Патриции в этом не было ничего неожиданного: ведь она узнала о нем в тот самый момент, когда оно было совершено. Писали, что накануне вечером Филдс, который намеревался отправиться в Европу, был убит в собственном доме. Некий преступник нанес ему удар ножом в сердце. Точно так же был убит и владелец газеты «Алло, полиция!». Журналисты задавали вопрос: существует ли связь между этими двумя убийствами? Обе жертвы хорошо знали друг друга, у них были общие дела. Возможно, эти убийства совершены какой-то бандой?

Вдобавок в доме Филдса был взломан сейф. Похищены пятьдесят тысяч долларов…

Патриция не сомневалась, что к смерти старых друзей причастен один и тот же преступник. Но какую цель он преследовал? Какие тайные силы стоят за ним? Является ли Дикарь крупным гангстером, или же он слепое орудие в чьих-то руках? Она хотела знать… И путь к истине был только один…

На следующий день после двойного преступления сын и наследник Джеймса Мак-Аллерми вызвал Патрицию в кабинет главного редактора газеты, которая отныне принадлежала ему. Мо-

лодая женщина, стараясь не выдать волнения, вошла в кабинет.

В последний раз Патриция видела Генри Мак-Аллерми несколько лет назад; теперь ему уже исполнилось тридцать. Хотя она и разглядела в этом взрослом мужчине черты того молодого человека, которого когда-то знала, ее страсть давно угасла. Они поздоровались со сдержанностью двух незнакомцев.

— Мисс Джонстон, — начал новоиспеченный руководитель, — последняя запись моего отца в его блокноте касается вас: «Патриция… характер, энергия, организаторские способности. Прекрасно соответствует должности заместителя главного редактора». — И добавил, не глядя на молодую женщину: — Я постараюсь учесть мнение отца, насколько это возможно. Разумеется, в том случае, если это не противоречит вашим планам…

Патриция ответила с всегдашней сдержанностью:

— Я считаю, сэр, что лучший способ послужить газете — это посвятить себя делу мести за вашего отца. Через несколько часов я отправляюсь во Францию. Я только что забронировала место на пассажирском лайнере «Иль-де-Франс».

Генри Мак-Аллерми изумленно воззрился на нее.

— Вы едете во Францию?! — воскликнул он.

— Судя по некоторым словам вашего отца, он намеревался отплыть туда в ближайшее время.

— И что с того?

— Я полагаю, что эта поездка была связана с делом, из-за которого погиб мистер Мак-Аллерми.

— У вас есть какие-нибудь доказательства?

— Ничего конкретного. Просто мне так кажется.

— И в тот самый момент, когда вы больше всего нужны газете, вы принимаете столь серьезное решение лишь потому, что вам так кажется? — спросил Генри Мак-Аллерми с легкой иронией.

— Иногда приходится действовать, повинуясь интуиции, — спокойно ответила Патриция.

— Но вам следует переговорить с полицией.

— Не вижу в этом необходимости. Я все равно не могу дать полицейским никакой полезной информации…

— А деньги у вас есть? — помолчав, спросил Генри Мак-Аллерми, побежденный решимостью молодой женщины.

— Две тысячи долларов, которые ваш отец заранее внес на мой счет в качестве аванса за

будущую работу.

— Но ведь этого недостаточно.

— Сэр, если мне потребуется больше денег, чтобы добиться результата, я дам вам знать.

— Буду на это рассчитывать. До свидания, мисс Джонстон.

Они расстались, не сказав больше друг другу ни слова.

Патриция уже уходила, когда в кабинет стремительно ворвалась красивая молодая дама. Тщательно накрашенная, в элегантном черном пальто, она вихрем пронеслась мимо Патриции, даже не заметив ее, и бросилась в объятия Генри.

— Дорогой, как тебе мое новое пальто? — воскликнула она. — Правда красивое? Оно ведь подойдет для траурной церемонии, не так ли?

Это была молодая жена Генри Мак-Аллерми.

Незадолго до отхода судна Патриция поднялась на борт лайнера «Иль-де-Франс». Ее никто не провожал. Сынишку, маленького Рудольфа, подруга должна была привезти в Париж через две-три недели.

Переезд через Атлантику оказался для молодой женщины прекрасным отдыхом. Она не вступала в разговоры с пассажирами, и потому спокой-

ное размеренное плавание действовало на нее благотворно. В жизни бывают моменты, когда ясно видеть ситуацию удается, только закрыв глаза. Море дарит безмятежность, в которой так нуждаешься в смутное и тревожное время.

Первые два дня Патриция практически не покидала каюту. Она находилась в конце коридора, поэтому в ней было тихо. Стюард сказал Патриции, что ее сосед проводит все дни в кровати.

Но на третий день, вернувшись с прогулки по палубе, она обнаружила, что в ее дорожной сумке кто-то рылся, а в ящиках, где были разложены ее вещи, царит беспорядок. Итак, каюту обыскивали. Но кто? И что он хотел найти?

Патриция приказала проверить запоры как на входной двери, так и на той, что вела в соседнюю, смежную каюту. Но задвижки были целы, и к тому же замки на обеих дверях оказались закрыты на два оборота. Попасть в каюту было невозможно. И все же кто-то туда входил.

На следующий день в каюте Патриции снова кто-то побывал, и там опять что-то искали. Молодая женщина была в этом уверена. Но кто и зачем это сделал? Чтобы разгадать загадку, она решила присмотреться к пассажирам лайнера. Теперь она обедала и ужинала в общей столовой, гуляла

по палубе, посещала кают-компанию… слушала разговоры… присматривалась… И все же ни разу не заметила знакомого лица…

Однако обыски продолжались. Патриция пожаловалась капитану, который сообщил об этом корабельному интенданту, а тот, убедившись в правдивости слов пассажирки, установил наблюдение за коридором. Но это не дало результатов. Однако Патриция, продолжив собственное расследование, установила, что неизвестный злоумышленник уронил баночку с рисовой пудрой. Пудра рассыпалась. Следы вели в соседнюю каюту. Ее занимал пассажир по имени Эндрю Форб. Эндрю Форб?.. Это имя ни о чем не говорило Патриции. Но она с тревогой подумала, что за всем этим, вероятно, стоит Дикарь… Или же тот человек, который вступил в схватку с Дикарем на лестнице у кабинета Мак-Аллерми… человек, который тогда вырвал ее из лап нападавшего.

Но как узнать правду, ведь пассажир и носа не показывал из своей каюты?

Решив развеять сомнения, которые так ее мучили, она попросила интенданта наведаться вместе с ней к соседу. Интендант постучал в дверь и после переговоров, воспользовавшись своим правом, заставил открыть каюту и представил

Патрицию таинственному пассажиру. Молодая женщина с удивлением воскликнула:

— Не может быть! Неужели это вы, Генри?..

И попросила интенданта оставить их наедине.

В присутствии постороннего Генри Мак-Аллерми держал себя в руках, но, когда они остались вдвоем, от бесстрастного вида, который он принял во время последней беседы с Патрицией, не осталось и следа. Бледный и потрясенный, Генри упал на колени и признался Патриции во всем. Он любит ее! Никогда не переставал любить! Он просит прощения за то, что трусливо бросил ее. Он больше не может жить без нее.

— Я ревную, — закончил он, задыхаясь. — Я страдаю! Зачем ты едешь во Францию? Ты действительно хочешь отомстить за смерть моего отца? Нет, это наверняка лишь предлог! Это ложь! Патриция, ты отправилась не одна! А с мужчиной, которого любишь! Я не знаю, кто он! Но я узнаю это! Я увезу тебя от него! Для меня ты, и только ты имеешь значение. Мой брак был глупой ошибкой. Я люблю лишь тебя! Мне невыносимо видеть тебя с другим мужчиной! Я готов скорее убить тебя, чем смириться с твоим предательством!

Ошеломленная такой несправедливостью, Пат-

рация возмутилась:

— Но, Генри, ведь это ты предал меня! Я доверилась тебе, беззаветно полюбила! Я жила лишь тобой и нашим сыном. А ты все разрушил! Все кончилось внезапно. Никаких объяснений. Единственное слово на листке бумаги: «Прощай!» Ты говоришь, что убьешь меня?.. Да если бы не сын, я давно бы свела счеты с жизнью! Ты умоляешь простить тебя? Никогда! Хотя нет, я могу простить, но это будет прощение, дарованное горькому прошлому, которое больше не имеет значения! Так можно простить безразличного тебе человека, о котором ты и думать забыл, к которому уже даже не питаешь презрения!

Она говорила решительно, непримиримо,

пренебрежительно. Генри Мак-Аллерми с трудом сохранял самообладание. Он пообещал, что сегодня же сменит каюту, больше не станет ее беспокоить и, как только судно прибудет в Европу, вернется в Нью-Йорк.

— Позаботься о газете и о своей жене, — бросила Патриция.

Он пожал плечами:

— Нет, газета мне надоела. Это не для меня. Редакторы сделают все куда лучше без моего участия. Перед отъездом я передал им все полномочия.

— А твоя жена?

— Как только я понял, какова она на самом деле, я ее возненавидел. Она вышла за меня лишь потому, что желала отбить у тебя. Она избалованна, эгоистична, по-детски легкомысленна и капризна!

— Но ты должен быть рядом с ней! Раз ты женился, то обязан сделать ее счастливой! Это твой долг!

Генри протестовал, плакал, умолял. Но Патриция была непреклонна. В конце концов он вновь пообещал исполнить все ее требования.

«До чего же трусливый, непоследовательный и непостоянный человек, — думала Патриция,

возвращаясь в свою каюту. — Как я могла так ошибиться?»

Теперь, когда загадка разъяснилась, сосед уже не представлял для нее угрозы. Патриция наконец-то спала спокойно.

Но на следующее утро она узнала, что ночью на палубе поссорились два пассажира, и один из них выбросил другого за борт.

Поскольку тот, кто назвался Эндрю Форбом, больше не показывался, не оставалось сомнений, что жертвой стал именно он. Но кто именно выбросил его за борт, так и не удалось выяснить. Свидетелей драки не было. Один из участников ссоры оказался за бортом, другой бесследно испарился. Судно тщательно обыскали, но это не принесло никаких результатов. Загадку так и не удалось разгадать.

Однако Патриция была уверена — и она не нуждалась в доказательствах, — что нападавший и есть тот самый Дикарь, который, убив отца, избавился теперь и от сына. Решив, что Дикарь, должно быть, прячется среди пассажиров, она упорно вглядывалась в лица… Но как узнать человека, которого видел лишь мельком и в самых драматических обстоятельствах?

Все это время молодая женщина испытывала

странное и вместе с тем успокаивающее ощущение, что за ней кто-то присматривает. Судя по всему, тот самый человек, который уже спас ее однажды и в случае опасности спасет снова. Так, значит, он находится на борту «Иль-де-Франс»? Ну да, почему бы и нет? Разве он не обещал оберегать ее? Разве он не всемогущ? В уверенности, что это защитит ее от возможного нападения, она повесила на шею серебряный свисток, который незнакомец подарил ей как благодетельный талисман. При малейшей угрозе она призовет его на помощь, и он придет, она убеждена в этом.

Теперь она могла спокойно ждать окончания путешествия. В оставшиеся дни ничего не случилось. Как и Дикарь, спаситель пребывал в непроницаемой тени. Когда корабль причалил, она встала рядом с трапом. Пассажиры один за другим сходили на берег, но тех двоих она так и не увидела. Первый — с его цепкой, жестокой и дерзкой страстью — был зловещим, вульгарным и грозным; второй — решительным, дружелюбным и настолько сильным, что она уже ничего не боялась, ибо он обещал защитить ее.

Составляя свой план расследования, Патриция рассуждала так: Джеймс Мак-Аллерми ради затеянного им великого тайного предприятия

намеревался отправиться во Францию. Дикарь, его убийца (да, в этом она не сомневалась), тоже решил перебраться в Европу, чтобы избежать преследования нью-йоркской полиции и воспользоваться плодами затеянного предприятия. Тайком покинув судно, он, вероятно, попытается попасть из Англии во Францию другим путем. В Гавре Патриция взяла напрокат автомобиль и поехала в Булонь, а затем в Кале, куда прибывали суда из Великобритании.

В конце дня в порту Кале на берег сошел человек, одетый в просторный плащ реглан. Кепка надвинута на лоб… на шее толстый серый шарф… В правой руке он нес тяжелый чемодан. Под мышкой в охапке газет и журналов был спрятан завернутый в оберточную бумагу и перевязанный пакет, размером с украденный у Мак-Аллерми портфель.

Патриция, прятавшаяся за грузовым контейнером, сразу его узнала. Это был мужчина по прозвищу Дикарь. Она последовала за ним.

Добравшись до вокзала, он сел на поезд в Париж. Патриция заняла соседнее купе. В Париже он остановился в большом отеле недалеко от Северного вокзала. Патриция сняла номер в том же отеле, на том же этаже.

Она была уверена, что Дикарь даже не подозревает о слежке. Целый день она ждала, строя различные планы. Отвечавшая за их этаж горничная, подкупленная щедрыми чаевыми, сообщила Патриции, чем занят интересующий ее постоялец. Ничего особенного: всю вторую половину дня он спал, а потом попросил подать ужин в номер. При себе у него был плотно набитый светло-коричневый кожаный портфель.

Патриция окончательно убедилась в том, что необходимо действовать как можно скорее. Нужно отобрать у бандита портфель прежде, чем он успеет воспользоваться находящимися там документами или где-то его припрятать.

Патриция взяла из своего несессера маленький, почти игрушечный револьвер — без него она не рискнула бы отправиться в путешествие. Горничная, получив новые солидные чаевые, провела ее в номер, который занимал Дикарь, отперев дверь универсальным ключом.

Патриция вошла и закрыла за собой дверь, оказавшись один на один с противником.

Дикарь, только что отужинавший, сидел за столом. Он резко встал, и только теперь Патриция как следует разглядела своего врага, которого раньше видела лишь мельком — в сумраке лест-

ничной площадки и на вечерней набережной. Высокий, плотного сложения, с широким грубоватым лицом, на котором застыло изумленное выражение. На мгновение это его оцепенение показалось ей почти комичным.

Но Дикарь быстро опомнился.

— Патриция! Неужто вы? — с насмешкой воскликнул он. — Какой чудесный сюрприз! Как мило, что вы пришли навестить старого друга! Не хотите ли присесть? Я могу заказать фрукты, кофе, ликер. Но сначала, может быть, поцелуемся?

Он шагнул к ней. Патриция, направив на него револьвер, сказала:

— Ни с места!

Он усмехнулся, но остановился.

— Так что же вас интересует?

— Отдайте мне портфель, который вы украли, когда вернулись в магазин после окончания встречи и убили мистера Мак-Аллерми, — приказала Патриция.

Он снова рассмеялся:

— Я пошел на убийство, чтобы присвоить этот портфель, а вовсе не затем, чтобы его отдавать. Ну да ладно! Зачем он вам?

— Я хочу продолжить дело, начатое моим бывшим шефом. Думаю, в этом портфеле хранятся

все необходимые документы.

— Именно так. И без них предпринять что-либо невозможно!

— Отдайте их мне. Вас преследует полиция, в любую минуту вы можете быть арестованы за двойное убийство, и тогда документы будут для нас потеряны.

— Для нас? Значит, вы согласны работать на меня, прекрасная Патриция?

— Нет, для нас — значит для меня и для газеты.

— Иными словами, для вашего старого друга Мак-Аллерми-младшего?

— Он погиб, — тихо сказала Патриция, не в силах подавить дрожь. — Его бросили за борт.

Дикарь пожал плечами:

— Чушь! Да, в самом деле, кто-то упал в воду… Но ваш друг просто затерялся среди пассажиров третьего класса. Разве вы не читали последние телеграммы из Нью-Йорка?

— Так кто же утонул?

— Итальянский эмигрант, замешанный в каких-то грязных делишках и высланный из Америки. Кажется, он пытался кого-то шантажировать…

— Возможно, его бросил в океан тот самый человек, который тогда спас меня от вас?

— Я не знаю этого человека.

— Неправда! Вы назвали его по имени — Арсен Люпен!

— Однако же я не уверен. Может, это был он, а может, нет… Но, в конце-то концов, вы хотите получить портфель или нет?

— Да, я требую его вернуть.

— А если я откажусь?

— Я сдам вас полиции.

— Ясно. Но для начала нам надо разобраться между собой.

Наступила тишина. Дикарь, казалось, колебался. Наконец он проворчал:

— Ладно, вы предлагаете выбор между вашим пистолетом и копами…

— Отдайте мне портфель… Куда вы его дели?

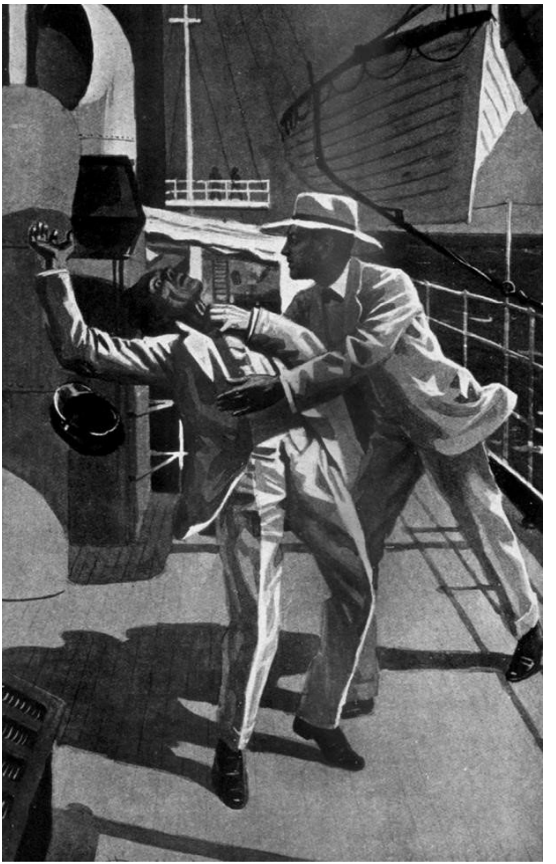
— Он под подушкой. Погодите, сейчас вы его получите.

Все еще поглядывая на револьвер в руке Патриции, Дикарь подошел к кровати, наклонился… и вдруг молниеносно отпрыгнул в сторону, одновременно швырнув подушку в лицо молодой женщины. Она выронила револьвер.

Бандит подхватил оружие и направил на нее. В тусклом свете единственной лампы она увидела на его лице кровожадную улыбку.

Патриция поднесла к губам серебряный свисток:

— Стойте! Или я позову на помощь!



— И кто же придет? — усмехнулся бандит.

— Он. Тот, кто однажды уже защитил меня от вас.

— Таинственный спаситель?

— Да, мой спаситель, Арсен Люпен.

— Значит, ты считаешь, что это был он?.. — спросил Дикарь, отступая.

— Ты тоже в это веришь, — ответила Патриция, — и боишься его.

— Ну, тогда свистни! Пусть приходит! Вот и познакомимся.

Но похоже, он не жаждал встречи с Арсеном Люпеном, поскольку позволил молодой женщине уйти.

Патриция вернулась в свой номер, решив, что назавтра предпримет еще одну попытку, на этот раз, пожалуй, предупредив полицию. Она проспала несколько часов, а утром ее разбудили оживленные голоса в коридоре.

Горничная сообщила, что ночью тяжело ранили постояльца из соседнего номера — ударили полицейской дубинкой по голове. Однако он остался жив, и есть надежда, что поправится. О нападавшем ничего не известно. Похоже, ему удалось уйти незамеченным.

Патриция, воспользовавшись своим журна-

листским удостоверением, попыталась выяснить результаты предварительного расследования, проведенного комиссаром полиции. Однако разузнать ничего не удалось. Но когда она вернулась в гостиницу, горничная, помнившая, что Патриция отчего-то интересовалась мужчиной из соседнего номера, предложила за соответствующее вознаграждение отдать ей записную книжку постояльца. Она обнаружила ее за батареей отопления. Патриция согласилась и спросила, не было ли там небольшого портфеля. Но, увы, портфеля никто не видел. Наверное, его прихватил нападавший, который и ударил мужчину именно потому, что хотел завладеть документами.

В отделении для карточек Патриция нашла маленькое удостоверение и фотографию в прозрачной обложке. На обороте удостоверения рукой Мак-Аллерми было написано: «(М) — Паула Синнер № 3».

На одной из страниц записной книжки был указан портсмутский адрес некоего Эдгара Беккера (таверна «Сент-Джордж»). Остальные страницы были чистыми. Патриция предположила, что этот Эдгар Беккер, вероятно, и есть тот, кто напал на Дикаря и унес портфель. Видимо, он уже вернулся в Англию со своей добычей. Надеясь

выяснить подробности и увидеть самого Беккера, она сразу же отправилась в Гавр, а оттуда через Ла-Манш в Портсмут.

Там она без труда нашла таверну «Сент-Джордж».

В этом небольшом портовом заведении царила суматоха. Хозяин, словоохотливый рыжий толстяк, рассказал, что произошло. Несколько часов назад в таверне было совершено преступление. Некий Эдгар Беккер, который прибыл из Франции и снял комнату при таверне, был найден мертвым.

— А был у него при себе светло-коричневый кожаный портфель? — спросила Патриция, пытаясь сдержать волнение.

— Да, мисс, он достал его из чемодана, а потом поднялся наверх, чтобы отдохнуть. Никто не знает, что там произошло, никто ничего не видел, но через три часа служанка заглянула в его комнату и обнаружила труп. Этого Беккера кто-то задушил.

— А портфель? — спросила Патриция.

— Его там не было. Зато я нашел записную книжку. О, я же так и не сказал об этом полиции!

— Десять фунтов, если вы отдадите ее мне, —

предложила молодая женщина.

Хозяин таверны с готовностью согласился:

— Да берите на здоровье. Мне все равно; в конце концов, Беккер задолжал мне, а полиция вряд ли мне заплатит…

В блокноте, похожем на тот, что лежал за батареей в номере Дикаря, нашлось такое же удостоверение, подписанное Мак-Аллерми, и фотография того же формата с пометкой: «(М) — Паула Синнер № 4».

Патриция добралась до Парижа, поселилась в отеле возле площади Этуаль и уже через три дня отправила в газету «Алло, полиция!» статью, которая вызвала в США и во всем мире небывалый ажиотаж.

Сенсацию сулило уже самое ее начало:

> Совершено четыре преступления: два в Нью-Йорке, одно в Англии и еще одно в Париже. На первый взгляд между ними нет ничего общего, и я не думаю, что полиция при всем желании смогла бы обнаружить здесь хоть малейшую связь… Но все они – звенья одной цепи, и я собираюсь это доказать.

Затем Патриция писала о своем разговоре с Мак-Аллерми, о причинах, побудивших ее вечером следовать за ним по улицам города, о встрече одиннадцати человек в магазине на площади Свободы, о краже светло-коричневого кожаного портфеля, о трагическом телефонном звонке Фредерику Филдсу, о своей поездке в Европу и, наконец, о том, что ей известно о двух других преступлениях.

История была изложена мастерски! Четко, ясно, безупречно логично! Уже с первых строк возникала напряженная атмосфера! О, она хорошо усвоила уроки Мак-Аллерми-старшего!

Статья заканчивалась подводившим итог заключением:

> Итак, одиннадцать человек собираются на явно давно намеченное совещание по поводу предприятия, которое представляется им весьма важным. И каковы же первые результаты согласованных усилий? Три убийства и одно покушение! Все началось с плана, который зародился в головах двух друзей, чьи моральные качества безупречны. Это Джеймс Мак-Аллерми и адвокат Фредерик Филдс. Но

они затеяли сложный проект, таящий много подводных камней, опасностей и препятствий; им пришлось привлечь нескольких сомнительных личностей: предпринимателей, не имеющих капитала, людей, готовых на все, преступников… Войдя во вкус, они стали выдвигать непомерные требования. Мак-Аллерми отдавал себе в этом отчет. Он сказал мне: «Предположим, я ввязался в смертельно опасную авантюру». Что ж, вот к чему это привело: два честных человека убиты, документы, необходимые для успешного ведения дела, похищены, а по миру разгуливает банда кровожадных хищников, преследующих амбициозные цели… Результат на сегодняшний день – еще две жертвы. И на этом они явно не остановятся.

Вы думаете, это лишь гипотеза?.. Предположение без реальных доказательств?

Я пока придержу свои доказательства у себя. Вскоре нью-йоркская полиция сможет ими воспользоваться.

Это две найденные мной записи: одна принадлежала Дикарю, другая – Эдгару

Беккеру. Так вот, я уверена, что такие же будут обнаружены среди бумаг Джеймса Мак-Аллерми и адвоката Фредерика Филдса…

Так оно и вышло: как только статья Патриции попала в поле зрения нью-йоркской полиции, были начаты поиски, и в результате в бумагах убитых друзей нашлись две записи, прежде не привлекшие внимания полицейских инспекторов.

У Фредерика Филдса: «(М) — Паула Синнер № 2».

У Джеймса Мак-Аллерми: «(М) — Паула Синнер № 1».

Догадка Патриции подтвердилась. Что это значило? Пароль? Знак принадлежности к некоему сообществу? Имя реальной женщины?

Тайна, покрытая мраком… Но можно предположить, что и семерых уцелевших сообщников объединяет то же имя: Паула Синнер. Это имя сопровождалось порядковым номером, включавшим всех их в загадочную цепочку, и предварялось заглавной буквой «М».

Однако ночью, после того как были обнаружены эти заметки, из центрального отделения

полиции исчезли записные книжки обеих жертв. Каким образом преступник получил доступ к уликам? Еще одна загадка.

Глава 3
Орас Вельмон, герцог Д'Отёй-Лоншан

На цыпочках, затаив дыхание, Виктория, старая нянька герцога, вошла в комнату. Хозяин заснул на диване, закутавшись в разноцветный халат. Не открывая глаз, он прорычал:

— Что ты крадешься? Можешь хлопать дверьми, бить тарелки, танцевать фокстрот или лупить в большой барабан, все равно я проснусь лишь в тот момент, который сам назначил. Ступай, Виктория.

Уткнувшись в подушки, он снова благополучно задремал.

Виктория долго восторженно смотрела на него, бормоча:

— Когда он спит, у него нет этой обычной дерзкой улыбки. Я знаю его с детства, но за столько лет так и не смогла к ней привыкнуть. А сейчас он спит, как ребенок. — Она продолжала разговаривать сама с собой: — Наверное, видит сладкие сны… ясно же, что отдыхает душой. Как спокойно его лицо… И как молодо он выглядит! Никогда бы не подумала, что ему вот-вот стукнет пятьдесят…

Она не закончила. Орас вскочил и схватил ее за плечи.

— Да замолчишь ты наконец?! — крикнул он. — Или хочешь, чтобы я назвал твой возраст тому мяснику, что за тобой ухлестывает?

Виктория выдавила из себя, задыхаясь (от возмущения, потому что могучие руки, обхватившие ее, вовсе не собирались ее душить):

— О!.. Ты хочешь опорочить меня, сделать посмешищем, назвав мой возраст.

Герцог отпустил няньку и вернулся на диван, зевнул, отхлебнул воды, с детской нежностью поцеловал старушку и воскликнул:

— Виктория, я никогда еще не был так счастлив!

— Почему, малыш?

— Потому что мне удалось разобраться со своей жизнью. Хватит с меня приключений! На историях с Виктором и Калиостро я ставлю точку. Довольно! Я надежно поместил свое состояние и желаю наслаждаться им без всяких хлопот. Буду жить на широкую ногу, как миллиардер. А еще мне надоели женщины! Хватит с меня любви! Хватит завоеваний! С меня достаточно сантиментов, серенад и лунного света! Баста! Сыт по горло! Приготовь мне накрахмаленную рубашку

и костюм номер один.

— Ты уходишь?

— Да, Орас Вельмон, единственный потомок старинного рода французских мореплавателей, эмигрировавших в Южную Африку и разбогатевших там самым честным путем, собирается сегодня вечером на большой ежегодный прием к банкиру Энгельману. Старушка, мне нужно одеться и привести себя в порядок!

В половине десятого Орас Вельмон подъехал к роскошному зданию на Фобур-Сент-Оноре, где располагались и банк Энгельмана, и апартаменты владельца. Пройдя под сводчатой аркой между крыльями здания, отведенными под конторы, он вошел в окаймленный жилыми флигелями двор, откуда открывался вид на один из тех прекрасных садов, что простираются до самых Елисейских Полей.

Над обширным двором и лужайкой были сооружены два навеса. Под ними раскинулась ярмарка. Здесь были карусель с деревянными лошадками, качели, всевозможные аттракционы, шатер фокусника, боксерский ринг и площадка для вольной борьбы. В этом ярко освещенном пространстве толпились сотни людей. Три оркестра и три джаз-банда старались вовсю.

На крыльце гостей приветствовал сам Энгельман. Несмотря на седину, хозяин дома — с чисто выбритым розовым лицом и фотогеничной внешностью типичного киношного банкира — выглядел достаточно молодо. Его благосостояние зиждилось на прочном фундаменте трех банкротств, которые он перенес с искусством, честью и достоинством. Неподалеку стояла его жена, прекрасная мадам Энгельман, как ее называли бесчисленные поклонники.

Орас пожал руку банкиру:

— Здравствуй, Энгельман.

Энгельман приветствовал гостя весьма любезно, хотя, похоже, затруднился обратиться к нему по имени:

— Здравствуйте, дорогой друг, как хорошо, что вы здесь!

«Дорогой друг» прошел было дальше, но внезапно обернулся и тихо сказал:

— Энгельман, тебе ведь известно, кто я такой?

Банкир вздрогнул и, понизив голос, ответил:

— Ну право, у вас столько имен!

— Я джентльмен, который не любит, когда из него делают дурака. Послушай, Энгельман, хотя у меня и нет пока формальных доказательств, мне все же кажется, что ты меня предаешь.

— Я… вас?!

Стальные пальцы впились в плечо банкира; со стороны этот жест выглядел вполне дружеским.

— Вот что, Энгельман… — Собеседник банкира был резок, однако голос не повышал. — С тобой будет покончено. А пока я даю тебе шанс… И залогом твоей преданности станет твоя восхитительная спутница.

Банкир вздрогнул, но вокруг толпились люди, прием был в разгаре, поэтому он быстро взял себя в руки и вновь нацепил светскую улыбку.

Орас тем временем уже приветствовал прекрасную мадам Энгельман. С безупречной непринужденностью знатного сеньора и выверенной галантностью он поцеловал ей руку и, выпрямившись, прошептал:

— Добрый вечер, Мари Тереза… Итак, все еще молода, соблазнительна и добродетельна?

Он насмешливо хмыкнул. Она улыбнулась и с той же иронией парировала:

— А ты? Смугл, красив и по-прежнему добродетелен?

— Конечно. Добродетельность — одно из моих отличительных качеств. Но женщины ценят меня не за это. Ведь так, Мари-Тереза?

— Самодовольный хлыщ!

Она слегка покраснела, пожав плечами, а он уже более серьезным тоном заключил:

— Следи за своим мужем, Мари Тереза.

— О чем это ты? — спросила она.

— О, дело не в интрижке… Разве можно изменить прекрасной Мари Терезе! Все куда более серьезно… Поверь мне и не спускай с него глаз.

Орас усмехнулся и, довольный собой, направился в сад.

Какое-то время он бродил среди гостей. Здесь было много красивых женщин. Он с улыбкой приветствовал некоторых знакомых дам. Кое-кто из них слегка краснел, провожая его взглядом. Казалось, Орас решил получить удовольствие от вечера. Он прокатился на карусели, а затем направился к шатру, где шли поединки борцов. Пожилой атлет в розовом трико и коротких панталонах из тигрового меха только что получил перелом запястья в схватке со здоровенным и самодовольным громилой-профессионалом. Орас, сняв шляпу, собрал пожертвования для пострадавшего, а потом нырнул в шатер и вскоре объявился на ринге в трико, позволявшем оценить его хорошо сложенную фигуру с развитой мускулатурой. Он бросил вызов победителю и уже во втором раунде опрокинул его на лопатки,

в отличной манере проведя прием джиу-джитсу. Зрители с восторгом приветствовали успех Ораса, и, когда он, уже переодевшись, собрался покинуть шатер, его окружила толпа зевак.

Затем он все с той же неизменной улыбкой направился к площадке, где кружились пары. Внимание зрителей особенно привлекала одна из них, выделывавшая сложнейшие фигуры танца с акробатической ловкостью. Орас с интересом наблюдал за танцующими. Какой-то высокий мужчина проскользнул перед ним и встал, заслонив площадку. Чтобы избавиться от помехи, Орас передвинулся на новое место, однако буквально через мгновение высокий тип сделал то же самое, вновь закрыв ему вид. Орас уже собирался сделать ему замечание, но в этот момент в толпе возникла суматоха. Незнакомец шагнул назад и ненароком, сам того не заметив, наступил Орасу на ногу.

— В таких случаях принято извиняться, черт побери! — проворчал Орас.

Мужчина обернулся. Это был стройный, элегантный, лощеный молодой человек, одетый по высшему разряду, по сути, совсем еще юноша. Его симпатичное лицо с правильными резкими левантинскими чертами обрамляла курчавая

бородка. Он окинул Ораса взглядом, однако не извинился.

Танец закончился. Оркестр заиграл танго. Левантинец поклонился стоявшей в нескольких шагах от него очень красивой молодой женщине англосаксонского типа. Орас успел отметить ее изящную фигуру. Поколебавшись секунду, она приняла приглашение. Оба танцевали с таким совершенством, что все смотрели только на них.

Левантинец проводил партнершу на ее место и снова встал перед Орасом Вельмоном. На сей раз тот, потеряв терпение, схватил его за руку и оттолкнул. Левантинец, раздраженный, резко обернулся.

— Ну вы и хам! — бросил Вельмон.

Молодой человек сердито покраснел и надменно произнес:

— Вы что же, напрашиваетесь на неприятности?

— Еще чего! Это простая констатация факта!

— Вы нанесли мне оскорбление.

— Очень на это надеюсь.

Левантинец величественным жестом достал из кармана визитную карточку:

— Граф Амальти ди Амальто! Сударь, ваше имя?

— Эрцгерцог д'Отёй-Лоншан.

В толпе раздался смех. Людей позабавило вызывающее хладнокровие Ораса Вельмона. Левантинец пришел в ярость:

— Назначьте место, сударь!

— Прямо здесь, — ответил Орас.

— Здесь?..

— Да. В серьезных делах, а это дело кажется мне очень серьезным, я всегда стремлюсь уладить все сразу, не мешкая. Вы считаете себя оскорбленной стороной… Так тому и быть! Какое оружие вы выберете? Шпагу? Пистолет? Абордажный топор? Отравленный кинжал? Пушку? Арбалет модели тысяча четыреста тридцать?

Толпа все прибывала. Собравшиеся уже просто хохотали. Молодой человек, чувствуя, что ему грозит опасность быть осмеянным, сдержал свой гнев и холодно ответил:

— Пистолет!

— Идемте!

Совсем рядом был ярмарочный тир, оборудованный разнообразными мишенями и фонтанчиками, в струях воды которых плясали яичные скорлупки. Орас взял два длинных двуствольных пистолета Флобера времен Второй империи, лично зарядил их и подал один графу Амальти.

— Нужно поразить две яичные скорлупки, и честь будет спасена, — серьезно сказал он.

Левантинец на секунду замешкался, но потом решил принять вызов.

Он поднял пистолет, прицелился, выстрелил — и промахнулся. Орас тут же выхватил у него оружие и, не целясь, нажал на спусковые крючки обоих пистолетов. Две яичные скорлупки оказались выбитыми из воды. Толпа одобрительно загудела.

— Честь спасена, сударь, — сказал Орас, — обе наши мишени повержены.

И он протянул руку графу Амальти, который, рассмеявшись, ответил:

— Отличная работа, сударь! Так мастерски и остроумно. Выше всяких похвал. Что ж, буду с нетерпением ждать нашей новой встречи.

— А я вот нет, — невозмутимо проговорил Орас и быстро ушел, чтобы избежать любопытных расспросов.

Некоторое время он бродил по той части сада, где было относительно безлюдно, и уже собирался откланяться, когда на его плечо легла чья-то рука.

— Сударь, могу я поговорить с вами? — произнес женский голос.

Орас обернулся.

— О, прекрасная англосаксонская дама! — восхищенно воскликнул он.

— Я американка! — ответила она.

Он церемонно поклонился:

— Мне следует представиться?

— Нет необходимости, — рассмеялась она. — Эрцгерцог д'Отёй-Лоншан звучит вполне убедительно.

— Очень хорошо, но я не имею чести быть знакомым с вами, мадемуазель!

— Вы уверены? А по-моему, мы встречались в некоем доме в Нью-Йорке, на лестничной площадке. Разве вы не помните?.. Я, видите ли, уже целый час наблюдаю за вами.

PAUL GERARD

— Так вы следили за мной?

— Да, следила.

— И почему же?

— Потому что вы явно тот самый человек, которого я искала последние несколько дней.

— Но кого конкретно вы искали?

— Мужчину, который может оказать мне большую услугу.

— Я всегда готов оказать услугу красивой женщине, — заметил Орас, который, как обычно, был сама любезность. — Мадемуазель, я в вашем распоряжении.

Они присели на садовую скамью под деревьями.

— Вы не замерзнете? — спросил Орас.

— Мне никогда не бывает холодно, — ответила она, сбрасывая газовый шарф, прикрывавший обнаженные плечи.

— Спасибо, — с чувством произнес Орас.

Она удивилась:

— За что спасибо?

— За зрелище, которое предстало моим глазам. Невероятно красиво. Греческий мрамор!

Она нахмурилась, слегка покраснев, и снова накинула шарф.

— Вы можете выслушать меня серьезно? — сухо

спросила она.

— Конечно, я был бы очень рад услужить вам!

— Суть вот в чем: я работаю в крупной американской газете «Алло, полиция!». Именно поэтому я оказалась вовлечена в уголовное дело, последние эпизоды которого произошли во Франции, — это дело Мак-Аллерми! Моя статья о нем была не так давно опубликована и встречена с небывалым энтузиазмом. Последние два месяца я пытаюсь продолжить расследование, надеясь сдвинуть его с мертвой точки, однако безуспешно. Не зная, что еще предпринять, два дня назад я отправилась в полицейское управление к любезному инспектору, который уже помогал мне своими советами. На этот раз он, выслушав меня, воскликнул: «Ах, если бы вам удалось поработать с *Как-его-там*!..»

— С Как-его-там? — переспросил Орас.

— Инспектор пояснил: «Как-его-там — прозвище удивительного субъекта, который иногда развлекается, работая с нами. Мы не знаем ни как его зовут, ни как он выглядит. Судя по всему, это человек светский, знатный и богатый. Он всегда ведет себя необычно, наделен невероятной физической силой, ловкостью и потрясающим самообладанием...» — «Но где же его найти?» —

спросила я. «Это просто… Барон Энгельман завтра устраивает ежегодный прием в своем особняке на Фобур-Сент-Оноре, на который приглашает весь Париж. Конечно, Как-его-там тоже там будет. Вы сможете узнать его и заинтересовать своим делом».

— Так вы поэтому пришли сюда? — задумчиво протянул Орас. — И когда увидели, как я положил на лопатки циркового борца, собрал пожертвования и сразил яичную скорлупу, то сказали себе: «Вот он»?

— Да, — ответила американка.

— Хорошо! Мадемуазель, я действительно Как-его-там, и я весь к вашим услугам.

— Спасибо, тогда я начну. Что вам известно об упомянутом мной американском деле?

— Деле Мак-Аллерми? Не много.

— А откуда вы о нем узнали?

— Я читал статью, написанную женщиной-репортером.

— Меня зовут Патриция Джонстон.

— Мои комплименты! Статья слишком хорошо написана, слишком литературна, и вся история слишком хорошо изложена. Когда речь идет о преступлении, я предпочитаю прямой и честный рассказ — без приукрашивания, без бел-

летристики, без попыток произвести эффект, без подготовки читателя к драматической развязке. Криминальные романы меня усыпляют.

Патриция улыбнулась:

— Мистер Мак-Аллерми предъявлял к авторам совершенно противоположные требования. Я была его секретарем. Впрочем, не важно. Вот что мне удалось узнать…

Она вкратце изложила факты. Орас внимательно слушал, не сводя с нее глаз. Когда она закончила, собеседник сказал:

— Теперь я понимаю все гораздо лучше!

— То есть мои объяснения понятнее, чем статья?

— Нет, но они слетают с ваших восхитительных губок.

Она снова покраснела и недовольно пробормотала:

— Ох уж эти французы… вечно одно и то же…

— Верно, мадемуазель, — кивнул он. — Я не могу говорить с женщиной откровенно, пока не скажу, что о ней думаю. Видите ли, это вопрос лояльности. Теперь, когда я отдал должное вашей красоте, вашим плечам и вашим губам, давайте подведем итоги. Что вам мешает двигаться дальше?

— Всё.

— Выявились ли какие-то новые обстоятельства после четвертого преступления, совершенного в Портсмуте?

— Нет.

— И что — никаких зацепок?

— Ни одной. Я уже почти три месяца в Париже, и до сих пор поиски были тщетны.

— Это ваша вина.

— Моя?

— Да, ваша. Благодаря случаю вы узнали ряд фактов, но почерпнули из них лишь часть правды.

— Мне кажется, я извлекла максимально возможное.

— Нет. И вот доказательство: слушая вас, я уже извлек из вашего рассказа куда больше пользы, чем вы. Так что если вы зашли в тупик, то это ваша вина. Вы проявили небрежность, выказали леность ума.

— С какой стати вы говорите мне про небрежность и лень? — спросила Патриция, немного обидевшись.

— Вы слишком быстро решили, что Паула — это имя какой-то женщины. Да, «Синнер» и впрямь значит «грешник». Поэтому вы пришли к выводу,

что «Паула Синнер» означает «грешница Паула». Это поспешное объяснение и слишком простое. Необходимо было глубже вникнуть в реальность и вспомнить, что сделал в прошлом Арсен Люпен. Вы с ним знакомы?

— Я, как и все остальные, конечно, читала о его подвигах. Но вряд ли мы с ним знакомы лично.

— Вы много потеряли, — серьезно сказал Орас.

— Объяснитесь, — попросила она, томимая любопытством.

— Он часто развлекался тем, что менял местами буквы своего имени и фамилии. В первый раз это позволило ему на некоторое время стать русским князем Полем Серниным[17], а позже — португальским дворянином Луисом Перенной[18]. И никто ничего не заподозрил.

Рассказывая об этом, Орас достал из бумажника несколько визитных карточек и разорвал их пополам. На каждом из одиннадцати квадратиков он написал по одной букве, из которых сложилось два слова: «Paule Sinner». Затем он перемешал их и разложил перед Патрицией.

— Читайте по порядку, — приказал он.

---

[17] Notes: 17
Герой романа «813»

[18] Notes: 18
Герой романа «Женщина с двумя улыбками»

Она прочла вслух одиннадцать букв: «A. R. S. E. N. E. L. U. P. I. N».

— Что это значит? — воскликнула она в замешательстве.

— Это значит, милая мисс Патриция, что одиннадцать букв имени Арсена Люпена были использованы для создания нового имени и фамилии — Паулы, а точнее Поля Синнера.

— Так, значит, Паулы Синнер не существует… — сказала Патриция.

Орас кивнул.

— Совершенно верно. Это просто пароль… и некий объединяющий символ, который вы очень удачно приписали нью-йоркской банде.

— Символ, шифрующий имя Арсена Люпена?

— Да, именно так.

— Но какую роль играет Арсен Люпен в этом деле? Он кто, предводитель?

— Вряд ли. Помимо миролюбивых привычек Люпена, которые никак не вяжутся с четырьмя совершенными преступлениями, есть еще кое-что, заставляющее меня предположить следующее: это сообщество, которым якобы руководит Арсен Люпен, напротив, было создано, чтобы досадить ему. Мак-Аллерми говорил вам о моральной цели. Но для таких пуритан, как он и Фредерик Филдс,

нет более нравственной, более достойной цели, чем атаковать злоумышленника, перегрызть ему горло и оседлать ту безграничную силу, которую может дать огромное состояние Люпена. А чтобы заполучить это состояние, нужно либо его украсть, либо шантажировать владельца.

«Мафия против Арсена Люпена» — вот каков, по моему мнению, девиз, символ, кредо этого нового крестового похода. Негодяем, неверным, сарацином, с которым нужно бороться и которого следует уничтожить, в данном случае, видимо, является Арсен Люпен, а роли крестоносцев — Годфруа де Буйона, Ричарда Львиное Сердце, Людовика Святого, решивших отвоевать Иерусалим, — исполняют Мак-Аллерми, Фредерик Филдс и Дикарь. Такое предположение кажется вам достоверным?

— О да, — сказала Патриция совершенно искренне. — Поскольку я знала Мак-Аллерми, то соглашусь с тем, что он мог рваться в бой, чтобы уничтожить Антихриста, олицетворением которого в его глазах являлся Арсен Люпен.

Глава 4
Мафия

Патриция долгое время оставалась задумчивой. Наконец она пробормотала себе под нос:

— Итак, мафия против Арсена Люпена!.. — Она подняла голову и пристально посмотрела на Ораса Вельмона. — Мафия... — повторила она. — Да, вероятно, вы правы.

— Причем надо учесть, — сказал он, — что эта мафия американского разлива не намерена ограничиваться той великолепной целью, которую предложили ее лидеры, а именно борьбой со злом. Нет, мафиози нужны деньги, и немедленно. Предлагая свои услуги как наемники-ветераны, они поступают на службу к частным лицам, к людям, желающим отомстить или защитить себя, либо обращаются к тем политическим фракциям, которые готовы избавиться от любого противника, будь то высокопоставленный чиновник, перешедший им дорогу, вражеский генерал или чересчур энергичный государственный деятель.

— То есть в нашем случае мафия именно такова?

— Да.

— И у вас уже есть тому доказательства?

— Но ведь и вы, и полиция, и все прочие тоже имели к ним доступ! В найденных вами удостоверениях заговорщиков стоит заглавная М, не так ли?

— Да.

— М — это первая буква слова «Maffia»; а первые буквы «М» и «А» — инициалы Мак-Аллерми, а потом «FF», которые являются инициалами Фредерика Филдса. К тому же мне известно, что человека, который служил секретарем Мак-Аллерми (вы его знаете как Дикаря) и возглавил банду, зовут Маффиано. Как раз от имени этого сицилийца из Палермо и пошло слово «мафия»... Итальянская мафия — это объединение сицилийских преступников, прикрывавших свои злодеяния политической необходимостью. О ее деятельности сохранились жуткие свидетельства...

— Это та самая мафия, о которой так много говорят в последнее время во Франции?

— Я не знаю. Существует некая глобальная мафия, с которой связаны банды, разбросанные по разным странам. Она представляет собой грозное объединение, цель которого — воров-

ство и убийства. Мне доподлинно известно, что ядро организации находится в Нью-Йорке, а ее щупальца дотягиваются до Европы. Именно этот центр и привлек внимание Мак-Аллерми и Фредерика Филдса; приятели, разумеется, не знали о его преступной сути и хотели превратить его в благотворную силу. По моим сведениям, он состоит из группы боевиков-исполнителей, которых возглавляет сицилиец Маффиано, и из своего рода контрольно-счетной комиссии, то есть некоего административного совета, как раз и созданного нашими двумя друзьями. Этот совет собирает взносы и распределяет прибыль. Обычно в подобных объединениях правила очень строгие, а распределение денег происходит абсолютно скрупулезно. Каждый получает свою долю в соответствии с рангом и порядковым номером в иерархии. Именно так прежде действовали флибустьеры. Любое нарушение закона честной игры, любая неудача влечет за собой лишь одно наказание — смерть. Ускользнуть не удается никому. Для преступившего закон мафии нет безопасного укрытия, ему не поможет никакая маскировка. Рано или поздно находят его труп, пронзенный кинжалом, на котором выгравирована буква «М»... Мафия!

Патриция снова ответила не сразу, погруженная в глубокие мысли.

— Пусть будет так, — сказала она наконец. — Я согласна с вами. Вы правы по всем пунктам. Я допустила серьезную ошибку, неверно истолковав имя Паула Синнер, но откуда мне было знать, что означает буква «М» и чем страшна эта преступная группировка? А вот вы наверняка располагаете конкретной информацией на ее счет.

— Конечно! — подтвердил Орас Вельмон.

— Но откуда? Один из членов мафии — предатель?

— Именно! И он старый знакомый Арсена Люпена.

— То есть ваш старый знакомый, так?

— Так. Я готов признать это, чтобы доставить вам удовольствие, хотя в данный момент это не столь важно. Бывший помощник Арсена Люпена, ставший гангстером в Нью-Йорке, был нанят Мак-Аллерми, узнал, что возник заговор, направленный против Арсена Люпена, и предупредил меня. Я немедленно отправился на пароходе в Нью-Йорк, подобрался к Мак-Аллерми и продал ему важные сведения. После чего попросил включить меня в игру.

— То есть вы — член мафии?

— Мало того, я — один из ее руководителей. Вот моя карточка: «Паула Синнер, номер одиннадцать».

— Замечательно!.. — с восхищением пробормотала молодая женщина. Она была совершенно ошеломлена.

— Итак, — продолжил Орас, — теперь вам ясно, что… — Он вдруг осекся и возвысил голос, будто продолжая разговор: — Представляете, мадемуазель, баронесса, заметив, что на портрете она изображена рыжей, тогда как теперь ее волосы имеют платиновый оттенок, отказалась от него. Художник хочет подать в суд. Таково положение дел на сегодняшний день.

Патриция посмотрела на него с изумлением.

Он добавил совсем тихо:

— Спокойно!.. Нет, я не сошел с ума, за нами шпионят.

— Какая забавная история, — со смехом откликнулась Патриция.

— Не правда ли? — громко сказал Вельмон. И шепотом добавил: — Видите вон там трое или четверо во фраках? Да, там. Они смешались с толпой гостей, но в них есть нечто подозрительное. Они вам не знакомы?

— Кажется, знакомы, — со сдерживаемым

волнением ответила молодая женщина, — они похожи на тех, кого я видела в Нью-Йорке в вечер преступления, под аркадой на площади Свободы.

— Ясно.

— Они следят за вами!

— Без сомнения, — спокойно сказал Орас. — Давайте произведем подсчет. Ассоциацию основали одиннадцать человек. Если к моменту дележа в живых останутся только четверо или даже трое, то они смогут забрать всю добычу. Именно поэтому банда постепенно истребляет своих членов. Но кое-кто из них надеется, убирая сообщников, остаться в одиночестве. Срок у него — до конца сентября, когда должно произойти сведение счетов. Вот, посмотрите направо… С тем длинноруким верзилой вы танцевали недавно на площадке. Вам следовало отказать ему… А!.. Он уходит… Граф Амальти ди Амальто, барон Маффиано.

— Значит, его вы считаете главарем?

— Да… Ближайший советник Мак-Аллерми, помощник и мастер на все руки. Тот, кто преследовал вас, скрываясь в тени… Тот, кто убил Мак-Аллерми и Фредерика Филдса…

— Его ударили по голове в парижском отеле, где я с ним встретилась!

— Ударили, но не убили. Он выжил после ранения и исчез из больницы прежде, чем в газете вышла ваша статья. Таким образом ему удалось избежать ареста.

Молодая женщина вздрогнула:

— О, я этого не знала… Я боюсь этого человека! Пожалуйста, будьте осторожны!

— И вы, Патриция, тоже. Он идет по вашему следу, он не выпустит вас из виду. Вам постоянно грозит опасность.

Она попыталась справиться с волнением:

— Но почему мне надо его бояться?

— Да по тем же причинам, что и мне.

— Но ведь я не вхожу в их банду.

— Верно, не входите! Только вы — враг. Через десять минут после того, как вы отплыли из Нью-Йорка, во все европейские мафиозные ячейки поступила телеграмма: «Патриция Джонстон, секретарь газеты „Алло, полиция!“, направляется в Париж, чтобы отомстить за номер один и номер два М». С тех пор вам вынесен приговор, за вами ведется слежка. Теперь вам грозит смерть… Пойдемте-ка отсюда. Когда вы со мной, вы в безопасности. Вы можете заночевать в моем доме.

— Хорошо, но — как видите, я пекусь о вашей жизни не меньше, чем о своей, — разве вы не

говорили, что им известны все адреса Арсена Люпена?..

— Я сам передал им список незадолго до гибели Мак-Аллерми. Однако моего нынешнего адреса там не было. — Он встал. — Пойдемте, Патриция. Опустите голову на мое плечо, позвольте мне почтительно обвить рукой вашу талию... Да, вот так... Давайте уйдем вместе, и не как трусливые сообщники, которые спасаются бегством, а как влюбленные, которые нежно обнимают друг друга, опьяненные страстью. Вперед, Патриция, вперед!

Молодая женщина повиновалась. Бок о бок, мерным шагом, они направились к выходу, но как раз в тот момент, когда они ступили на темную пустынную аллею сада, перед ними внезапно возникла высокая фигура. Орас Вельмон мгновенно выпустил талию Патриции, и луч невесть откуда взявшегося электрического фонарика уперся в лицо мужчины. Другая, свободная рука была готова схватить его за горло. Орас сухо хмыкнул.

— А, это вы, Амальти ди Амальто, барон Маффиано, — сказал он, нахмурившись. — Посторонись-ка и дай нам пройти, Дикарь. Знаешь, у тебя не та физиономия, которую будешь рад увидеть в

глухом закоулке… И даже здесь, в центре Парижа, я предпочел бы держаться от тебя подальше. Я не хочу, чтобы меня прихлопнули, как этого славного Мак-Аллерми, твоего босса, не говоря уже об адвокате Фредерике Филдсе!.. И еще вот что… хочешь добрый совет? Оставь в покое Патрицию Джонстон.

Бандит ухмыльнулся:

— Нам сообщили из Нью-Йорка, что она для нас опасна.

— Ну а я сообщаю из Парижа, что она вполне безобидна. И вот еще что. Я люблю ее. Значит, она неприкосновенна. Не смей тронуть ее даже пальцем, Маффиано… иначе…

— Ты… Рано или поздно… — прорычал мужчина.

— Скорее поздно, мой мальчик. И в твоих собственных интересах поскорее понять это… Вам нечего мне противопоставить… Наоборот.

— Ты — Арсен Люпен.

— Вот именно! Пойдемте, Патриция. А ты — прочь с дороги! Оставь нас в покое, занимайся своей мафией. Так будет безопаснее, поверь…

Бандит на мгновение замешкался, а затем внезапно скрылся в тени, словно нырнув в заросли.

Орас и Патриция вошли в дом, пересекли опу-

стевший зал. Пока Патриция забирала свое манто у лакея, Орас раскланивался с баронессой Энгельман.

— Ваша новая пассия прелестна, — шепнула та скорее раздраженно, чем насмешливо.

— Она и впрямь прелестна, — серьезно ответил Орас. — Это моя американская подруга, которая не знает Парижа и попросила меня проводить ее.

— И только?! Бедняга, вот невезение!

— Надо уметь ждать, — многозначительно заметил Орас.

Баронесса бросила на него вопросительный взгляд:

— Вы все еще ждете меня?

— Больше, чем когда-либо, — ответил Орас.

Баронесса отвела взгляд. Подошла Патриция. Орас взял молодую американку под руку, и они покинули особняк Энгельмана.

Уже на тротуаре Орас сказал своей спутнице:

— Я повторяю: Патриция, вам не стоит возвращаться в отель.

— Предлагаете отправиться к вам?

— Да, ко мне. Эти мерзавцы в ярости, и вам есть чего опасаться. Они ни перед чем не остановятся.

— Вы уверены в своих слугах?

— У меня только одна старая служанка, она предана мне беззаветно. Я доверяю ей как себе самому. Идемте!

Он повел ее к своему автомобилю, и через четверть часа они уже были на месте. Орас остановил машину у дома двадцать три по авеню Сайгон; он жил в расположенном во дворе коттедже, выходящем окнами в сад.

Открыв ворота, он позвонил в колокольчик, чтобы предупредить Викторию. Но когда они подъехали к крыльцу, старой няни там не оказалось.

Вельмон нахмурился.

— Странно, — сказал он встревоженно. — Почему в зале нет света и почему Виктория не вышла нас встречать? Она всегда дожидается моего возвращения.

Он зажег свет и тотчас же наклонился, вглядываясь в ковер на лестнице:

— Здесь были люди, вот следы! Пойдем наверх.

Он поспешно поднялся по лестнице на второй этаж и открыл дверь спальни. Патриция следовала за ним. В спальне на диване лежала Виктория — связанная, с кляпом во рту и повязкой на глазах.

Орас бросился к ней и с помощью Патриции освободил. Виктория была без сознания, но быстро пришла в себя.

— С тобой все в порядке? Не ранена? — спросил Вельмон.

— Вроде нет… — сказала Виктория, оглядев себя.

— Но что произошло? Кто напал на тебя? Ты их видела? Откуда они появились?

— Полагаю, из столовой. Я была здесь, дремала. Открылась дверь, и что-то обрушилось мне на голову…

Орас кинулся на первый этаж. К просторной гостиной примыкал небольшой кабинет. Там в стенном шкафу была смонтирована лестница, которая спускалась к двери, ведущей в туннель под двором. Эта дверь была распахнута.

— Мерзавцы! — прорычал Орас. — Они шпионили за мной! Они все узнали! Хо-хо, это грозные противники! Что ж, мы тоже не станем с ними церемониться.

Он вернулся в столовую и сел за стол у окна. Патриция прошла за ним, оставив наверху Викторию, все еще ошеломленную произошедшим. Американка уселась напротив Ораса. Оба долго молчали в задумчивости.

Наконец Патриция спросила:

— Каким образом эти мафиози надеялись ограбить Арсена Люпена? Ведь состояние — это не саквояж, который можно просто взять и унести!

— Арсен Люпен пошел на хитрость, распродав все, что ему принадлежало: бумаги, акции, драгоценности и так далее. Все это позволило собрать изрядную сумму наличными. Ему казалось, что он спрятал ее в надежном месте, но, вероятно, они вот-вот обнаружат его тайник. Так что назревает схватка! Да, следует признать, что у них на руках есть несколько крупных козырей. И все же Арсен Люпен есть Арсен Люпен!..

— И он всегда спокоен?..

— Нет, не всегда. Этих людей много, они действуют умело и не останавливаются ни перед чем. Это они уже доказали. Более того, денег у них достаточно. Изначально Мак-Аллерми и Фредерик Филдс внесли по сто тысяч франков, но затем эта сумма была удвоена благодаря целому ряду тайных операций. Однако самое главное их преимущество состоит в том, что Арсен Люпен устал от постоянного пребывания на линии огня. Он жаждет отдыха, спокойной добропорядочной жизни. Хочет насладиться результатами своих усилий. Совсем как наполеоновские маршалы

после победоносных кампаний, когда звезда Наполеона начала меркнуть. Да, он устал…

Орас Вельмон резко осекся. Он уже жалел о своем признании.

— Арсен Люпен действительно так богат? — равнодушно спросила Патриция.

— Пфф! Трудно оценить… Несколько миллиардов… Семь… восемь… возможно, девять.

— Прекрасно.

— Да, неплохо. И он вправе дорожить тем, что так нелегко досталось. Примерно по десять миллионов — за каждую сделку… Семь или восемь сотен разных предприятий, за которыми стоят сложные комбинации, изнурительные экспедиции, опасности, ранения, жестокая борьба, обескураживающие провалы. А еще — неудачные вложения капитала, крах финансовых проектов, кризис… не говоря уже о растущих расходах, о пенсиях помощникам, которые нужно выплачивать, а Люпен не привык скупиться! Так что он, конечно же, стремится сохранить то, что имеет! Арсен Люпен не склонен беречь чужую собственность, но, черт возьми, никто не смеет покушаться на его достояние! Это святое. Одна только мысль о том, что кто-то попробует завладеть его деньгами, приводит Люпена в ярость.

Тут он будет беспощаден.

— Любопытно, — задумчиво пробормотала Патриция, — я не думала, что он такой.

— Он человек, и ничто человеческое ему не чуждо, — флегматично ответил Орас.

— Но мне кажется, что не стоит так уж сильно держаться за то, что позаимствовано у других, — заметила американка.

Он пожал плечами:

— А почему? Забрать сложнее, чем выиграть. И риск гораздо больше! Сам факт обладания чем-то делает тебя безжалостным к другим. А с возрастом это чувство лишь обостряется. Предположим, состояние Арсена Люпена около десяти миллиардов… Да, это та цифра, которую он признает. Что ж, я бы никому не советовал заглядываться на его добычу. — Орас вдруг замолк, но вскоре вновь заговорил, едва заметно вздохнув и прикрыв рукой рот: — Не двигайтесь, не произносите ни слова, ни звука… Вы меня слышите?

— Едва-едва, — шепнула она.

— Вот и отлично.

— В чем дело? — спросила Патриция.

С невозмутимым видом он зажег сигарету и, откинувшись на спинку кресла и наблюдая за кольцами синего дыма, устремлявшимися к по-

толку, сквозь зубы бросил:

— Что бы я вам ни сказал, не нервничайте, не вздрагивайте… И подчиняйтесь без раздумий. Готовы?

— Да, — выдохнула она, понимая, что ситуация серьезная.

— На стене перед вами висит зеркало. Если вы чуть поднимете голову, то увидите, что в зеркале отражается все то, что вижу я, поскольку я сижу лицом к окну. Ну как?

— Да, в зеркале я вижу окно…

— Да, верно. Там проделано отверстие, вы его видите?

— Вижу… и там что-то движется.

— Это ствол винтовки, он чуть смещается и направлен на меня. Правда, саму винтовку… нам не видно.

— И кто же в вас целится?

— Думаю, Маффиано… Дикарь… или один из его умелых сообщников. Не двигайтесь ни на дюйм. Эй, Патриция, вы же не собираетесь падать в обморок?

— Нет, это мне не грозит… Но как насчет вас?

— Я в порядке. Тихо, Патриция. Закурите сигарету. Дым скроет вашу бледность. Этот человек наблюдает за вами, но не догадывается, что вы

его видите. Теперь слушайте. Неспешно встаньте и поднимитесь на второй этаж. Моя спальня выходит на лестничную площадку. Там есть телефон. Наберите «семнадцать», — это вызов полиции. Скажите, чтобы срочно прислали пять или шесть человек на авеню Сайгон, двадцать три. Проделайте все очень тихо. О Виктории не беспокойтесь: она в безопасности у себя на третьем этаже. Закройтесь в комнате, затворите ставни на окнах, забаррикадируйте дверь. Вы не должны открывать никому… никому!

— А как же вы? — еле слышно спросила Патриция с тревогой в голосе.

— Я смогу выпутаться, если мне не нужно будет вас защищать. Давайте, Патриция, пора. — И он громко сказал: — Моя дорогая, у вас был весьма утомительный день. Послушайте моего совета и отправляйтесь спать. Старушка-няня покажет вам вашу спальню.

— Вы правы, — спокойно ответила Патриция. — Я очень устала. Спокойной ночи, дорогой друг.

Молодая женщина поднялась, держась совершенно естественно, и без спешки покинула столовую.

Орас Вельмон был доволен собой. Самообладание, спокойствие перед лицом опасности помогло

ему восстановить собственный престиж в глазах молодой женщины, возможно чуть подточенный его недавним признанием. Он заметил, что дуло ружья дрогнуло, поднимаясь повыше.

Он крикнул:

— Давай, Маффиано! Стреляй, парень! И не промахнись, не то я снесу тебе башку!

Он распахнул пиджак, подставляя грудь.

Ружье выстрелило беззвучно.

Вельмон со стоном прижал руку к груди и рухнул на пол. Снаружи раздался победный вопль. Французское окно внезапно распахнулось. Дикарь ворвался в комнату… и тут же, вскрикнув, схватился за плечо и упал, сраженный пулей из револьвера.

Вельмон поднялся на ноги совершенно невредимым.

— Идиот! Тупица! — сказал он нападавшему, опуская револьвер. — Неужели ты вообразил, что достаточно тебе прихватить заряженную винтовку из моей коллекции и со мной будет покончено? Прискорбная наивность. Или ты считаешь, что я настолько глуп, чтобы предлагать грабителям, которые вечно норовят влезть в особняк, грозное оружие? Да! Там есть стволы, есть патроны, но нет самого необходимого.

— Чего же?.. — спросил недоумевающий бандит.

— Только пуля делает винтовку оружием! Дурачок, ты стрелял холостыми! Это всего лишь сотрясение воздуха. Так не убивают, старина!

Произнося свою речь, Вельмон одновременно снимал со стены второе ружье. Затем он двинулся к окну, но увидел лишь стремительно ускользающую тень. Маффиано сбежал.

Обеспокоенный Орас спросил себя:

— Куда же он мог деться? Что он задумал?

Вдруг со второго этажа донесся пронзительный свист… он узнал этот зов. Патриция нуждалась в помощи. «Что, если бандиты нашли тайный выход из моей комнаты?..» — подумал он.

Для Ораса тревога всегда означала действие. Он бросился к лестнице и в три прыжка оказался на площадке второго этажа, перед дверью своей спальни. По шуму внутри он понял, что мафиози проникли туда по потайной лестнице, которая позволяла хозяину входить в дом и покидать его незамеченным.

В бешенстве он принялся ломать дверь…

Часть стены в спальне была сдвинута, ход открыт. Маффиано пытался утащить Патрицию с собой. Позади него, в тени, маячили два сообщни-

ка, готовые в случае необходимости вмешаться.

Патриция отчаянно отбивалась, но силы ее были на исходе; она выронила серебряный свисток и с тихим стоном воскликнула:

— Помогите!

Маффиано сжал ее еще крепче. Но тут скрипнула дверь, которая вела на потайную лестницу: сообщники решили, что им пора спасаться бегством.

Бандит окончательно разъярился.

— Однако же награду я все-таки получу! — прорычал он.

Резко наклонившись, Маффиано попытался поцеловать Патрицию в губы. Молодая женщина отпрянула, возмущенная этим омерзительным поступком, и вцепилась ногтями ему в лицо.

— Презренный негодяй! Грязная скотина! — прохрипела она, яростно сопротивляясь.

Внезапно входная дверь рухнула. Маффиано не успел опомниться, как вихрем налетевший на него Вельмон нанес ему страшный удар в челюсть. Пошатнувшись, бандит выпустил Патрицию. Град сильных оплеух заставил его опомниться и оглядеться по сторонам, чтобы оценить ситуацию. Бежать через потайной ход было невозможно: дверь закрылась.

Тогда, выйдя на середину комнаты, Маффиано вытащил револьвер, сел на стул и сказал Орасу, сжимавшему винтовку:

— Вельмон, мы еще успеем обменяться выстрелами. Давай-ка пока сложим оружие. Парни вроде нас дерутся жестоко и беспощадно, но не убивают друг друга без объяснения причин.

Вельмон пожал плечами:

— Минуту назад ты хотел убить меня без объяснений. Что ж, давай поговорим, если тебя это развлечет, но изволь выражаться ясно и точно!

— Так вот, нынче вечером, на приеме у Энгельмана, ты сказал, что хочешь заполучить нашу красавицу Патрицию, потому что любишь ее… Что ж, бывает… Но ты должен знать, что у тебя нет на нее никаких прав.

— У меня есть те права, которые я беру себе, и те, которые дает мне она.

Глаза бандита злобно сверкнули.

— Не согласен…

— В таком случае обратись к судебному исполнителю! — с издевкой в голосе оборвал его Вельмон. — Здесь так принято в случае возникновения разногласий.

— Ты просто сумасшедший! Подумай, ты знаком с ней всего два часа.

— А как долго ты ее знаешь?

— Четыре года. Четыре года я был рядом с ней… Следил, наблюдал, стараясь не показываться на глаза. Она знала, что я работаю на Мак-Аллерми, не так ли, Патриция? Сколько раз я как тень следовал за ней! И она понимала, что я люблю ее, желаю ее, что она для меня все…

— Ты красноречив! — рассмеялся Вельмон. — Но если она для тебя — все, то ты для нее — ничто, пустое место, не так ли, Патриция?

— Меньше чем ничто. — В голосе Патриции сквозило отвращение.

— Вот видишь, Маффиано! Давай сваливай отсюда, освободи место!

— Тебе? Никогда. Ты для нее чужой… Да ты вообще хоть что-нибудь знаешь о ее жизни? Знаешь, что ее любили оба Мак-Аллерми, отец и сын?

— Ты лжешь!

— А тебе известно, что она была любовницей Мак-Аллерми-младшего?

— Это ложь!

— Это чистая правда. Она родила от него ребенка.

Вельмон побледнел:

— Ты лжешь… Патриция, умоляю…

— Он говорит правду. — Молодая женщина не

желала ничего скрывать. — У меня есть ребенок, сын, которому уже десять лет… Сын, которого я обожаю. Рудольф — вся моя жизнь, весь смысл моего существования.

— Сын, с которым она не в силах расстаться, — добавил Маффиано, — и которого недавно привезли в Париж.

Тон бандита показался Орасу странным. У него мелькнуло подозрение.

— Патриция, а где сейчас мальчик? Он в безопасности? — спросил он со смутным беспокойством.

Она уверенно улыбнулась:

— Да, в безопасности.

— Патриция, возвращайтесь к нему, — серьезно сказал Вельмон. — И увезите его как можно дальше и как можно быстрее.

Маффиано усмехнулся:

— Слишком поздно!

Патриция побледнела, прижимая руки к груди, в ее глазах застыл ужас.

— О чем вы говорите? Я видела его сегодня утром!

— Да, в Живерни, недалеко от Вернона, в доме одной доброй женщины, мадам Вавассер. Патриция, вернувшись туда, вы не найдете ни ребенка, ни мадам. Сегодня днем эта славная женщина

приехала с ним ко мне.

Лицо Патриции исказилось.

— Вы трус! Негодяй! Мальчик крайне чувствителен, он нуждается в постоянной заботе!

— Я обеспечу ее, клянусь. Заменю ему мать, — ответил Маффиано со зловещей усмешкой.

— Я заявлю в полицию! — вскричала расстроенная Патриция.

— Его отец, Мак-Аллерми-младший, предоставил мне все полномочия. Закон будет на стороне человека, который вернет сына отцу! — издевательским тоном пояснил Маффиано.

Вельмон стиснул его плечо:

— Прежде чем дело дойдет до суда, полицейские арестуют тебя и предъявят обвинения…

— Полиция далеко, — сказал бандит.

— Ближе, чем тебе кажется! Я уже позвонил, и через пять минут они будут здесь. Слышишь?.. Полицейская сирена… Они уже близко… Чуешь, чем пахнет, Маффиано? Стальные наручники… камера… суд… присяжные… гильотина…

— И арест Арсена Люпена!

— Ты рехнулся? Арсен Люпен неприкосновенен.

Бандит на секунду задумался.

— Итак, что ты мне предлагаешь? — спро-

сил он.

— Скажи мне, где мальчик, и я позволю тебе сбежать через второй тайный ход. Но тебе лучше поторопиться. Полицейские уже перед домом. Где ребенок?

— Патриция должна уйти со мной. Мы с ней поладим. Она знает мои условия: сначала она должна мне уступить, а потом я верну ей сына.

— Уж лучше смерть! — мрачно сказала Патриция.

На первом этаже позвонили в дверь. Вельмон воскликнул:

— Вот они! — И провел пальцем по выступу деревянной резной панели. — Стоит мне нажать, как откроется входная дверь и полицейские попадут в дом. Так я нажимаю, Маффиано?

— Давай, — сказал Маффиано. — Но тогда Патриция не узнает, где находится ее сын.

Вельмон нажал на выступ. С первого этажа донеслись мужские голоса и звук шагов. Вельмон устремился к двери спальни, чтобы встретить полицейских. Маффиано подскочил к окну, открыл его, перелез через балюстраду и исчез в темноте.

— Именно на это я и рассчитывал, — усмехнулся Вельмон, поднимая с пола винтовку, снабженную специальным механизмом.

Ночная тень простиралась над садом, разбитым на террасы, которые тянулись далеко вглубь квартала.

— Теперь, — продолжал Орас, — ему предстоит преодолеть три низкие ограды, чтобы добраться до четвертой, более высокой. С помощью заранее установленной лестницы он перелезет через стену, окажется на пустынной улице и сбежит.

Молодая женщина застонала:

— Если ему удастся скрыться, я больше никогда не увижу сына.

Внизу переговаривались полицейские. Виктория уже спускалась к ним.

— Поднимайтесь по лестнице, господа! — крикнул им Орас. — Мы на втором этаже!

Перегнувшись через подоконник, он вскинул винтовку.

— Не убивайте его, — умоляла Патриция. — Иначе мы ничего не узнаем.

— Не бойтесь. Я целюсь в ногу.

Патриция услышала лишь негромкий щелчок. Никакого звука выстрела, разве что легкое шипение. Но в дальнем конце сада кто-то вскрикнул от боли… застонал.

Вельмон, перемахнув через перила балкона, помог перебраться Патриции. Они спустились

на землю по своеобразной лесенке — вбитым в стену фасада железным колышкам. А затем без труда преодолели три низкие стенки, разделявшие террасы сада. У подножия четвертой, гораздо более высокой, корчился от боли мужчина.

Вельмон посветил фонариком.

— Это ты, Маффиано? — обратился он к раненому. — Правая икра малость пострадала, не так ли? Ничего, пули я всегда стерилизую в автоклаве и к тому же захватил все нужное для перевязки. Вытяни раненую ногу. Мы проявим милосердие.

Патриция ловко наложила повязку, а Вельмон быстро обшарил карманы Маффиано.

— Вот и все! — радостно воскликнул он. — Ты у меня в руках, дружище. Патриция уже отдала мне удостоверение твоего приспешника, а вот и карточки Мак-Аллерми и Филдса, которые ты выкрал в Нью-Йорке! — И, наклонившись к бандиту, он сурово приказал: — Отдай нам мальчика, и я верну тебе твое удостоверение.

— Да плевать я на него хотел! — с трудом пробормотал Маффиано.

— Ошибаешься, приятель! Тебе без него не обойтись! Удостоверение с личным номером — единственное, что дает тебе право участвовать в дележе добычи. Если ты вовремя его не

предъявишь, тебя не станут рассматривать как партнера, а следовательно, ты не сможешь получить свою долю. Вот ведь незадача, мой зайчик!

— Это не так! — возразил Маффиано. — Меня там знают. Я заявлю, что мое удостоверение украли.

— Потребуются доказательства, в данном случае — показания Патриции или мои. Но у тебя их не будет. Это крах всех твоих надежд.

— Не забудь, что вы хотите вернуть ребенка. А мальчонка останется у меня.

— Нет. Утром ты привезешь его сюда, и мы произведем обмен. Баш на баш.

— Согласен, — поколебавшись, сказал раненый.

— Ты все понял? — настаивал Вельмон. — Если в девять утра мальчик в полном здравии не окажется здесь, я сожгу твое удостоверение.

— Ну ты и дурак! Я же не успею. Как я пойду с раненой ногой?

— Это верно. Значит, побудешь здесь. Завтра вечером мы зайдем за тобой и втроем отправимся за мальчиком. Годится?

— Годится!

Патриция и Вельмон перенесли Маффиано в пристроенный к высокой стене небольшой

павильон, заставленный садовыми стульями и скамейками. Его уложили на топчан и сменили ему повязку. Заперев дверь павильона, они вернулись в дом.

— Ушел! — сказал Орас инспектору полиции.

— Ну и дела! И как это вы умудрились его упустить... Однако не будем даром терять время. Куда он побежал?

— Через сады; перебрался через высокую ограду, окружающую участок. Попробуйте его догнать.

Поиски, конечно, оказались тщетными.

По возвращении инспектор решил допросить Ораса Вельмона:

— Назовитесь, пожалуйста.

— Я тот, которого вы в префектуре прозвали Как-его-там.

Полицейский посмотрел на него с любопытством, но ничего не сказал.

— А вы, мадам? — обратился он к Патриции.

— Мисс Патриция Джонстон, американская журналистка. В Париже я проездом.

Полицейские удалились.

Ночь Вельмон провел в кабинете, поскольку спальню заняла Патриция.

Следующий день прошел без происшествий. Рано утром Вельмон отнес немного еды и воду

бандиту, чья рана сильно воспалилась. Виктория приготовила превосходный завтрак. За столом Орас и Патриция болтали, как старые друзья.

Затем он прилег отдохнуть, чтобы быть готовым к вечерней вылазке, которая могла оказаться насыщенной событиями, ибо он опасался за судьбу мальчика.

Вечером Орас и Патриция отправились за Маффиано. Орас открыл дверь павильона, посветил фонариком и с досадой выругался… В павильоне никого не было. Голубь упорхнул… Исчез бесследно… Замок, похоже, не взламывали. Лестница стояла на обычном месте.

— Ничего себе фокус, — признал ошеломленный Орас. — Эти типы умудрились пройти через пристройку, которая примыкает к моему особняку.

— А кто там живет? — спросила Патриция.

— Никто. Но они воспользовались двумя тайными ходами, которые я соорудил. В первый можно попасть с нижнего этажа, другой находится на втором, в моей спальне. Вы видели его вчера вечером.

— В вашей спальне?

— Да, но вы ведь там спали прошлой ночью. Разве вы не слышали, что кто-то прошел мимо вас?

— Нет, не слышала.

— Вы точно должны были проснуться, ведь ход расположен прямо напротив кровати. Впрочем, нет, вот же я идиот… Все было не так!

— И что же вы предполагаете?

— Я не предполагаю. Я знаю. Патриция, это вы освободили Маффиано.

Она вздрогнула и попыталась смехом замаскировать свой испуг.

— Господи, да зачем мне это?! — воскликнула она.

— Ваш сын в его руках. Он, должно быть, пригрозил вам чем-нибудь!.. Вас шантажировали?!

Последовало неловкое молчание. Патриция потупилась, она была бледна и с трудом сдерживала слезы. Орас направил на нее луч фонаря, внимательно вглядываясь в ее лицо.

Через мгновение он задумчиво произнес:

— Дикарь понимает, что мать пойдет на все ради сына.

Она не ответила. Орас, словно бы встряхнувшись, щелкнул пальцами, а затем вышел из павильона, насмешливо насвистывая какую-то мелодию.

Через несколько минут, справившись с досадой, он решил поговорить с Патрицией, узнать

ее намерения. Но он тщетно искал ее повсюду. Патриция исчезла.

Глава 5
Принц Рудольф

Орас вызвал врача, и тот заверил его, что здоровью Виктории, потрясенной нападением, ничего не угрожает. Нет ни травм, ни синяков. Но чтобы полностью снять нервное возбуждение, необходимо три-четыре дня как следует отдохнуть, а потом перебраться в деревню.

Орас, обожавший свою старую няню, ради ее спокойствия был готов на все. Назавтра, проглядев дневные газеты, он под вечер отправился к нотариусу и тут же купил обширное поместье Мезон-Руж близ Манта. Он не так давно побывал там, а теперь как раз увидел свежее объявление о его продаже.

На следующий день он послал в Мезон-Руж архитектора и обойщика, которые пообещали управиться за сорок восемь часов. Вельмон даже не стал дожидаться, пока будет готов его новый дом, а сразу нанял большой штат прислуги, куда включил и нескольких своих прежних помощников, выбрав самых надежных и бдительных. После покупки Мезон-Руж Орас вернулся в особ-

няк в Отёй.

После ужина, когда он был в столовой, ему позвонили.

— Орас Вельмон у телефона. Кто говорит?

Звонкий и певучий детский голос ответил:

— Это месье Рудольф.

— Месье Рудольф? Не знаю такого, — проворчал Орас, собираясь повесить трубку.

Голос, напоминавший звук флейты, поспешно уточнил:

— Месье Рудольф, сын мадам Патриции.

— А-а, понятно… Так чем я могу быть вам полезен, месье Рудольф?

— Моя мама считает, что положение очень серьезное, и хочет, чтобы мы с вами встретились и все обсудили.

— Отличная идея, — сказал Орас. — Что ж, месье Рудольф, я к вашим услугам. Выбирайте время. И скажите мне, где… — добавил он, прикидывая разные варианты действий, — где бы вы хотели встретиться…

Связь оборвалась. Орас раздраженно вскочил и пошел вдоль провода к кабинету, где находился второй телефонный аппарат. Там он сразу все понял. Провод был перерезан прямо перед лестницей, которая вела в подвал. Концы беспомощно

болтались.

Значит, кто-то пробрался в кабинет, подслушал разговор и прервал его прежде, чем Орас получил интересующую его информацию. Противник счел, что это становится опасным. Кем он был? И в чьих интересах он действовал?

Орас Вельмон ни секунды не колебался: он знал своего врага… С самого исчезновения Маффиано, а затем и бегства Патриции он мысленно обвинял молодую женщину в предательстве. Ради спасения сына она позволила бандиту скрыться. И чтобы вырвать «месье Рудольфа» из лап Маффиано, стала добровольной пленницей сицилийца.

Орас не сомневался, что она заключила сделку с этим бандитом. Он словно бы сам присутствовал при их разговоре: «Уступи мне, Патриция, и я верну тебе твоего сына!»

Неужто Патриция сдалась? Должно быть, в материнском сердце шла ужасная борьба, если даже после того, как Патриция, устроив побег бандита, предала Ораса, она все же отважилась через сына просить его о помощи: «Мама считает, что положение очень серьезное…» Если бы разговор не оборвался на полуслове, то мальчик наверняка открыл бы Орасу место, где разыгрывалась драма.

«Но как узнать, где это? — думал Орас, охваченный эмоциями, которых не испытывал прежде. — Как помешать отчаявшейся матери принести себя в жертву? Ведь она в панике оттого, что сыну грозит опасность, и готова уступить желаниям этого негодяя!»

Орас Вельмон, с его увлекающейся натурой, не раз переживал внезапные вспышки страсти. Нынешнее чувство бессилия было для него невыносимо.

Опытный и здравомыслящий, Орас понимал, что от действий, совершаемых наугад, без надежных данных, толку не будет, и потому замкнулся в своем особняке. Он придумывал все новые способы освобождения заложников, тут же отвергал их и ожидал новостей, сомневаясь в себе, страдая и терзаясь как никогда прежде.

Так прошло три бесконечно долгих и напряженных дня. На четвертое утро у ворот особняка на авеню Сайгон зазвонил колокольчик. Вельмон подбежал к окну: у ворот стоял ребенок. Орас бросился в сад.

Автомобиль, мчавшийся по улице на полной скорости, затормозил перед домом. Из машины выскочил мужчина, схватил мальчика, забросил его в кабину и уехал. Все это не заняло и двадцати

секунд. Вельмон не успел вмешаться. Он открыл ворота и увидел, что оранжевый кабриолет — машина Маффиано — исчезает за углом.

Вельмон вернулся к себе. На лестнице его встретила Виктория, слышавшая звонок.

— Отправляйся в Мезон-Руж, — приказал он, — и собери двадцать наших лучших людей. Надо укрепить дом и все подступы к нему, чтобы никто не смог туда проникнуть. Пусть по ночам три самые свирепые овчарки охраняют сад. Нужны пароли, ночные обходы, неусыпное наблюдение, — словом, требуется железная дисциплина. И будьте готовы ко всему. Возможно, я доставлю человека, которого надо будет беречь как зеницу ока. И чтобы никаких замечаний и вопросов! На кону моя жизнь. Вперед!

Сам же Орас, укрывшись в особняке, принял все необходимые меры для обеспечения собственной безопасности…

Но эти меры казались бесполезными… по крайней мере, в течение первых двенадцати дней. Вроде бы ничего не происходило… Однако разные мелкие детали свидетельствовали о том, что враг, несмотря на все запоры и охрану, умудряется проникать в дом в любое время дня и ночи. Некто с легкостью приходит и уходит, шпионит,

подробно информируя противника буквально обо всем. Вельмон чувствовал чье-то призрачное присутствие. Временами ему чудилось, будто все это нескончаемый дурной сон. Но нет, кто-то действительно бродил вокруг. Дом казался заколдованным… Напрасно он ходил по комнатам, настороженно озираясь, с револьвером в руке… Никого… Однако же порой слышались шорох, дыхание, скрип половиц, сообщавшие, что в соседнем помещении кто-то есть… Он врывался туда… никого… ни тени, ни звука… Лишь иногда он различал шелест удаляющихся шагов. Потом снова наступала тишина. Орас был в ярости, вся эта дьявольщина сбивала его с толку. Ведь потайной ход оставался закрытым. Как же эти люди проникали внутрь? В его дом! В дом Арсена Люпена!

Но вот на тринадцатую ночь со стороны перегородки, отделявшей альков от потайного хода, послышался легкий скребущий звук.

Орас, читавший в постели, насторожился. Звук стал более отчетливым, к нему добавилось нечто вроде слабого мяуканья. Он решил, что это скребется бездомная кошка, вскочил с кровати, нажал на выступ на резной панели и одновременно включил свет. Панель сдвинулась… На площадке

потайной лестницы, уходящей в сумрак, стоял ребенок: очаровательное личико с тонкими чертами, белокурые локоны, как у девочки.

— Кто ты? Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попал? — спросил недоумевающий Вельмон.

Но он уже знал ответ, прежде чем ребенок заговорил:

— Это я, Рудольф.

Он дрожал и выглядел измученным.

Орас втащил его в комнату и с волнением в голосе спросил:

— Где она? Это она послала тебя? С ней ничего не случилось? Откуда ты взялся? Да говори же наконец!

Мальчик отстранился. Казалось, ему передалась энергия матери.

— Да, это она послала меня… Я убежал, чтобы забрать вас. Но говорить будем потом! Сначала нужно действовать. Идем!

— Но куда?

— Надо спасти маму, тот человек не хочет ее отпускать! Я знаю, что делать! Вы должны слушаться меня!

Хотя положение было трагическим, учитывая, какой опасности подвергалась Патриция, Орас все же оценил комизм ситуации.

— Очень хорошо, — рассмеялся он. — Раз месье Рудольф знает, что делать, мне остается лишь повиноваться… Продолжайте, принц Рудольф!

— Почему вы называете меня принцем? — спросил мальчик.

— Потому что в одном известном романе есть принц по имени Рудольф[19], который преодолевает все трудности, чтобы спасти своих друзей и посрамить врагов. Ты похож на него. Боюсь только…

— А я вот не боюсь! — заявил Рудольф. — Ну же, пойдемте!

И мальчик первым двинулся к тайному ходу, светя фонарем; его белокурые вьющиеся волосы развевались от сквозняка. Он подошел к двери, пристально всмотрелся в тени за ней и собрался уже ступить на лестницу, когда Орас остановил его:

---

[19] Notes: 19

Вероятно, имеется в виду роман Эжена Сю «Парижские тайны», где действует благородный силач Рудольф, который оказывается принцем Герольштейнским.

— Минутку. Я собирался сказать вот что: боюсь, что там, внизу, нас поджидают. Они знают про этот ход.

Рудольф пожал плечами:

— Сегодня там никого нет.

— Почему ты так думаешь?

— Если бы ход охранялся, я бы не смог войти.

— Может, они впустили тебя по ошибке… или хотели выманить меня. Однако не важно, все равно надо идти!

Ребенок помотал головой:

— Мы никого не увидим. Если я говорю, что их там нет, значит нет.

— Хорошо, — сказал Орас, снова рассмеявшись. — Но позволь, я пойду первым.

— Если хотите. Однако я знаю дорогу, ведь я пришел именно этим путем. Ход ведет к небольшому дому на улице, рядом с вашим гаражом. Дом пуст, на улице никого. Я все осмотрел. Мама мне все объяснила. Беспокоиться не о чем. Более того, я уже позвонил в гараж, и они доставили вашу машину. Она ждет нас.

— Какую машину?

— С восьмицилиндровым двигателем.

— Вот это да! Сядешь за руль?

— Нет, я пока не вожу авто. Поведете вы.

Не встретив ни души, они, пройдя тайным ходом, оказались на улице, где их действительно ждал автомобиль. Они запрыгнули внутрь, и Орас сел за руль. Рудольф ехал стоя, с непокрытой головой, прильнув к лобовому стеклу, и командовал:

— Направо!.. Налево!.. Прямо! Вперед, черт возьми! Мама ждет.

— Как называется улица?

— Ла-Бом, параллельно бульвару Осман.

Машина резко прибавила скорость. Орас никогда не ездил так быстро, на пределе возможностей. Впоследствии он не раз удивлялся тому, что автомобиль не занесло, что он не перевернулся и не въехал на тротуар. Но мысль о Патриции, которой угрожал жестокий Маффиано, и поддержка маленького мальчика побуждали его безумно рисковать, и он до упора выжимал газ.

— Направо! — кричал Рудольф. — Поверните направо! Ла-Бом — первая слева… Тормозите! Сигнальте… Хорошо! И еще раз!

Они остановились возле небольшого особняка. Французские окна низкого первого этажа выходили на террасу. Одно из окон распахнулось, из него выбежала женщина. У каменной балюстрады она наклонилась, вглядываясь в сумрак:

— Это ты, Рудольф?..

— Это я, Вельмон!

Орас вышел из машины. Он узнал Патрицию.

— Все в порядке! — воскликнула она. Но тут же обернулась.

Открылось соседнее окно. На террасу выскочил мужчина и сердито закричал:

— Будьте добры вернуться в дом!

— Спускайтесь, — приказал Вельмон, протягивая руки.

Не раздумывая, Патриция перелезла через перила и спрыгнула. Вельмон на секунду страстно обнял ее, прежде чем опустить на землю.

— Мама! Мамочка! — Рудольф бросился к матери.

Разъяренный Маффиано, изрыгая угрозы, тоже лез через балюстраду.

— Заткнись, Маффиано, ты орешь, как скунс, — проворчал Орас. — О, вид сзади просто восхитителен! Надо угостить тебя и справа, и слева!

Достав из машины винтовку с глушителем, он выстрелил дважды как раз в тот момент, когда Маффиано, повернувшись к нему спиной и держась за балюстраду, собирался спрыгнуть. Зад бандита представлял собой прекрасную мишень. Маффиано со стоном рухнул на мостовую.

— Помогите, помогите, убивают! — вопил он.

— О нет! Я и впрямь малость подпортил твой зад, но жить ты будешь. Мне бы не хотелось лишить парижскую тюрьму столь колоритного постояльца! — бросил Орас на прощание.

Машина свернула за угол.

В два часа ночи, назвав пароль, они въехали на освещенный двор Мезон-Руж. Двадцать охранников с Викторией во главе приветствовали их радостными возгласами. Вокруг весело скакали овчарки.

Орас провел молодую женщину и мальчика в гостиную, заставленную вазами с цветами.

— Патриция, и ты тоже, Рудольф, никуда не уходите отсюда без моего разрешения, — сказал он.

Под окнами дома был разбит сад. На газоне с удобством расположились трое охранников. Орас положил руки на плечи молодой женщины и тихо, чтобы Рудольф не услышал, спросил:

— Я ведь не опоздал, Патриция?

В голосе его звучала тревога.

— Нет, — прошептала она, не сводя с него глаз. — Нет, но время было на исходе. Срок, назначенный этим негодяем, истекал в полдень.

— А вы были полны решимости…

— Умереть? Да.

— А как же Рудольф?

— Он должен был пробраться в Отёй, под вашу защиту. И когда мне удалось отправить его туда, я успокоилась… Я ждала и была уверена, что вы меня спасете!

— Это Рудольф спас вас. До чего же храбрый мальчик!

Глава 6
Маффиано берет реванш

Во время заточения в особняке на улице Ла-Бом, за несколько дней до того, как Рудольф и Орас Вельмон освободили ее, Патриция написала новую статью для «Алло, полиция!». Пожертвовав кольцом, она подкупила горничную и смогла переслать материал в Нью-Йорк. Эта вторая статья вызвала еще больший ажиотаж, чем первая. Переведенная на множество языков, она взволновала весь мир. Поскольку Вельмон не желал огласки, Патриция умолчала о встрече с ним. Ей пришлось приписать себе открытие подлинного значения имени Паула Синнер и буквы «М», а также рассказ о мафии.

Читатели полностью приняли версию Патриции. Она была предельно логичной и захватывающе интересной. Полиция не выдвинула никаких возражений, что еще более убедило публику в верности предложенной разгадки.

После происшествия в Отёй полицейские вернулись в особняк для дальнейшего расследования, однако уже не застали ни месье Как-его-там,

ни американскую журналистку, ни старую няню Викторию. Таким образом, в глазах полицейских вышеназванные персоны превратились в подозреваемых. Несмотря на активные поиски, не удалось найти и тех, кто напал на дом, что было совершенно необъяснимо. Потерпев полное фиаско, полиция предпочла замять это дело, повесив его, как и множество других нераскрытых (и, кстати, абсолютно разных) дел, на мафию и главаря банды, чьи эскапады неизбежно должны были закончиться преступлением. Хорошая возможность очернить этого неуловимого Арсена Люпена, чью славу и безнаказанность власти воспринимали как постоянный вызов. Полиция не преминула воспользоваться таким шансом, рассчитывая, что, если ситуация сложится благоприятно, ей удастся отыграться за поражение: ведь участники событий в Отёй рано или поздно обратятся к стражам порядка с просьбой о помощи, и тогда полиция вступит в борьбу и извлечет из этого выгоду, арестовав всех причастных.

Так что Патрицию и Ораса Вельмона, можно сказать, и не искали. В Сюрте было решено «дать делу дозреть» и позволить подозреваемым до поры до времени тешиться иллюзией безопасности.

В результате Патриция и Орас Вельмон вместе со старушкой Викторией и юным Рудольфом получили возможность насладиться четырьмя неделями спокойного отдыха в очаровательном поместье Мезон-Руж с его обширным тенистым парком. Главная аллея, с каменными вазами и мраморными статуями под сводом аккуратно подстриженных лип, тянулась до самой Сены, а за рекой открывалась прекрасная панорама цветущих лугов и фруктовых садов.

Вельмона радовал покой этого уединенного уголка. Натура позволяла ему отвлекаться от самых серьезных проблем и жить очарованием настоящего момента. И в этом полном счастья ощущении здесь и сейчас он, тщательно оберегая себя, даже не вспоминал о Маффиано. Бандита для него как бы не существовало. Вельмон полюбил Патрицию. Он не говорил ей об этом, держась с ней по-дружески. Но общество молодой женщины, чьи обаяние, ум и жизнерадостность он ценил все больше и больше, ему очень нравилось. Ему было приятно видеть каждый день маленького Рудольфа, так похожего на мать. Играя с этим очаровательным мальчишкой, Вельмон вновь чувствовал себя ребенком. Патриция смотрела на них и улыбалась.

И однако, как мы уже видели, Вельмон не терял бдительности. Сразу по прибытии в Мезон-Руж он внимательно осмотрел «линии обороны» и не менее внимательно пригляделся к нанятым Викторией слугам. Орас, чувствительный к женским чарам, сразу выделил молодую крестьянку по имени Анжелика. Эта здоровая и энергичная девушка отличалась какой-то особой грацией.

Вельмон, увлеченный Патрицией, любовался Анжеликой искренне и без всякой задней мысли. Она была так забавна, так хороша собой! Свежий румянец, чистая кожа, стройная гибкая талия, облегающий черный бархатный лиф со шнуровкой сзади — вылитая субретка из комической оперы. Живая, легкая и подвижная, она поспевала везде: собирала овощи в огороде, срывала фрукты в саду, складывала в корзинку только что снесенные курами яйца. На лице всегда играет улыбка, глаза полны бесхитростного веселья, движения гармоничны и размеренны.

— Виктория, как тебе удалось найти это прекрасное создание? — спросил Вельмон в первый же день.

— Анжелику? Ее привел один поставщик.

— А рекомендации?

— Отличные. Она служила в замке по сосед-

ству.

— В каком замке?

— Видишь высокие деревья, вон там, слева? За ними находится замок Корнейль.

— Отлично, моя старушка. Всегда приятно видеть красивых девушек! А откуда взялся Фирмен, камердинер?

Разузнав подробно обо всем персонале, Вельмон занялся другим, а именно позволил себе развлекаться.

Стояла прекрасная погода, за городом было восхитительно. Неподалеку протекала река. Почти каждый день Вельмон, Патриция и ее сын катались на лодке или плавали. Маленький Рудольф, который все больше привязывался к Орасу, часто с воплями восторга забирался на его широкие плечи.

Они проводили целые часы и дни в непринужденной болтовне, их близость делалась все тесней, и Патриция проникалась к своему спутнику все более нежным доверием.

— Что вы так смотрите на меня? — спросил он однажды, когда они остались в лодке вдвоем.

Вельмон, сидевший на веслах, уже некоторое время чувствовал на себе пристальный взгляд Патриции.

— Простите, — сказала она. — У меня есть нескромная привычка разглядывать людей, пытаясь выведать их тайные мысли.

— У моих мыслей есть только один секрет. Я просто пытаюсь вам понравиться, — ответил Орас, добавив: — А вот ваши мысли сложнее; вы думаете: кто этот человек? Как его зовут? Действительно ли он — Арсен Люпен?

Патриция возразила:

— Я в этом не сомневаюсь. Вы и есть Арсен Люпен… Это ведь так, да?

— Я могу быть или не быть им. Как пожелаете.

— Даже если бы я хотела, чтобы вы были кем-то другим, это не помешало бы вам быть Арсеном Люпеном, если вы — это действительно он.

Он тихо признался:

— Это действительно я.

Молодая женщина слегка покраснела; от его слов у нее перехватило дыхание.

— Тем лучше, — сказала она через мгновение. — Уверена, вместе мы справимся… Но я боюсь…

— Боитесь чего?

— Будущего. Ваше желание понравиться мне не вяжется с чисто дружескими отношениями, которые установились между нами.

— В этом плане вам нечего бояться! — сказал он, улыбаясь. — Пределы нашей дружбы всегда будут такими, какие вы сами установите. Вы не та женщина, которую можно заполучить обманом или соблазнить исподтишка.

— И… это вас радует?

— Мне в вас нравится все.

— Все?

— Да, все, потому что я люблю вас.

Она в смущении промолчала.

— Патриция… — продолжал Орас.

— Что?

— Обещайте, что ответите на мою любовь… или я брошусь в воду! — заявил он с серьезным видом, хотя в глазах его плясали веселые огоньки.

— Этого я не могу вам обещать, — ответила она шутливым тоном.

— Тогда я бросаюсь.

Орас так и сделал. Он опустил весла, встал и прямо в одежде нырнул в Сену. Патриция увидела, что он энергично плывет к лодке, которая двигалась впереди справа. В лодке сидел сутулый мужчина с седыми волосами и бородой. Казалось, это старик, но мощные и быстрые взмахи веслами свидетельствовали об энергии и решительности. Субъект был явно в расцвете сил, но зачем-то

использовал парик и фальшивый горб.

— Привет! — крикнул Орас Вельмон. — Привет, Маффиано! Значит, ты уже обнаружил наше убежище? Отличная работа!

Маффиано, бросив весла, поднял револьвер и выстрелил. Пуля попала в воду в нескольких дюймах от головы пловца.

— Чертовски неуклюже! — с хохотом отреагировал Орас. — Маффиано, у тебя дрогнула рука. Может, передашь мне свою пукалку, чтобы я научил тебя пользоваться ею?

Насмешки привели сицилийца в ярость. Встав в лодке, он взмахнул веслом, пытаясь ударить им противника. Но тот стремительно нырнул и исчез из виду. Через мгновение лодка Маффиано покачнулась и у левого борта показалась голова Ораса Вельмона.

— Руки вверх! — угрожающе крикнул он. — Руки вверх, или я стреляю!

Потрясенный Маффиано не стал гадать, каким образом противник, только что проплывший тридцать метров под водой, может выстрелить в него. Он поднял руки. И в тот же миг от толчка Вельмона лодка опрокинулась, накрыв сицилийца.

Вельмон издал триумфальный возглас.

— Победа! — кричал он. — Враг отступает! Маффиано и мафия тонут! Ты хоть плавать умеешь? О, несчастный, ты плаваешь как дохлый козел! Держи выше голову, придурок! Иначе наглотаешься воды из Сены и если не утонешь, так отравишься… Ладно! Выпутывайся как знаешь. А вот и помощь тебе подоспела.

Двое мужчин прыгнули в воду и поплыли к сицилийцу, лодку которого уносило течением. Но прежде, чем они смогли подобраться поближе, Орас, опытный пловец, успел добраться до берега. Обыскав одежду этих типов, оставленную ими на насыпи, он закричал:

— Еще два удостоверения, подписанных Мак-Аллерми! Если прибавить карточки Маффиано, Мак-Аллерми, Филдса и Эдгара Беккера, то у меня их уже шесть! Право, не терпится приступить к дележу прибыли! Похоже, наследство Люпена достанется мне одному!

Патриция, сидя в лодке, со смехом следила за этой сценой, получая от нее огромное удовольствие.

Она причалила к берегу. Вельмон обнял ее за талию, и они направились к ближайшей дороге, в то время как наглотавшиеся воды сообщники Маффиано пытались нащупать дно.

Вельмон торжествующе воскликнул:

— Золотое руно принадлежит мне, прекрасная Патриция! Все хорошо. Враг нахлебался речного ила! Следуйте за мной в мои владения, о несравненная рабыня, чьим покорным слугой я являюсь! Правда, ваш слуга малость промок, но пламя любви высушит его!

Мимо ехал фермер на телеге, груженной сеном. Вельмон усадил свою спутницу и устроился рядом с ней.

— Еще два удостоверения, Патриция, какая удача! — ликовал он.

— Какая вам разница, ведь если дойдет до дележа, то им удастся заполучить ваши собственные деньги!

— Кто знает, вдруг я найду способ снова направить этот Пактол[20] в свой карман! Учтите, что деньги будут взяты из упомянутого кармана, так что это своего рода заем с возвратом!

Старая деревенская кляча продвигалась вперед так задумчиво и неспешно, будто это был последний путь, завершающий ее нелегкую жизнь. К тому же они сделали изрядный крюк.

---

[20] Notes: 20

Пактол — речка в Лидии (находилась на территории современной Турции), которая в античные времена содержала много золотоносного песка.

— Я довезу вас до Мезон-Руж, — сказал фермер, — но сперва мне нужно доставить сено.

— А! — сказал Орас. — Так вы работаете на ферме в этом поместье?

— Да.

— Слышишь, Патриция? Буколические грезы! Луга, травы, сеновал — все радости сельской жизни… К тому же тишина и покой… Вот где можно обрести счастье!

— И все же я опасаюсь, — сказала она, и губы ее дрогнули в улыбке.

— И чего же?

— Вашего непостоянства! О вас известно, что вы можете с легкостью переметнуться от брюнетки к блондинке!

— С тех пор как я встретил вас, несравненная Патриция, меня неизменно восхищают золото и бронза ваших волос! Впрочем, даже если бы вы вдруг поседели, это ничего бы не изменило… Патриция, увенчанная серебром! О, что за мечта!

— Спасибо вам огромное! Но все-таки будьте начеку, — со смехом ответила молодая женщина. — Я обидчива и не потерплю соперниц. Мне претит даже видимость легкомыслия. Если вы непостоянны, берегитесь!

Так, весело переговариваясь, чтобы скрыть

беспокойство, связанное с возвращением врагов, они заехали на обширный двор, усеянный кучами навоза и компостными ямами, окруженными галечным бордюром. В центре его торчала голубятня в форме усеченной башни: она напоминала увитую плющом готическую часовню, контрфорсы которой переходили во внушительные арки, поддерживающие полуразрушенный акведук.

Патриция с помощью Вельмона спустилась с повозки.

Уже смеркалось. Молодая женщина направилась в Мезон-Руж, а Орас на несколько минут заглянул в конюшню: фермер непременно хотел показать ему лошадей. Потом он, вслед за Патрицией, двинулся через лесок к поместью.

Внезапно он ускорил шаг. На ступеньках особняка столпились слуги; люди взволнованно жестикулировали и переговаривались.

— В чем дело? — спросил он с тревогой.

— Это молодая дама!.. — последовал ответ.

— Патриция Джонстон?

— Да. Мы видели, как она возвращается. Но вдруг из зарослей выскочили трое мужчин и окружили ее. Она пыталась бежать, кричала. И прежде, чем мы подоспели, эти люди схватили ее и унесли. Мы слышали крики, но это длилось недолго.

Орас побледнел.

— Действительно, — сказал он, — я тоже слышал крики. Но я подумал, что это дети… А в какую

сторону направились похитители?

— Они прошли между новым гаражом и сараями.

— Значит, они направлялись в конец сада, в сторону хозяйского двора?

Орас ни секунды не сомневался, что Маффиано и его приспешники, выбравшись из реки, поспешили в поместье и подготовили засаду. Пока он был в конюшне, они похитили Патрицию.

Вельмон вернулся на ферму.

— Вы знаете или, может быть, слышали о потайном ходе, ведущем от фермы или из парка прямо к Сене?

Фермер с уверенностью ответил:

— Да, я слыхал об этом! Кажется, в старину по нему можно было добраться до самого Корнейля. Красотка Анжелика, ваша служанка… она была здесь минуту назад… Она вас и проводит. Она хорошо знает это место. Анжелика! Анжелика!

Но Анжелика не откликнулась, и фермер сам повел Ораса к голубятне. В стене, под одной из арок старого акведука, виднелся лаз, почти заваленный камнями. Это и был тайный ход.

Фермер удивился тому, что совсем недавно здесь явно кто-то побывал.

— Мы ведь только что проходили здесь, — ска-

зал он. — Смотрите, сударь. Они в спешке даже не успели замаскировать ход. Просто наскоро набросали обломков.

Орас и фермер быстро расчистили подступы к лазу. Камни с грохотом посыпались по ступеням темной лестницы. Эхо еще долго отдавалось внизу.

— Этот ход идет очень далеко, — сказал фермер, — но где-то посередине путь преграждает решетка.

Он зажег фонарь. Орас сделал то же самое. Через двести шагов они наткнулись на запертые решетчатые ворота. К счастью, с другой стороны в замке остался торчать ключ: бандиты забыли его вынуть.

Преодолев преграду, они снова отправились в путь. Вскоре в подземелье повеяло свежестью, чувствовалось, что река близко. И вдруг Орас и его спутник увидели сбоку окно, в котором уже не было ни стекол, ни даже деревянных перекладин. Нырнув в него, они попали в какую-то лачугу, откуда им открылся удивительный вид: среди блестящих от ила прибрежных скал сверкала в неверном свете луны бескрайняя водная гладь. В трехстах метрах подальше, слева, виднелся скалистый мыс, а рядом с ним высились тополя

скотного двора. Во дворе ярко пылал костер. Чуть поодаль вздымалась черная громада поросшего лесом холма.

Фермер остался в лачуге, а Орас осторожно двинулся вперед. У костра была разбита палатка из небеленого полотна. Рядом под навесом на складных стульях сидели трое мужчин. На табуретке стояли бутылки и тарелки. Мужчины ели и пили; им прислуживала какая-то женщина.

Орасу тотчас стало ясно, что это Маффиано и его сообщники. Но как они осмелились разбить лагерь так близко от поместья?! Впрочем, он знал, насколько глуп и безрассуден Маффиано. И тут костер отчетливо высветил лицо бандита. Стало быть, женщина — это Патриция… Ее черты было не разглядеть, но Орас узнал силуэт… И содрогнулся от возмущения. К руке молодой женщины была привязана веревка, другой конец которой вел к стулу Маффиано… Тот как раз принялся лениво раскачиваться на своем стуле, но веревка натянулась, и он, на потеху сообщникам, упал наземь.

Орас остановился за деревом, оставаясь невидимым для своих врагов. Бандиты тем временем закончили трапезу и раскурили трубки. Потом они зажгли факелы, воткнули их в землю и по-

лезли в палатку. При свете факелов Орас понял, что за первой палаткой есть еще одна, поменьше. Женщина, убрав остатки ужина, удалилась туда. Через несколько минут факелы погасли. Шум голосов и смех стихли.

Тогда Вельмон растянулся на земле и пополз по-пластунски, выбирая наиболее затененные участки, где лунный свет не мог пробиться сквозь листву деревьев и кустарников. Так он добрался до колышков, державших главную палатку. Он обогнул ее и дополз до второй. Вдруг полотнище, закрывавшее ее вход, приподнялось. Не раздумывая, он проскользнул внутрь.

— Это вы, Орас? — прошептал едва различимый голос.

— Патриция?

— Да, это я, сюда, скорее! — И когда он уже готов был прикоснуться к ней, она добавила: — Я видела, что вы идете, и слышала вас в тишине.

Он крепко прижал ее к себе.

— Полицейские во главе с инспектором Бешу разыскивают вас, — шепнула женщина. — Маффиано сообщил им, что вы находитесь в Мезон-Руж.

Орас Вельмон презрительно усмехнулся.

— А! — сказал он. — Теперь я понял, почему он

решил остановиться тут, рядом. Рассчитывает на защиту полиции.

— Бегите, пожалуйста, бегите, — умоляла молодая женщина.

— Вы хотите этого, Патриция?

— Я боюсь… Боюсь за вас… Мои силы на исходе, — добавила она.

Он обнял ее и поцеловал в губы… Она не противилась…

Глава 7
Спящая красавица

Полная луна разливала свой спокойный, чистый, фосфоресцирующий свет в тишине теплой ночи. Сельскую тишь наполняли тысячи неясных звуков, трепет маленьких жизней, поднимающийся от земли или слетающий с деревьев, где время от времени сквозь ветви мягко скользила ночная птица. Шепот далекого водопада напоминал о хрустальной гармонии падающих вод.

Безмятежная ночь убаюкивала влюбленных, прильнувших друг к другу в палатке. Иногда полусонный Орас протягивал руку и касался своей спутницы, чтобы убедиться, что она действительно рядом, что это не сон, ибо обстоятельства казались ему настолько странными, что он сомневался в реальности происходящего.

Наконец стало светать и первые лучи солнца пробились сквозь щель в палатке. Орас приподнялся, снова дотронулся до руки Патриции… и смертельно испугался… Рука, к которой он прикоснулся, была холодной, очень холодной… ледяной…

Орас в ужасе наклонился к неподвижно лежавшей женщине… В слабом свете, просочившемся в палатку, он увидел, что ее лицо накрыто марлей, а под левой грудью торчит рукоятка кинжала… Цепенея от ужаса, он склонился ниже и прижал ухо к ледяной коже… Сердце уже не билось.

Точно так же, как человек переходит от бодрствования ко сну, она перешла от жизни к смерти… Смерти столь внезапной, что, серьезно раненная, она лишь чуть вздрогнула в объятиях возлюбленного, который даже не заметил этого содрогания.

Орас бросился к соседней палатке. Маффиано и его людей там уже не было. Не теряя времени, он поспешил в Мезон-Руж за помощью.

В холле он встретил Викторию, которая, как всегда по утрам, обходила дом.

— Они убили ее, — сказал он, и на глаза у него навернулись слезы.

Нянька пожала плечами:

— Но это невозможно!

— Говорю же тебе, ей вонзили нож в сердце.

— А я тебе говорю: невозможно.

— Но почему? Почему нет? Что это значит?

— Это значит, что я уверена: она не умерла… А женская интуиция стоит всех доказательств

в мире.

— И что же женская интуиция советует мне делать?

— Вернуться туда и присмотреть за раненой женщиной. Если на нее снова нападут, ты сможешь ее защитить.

Виктория смолкла. Где-то в парке раздался пронзительный свист.

Ошеломленный Орас Вельмон спросил:

— Что это значит? Это же свисток Патриции.

— Это значит, что все в порядке! — воскликнула торжествующая Виктория. — Вот видишь, она не умерла и спаслась от Маффиано и его сообщников.

Просиявший Орас высунулся из окна и прислушался. Над окрестностями, постепенно затихая, разнесся мощный хриплый рев дикого зверя. Старая нянька инстинктивно перекрестилась, как при ударе грома.

— Это тигрица, — сказала она. — Да, вчера мне говорили, что несколько дней назад из передвижного зверинца сбежала тигрица и укрылась в заповедном лесу близ замка Корнейль. Ее выследили и ранили, поэтому она совсем рассвирепела. Если Патриция случайно столкнется с ней…

Орас выпрыгнул из окна и побежал к старой го-

лубятне, где начинался тайный ход. Он пронесся по подземелью на максимальной скорости. Когда он выскочил наружу, то услышал женские крики и звуки свистка, смешавшиеся с ревом хищника.

Зверь явно приближался к Мезон-Руж. Вельмон помчался к мысу, продираясь через лес к стоянке бандитов, и застыл в изумлении: от лагеря остались лишь клочья полотна, жерди и поваленные стулья, словно здесь бушевал ураган.

Переведя взгляд на реку, Орас увидел бесшумно скользившую по воде лодку. В ней сидели трое мужчин. Сомнений не было, это удирали бандиты.

— Эй, Маффиано! — крикнул он. — Где Патриция? Убийца, это ты вонзил кинжал?! Признавайся! Она мертва? Где она?

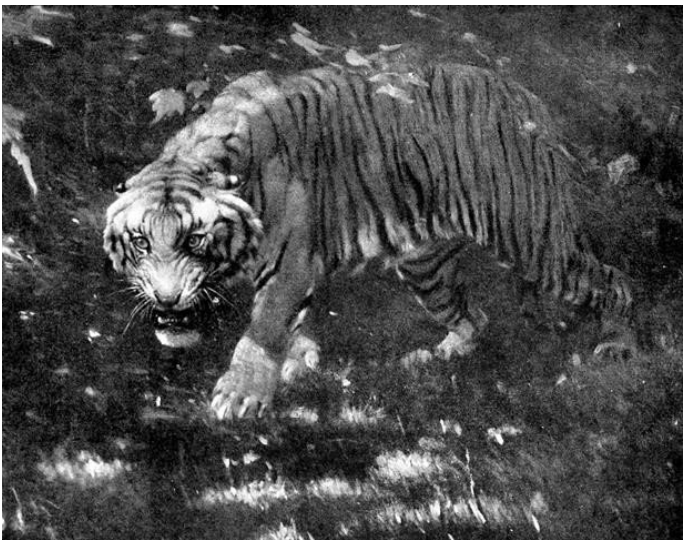
Человек в лодке пожал плечами:

— Понятия не имею! Она была жива, но на нас напала тигрица, она все разгромила и, похоже, утащила Патрицию. Ищи ее сам, это не мое дело.

Лодка скрылась вдали. Орас попытался взять себя в руки. Но он тщетно присматривался и прислушивался — ему не удалось различить ни свиста, ни тигриного рыка… Повсюду царило спокойствие, показавшееся ему зловещим. Он отправился на поиски. Чуть поодаль, за каменной

оградой замка Корнейль, простирался темный лес. Протиснувшись сквозь щель, он двинулся вперед. Сперва идти меж редкими деревьями было несложно, однако на некотором расстоянии от замка начинались глухие заросли.

Не успел он преодолеть и двухсот метров, как вновь услышал рев. Вельмон, которого было сложно чем-либо испугать, остановился. Зверь явно учуял его и бежал навстречу. Смельчак быстро прикинул, как ему поступить. Все, что у него было для самозащиты, — это мелкокалиберный револьвер. К тому же вряд ли он успеет как следует прицелиться, если тигрица внезапно выскочит из зарослей.



Треск сминаемых веток… Хищник приближался. Орас слышал хриплый рык, яростное дыхание, но за завесой листвы не мог ничего разглядеть.

Однако тигрица, несомненно, видела его и собиралась наброситься.

Орас подпрыгнул, с ловкостью акробата уце-

пился за довольно высокую ветку и повис на ней. Он ожидал, что в ногу ему вопьются клыки, но ощутил лишь мощный толчок горячей морды. Оседлав свою ветку, он сумел ухватиться за другую, повыше, и оттуда легко взобрался на недосягаемую для зверя высоту.

Тигрица после первого неудачного прыжка больше не нападала. Вскоре Орас увидел, как она рысью удаляется в чащу, и услышал гневное рычание. А за ним последовал глухой хруст раздробленных костей.

Орас вздрогнул от ужаса. Неужели зверь действительно уволок Патрицию из палатки и теперь вернулся к ее растерзанному телу? Если так, то, даже рискни он жизнью, женщину уже не спасти.

Беспомощный, измученный переживаниями, он выждал целых два часа, прежде чем спуститься на землю. Ожидание казалось ему жестоким и бесконечным, и когда он понял, что терпеть больше не в силах, то, пренебрегая опасностью, соскользнул с дерева и с револьвером наготове углубился в лес.

Однако, несмотря на все усилия, ему ничего не удалось найти. Над поляной носились стаи ворон, мелкие лесные зверьки разбегались перед

ним. Но тигрицы видно не было.

Усталый и отчаявшийся, он тщетно обшаривал лес, преследуемый мошкарой. Недвижная гнетущая жара к концу дня усилилась. Приближалась гроза.

Когда, вконец измученный, он вернулся в Мезон-Руж, на горизонте уже мелькали вспышки молний; вскоре донеслись торжественные раскаты грома.

Орас отказался от ужина. Шум дождя немного успокоил нервы. Он растянулся на кровати, но уснуть не мог. В лихорадочно возбужденном мозгу проносился каждый миг той ночи, когда он держал в объятиях свою любимую. Он представил, что могло произойти, пока он спал. В темноте убийца проскользнул в палатку, занес кинжал и нанес удар Патриции, не подозревая о том, что рядом с ней лежит Орас Вельмон… И возможно, Патриция проявила величайшее мужество и отвела от него опасность, когда не позвала его на помощь… Она спасла его ценой своей жизни… Как же она его любила!

Но оставалось еще кое-что неясное… Ситуация была запутанной, необъяснимой. Что означал этот свист, ведь это, несомненно, был свисток Патриции? Значит, она жива?.. Орас надеялся…

Да, в самом деле, все эти странности оставляли слабую надежду…

Гроза усилилась, и, пока воздух сотрясали раскаты грома, сторожевые собаки вдруг оглушительно завыли. В зловещем безумном припадке они, все три, сорвались с цепи и теперь носились как бешеные по парку и хозяйственному двору, гоняясь друг за другом и преследуя невесть каких призраков. Это был кошмар, таинственный и полный трагизма.

Казалось, на поместье, напоминавшее укрепленный лагерь, напали полчища варваров, которые с мечами наголо пробивались сквозь строй защитников. Орасу привиделось, что в ночной тени они размахивают клинками и факелами, поджигая все вокруг, неся смерть… Яростный лай не смолкал, к исступленному собачьему вою иногда примешивался то испуганный вопль загнанной добычи, то даже злобный рык тигрицы.

Орас позвал охранников, но те тоже не понимали, что происходит.

Они выскочили наружу, но в кромешной тьме да еще под проливным дождем продвинуться далеко им не удалось; они даже толком ничего не разглядели… А ветер безумия носился над садом, напоминая своей необычной силой зло-

вещую скачку Дикого охотника, героя древних легенд[21].

К рассвету суматоха постепенно улеглась, хотя собаки по-прежнему набрасывались на незримого противника, словно повинуясь чьей-то внезапной команде. Буря утихла, ливень сменился робким моросящим дождем, который, казалось, должен был омыть поле битвы. День уверенно вступал в свои права, разгоняя кошмары, умиротворяя людей и животных. Собаки еще рычали, но уже сдержанно, предчувствуя неизбежную расплату за ночное беснование… И хозяева действительно безжалостно отходили их кнутом, вымещая на них собственные ночные страхи.

— Так из-за чего все это было? Из-за какого-то допотопного чудовища, или крылатого дракона, или апокалиптической химеры?.. — вопрошал Орас. — Господи, а это еще что?..

Он наткнулся на пуделя с пробитой головой и разодранным брюхом, лапы его конвульсивно дергались, запутавшись в синюшном клубке

---

[21] Notes: 21

Имеется в виду персонаж баллады Г. А. Бюргера «Дикий охотник» (1786): граф Рейнский воскресным утром вместо мессы отправляется на охоту, вопреки предостережениям ангела; в стремительной скачке он уничтожает посевы и мирные стада.

размотанных кишок.

Люпен схватил маленькое тельце и, размахивая им как трофеем, показал охранникам, восклицая:

— Вот, смотрите, вот тот дикий зверь, на которого охотились псы!

Один из мужчин осмотрел собаку и сказал:

— Да это же шавка Спящей красавицы!

— Какой еще Спящей красавицы? Кто это?

— Это дама, которая уже сто лет спит в заброшенном замке!

— В каком замке?

— В замке Корнейль, там, в лесу, за мысом.

— И вы утверждаете, что там уже сто лет спит некая дама? Да вы с ума сошли! Это же сказка.

— Сказка — не сказка, — ответил сторож, — но люди говорят, будто в замке живет какая-то дама… которая спит…

— И ты с ней знаком?

— С ней никто не знаком. Но я поспрашивал в деревне, вот мне и рассказали… в округе про нее много толков ходит.

— Каких еще толков?

— Ну, будто во время революции ее дед был одним из тех, кто приговорил Людовика Шестнадцатого и членов королевской семьи к смертной

казни. Поэтому в знак искупления она десять лет простояла на коленях перед распятием в своем замке, а потом заснула. И с тех пор спит.

— Одна в целом замке?

— Одна.

— Но все же она ест, пьет?..

— Этого мы не знаем.

— Она хотя бы выходит оттуда?

— Иногда она появляется в деревне, но местные прекрасно знают, что она при этом не просыпается, просто бредет с открытыми глазами, как лунатики, которые смотрят и не видят… Сам я ее не встречал, но это точно…

Орас Вельмон задумался:

— Пожалуй, схожу-ка я к ней немного погодя, чтобы извиниться за кончину бедного пуделя. А как отыскать сам замок?

— О, да это не настоящий замок, а всего лишь полуразвалившаяся постройка, кое-как заколоченная досками. Она стоит в лесу, который называют заповедным.

— Но если она спит, значит ее никто не навещает?

— Разве что изредка. К примеру, на днях туда, в поисках тигрицы, сбежавшей из ярмарочного зверинца, наведались дрессировщик и судеб-

ный пристав. Они искали животное повсюду. Привлекли даже местных охотников. В конце концов стало известно, что беглянку видели в лесу, у замка Корнейль. Но когда пристав задал вопрос, спящая дама ответила: «Да, я приютила ее, она была ранена и страшно разъярена. Здесь, в моем лесу, ей полегчало, но она все еще ярится. Можете попробовать ее схватить!» Пристав даже пробовать не стал, припустил со всех ног…

После обеда Вельмон уложил растерзанного пуделя в плетеную корзину и направился в дальний лес на холме. За мысом грязная изрытая колея привела его к засыпанному рву, над которым возвышались разбитые стены крепостной башни и молодые дубы. Вельмон дошел до зеленой опушки, где стояло старинное каменное распятие, изъеденное временем; поодаль, под зарослями плюща, угадывались контуры разрушенного здания. Раскатившиеся во все стороны обломки затянуло плющом и мхами.

Редкие приметы жизни свидетельствовали о том, что незваных гостей здесь не жалуют. Вокруг развалин были вкопаны столбы, на прибитых к ним черных досках было белой краской начертано:

«Частная собственность».

«Вход воспрещен».

«Злые собаки».

«Волчьи капканы».

Не было видно ни дверей, ни какого-то иного входа. Продравшись сквозь заросли, Орас по разбитым замшелым ступеням добрался до окна и заглянул внутрь. Его взору открылись лишь голые стены; потолок отсутствовал; пол порос травой и многолетними растениями, а паркет заменяли грязные лужи. Среди руин была протоптана едва заметная дорожка, ведущая в просторный зал, посреди которого кто-то соорудил из просмоленных досок длинную хижину — судя по всему, единственное пригодное для жизни помещение.

Орас крикнул:

— Есть кто-нибудь?

Где-то хлопнула дверь.

Он направился на звук, миновал узкую комнатку, где стояла походная кровать, и попал в кухню. Там, на деревянном столе, на спиртовке, в кастрюльке варился картофель; рядом он увидел миску с молоком. Похоже, Спящая красавица, напуганная приходом незваного гостя, убежала, бросив все на произвол судьбы. Орас собрался уже продолжить поиски, но вдруг замер как вкопанный. Совсем рядом с ним из-за угла высунулась

морда дикого зверя.

Глава 8
Новое сражение

Во внутреннем дворе, откуда появилась тигрица, плотной зеленой стеной стоял лес. В этой стене зияла узкая щель, будто кто-то проложил сквозь заросли темный туннель. Должно быть, именно туда и устремилась старая дама, владелица замка. Тигрица проводила ее и вернулась, чтобы встретить непрошеного гостя.

Человек и зверь на мгновение скрестили взгляды. Орас Вельмон, сознававший серьезность ситуации, сказал себе: «Стоит тебе шелохнуться, и тигрица, выпустив когти, сдерет с тебя шкуру и оторвет голову».

Но он не опустил взор. Он проверял, сможет ли сохранить самообладание перед лицом необычной опасности. И был доволен тем, что ему удалось остаться на месте, столкнувшись с громадным хищником. Отличная тренировка силы воли!

Минута тянулась, как столетие… Орас победил в этом поединке взглядов!.. Страх, поначалу едва не парализовавший его, теперь рассеялся. Он

ждал нападения… почти надеялся на него…

Внезапно, словно укрощенная упорным непримиримым взглядом, который навязывал ей волю человека, тигрица с глухим рыком развернулась и, втянув ноздрями воздух, вроде бы приготовилась двинуться к зеленому туннелю. Тогда Вельмон, не отрывая от нее глаз, отступил на пару шагов и, взяв с кухонного стола миску с молоком, осторожно протянул хищнице. Та на мгновение замешкалась, но потом решила принять угощение, демонстрируя хорошие манеры. В несколько глотков она опустошила миску. Затем, успокоившись, вернулась к зеленой стене и стала обнюхивать мокрую траву, отыскивая след старухи. Орас заметил, что тигрица слегка припадает на заднюю лапу; стало быть, огнестрельная рана еще не зажила. Он решил, что странная затворница, вероятно, ухаживала за полосатой хищницей и та привязалась к ней.

Он быстро, пока тигрица не вернулась, покинул хижину, закрыл дверь и с револьвером наготове направился в усадьбу Мезон-Руж, то и дело проверяя, не следует ли зверь за ним по пятам. В целом он был вполне доволен собой, тем более что ему удалось остаться живым и невредимым.

Два дня спустя Орас Вельмон отважился вновь

углубиться в непроходимый лес, чтобы как следует осмотреть таинственную хижину. Он вооружился массивным ножом с острым треугольным лезвием… Ему хотелось заманить тигрицу в хижину и вспороть ей брюхо… Так он отомстит за Патрицию! Но на этот раз строение показалось ему совсем заброшенным. Он не встретил ни Спящей красавицы, ни тигрицы. На его призывы никто не откликнулся.

Взвесив все обстоятельства, он с грустью убедился, что Патриция была еще жива, когда он, совершив оплошность, покинул ее тем утром, посчитав мертвой. И тигрица прикончила ее и уволокла тело в какое-то логово.

Вельмон, жаждавший отомстить, также хотел отыскать убежище Маффиано, чтобы покарать его. Но бандитов и след простыл… Несколько часов он впустую бродил по окрестностям.

Усталый и разочарованный, Орас вернулся домой. Виктории он сказал, что Патрицию постигла страшная судьба, но нянька с сомнением покачала головой и ответила:

— Я уверена: она не умерла! Ни Маффиано, ни зверь не причинили ей вреда.

— А единственным доказательством этого, как всегда, является твоя женская интуиция, — груст-

но усмехнулся Вельмон.

— Да, и ее достаточно. Кроме того, Рудольф совершенно спокоен. Его не тревожит отсутствие матери, а ведь мальчик ее просто обожает, он нервный и чуткий… Если бы мать умерла, он бы почувствовал…

Вельмон пожал плечами.

Наступила тишина. Наконец Вельмон раздраженно бросил:

— Однако женщина, которую в ту ночь я держал в объятиях, наутро оказалась мертва…

— Так это была вовсе не Патриция.

— А кто же?

Виктория огляделась и понизила голос:

— Послушай, с той самой ночи исчезла Анжелика, служанка. У меня есть основания полагать, что она была любовницей Маффиано и знала его сообщников. Каждый вечер готовила для них еду и относила в условленное место.

Орас на мгновение задумался.

— Значит, убили именно Анжелику? Но в таком случае объясни мне, зачем Анжелике понадобилось занимать место Патриции? К чему было заманивать меня в палатку? Зачем Маффиано убил ее?.. Скажи мне!

— Анжелика воспользовалась возможностью

сблизиться с тобой… она давно этого хотела… Ты просто не замечал, как она на тебя смотрела…

— Значит, ты считаешь, что она была влюблена в меня? Это лестно… А Маффиано убил ее из ревности… Бедняга… Вечно ему не везет на любовном фронте… Его пассии предпочитают меня… Патриция… Анжелика… Но почему тогда он меня не прикончил?

— Но ты ведь сам говорил мне, что забрал удостоверение, гарантирующее его долю при дележе. Значит, он боялся, что без тебя ему не удастся его вернуть. Кроме того, даже самый отпетый бандит понимает, что гибель Ораса Вельмона не сойдет ему с рук…

Орас покачал головой:

— Может, ты и права. Но все же я бы не стал слишком уж надеяться. Ладно, старушка, допустим, так и было… В дедукции и логике тебе не откажешь!..

— Так ты мне веришь?

— Твои доводы кажутся мне весомыми, и я не стану выдвигать возражения, так удобнее. Но мне жаль бедняжку Анжелику!

Его действительно огорчала гибель служанки, но забрезжившая надежда, что Патриции удалось избежать злой участи, вселила в него новые

силы…

Ночью, последовавшей за этим разговором, Вельмона разбудила старая нянька. Он сел в постели и, протирая глаза, сказал ей:

— Ты что, совсем спятила? Тебя осенила какая-то новая идея, которой ты готова со мной поделиться?.. Будишь меня в четыре утра! Либо ты сошла с ума, либо в доме пожар.

Но он осекся, увидев расстроенное лицо Виктории.

— Рудольф куда-то пропал. — В ее голосе звучала тревога. — И мне кажется, что он не впервые уходит вот так, ночью…

— Он не ночует дома? В одиннадцать лет? Ну что ж, на то она и юность, — философски заключил Орас. — Хотя все же рановато начал. Как ты думаешь, куда он отправился? В Париж? В Лондон? В Рим?

— Рудольф обожает свою мать. Я уверена, что он отыскал ее, они точно должны встретиться…

— Но как он выбрался из дома?

— Через окно. Оно открыто.

— А сторожевые собаки?

— Они подняли лай примерно час назад, — наверное, он как раз уходил… А еще мне говорили, что они теперь обычно лают в пять утра, — похо-

же, в это время он всякий раз возвращается…

— Моя бедная Виктория, тебе бы романы писать! Ладно, я узнаю, в чем тут дело…

— И вот еще что, — продолжала старая няня. — По поместью слоняются трое мужчин.

— Наверное, это за тобой гоняются сатиры.

— Шутки в сторону. Они из полиции. Охранники заметили бригадира Бешу, одного из твоих злейших врагов.

— Бешу, враг мой! Это хорошая новость! Неужто в префектуре решили, что меня нужно арестовать? Нет, это вряд ли! Я оказываю им слишком много услуг. — Орас задумался, нахмурив брови. — В любом случае нам нельзя ослаблять бдительности… Ступай! Впрочем, стой! Еще одно слово… Пытались вскрыть мой сейф! Кто-то трогал три кнопки, которые служат для набора кода.

— Но кроме нас с тобой, сюда никто не входил. И раз это была не я…

— Тогда, стало быть, я забыл сменить код. Ты понимаешь, насколько это серьезно? В сейфе хранятся все инструкции, мое завещание, ключи от других сейфов, а также указания, которые позволят обнаружить мои тайники и обчистить их.

— Пресвятая Дева! — воскликнула няня, стиснув руки.

— Дева Мария тут ни при чем. Это тебе следует быть начеку. Иначе грядут большие неприятности.

— Да чем же я рискую?

— Своей девичьей честью, — холодно бросил Орас.

В тот же вечер Орас занял сторожевой пост у ворот парка, откуда шла дорога на ферму. Забравшись на дерево и спрятавшись в листве, он терпеливо ждал. И ожидание было вознаграждено.

Еще до полуночи кто-то промчался мимо церкви и перепрыгнул через ограду. Вельмон увидел, как мелькнуло гибкое тело крупного зверя. На псарне завыли собаки. Орас слез с дерева и подкрался к окну Рудольфа.

Окно было открыто, в комнате горел свет. Прошло две-три минуты. Орас слышал, что мальчик что-то говорит… И вдруг на террасе показалась тигрица. Огромный зверь уперся лапами в перила балюстрады. Рудольф простерся на его спине, обхватив обеими руками чудовищную шею и весело смеясь.

Напружинившись, тигрица спрыгнула в кусты и помчалась прочь со своей ношей. Снова раздался яростный лай собак.

Тут из тени вышла Виктория.

— Ну как, видел? И куда этот дикий зверь повлек бедного ребенка? — с тревогой причитала она.

— Черт побери, к его матери, конечно!

— Господи, да как же это?

— Вероятно, Патриция вместе с обитательницей замка ухаживала за раненой тигрицей, лечила ее, и она, еще в зверинце привыкшая к людям, привязалась к нашей американке и теперь слушается ее, как верный пес.

Он бегом направился к ферме, затем миновал лесные заросли возле разрушенного замка, промчался по тропинке, протоптанной меж руин, влез в окно хижины… и ахнул. Безудержная радость звучала в его голосе. Патриция, устроившись в кресле, держала сына на коленях, осыпая его поцелуями!

Орас с восторгом смотрел на молодую женщину.

— Вы… вы… — запинаясь произнес он. — Как чудесно! Я не смел надеяться, что вы живы! Но кого тогда убил Маффиано?

— Анжелику.

— А как она попала в вашу палатку?

— Она прогнала меня и заняла мое место. И

только потом я поняла почему! Она влюбилась в Арсена Люпена, — закончила Патриция, нахмурив брови.

— И это был не лучший выбор, — заметил Вельмон с отстраненным видом.

— Саида, тигрица, учуяла, что она осталась лежать под упавшей палаткой. Анжелика была уже в агонии. Саида утащила ее, прежде чем я успела вмешаться. Это было ужасно. — Патриция вздрогнула.

— А где теперь Маффиано? И его сообщники?

— Эти негодяи все еще бродят по окрестностям, но соблюдают осторожность. — Она вновь заключила сына в объятия. — Мой дорогой! Мой милый!.. Ты ведь не боишься? Саида не причинила тебе вреда?

— О, вовсе нет, мама, — ответил Рудольф. — Я уверен, она нарочно бежит так осторожно, чтобы меня не трясло… Как же я рад тебя видеть!

— Хорошо, что ты поладил со своей странной лошадкой, но сейчас тебе надо немного поспать. Да и Саиде тоже пора отдохнуть. Отведи ее на лежанку.

Мальчик встал и, взяв чудовищного хищника за ухо, повел в другой конец комнаты, где в большом шкафу, возле ниши, в которой находилась

кровать Патриции, был разложен матрас. Но стоило им приблизиться к нише, как Саида проявила явное нежелание ложиться. Она принялась недовольно рычать. Наконец она остановилась перед кроватью хозяйки и, наклонив голову, зарычала еще громче, разъяренно стуча хвостом по полу.

— Так-так, Саида, — сказала Патриция, вставая, — что такое, моя дорогая?

Орас внимательно посмотрел на тигрицу.

— Кажется, — заметил он, — под кроватью или в нише кто-то прячется. И Саида это чует.

— Это правда, Саида? — спросила Патриция.

Огромная тигрица рыкнула. В ярости она толкнула могучей мордой железную походную кровать. Та сдвинулась, стукнувшись о стенку. Раздались крики ужаса. Орас, Патриция и мальчик с изумлением увидели сжавшихся под кроватью людей.

Патриция бросилась на помощь незваным гостям, а Орас воскликнул:

— Ну же, говорите, или вам конец! Вас здесь трое, не так ли, включая достославного Бешу? Ну же, отвечай, о страж моего сердца.

— Да, это я, Бешу! — объявил полицейский, не смея подняться, — так его перепугала ощетинившаяся тигрица.

— И ты пришел арестовать меня? — продолжал Вельмон. — Так для начала арестуй Саиду, старина. Может быть, она успокоится. Тебе и правда не повезло! Хочешь, чтобы она ушла?

— Еще бы! — откликнулся Бешу.

— Не смею тебе в этом отказать, милый друг! Мы удовлетворим твою просьбу. Кроме того, так будет лучше, иначе я не поручусь за сохранность твоего прекрасного организма! Патриция, пожалуйста, велите вашей телохранительнице удалиться.

Молодая женщина, положив руку на голову тигрицы, которая с оглушительным мурлыканьем терлась о ее колени, позвала:

— Рудольф! Мой дорогой!

Мальчик подошел к ней, и тогда Патриция приказала:

— Саида, пора доставить твоего маленького хозяина домой. Давай, Саида! Давай, милая! Только осторожно.

Тигрица, казалось, внимательно слушала. Она покосилась на Бешу, с видимым сожалением отказываясь от намерения попробовать полицейского на вкус, и подчинилась приказу, явно гордясь возложенной на нее миссией. Саида подступила к Рудольфу, вытягивая мощную спину.

Мальчик забрался на тигрицу, погладил ее по голове, обхватил шею руками и крикнул:

— Вперед!

Огромный зверь взлетел и единым прыжком покинул хижину. Мгновение спустя где-то вдали залаяли собаки.

Орас сказал:

— Быстрее, Бешу, вылезай из-под кровати вместе со своими дружками. Тигрица вернется через десять минут, так что поторопись! У тебя есть ордер на мой арест?

Бешу поднялся на ноги, его спутники тоже.

— Да, все тот же, — сказал он, отряхивая с себя пыль.

— Так он, должно быть, уже малость помялся. А где еще один, на Саиду?

Бешу, обидевшись, не ответил.

Орас скрестил руки на груди:

— Значит, ты, Бешу, думаешь, что Саида позволит тебе надеть ей на лапы наручники, если у тебя не будет документа, подписанного кем-то из вышестоящих? — Он открыл дверь. — Беги и прихвати своих маленьких подручных! Улепетывай со скоростью быстроногой лани! Прыгай в первый же поезд и отправляйся домой, отлежись, чтобы прийти в себя! Но в этот раз на кровати, а

не под ней! Послушайся моего совета — это совет друга. Поторопись, а то Саида получит на завтрак полицейский бифштекс!

Подчиненные Бешу уже испарились. Он собрался было последовать за ними, но Орас остановил его:

— Бешу, еще пара слов. Кто сделал тебя инспектором?

— Ты. И я благодарен тебе за это…

— Арестовать меня — недурной способ проявить благодарность. Ладно, я не держу на тебя зла. Бешу, а хочешь, я сделаю тебя бригадиром?

— Да!..

— Тогда завтра, в субботу, в половине одиннадцатого, отправляйся в префектуру. И попроси своих начальников дать тебе карт-бланш. Ты мне нужен… Ясно?

— Да, я понял. Благодарю…

— Иди!

Бешу ушел. Орас снова повернулся к Патриции:

— Так Спящая красавица — это вы, не так ли?

— Да, я. По материнской линии я француженка. Здесь жила старушка, моя родственница. Она вовсе не была сумасшедшей, просто чуточку странной. Приехав во Францию, я навестила

ее. Я ей понравилась. Вскоре, к несчастью, она заболела и почти сразу умерла, завещав мне это разрушенное и заброшенное поместье… Я тайком поселилась здесь, под прикрытием местной легенды, чтобы избежать нежелательного внимания. Никто из жителей деревни не осмелился бы сунуться сюда…

— Понятно, — сказал Орас. — И вы подстроили так, чтобы я купил Мезон-Руж, поскольку это поместье находится рядом с замком… Это безопасное убежище, к тому же вы знали, что Рудольф будет здесь, неподалеку, под надежным присмотром. Я прав?

— Да, — сказала Патриция. — А еще я была счастлива, что живу не слишком далеко от вас, — добавила она, опустив глаза.

Он хотел обнять ее, но сдержался. Казалось, молодая женщина не желает этого.

— А Саида? — спросил он.

— Тут все просто. Она сбежала из ярмарочного зверинца, за ней гнались и подстрелили. Она забрела сюда, я перевязала ее рану, ухаживала за ней, и она ко мне привыкла. А благодаря ее верности и готовности защищать меня я перестала бояться Маффиано.

Помолчав, Орас поклонился Патриции:

— Какое счастье снова видеть вас! Патриция, я думал, что вы погибли… Но почему вы не дали мне знать, что живы, почему не успокоили меня?

Молодая женщина мгновение помолчала, ее глаза были закрыты, а на лице застыло почти враждебное выражение. Наконец она ответила:

— Я не хотела вас видеть. Я не могу забыть, что вы предпочли другую… Да, той ночью, в палатке…

— Но ведь я думал, что это вы.

— Вы не должны были так ошибиться! Вот чего я не могу вам простить! Перепутать меня с этой девицей! С любовницей Маффиано, которая прислуживала ему и его ужасным сообщникам! Как вы могли поверить, что я способна так себя вести? И как я могу стереть из памяти подобное воспоминание?

— Заменив его более прекрасным.

— Это невозможно, потому что никакого более прекрасного воспоминания не будет. Вы перепутали меня с этой развратной девицей… Я не хочу соперничать с ней!..

Орас, радуясь этой ревности, подошел ближе.

— Патриция, вы с ума сошли! — воскликнул он. — Какие соперницы! Я обожаю вас! Вы — на-

стоящая! Единственная!

Он лихорадочно обнял ее и в отчаянном порыве прижал к себе. Она противилась, негодуя, не желая прощать, и еще больше сердилась, чувствуя, что готова сдаться.

— Оставьте меня в покое! — выкрикнула она. — Ненавижу вас! Вы меня предали.

Дрогнув, в последнем усилии она попыталась вырваться. Но он не разжал рук. Его лицо склонилось к ней. И в этот момент створки французского окна с грохотом распахнулись и в помещение прыгнула тигрица. Ее глаза сверкали, как две изумрудные звезды. Она пригнулась, собираясь наброситься на Ораса.

Вельмон отпустил Патрицию, выпрямился и, устремив взгляд на хищницу, сказал тихо, с чуть ворчливой интонацией:

— Вот и ты, да? Вмешиваешься в то, что тебя не касается, не так ли? Патриция, какая у вас преданная кошечка! Черт побери, вы нашли способ заставить вас уважать! Хорошо, хорошо… Я вас уважаю! Однако я не хочу показаться смешным, не хочу, чтобы любимая женщина смеялась надо мной…

Он достал из кармана широкий острый нож, который всегда носил с собой.

— Что вы задумали? — в тревоге воскликнула Патриция.

— Милый друг, я пытаюсь сохранить достоинство в глазах вашей любезной телохранительницы. Не хочу, чтобы она подумала, будто Орас Вельмон — ребенок, которого можно запугать и обратить в бегство! Если вы не поцелуете меня здесь и сейчас, при этой дикой кошке, я вспорю ей брюхо. У нас состоится отличный поединок! Вы меня поняли?

Патриция колебалась, краснела, но наконец встала на цыпочки, ухватившись за плечо Ораса, и поцеловала его.

— Боже правый, — сказал он, — ну, значит, моя честь в безопасности… И я только прошу, чтобы меня почаще заставляли спасать ее подобным образом!

— Я не могла позволить вам убить этого зверя, — прошептала Патриция. — Что бы со мной стало без ее защиты?

— Но она могла и загрызть меня, — возразил Орас. — Впрочем, это волнует вас гораздо меньше, — добавил он с необычной для него меланхоличной интонацией, которая растрогала молодую женщину.

— Вы так думаете? — проговорила она, залив-

шись ярким румянцем.

Но тут же взяла себя в руки. Воспоминания о том, что она считала непростительным проступком, еще не развеялись. Она подошла к тигрице и положила руку ей на голову:

— Тише, Саида!

Тигрица замурлыкала.

— Тише, Саида! — повторил Вельмон с привычным хладнокровием. — Позволь господину спокойно удалиться! Прощай, королева джунглей! Полосатая шкура делает тебя похожей на зебру… И все же я предпочту уйти.

Он нахлобучил шляпу, затем с поклоном снял ее, проходя мимо тигрицы и вежливо с ней прощаясь, и уже на пороге обернулся к Патриции:

— До свидания, очаровательная Патриция! Рядом с Саидой вы напоминаете древнюю богиню: красавица, укрощающая дикого зверя… А я люблю богинь, клянусь! До скорой встречи, Патриция!

Орас Вельмон вернулся в Мезон-Руж. Виктория ждала его в большой гостиной, тщательно затворив двери и окна. Услышав шаги, она выбежала ему навстречу:

— Ты знаешь, что Рудольф вернулся! Тигрица доставила его обратно, и он, наверное, уже спит.

— Как прошла твоя встреча с тигрицей?

— О, просто замечательно! Мы друг другу и слова не сказали. Кроме того, я запаслась большими портновскими ножницами.

— Бедная Саида! Какой жуткой участи ей удалось избежать! А ведь из ее шкуры получился бы отличный прикроватный коврик, не правда ли, Виктория?

— На самом деле целых два. Она огромная, эта дикая бестия. Но выглядит симпатично.

— Да уж, просто душечка, — рассмеялся Вельмон, однако тотчас перевел разговор на другую тему: — А теперь мне нужно обсудить с тобой нечто очень серьезное!

— В такой час? — воскликнула изумленная няня. — Разве это не может подождать до завтра?

— Нет, не может. Давай присядем вон туда, на диван.

Наступило минутное молчание. У Ораса был весьма торжественный вид, и это произвело на Викторию впечатление.

— Все историки, — начал он, — сходятся во мнении, что Наполеон никогда не был так велик, как в последние годы своего правления. Его военный гений достиг апогея во время кампании восемьсот четырнадцатого года. Но императора

погубило предательство. Переход Бернадота[22] на сторону врага привел к поражению при Лейпциге[23]. Если бы генерал Моро не сдал Суассон[24], Блюхер был бы уничтожен; а если бы не маневры маршала Мармона, Париж бы не капитулировал. Ты согласна, не так ли?

Старая нянька недоуменно кивнула.

Орас продолжал, очень серьезно:

— Виктория, у меня сложилась аналогичная ситуация; в Шампобере, Краоне, Монмирайе — везде мне сопутствовал успех. И все же земля уходит у меня из-под ног. Назревает поражение. Моя империя, собранные мною богатства скоро окажутся в руках врага. Еще один шаг — и я разорен, ослаблен, побежден, удручен, умираю… Меня ждет остров Святой Елены…

---

[22] Notes: 22

Жан Батист Бернадот (1763–1844) — маршал Франции. В 1810 году Наполеон, недовольный проводимой маршалом независимой политикой, отправил его в отставку, после чего шведский риксдаг избрал опального Бернадота наследником шведского престола. В 1813–1814 годах он возглавил шведские войска и выступил против Наполеона в составе коалиции союзников.

[23] Notes: 23

Так называемая Битва народов, решающее сражение в 1813 году между союзными войсками и армией императора Наполеона.

[24] Notes: 24

Генерал Моро командовал гарнизоном крепости Суассон, которую к началу марта 1814 года окружили войска антинаполеоновской коалиции под командованием Блюхера и фон Бюлова. Крепость сдалась.

31 марта того же года маршал Мармон вместе с маршалом Мортье подписывали договор о капитуляции французской столицы, и в Париж вошли русские войска.

— Значит, тебя предали?

— Да, меня предали. Теперь я уверен в этом. Я говорил тебе, что кто-то проник в мою комнату, открыл сейф и завладел ключами и бумагами, которые позволят ему присвоить все мое состояние, все — до последнего сантима. И грабеж уже начался.

— Ты уверен? — У няни тряслись руки.

— Не знаю. — Он пристально посмотрел на нее и добавил: — А ты, Виктория, ты никого не подозреваешь?

Внезапно она упала на колени и зарыдала:

— Ты подозреваешь меня, мой мальчик!

— Я подозреваю тебя не в том, что ты открыла сейф, а в том, что ты позволила кому-то войти и обыскать мой дом. Это правда? Виктория, отвечай честно.

— Да, — призналась она, прижимая ладони к лицу.

Он погладил ее по голове, прощая.

— Кто приходил? Это была Патриция, не так ли?

— Да. Несколько дней назад она пришла, чтобы повидаться с сыном. Тебя не было дома. Она заперлась с ним. Но как она могла узнать код от сейфа? Я его не знаю… и никто не знает, кроме

тебя…

— Не беспокойся об этом. Я начинаю понимать. Но, Виктория, почему же ты не сказала мне, что она приходила? Тогда я хотя бы знал, что она жива…

— Она сказала, что, если я предупрежу тебя, ты подвергнешься смертельной опасности. Она заставила меня поклясться, что я не скажу тебе ни слова.

— И чем ты поклялась?

— Своим вечным спасением, — прошептала старуха.

— Значит, ты предпочла свое вечное спасение моему временному? — с гневом произнес Орас, в негодовании скрестив руки на груди. — Своему долгу передо мной?

По лицу няни струились слезы; все еще стоя на коленях и потупившись, она безумно рыдала.

Внезапно Орас поднялся с места. В дверь гостиной постучали. Он подошел к двери и, не открывая, крикнул:

— В чем дело?

— Шеф, некий господин настаивает на встрече с вами, — ответил один из охранников.

— Он рядом с тобой?

— Да!

— Хорошо, я поговорю с ним. Возвращайся на свой пост, Этьен.

— Да, шеф!

Когда звук шагов удалился, Орас крикнул через дверь:

— Это ты, Бешу?

— Да, я вернулся. Нужно кое-что уладить.

— Ты про ордер?

— Точно!

— Он у тебя?

— Да, у меня.

— Подсунь его под дверь. Спасибо, старина.

Орас нагнулся, поднял ордер, выписанный на официальном бланке, и внимательно его изучил.

— Отлично, — сказал он вслух. — Идеально! Все в порядке. Единственный минус…

— Какой? — спросил изумленный Бешу.

— Старина, да ведь он порван!

И Орас разорвал ордер пополам, потом еще раз, и еще. Скатав из обрывков плотный шарик, он распахнул дверь.

— Вот он, дорогой друг, — сказал он, протягивая шарик Бешу.

— Ах! Только этого недоставало!.. Это… это тебе даром не пройдет! — Бешу заикался от ярости.

Орас жестом успокоил его:

— Не кричи. Воспитанные люди так себя не ведут. Скажи-ка мне лучше вот что: у тебя есть автомобиль?

— Да, — сказал Бешу, в который раз поражаясь самообладанию Ораса.

— Отвезешь меня в префектуру. Ты же понимаешь, нужно решить вопрос с твоим назначением на должность бригадира. Но сначала я должен кое-куда сходить, так что тебе придется подождать.

— Куда? Мы не спустим с тебя глаз.

— Я собираюсь навестить Патрицию в замке Корнейль, чтобы сказать ей несколько слов. Ты со мной?

— Ну нет, — решительно отказался Бешу.

— И зря. Саида даже глазом не моргнет при виде тебя. Она никогда не нападает, если смотреть ей в лицо.

— Вот именно, — сказал Бешу. — Мы с коллегами вовсе не желаем смотреть ей в лицо.

— Каждому свое, — откликнулся Арсен Люпен. — А впрочем, я, пожалуй, отложу визит в замок, зайду туда в другой раз. Господа, я в вашем распоряжении.

Он любезно взял Бешу под руку. Вместе с под-

жидавшими в коридоре двумя полицейскими они направились к воротам. Уже давно рассвело. Все забрались в полицейскую машину, ожидавшую на дороге. Орас Вельмон был в прекрасном настроении.

В девять часов утра он, при посредничестве Бешу, получил аудиенцию у префекта полиции. Богатый и влиятельный граф Орас Вельмон, оказавший немало услуг правительству, был принят весьма тепло.

После долгой и вежливой беседы Вельмон покинул префектуру. Бешу получил повышение в должности, а Вельмон дал несколько полезных указаний и обзавелся ценными сведениями. Стороны пришли к соглашению.

Глава 9
Сейфы

В машине Орас Вельмон нацепил накладную бороду и очки в черепаховой оправе со слегка затемненными стеклами.

В десять часов автомобиль остановился у банка Энгельмана, и с последним ударом часов Вельмон переступил его порог.

Под сводами банка два служителя попросили его предъявить банковскую карту и удостоверили его личность.

В вестибюле за ним наблюдали четверо дюжих мужчин, напоминавших английских констеблей. Они еще раз проверили его, попросив предъявить документы.

Наконец, должным образом осмотренный, проверенный и опознанный как Орас Вельмон (имя, которое он сделал своим собственным), Арсен Люпен в сопровождении охранников проследовал к роскошной мраморной лестнице. У ее подножия, перед массивными решетчатыми дверями, укрепленными бронированными створками, охранники остановились и постучали пять раз

в особом ритме: один… два-три-четыре… пять. Затем все услышали, как отодвигается засов, и увидели, что одна из створок отворилась, открывая доступ в помещение, откуда можно было попасть в подвальный этаж, к сейфам.

Существовал единственный способ добраться до этих сейфов: сначала миновать решетчатую преграду, а затем, пройдя в другой конец комнаты, открыть бронзовую дверь неприступного хранилища. Кессоны его резного дубового потолка были обиты железом. Стены бронированы стальными пластинами.

В просторном помещении четыре десятка мужчин сидели в креслах вдоль стен, а также вокруг небольшого помоста, где располагались члены счетной комиссии. Среди них выделялся бледный худой юноша, почти подросток, с холодным взглядом серых глаз. Он явно подражал Робеспьеру, а его костюм — сюртук с широким бархатным воротником и туго повязанным шейным платком, монокль и полированная дубинка — напоминал о щеголях времен Директории.

Прочие заговорщики — здоровяки с мощной мускулатурой, с квадратными челюстями, с грубыми и вульгарными чертами лица — дружно поднялись на ноги, когда звук гонга возвестил о

прибытии последнего участника.

Орас Вельмон посмотрел на них с насмешливой улыбкой и воскликнул с напускной бравадой:

— Ура товарищам гангстерам!

Эффект оказался плачевным. Все сорок заговорщиков почувствовали себя оскорбленными. Слово «гангстеры» показалось им унизительным. По комнате пронесся ропот.

Но тут вмешался бледный молодой человек, восседавший на возвышении. Он ударил по столу ножом для разрезания бумаг и, восстановив тишину, сказал:

— Ему простительно, он нас не знает. Это тот самый французский участник, который некогда передал мистеру Мак-Аллерми информацию, необходимую для нашего дела.

И тут же высоким голосом, слабость которого он пытался компенсировать выразительными жестами и непреклонным тоном, продолжил:

— Господа, сегодня состоится первое общее собрание, давно запланированное нашим комитетом, поэтому я чувствую себя обязанным дать некоторые пояснения тем из вас, кто присоединился к нам не с самого начала.

Как вы знаете, друзья мои, наша ассоциация возникла несколько столетий назад. Она была

образована людьми мужественными, исполненными религиозной веры, стремившимися помочь папству в смутные времена Ренессанса, когда папы защищали дух латинской цивилизации от варваров, пришедших с севера, от франков и немцев.

В нынешнем веке ассоциацию возродили, оживив и обновив ее, два выдающихся человека, два друга. Наш долг, а также чувство благодарности требуют воздать им дань уважения: это Джеймс Мак-Аллерми и Фредерик Филдс. Понимая особенности современной жизни, они адаптировали наш кодекс к изменившимся обстоятельствам, укрепили нашу дисциплину и, самое главное, поставили перед нами цель, достойную наших усилий.

Именно им пришла в голову оригинальная идея подчинить наших боевиков высшему органу власти, состоящему из независимых лидеров, твердых духом. Они назвали эту высшую инстанцию Советом по поддержанию Порядка и Всеобщей Дисциплины — СПВД. Этот Совет и есть мы, сорок суровых и непреклонных единомышленников, которые, подобно пуританам старых времен, не потворствуют ни чужим слабостям, ни собственным недостаткам.

Сорок Князей ада[25], отлично умеющих замечать, распознавать, судить и наносить удары. Такой Совет, господа, был необходим, поскольку изначально мы были вынуждены нанимать агентов всех мастей, лишенных угрызений совести. Кроме того, требовалось контролировать комитет, состоявший из одиннадцати человек, и, главное, подводить баланс и распределять прибыль таким образом, чтобы в результате общих усилий каждый получил свою справедливую долю.

Из этой прибыли СПВД отчисляет пятьдесят процентов себе, а вторую половину оставляет для тех, кто действует по всему миру. Точный подсчет. Никаких привилегий. Все в соответствии с уставом. Наши записи регулярно обновляются. Наши расчеты доступны каждому.

Как дисциплинарный, моральный и контрольный орган, СПВД тем не менее признает авторитет комитета, одиннадцать членов которого стояли у истоков мафиозной ассоциации и разработали ее планы и документы. Их инициатива и предпринятые ими усилия принесли несомненную

[25] Notes: 25

Князья ада — самые сильные демоны после Люцифера, которые занимаются распределением душ по девяти кругам и следят за соблюдением порядка.

пользу нашей ассоциации. Их было одиннадцать, одиннадцать вдохновенных провидцев, людей, достойных восхищения. Да, некоторые из них допускали ошибки и совершали преступления, и, однако, все они заслужили наше признание.

Вы знакомы с результатами их усилий, вы оценили их достижения, и, конечно, вы знаете, насколько благодаря им повысился ваш собственный уровень достатка. Я не буду подробно описывать вам их личные заслуги и успешные операции, после осуществления которых каждый из них с достойной восхищения честностью вот уже целый год отправляет в центральную кассу добычу, которую так легко можно было бы спрятать и оставить себе. Но они не нуждаются в похвале, ибо они просто честные люди. Мафия дает им возможность совершать великие дела и действовать быстро. И они действуют и, гордясь своим успехом, гордятся также тем, что служат мафии и обогащают ее. Их счета точны до последнего цента. Давайте же отдадим им дань восхищения.

Любое рассчитанное на долгий срок предприятие основывается на справедливости и честности. Так вот, среди этих первых членов комитета есть двое, чей вклад, чью решимость и достижения

я хотел бы отметить особо: это Джеймс Мак-Аллерми и Фредерик Филдс. Малые предприятия дают результаты. Созданной нами ассоциации нужна была грандиозная цель, поражающая воображение и стимулирующая индивидуальную инициативу. Великолепная идея Мак-Аллерми позволила нам поставить такую цель. Паула Синнер! С самого начала эти волшебные слова заворожили нас. Бывшая соратница Мак-Аллерми, Патриция Джонстон, ныне наш непримиримый противник, обнародовала в прессе их истинное значение. Мафия против Арсена Люпена — такова истинная цель нашего предприятия.

Ах! Я до сих пор помню, какое сильное впечатление произвел на меня Мак-Аллерми, честнейший владелец газеты «Алло, полиция!», когда открыл мне, насколько он ненавидит Арсена Люпена, этого распоследнего негодяя и опаснейшего из преступников, — ибо он самый обаятельный, самый ловкий, способный и богатый из них. Я подчеркиваю — самый богатый. «Баснословное богатство Люпена, — сказал Мак-Аллерми, — оскорбляет всех страдающих от бедности честных людей. И именно это богатство я хочу заполучить. Тот факт, что Арсен Люпен является миллионером, более того, миллиарде-

ром, — это позор для нашего времени. Это ставит под угрозу нашу цивилизацию. Подумайте обо всем, что он украл, о богатствах былых веков, которыми он, отыскав их, завладел! Сокровища Древнего Рима, имущество королей Франции и монастырей Средневековья — все это оказалось в руках наглого мошенника. Какой мощью он наделен благодаря этому! Какими неисчерпаемыми ресурсами! Какой невероятной властью! И все же конфискация возможна. Я получил и оплатил конфиденциальную информацию, которую мне удалось частично проверить и согласно которой все свое богатство, бриллианты, драгоценные камни, имущество, поместья, виллы, дома и дворцы Арсен Люпен обратил в золото, американское золото. Есть Банк Франции с его сейфами и хранилищем, и есть банк Арсена Люпена с его сейфами и хранилищем». Так вот, банк Арсена Люпена находится прямо здесь: это банк Энгельмана. Сейфы Люпена рядом, в этой крепости! У меня есть ключи и коды. Доллары, слитки, золотые монеты — все это теперь наше…

Это заслуга Мак-Аллерми, а также и моя. Я приложил значительные усилия, чтобы собрать вас всех вместе и продемонстрировать вам свои честность и предусмотрительность. Вот ключи от

сейфов, а здесь, на этих листках, записаны коды, которые позволят их открыть!.. Сегодня вы, сорок крепких, хорошо вооруженных, готовых на все членов сообщества, получаете беспрепятственный доступ к миллиардам Арсена Люпена!

Буря аплодисментов пронеслась по залу, усиливаясь, затихая и снова нарастая, и так без конца… В воздух взлетали шляпы.

Маффиано, размахивая тростью, кричал:

— Ура Мак-Аллерми! Ура Филдсу! Ура!

Бледный молодой человек знаком потребовал тишины и продолжил, развивая свой ораторский успех:

— Мне как вашему председателю приятно видеть всеобщее согласие и то, как вдумчиво следили вы за моим рассказом об истории нашего предприятия. Но все уже сказано. Довольно болтать, пора перейти к действиям. Займемся сейфами. Однако прежде, чем их открыть, нужно выверить список тех, кто имеет право на получение прибыли, чтобы знать, кому какая доля причитается.

И он спокойно, делая паузы после каждого номера, начал называть имена:

— Номер один: Мак-Аллерми.

Маффиано ответил:

— Убит при загадочных обстоятельствах. Удостоверение исчезло.

— Номер два: Фредерик Филдс.

— Убит при загадочных обстоятельствах. Удостоверение исчезло, — повторил Маффиано.

— Номер три: Маффиано.

— Здесь! — Сицилиец вскочил на помост.

— Ваше удостоверение?

— Украдено.

— Ваше дело будет рассмотрено позже и решено по усмотрению СПВД. Я продолжу: номер четыре и номер пять…

— Убиты: один — в Портсмуте, другой — в Париже. Удостоверения украдены.

— Номер шесть?

— Здесь. Удостоверение украдено, — ответил один из присутствующих.

Арсен Люпен узнал его. Это был ближайший подручный Маффиано, один из тех, кто участвовал в нападениях на Мезон-Руж и на особняк в Отёй.

— Номер семь? Номер восемь?

Маффиано снова откликнулся:

— Они пропали три дня назад. Их удостоверения были украдены ранее.

— Номер девять? Номер десять? Номер один-

надцать?

Ответа не последовало.

Председатель подвел итог:

— Итак, из одиннадцати членов-основателей комитета лично присутствуют всего двое. Четверо мертвы, пятеро пропали без вести, и по меньшей мере шесть карточек, а возможно, даже восемь были украдены. Отсутствующие партнеры, которые не участвовали в сегодняшней перекличке, теряют свои полномочия без права на восстановление. Я вновь вызываю последних трех членов комитета, о которых на нынешний момент нам ничего не известно.

Он медленно произнес:

— Номер девять? Номер десять? Номер одиннадцать?..

— Одиннадцатый здесь! — выкрикнул кто-то.

Все с удивлением переглянулись.

— Кто вы? — спросил председатель.

От толпы отделился человек с бородой и в очках с затемненными стеклами.

— Кто я? Я номер одиннадцать, который вы называете.

— Где ваше удостоверение?

— Вот оно.

И он протянул бледному молодому человеку

карточку, на которой значилось: «Паула Синнер, номер 11».

— Здесь стоит подпись Мак-Аллерми, — сказал председатель. — Давайте по порядку. Кто вы?

— Я тот, кто продал упомянутую вами информацию, которая легла в основу этого предприятия.

— Кто-нибудь здесь вас знает? Может за вас поручиться?

Маффиано пристально вгляделся в загадочного претендента на номер одиннадцать.

— Я! — воскликнул сицилиец. — Я могу поручиться, что этот господин и есть похититель всех пропавших удостоверений!

— А я могу поручиться за тебя, Маффиано, как за убийцу Мак-Аллерми и Фредерика Филдса, — ответил номер одиннадцать.

Поднялся переполох. Председатель попытался всех утихомирить.

— Конфликт между двумя нашими партнерами будет урегулирован СПВД позже. Сейчас наша задача — открыть сейфы.

Тогда номер одиннадцать подошел ближе и запрыгнул на помост.

— Я официально возражаю против вскрытия сейфов! — громко и четко заявил он.

— На каком основании? — спросил председа-

тель, тщетно пытаясь восстановить контроль над ситуацией.

— По праву члена комитета. Более того, несколько карточек еще не были толком заверены.

— Но ведь я вызывал членов комитета, — запротестовал председатель. — Регламент требует, чтобы я сделал это трижды, дабы избежать ошибок. Вот, я вызываю их в последний раз. Номер девять? Номер десять?.. Что, никто не откликнется? Ну, значит, вызывать больше некого…

— А как же номер двенадцать? — спросил высокий певучий голос.

Сбросив темный плащ, вперед вышла молодая женщина в черном платье и в шляпке с белой вуалью; она сделала несколько шагов и заняла место на возвышении рядом с номером одиннадцать.

— Вот мое удостоверение, — сказала она, протягивая председателю карточку.

— Патриция Джонстон! — изумленно воскликнул Маффиано. — Любовница сына Мак-Аллерми. Секретарь старика Мак-Аллерми! Та самая журналистка, которая нас разоблачила!

— Мужественная женщина, которую Маффиано преследует своей ненавистью и любовью, — громко объявил номер одиннадцать.

— Ваша любовница! — крикнул Маффиано.

— Моя невеста, — поправил номер одиннадцать, положив руку на плечо Патриции. — Моя невеста, проявление неуважения к которой карается смертью!

Бледный молодой человек в кресле рассмеялся.

— Сердечные дела, — сказал он, — нас не касаются. Позвольте, мадам, задать вам один вопрос… На всех картах должна быть моя личная подпись в виде паука. На вашей же стоит только подпись Мак-Аллерми. Почему на вашей карте нет паука?

— Как вы, должно быть, знаете из статьи в «Алло, полиция!», — пояснила Патриция, — у меня с Мак-Аллерми за несколько часов до того, как его убили, состоялся долгий разговор. Перед уходом он передал мне конверт, который я должна была вскрыть только пятого сентября сего года. В назначенный день я открыла конверт и узнала, что предъявитель данного удостоверения должен присутствовать на важной встрече, которую Мак-Аллерми назначил на вторник, двадцатое октября, в Париже в этом банке. Я пришла. Я выслушала вашу речь, и вы сообщили мне о том, как развивались события, и о моих правах.

— Что ж, прекрасно. Теперь нам предстоит открыть сейфы.

— Сейфы не будут открыты, — резко и отчетливо заявил номер одиннадцать. — В этом вопросе я не уступлю.

Раздались угрожающие возгласы.

— Но нас сорок человек, а вы один! — презрительно заметил председатель.

— Я — хозяин этого места, а вас всего сорок, — прозвучал угрожающий ответ.

И номер одиннадцать подбежал к двери, ведущей в хранилище, и встал там, держа в каждой руке по револьверу. Устремившиеся к нему члены Совета в беспорядке отступили и столпились в отдалении.

Бледный юноша явно колебался, однако чувство собственного достоинства оказалось сильнее благоразумия. Презрев опасность, он шагнул вперед и крикнул:

— Наше терпение иссякло! Я…

— Только дернись, и я уложу тебя, недоносок!

Бледный юноша побледнел еще больше, но благоразумно остался на месте.

Послышались голоса:

— Да кто вы такой, чтобы бросать нам столь наглый вызов?..

Тогда номер одиннадцать сделал несколько быстрых движений. Он сорвал и откинул в сторону бороду и очки. Улыбка на его лице выглядела устрашающе.

— Арсен Люпен!..

Это имя заставило всех замереть от ужаса. Воцарилась тишина.

Номер одиннадцать продолжил:

— Арсен Люпен, владелец всех удостоверений, всех прав на миллиарды, сосредоточенные в этом хранилище. Когда я узнал, что Мак-Аллерми и Филдс собирают мафиози и, стремясь повысить престиж ассоциации, организуют крестовый поход против меня, я проник в ваши ряды, чтобы блюсти свои интересы. Я предоставил этим двоим все необходимые сведения о моей недвижимости, сообщниках, явочных квартирах, пещерах, подземных ходах и тайниках. Вся эта информация и помогла вам подобраться к сейфам, куда незаметно стекались мои богатства.

— Опасный маневр, — заикаясь проговорил председатель, с трудом справляясь с эмоциями.

— Но достаточно забавный! Как бы то ни было, результат налицо. Согласно регламенту, прибыль должна делиться пропорционально количеству акций. Однако теперь я располагаю не только

контрольным пакетом акций этого общества с ограниченной ответственностью, но и вообще всеми акциями. Если вы недовольны, обращайтесь в суд. А пока я забираю награбленное и оставляю его себе. На моей стороне закон, моя совесть и, что еще убедительнее, моя сила…

Патриция придвинулась ближе к Арсену Люпену.

— Если хоть один из них выстрелит, остальные набросятся на вас, как стая голодных волков, — прошептала она с тревогой.

— Они не посмеют, — ответил он. — Подумайте, что значит для этих бандитов такой человек, как Арсен Люпен! Вспомните о моем авторитете!

— Ошибаетесь. Для банды, охваченной слепой яростью и жадностью, ничто не имеет значения. Никто не сможет противостоять им!

Не успела она договорить, как раздался выстрел. Арсен Люпен был ранен в бедро. Он пошатнулся, упал, но тут же вновь поднялся. Однако ему пришлось прислониться к стене.

— Вы трусы! — выкрикнул он. — Но мне не страшны нападения из-за угла! Я не сдамся. Я застрелю первого, кто попытается войти в это подземное хранилище. Чья первая пуля? Твоя, Маффиано?

Он взвел спусковой крючок. Бандиты вновь отступили.

Вмешался бледный молодой человек.

— Арсен Люпен, — сказал он, повысив голос, — я уже предлагал вам сделку. Соглашайтесь. Никто не сомневается в вашей храбрости. Но в данном случае силы не равны. Ваше состояние хранится здесь. Оно принадлежит нам. Нам остается лишь взять его. Сопротивление бессмысленно. Разве вам так важно сохранить все? Ваше богатство настолько велико, что для вас оно практически бесполезно. Согласитесь на разумный дележ. Нам нужны сто миллионов, а у вас останется несоизмеримо больше.

Собравшиеся недовольно загудели. Никто не хотел идти на такую жертву. Огромное состояние, которое им предстояло заполучить, завораживало бандитов.

Арсен Люпен ответил:

— Робес-Пьеро, я согласен с вашими друзьями. Они хотят получить все, и я тоже.

— Вы предпочитаете смерть?! — театрально воскликнул псевдозащитник Конвента.

— Да! Сто раз да! Арсен Люпен, потерпевший поражение, уже не Люпен.

— Но вы побеждены.

— Нет, раз я жив… А теперь берегитесь, товарищи!

Он сделал легкое движение, и те, кто стоял в первых рядах, принялись расталкивать сгрудившихся позади сообщников, пробиваясь к выходу. Но Люпен просто сунул один из своих револьверов в карман. По-прежнему держа второй пистолет на изготовку, он поднес свободную руку ко рту и, вложив в рот два пальца, с мастерством, которому позавидовал бы любой уличный хулиган, издал пронзительный свист, от которого в этом замкнутом пространстве у всех заложило уши. Крики, угрозы и проклятия смолкли. Бандиты застыли в тревожном ожидании…

Глава 10
SOS

Жуткий ответ на этот сигнал последовал незамедлительно.

Над головами пронесся грохот, — это один за другим, подобно крышкам на перевернутых ящиках, распахнулись квадраты ста пятидесяти дубовых кессонов. В потолке появились зияющие люки. И через эти сто пятьдесят отверстий глянули вниз сто пятьдесят стволов — маленькие, черные, смертоносные глаза винтовок уставились на оторопевших бандитов.

— Цельсь! — скомандовал металлический голос.

Люпен, гордо выпрямившись, с грозной улыбкой, казалось забывший о своей ране, повторил еще громче:

— Цельсь!

Наступил драматический момент. Сорок парализованных страхом гангстеров застыли, как приговоренные к смертной казни, на которых наставлены безжалостные дула расстрельной команды.

Люпен разразился хохотом:

— Ну же, товарищи, смелее! Больше жизни, черт вас побери! Ладно, чтобы хоть немного вас разморозить, вот несколько полезных упражнений. Начинайте! Внимание! Руки на бедра! Голову держать прямо! Поняли? Маршируем на месте! Ну-ка! Раз, два, три, четыре! Так-так-так! Маффиано, мой мальчик, не спи на ходу! Обратите внимание на синьора Маффиано: это парень, похожий на сутенера, который прячется среди приятелей у стены, слева от меня. Если он не подчинится…

Винтовки задвигались, выцеливая бандита. Маффиано понял, что промедление смертельно опасно, и повиновался приказу Люпена. Он вскинул голову, уперся кулаками в бедра и принялся старательно выполнять упражнения, как прилежный ученик.

— Стой, раз-два! — приказал Арсен Люпен.

Бандиты молниеносно повиновались этой команде. Тут у решетчатых ворот появился взвод жандармов, спустившихся со второго этажа. Командовал ими Бешу, недавно произведенный в бригадиры и очень этим гордившийся.

Люпен крикнул ему:

— Скажи, старина, ты понял, что, согласно моей

договоренности с префектурой, я передаю тебе сорок отборных гангстеров, один другого круче? Это мастера своего дела: убийцы, воры, охотники за драгоценностями и грабители банков. И наконец, украшение коллекции — господин Маффиано, глава мафии, темная личность, чьи руки красны от крови.

Бандиты один за другим выходили из ворот.

— И ты тоже, Люпен! — агрессивно выкрикнул Бешу, подходя ближе.

— Я тут ни при чем. На меня наложено табу. Ты получил приказ префекта, не так ли?

— Да, получил. Приказ собрать сто пятьдесят четыре агента и охранника для ареста этих господ из СПВД — иными словами, из мафии.

— Я запрашивал только сто пятьдесят.

— Четверо лишних, Люпен, это по твою душу!

— Ты с ума сошел!

— Вовсе нет. Ордер префекта полиции.

— О! Значит, префектура разрывает наш договор?

— Да. Нам надоели твои махинации и уловки. Ущерб от твоей деятельности превышает доход.

Арсен Люпен расхохотался:

— Вы просто стадо баранов! А ты, Бешу, должно быть, совсем поглупел! Итак, вы снова вообра-

зили, что стоит выдать ордер на арест Люпена, как он залетит вам в глотку, словно жареная перепелка?

— Приказано арестовать тебя и целым и невредимым доставить в полицию, — сказал Бешу, крайне обеспокоенный реакцией противника, к которому он так и не решился приблизиться.

Люпен снова разразился хохотом:

— Целым и невредимым?! Значит, они хотят выставить меня в клетке на площади перед Гран-Пале?

— Именно так.

— Давай, малыш, дерзай!

— Вместе с бандитами нас около двухсот человек.

— Да хоть двести тысяч!

Бешу попытался было привести веские доводы:

— Ты забыл, что ты ранен, истекаешь кровью? У тебя не осталось сил…

— А мои резервы, неужели ты считаешь их безобидными? Моя императорская гвардия? Та, что никогда не сдается? Помнишь, что ответил

Камброн?[26]

— Заставь ее сдаться, свою гвардию!

— Бедный Бешу, так ты просишь меня об этом?

— Да, прошу.

— Поберегись. От тебя останется мокрое место.

Бешу был бледен. Уверенный в своем превосходстве, он тем не менее боялся. Он крикнул своим людям:

— Внимание!.. Оружие на Люпена! Цельтесь!

Сто пятьдесят ружей были направлены на Арсена Люпена.

Бешу разразился гневными криками:

— Огонь! Огонь! Стреляйте, черт возьми!..

— Стреляйте! — поддержал его Арсен Люпен. — Чего вы боитесь?

Он был вне себя от ярости. Слабея от потери крови, он едва стоял на ногах, но не дрогнул.

Патриция взяла его под руку. Она была бледна, однако полна решимости.

— Пора, — пробормотала она.

— Может быть, уже слишком поздно, — ответил он. — Но если вы настаиваете…

---

[26] Notes: 26

Французский генерал Пьер Камброн (1770–1842) в сражении при Ватерлоо, когда последний батальон его полка был окружен, на предложение англичан сдаться ответил: «Гвардия умирает, но не сдается!» — и прибавил крепкое ругательство.

— Да, — сказала она.

— В таком случае признайтесь, что любите меня, — прошептал он.

— Я люблю вас до такой степени, что хочу, чтобы вы жили, — откликнулась она.

— Вы знаете, что я не могу жить без вас, без вашей любви…

Она пристально посмотрела на Арсена Люпена и серьезно проговорила:

— Я это знаю. Я хочу, чтобы вы жили…

— Это обязательство?

— Да.

— Тогда действуйте, — с трудом выговорил он.

Она достала свисток. Это был тот самый серебряный свисток, который он вручил ей когда-то.

Она поднесла его ко рту. Раздался высокий протяжный звук… Пронзительные, настоятельные, отчаянные волны снова прокатывались по коридорам, подвалам и окрестным скверам.

Затем наступила тишина… долгая, волнующая, загадочная, пугающая тишина! Что должно было произойти на этот раз? Что за чудесного спасителя призывал этот свист? Чье — немедленное, молниеносное, решительное — вмешательство ожидалось?

Да вот же оно: снаружи донеслись далекие, пол-

ные ужаса крики; они приближались, становясь все громче.

— Закройте решетку! — крикнул Бешу.

— Да, закройте, — спокойно согласился Люпен. — Закройте решетку и молите Бога об упокоении ваших душ, вы, кучка негодяев!

Он опустился на колено, не в силах больше держаться на ногах. Призвав на помощь всю свою неукротимую энергию, он пытался сохранить ясность сознания.

Патриция наклонилась, желая поддержать его… Она не переставала дуть в серебряный свисток, издававший повелительные колдовские трели.

Арсен Люпен усилием воли преодолел слабость. Он рассмеялся:

— Бешу, мне жаль тебя. Призови армию… целую армию… с танками и пушками…

— А ты? У тебя есть своя армия?

— Я призываю ветеранов Великой войны. Восстаньте, мертвые! Восстаньте, все силы земли и ада!

Казалось, он бредит. И вдруг Патриция опустила свисток. В нем больше не было необходимости. По залу неудержимой волной прокатился вопль ужаса.

Помощь подоспела — странная, грозная и неожиданная. Противников охватила паника.

— Саида! Саида! — крикнула молодая женщина в радостном смятении. — Саида! Скорее сюда!

В подземелье одним прыжком ворвалась тигрица. Полицейские в панике бросились врассыпную, но зверь замешкался у решетки.

Створки ворот, укрепленных железными пластинами, составляли три четверти высоты решетки, благодаря чему охранники могли переговариваться и в случае необходимости передавать бумаги… Однако решетчатая ограда сама по себе не являлась непреодолимой преградой, ведь между пиками решетки и потолком оставалось достаточно места. И тигрица, видимо, сообразила, как преодолеть препятствие, потому что внезапно взмыла вверх, как птица, пронеслась над самыми кончиками острых копий, не задев их, и мягко приземлилась перед Патрицией и Арсеном Люпеном.

Однако Бешу уже собрал своих людей и вновь направил их к решетке.

— Стреляйте, черт побери! — вопил он.

— Сами стреляйте! — ответил кто-то.

— Твой приятель прав, — сказал Арсен Люпен, — стреляй первым, Бешу! Но предупреждаю,

что Саида прекрасно видит, кто в нее стреляет, и, если у тебя хватит наглости поднять оружие и прицелиться в нее, тебе конец, старина. Саида — тигр-людоед!

Решив принять вызов, Бешу отважно выстрелил. Но пуля лишь слегка задела зверя. Саида зарычала, обезумев от ярости. Нападавшие дрогнули. Если бы трое или четверо из них, справившись со страхом, поддержали своего командира и открыли прицельный огонь, тигрица бы погибла. Но ужас, вызванный появлением странного и грозного врага, подчиняющегося легендарному Арсену Люпену, сковал их. Хищника они сочли существом едва ли не потусторонним, восприняли как невиданное оружие, предоставленное в распоряжение героя, который многим из них казался сверхчеловеком. Появление дикого зверя не укладывалось в рамки известных правил и норм, в полицейском арсенале не было средств борьбы со сверхъестественным… Люди не были готовы к такой схватке… К тому же их предводитель тоже поддался панике… Смутный суеверный страх объял его… Союз тигра и человека… В префектуре ни разу не сталкивались ни с чем подобным.

Бешу бежал. За ним устремились и его растерявшиеся подчиненные, и сорок бандитов, о которых

охранники даже думать забыли. Маффиано, которому уже довелось иметь дело с тигрицей, мчался быстрее всех. Щегольски наряженный бледный молодой человек несся следом.

— Сто пятьдесят полицейских, сорок бандитов, столько же винтовок и браунингов, и все они оробели перед Арсеном Люпеном, его возлюбленной и большой дикой кошкой, — усмехнувшись, прошептал Орас. — Что за мир! Куда делись герои? Что за доблестная полиция?!

Силы покинули его, он потерял сознание.

А Саида, удовлетворенная тем, что ее долг выполнен, а битва выиграна, легла у ног хозяйки, которая погладила ее по голове. Опустив веки и навострив уши, тигрица слушала далекие звуки и мурлыкала. Но через минуту она поднялась на лапы и зарычала.

Патриция и Арсен Люпен, пришедший в сознание благодаря ее заботам, насторожились. Да, первая битва выиграна… Но…

Послышались осторожные шаги. Крадущиеся тени пробирались к решетке, прижимаясь к стене. Разъяренные неудачей бандиты, не в силах устоять перед соблазном урвать сотни миллионов, вернулись потайными коридорами. За решеткой в матовом свете фонарей маячили

браунинги.

Саида поползла к решетке, с рыком обнажив клыки, готовая упредить нападение. Бандиты в панике вновь обратились в бегство.

— Поторопимся, — сказал Люпен, — они еще могут вернуться. Пора убираться отсюда! Патриция, соберите ключи от сейфов и все нужные документы. Сегодня вечером мы переправим деньги в провинцию. Банк Энгельмана определенно небезопасен. Быстрее! Машина, которая привезла вас с Саидой, все еще стоит во дворе банка, не так ли?

— Да, под охраной Этьена… Если только его не арестовали…

— С чего бы? Никто не знает, что он работает на меня и что авто принадлежит мне. А Бешу перед началом операции был слишком занят мной и четырьмя десятками бандитов, чтобы обратить внимание на этот автомобиль... А уж когда заварилась каша, у него в голове была лишь одна мысль — срочно убраться подальше от Саиды. Уходим немедленно!

— Вы сможете дойти до двора? — с тревогой

спросила Патриция.

— Я должен! — Арсен Люпен с трудом поднялся, но чуть не упал снова. — Ну и дела, — рассмеялся он, — ходок из меня неважный. Мне нужно укрепляющее лекарство и бинт. Вперед! Саида отнесет меня во двор, как относила Рудольфа в ваш замок.

Люпен, как прежде маленький Рудольф, оседлал тигрицу, и могучий зверь, казалось даже не заметив своей ноши, понесся по коридорам во двор банка. Там, под охраной верного Этьена, их ждал самый большой и просторный из всех автомобилей Ораса Вельмона. Вид тигрицы перепугал не только врагов, но и сбежавшихся на звуки выстрелов зевак. Не глядя по сторонам, Патриция и Арсен Люпен уселись в машину; тигрица устроилась у их ног, а Этьен сел за руль.

— Полицейские уехали? — спросил Люпен.

— Да, шеф, и прихватили с собой бандитов, надев на них наручники. Их повязали прямо у ворот банка.

— В качестве утешительного приза, — усмехнулся Люпен. — Неужели они действительно вознамерились арестовать меня? Да нет, думаю, им просто нужно было немного шумихи, чтобы реабилитироваться в глазах публики. В каче-

стве арестованного я создал бы для них немало проблем. Давай, Этьен, газуй! В Мезон-Руж, и побыстрее!

Автомобиль беспрепятственно выехал со двора банка на улицу и на полной скорости помчался в Мезон-Руж.

В поместье Патриция сразу поднялась к сыну, а Арсен Люпен прямо с порога торжествующе закричал во всю мощь своих легких:

— Виктория! Виктория!

Старая няня, спускавшаяся по лестнице, растроганно объявила:

— А вот и я! Ты меня звал, малыш?

— Нет, не звал.

— Но ты ведь крикнул: «Виктория!»

— Это я провозглашал победу. Бедная моя старушка, вечно какие-то недоразумения с твоим именем!

— Так называй меня как-нибудь иначе.

— Ладно, давай проясним ситуацию! Хочешь, буду звать тебя Фермопилой? Или мадам Тольбиак?[27]

— А ты не мог бы предложить мне христианское имя?

---

[27] Notes: 27

Арсен Люпен намекает на победу в сражении при Тольбиаке, когда в 496 году франкам удалось разгромить войско алеманнов.

— Имя героини-победительницы? Как насчет Жанны д'Арк? Тебе бы подошло. Ну вот, теперь ты дуешься! И зря: я не хотел тебя обидеть. Однако не волнуйся, я придумаю какое-нибудь другое имя. Но сначала выслушай отчет о моих успехах.

И он, заливаясь смехом, как мальчишка, сбежавший с урока, рассказал о своем подвиге.

— Ну разве это не забавно, старушка? Я давно так не веселился. А как прекрасны перспективы моих будущих сражений с полицией! Я собираюсь приручить слона, крокодила и гремучую змею. Может, тогда полицейские оставят меня наконец в покое. К тому же обновление рядов союзников даст изрядную экономию! Создам запасы слоновой кости, крокодиловой кожи для моих туфель, обзаведусь дверными колокольчиками. А теперь дай мне что-нибудь поесть и наложи повязку!

— Ты ранен? — всплеснула руками Виктория.

— Ничего страшного. Просто царапина. Я потерял немного крови, но для Люпена это пустяк, к тому же кровопускание полезно. Ну, давай в темпе престо, мне нужно срочно уходить!

— Но куда?

— Забрать свои деньги!

Виктория быстро перевязала рану, которая

оказалась поверхностной. Перекусив, что заняло еще меньше времени, Арсен Люпен с часок отдохнул и, свежий и бодрый, приказал вывести из гаража автомобили номер два и номер три. Они с Патрицией сели в первый, а четверо самых сильных и решительных его людей заняли свои места во втором.

— Мы возвращаемся к старине Энгельману, — объяснил Патриции Люпен, — нужно будет кое-что у него забрать.

Когда менее чем через час машины подъехали к банку, Люпен в сопровождении Патриции и помощников прошел в вестибюль перед хранилищем на первом этаже, а оттуда — в специально оборудованное помещение, где стояли сейфы.

Ключи были у него. Повозившись с буквами замка, он открыл первый сейф.

Пусто!

Вторая попытка… третья… четвертая… Пусто! Все сейфы были пусты! Богатства исчезли.

Арсен Люпен держался с поразительным спокойствием.

— Сейфы? Пусты… Мои сбережения? Пропали… Мои деньги? Пропали…

Патриция, наблюдавшая за ним, спросила:

— Вы понимаете, что здесь произошло?

— Пока нет. Но ничто не доставляет мне такого удовольствия, как перебирать догадки.

Он подозвал одного из охранников банка; тот, поняв, что страшной тигрицы поблизости нет, подошел.

— Пошлите за господином Энгельманом, — приказал Люпен.

Затем он снова погрузился в размышления. Энгельман, во время утренних баталий удалившийся в свои апартаменты, появился через несколько минут.

Он протянул Люпену руку:

— Мой дорогой Орас Вельмон, очень рад вас видеть. Как поживаете?

Люпен не стал пожимать протянутую ему руку.

— Как человек, которого ограбили, — сказал он. — Это вы украли мои деньги? Все сейфы пусты.

Энгельман выдохнул:

— Сейфы пусты! Это невозможно! — Он упал в кресло, побледнев, задыхаясь, почти теряя сознание. — Сердце! — стонал он. — У меня больное сердце. Оно может сыграть со мной злую шутку. Почему вы сразу выдвигаете обвинения в мой адрес?

— Я говорю то, что есть. И если не вы взяли мои деньги, то кто?

— У меня нет ни малейших подозрений.

— Я вам не верю. И хочу знать правду. Кто дал вам комбинацию букв, соответствующую пяти кнопкам на замках сейфа? Не лгите мне. Кто? — Он буравил взглядом банкира.

Энгельман сдался:

— Это Маффиано.

— Где деньги?

— Не знаю, — сказал банкир. — Но куда вы, Вельмон?

— Нужно решить эту увлекательную задачу.

Не торопясь, Люпен вышел из хранилища, пересек холл и решительным шагом направился к роскошной мраморной лестнице. Энгельман бросился за ним:

— Вельмон! Нет! Пожалуйста, не уходите, Вельм…

В его горле что-то булькнуло, и банкир рухнул у подножия лестницы.

Патриция с помощью охранника поставила его на ноги; люди Люпена отнесли банкира в кабинет на первом этаже и усадили в кресло. Вскоре Энгельман пришел в себя.

— Этот н-негодяй… — заикаясь выдавил он. — Я

догадываюсь, что он задумал… Но моя жена не станет с ним говорить. Ручаюсь, она не скажет ни слова. Ах, плут! Он думает, что все в его власти. Вот что значит иметь дело с подобными мерзавцами.

Услышав это, Патриция, которая поначалу ничего не поняла, побледнела.

— Ступайте туда! — коротко сказала она.

Банкир застонал:

— Невозможно! Я не вынесу такого напряжения, я умру!

Он погрузился в угрюмое молчание. Патриция села на стул в другом конце комнаты.

Прошло десять минут… Четверть часа…

Энгельман хныкал от отчаяния, нес, заикаясь, какую-то бессмыслицу, говорил о своей супруге, о ее добродетели, мужестве, благоразумии, о безграничном доверии, которое он к ней питает. Возможно, все это было правдой… а может быть, и нет.

Наконец послышались шаги, затем легкий, радостный победный свист. Вошел Арсен Люпен.

— Не может быть! Это неправда! — кричал Энгельман, грозя кулаком. — Это неправда! Вы не могли!..

— Что правда, — спокойно сказал Люпен, — так

это задуманное вами ограбление. Вы готовили его два дня. Договорились с директором большого передвижного цирка, взяли у него в аренду восемнадцать грузовиков и провернули все вчера вечером. Так что с четырех утра мои деньги катятся в Тарн, в ваш замок, построенный над ущельем, на почти неприступной скале. Если мои деньги уже там, то все кончено. Я больше никогда их не увижу.

— Это все выдумка, шутка, приключенческий роман! — протестовал банкир.

— Человек, передавший мне эти сведения, заслуживает доверия, — убежденным тоном заявил Люпен.

— И вы утверждаете, что это — моя жена? Вы лжете!

Арсен Люпен не ответил. На его губах играла самоуверенная и жестокая улыбка.

Энгельман снова лишился чувств.

Однако Патриция, которая, держась поодаль, слушала, не говоря ни слова, подошла ближе, отвела Люпена в сторону и сказала дрогнувшим голосом:

— Если это правда, я никогда не прощу вас…

— Ну да, да, — тихо сказал он, пытаясь взять ее за руку. Но она быстро отдернула ее. В ее глазах

блестели слезы.

— Вы снова меня предали.

— Патриция, предательство совершили как раз вы! Маффиано не смог бы угадать комбинацию букв, открывающую сейф. Только один человек в мире мог это сделать — вы, Патриция, вы знали, насколько важным в этом деле для меня лично является имя Паула, ключевое в сочетании Паула Синнер! Почему вы доверили мою тайну Маффиано?

Она покраснела, но ответила откровенно и без промедления:

— Это было на улице Ла-Бом, когда он держал меня в плену в комнате над террасой. Я боялась за Рудольфа, но прежде всего — за себя… Маффиано согласился отсрочить страшную развязку еще на день, если я назову ему то слово из пяти букв, которое откроет сейфы… Он уже знал, что замок открывается нажатием пяти кнопок. Я посоветовала ему попробовать слово «Паула».

Он так и сделал и преуспел. Но выигранный день позволил мне отправить к вам Рудольфа, и вы нас спасли. Позднее, когда я получила письмо, где он угрожал убить моего сына, я вынуждена была раскрыть и другие секреты… Я тревожилась за Рудольфа и за вас. Что же я могла поделать?.. —

в слезах договорила Патриция.

Арсен Люпен снова взял ее за руку:

— Вы хорошо справились, Патриция, и я прошу у вас прощения. Вы прощаете меня?

— Нет! Вы предали меня. Я больше не хочу вас видеть. Никогда. На следующей неделе я отправляюсь в Америку.

— В какой день? — спросил он.

— В субботу. Я забронировала каюту на «Бонапарте».

Он улыбнулся:

— И я тоже. Сегодня пятница. У нас остается восемь дней. Я со своими четырьмя помощниками попробую нагнать грузовики. Перехвачу их и отправлю в Париж, а затем в Нормандию, где у меня подготовлены надежные укрытия. И к вечеру пятницы приеду в Гавр. Мы поплывем в смежных каютах.

Она была не в силах протестовать. Он поцеловал ей руку и направился к выходу. Энгельман, пошатываясь от волнения, перехватил его у двери.

— Значит, я разорен, — заикаясь проговорил несчастный банкир. — Что мне делать в моем-то возрасте?

— Ну, у вас есть деньги, которые вы припря-

тали…

— Нет! Клянусь!

— А приданое вашей жены?

— Я отправил его в том же обозе.

— В каком грузовике оно находится?

— Грузовик номер четырнадцать.

— Грузовик номер четырнадцать будет доставлен сюда завтра и передан непосредственно госпоже Энгельман вместе с моим личным подарком… И не бойтесь, я умею вести себя как джентльмен.

— Орас, вы мой друг! Я никогда в вас не сомневался! — Банкир благодарно пожал руку Люпена.

— Признаю, что я неплохой парень, — сказал Арсен Люпен с напускной скромностью. — Мое почтение мадам Энгельман. Ах да, подарок… Дайте мне совет… Как вы думаете, она не обидится, если я пришлю ей еще и грузовик номер пятнадцать?

Энгельман просиял:

— Вовсе нет, напротив, мой дорогой друг! Напротив! Она будет очень тронута…

— Тогда договорились! Прощайте, Энгельман. Может, еще увидимся, когда я окажусь в этих краях…

— Разумеется, разумеется! Я всегда к вашим

услугам, и моя супруга будет счастлива…

— Я в этом не сомневаюсь.

Патриция вернулась в Мезон-Руж, к сыну, а Арсен Люпен, пренебрегая ранением и усталостью, кинулся в погоню за грузовиками. И лишь спустя двое суток, проведенных без сна и отдыха, он, уладив все дела, смог наконец вернуться в свое поместье. Другой бы на его месте умер от изнеможения, но Люпен, казалось, был сделан из железа.

Однако дома он сразу отправился в спальню. Виктория уложила его, как ребенка.

— Я славно поработал. Все улажено, — сказал он. — А теперь мне надо выспаться. Я готов проспать сутки напролет!..

— Малыш, тебе не холодно? — забеспокоилась Виктория. — Тебя не лихорадит?

Он сладко потянулся:

— Боже, хватит болтовни! Дай мне поспать, героиня-победительница.

— Малыш, может, укрыть тебя потеплее?

— Я весь дрожу, — наконец выдохнул он, одолеваемый усталостью.

— Не хочешь ли горячего пунша? Кружечку пунша?

— Пунш? О Ника Самофракийская, это же

просто мечта! Помнишь, ты хотела, чтобы я придумал другое имя вместо Виктории? Ника Самофракийская звучит красиво! Тебе идет! Так приготовь же мне пунш!..

Но когда старая няня принесла пунш, Арсен Люпен уже забылся крепким сном.

— Спит, как дитя! — ахнула Виктория и в полном восторге сама осушила кружку.

Глава 11
Свадьба

Орас Вельмон и Патриция сидели бок о бок на палубе трансатлантического лайнера «Бонапарт», который вез их в Соединенные Штаты, и смотрели на горизонт.

— Патриция, — вдруг заговорил Орас, — полагаю, что в газете «Алло, полиция!» уже появилась ваша третья статья?

— Конечно, ведь я отправила ее по телеграфу четыре дня назад, — ответила она. — Более того, я даже видела отрывки из нее, их вывесили на доске объявлений на второй палубе.

— И что, я все еще играю в этом деле главную роль? — спросил Вельмон с притворным безразличием.

— Да, вы великолепны, особенно в сцене с сейфами. Ваша идея использовать Саиду представлена как отличная и невероятно оригинальная находка… Тигр против полиции… Понятно, что провернуть такое не каждому под силу, но это поистине гениальный ход.

Орас горделиво заметил:

— Какой шум поднимется в мире! Барабанная дробь! Флаги, заголовки крупным шрифтом!

Патриция улыбнулась тщеславию актера, аплодирующего собственному выходу.

— Нас будут встречать как героев! — заметила она.

Его тон изменился:

— Вас, Патриция, безусловно. А вот меня, вероятно, ждет электрический стул.

— Вы сошли с ума! За какое преступление? Ведь это вы выиграли игру и дали возможность арестовать всех этих бандитов. Без вас, мой друг, я бы ничего не добилась…

— Вы все равно добились бы победы, а теперь везете Арсена Люпена, прикованного, как раба, к вашей триумфальной колеснице.

Она посмотрела на него, встревоженная и этими словами, и в особенности его серьезным тоном:

— Надеюсь, у вас не будет из-за меня неприятностей?

Он пожал плечами:

— Еще чего! Чтобы навсегда связать меня с Соединенными Штатами, они собираются вручить мне национальную премию, почетный небоскреб и титул «Враг общества номер один».

— Это то, о чем вы не так давно мне говорили? Когда намекали на необходимость жертвовать собой? — Патриция помолчала. Ее прекрасные глаза увлажнились, и она продолжила: — Иногда я боюсь, что вы хотите расстаться со мной.

Он не возразил ей.

Она прошептала:

— Для меня нет счастья без вас, друг мой.

Люпен внимательно посмотрел на нее.

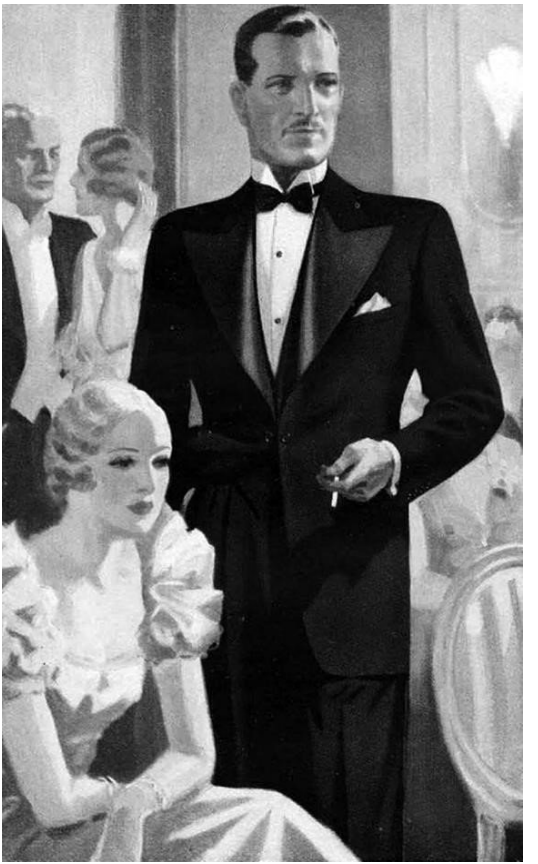
— Без меня, Патриция, без меня — грабителя и мошенника? — с горечью произнес он. — Без меня, Арсена Люпена?

— Вы самый благородный человек из всех, кого я знаю… самый нежный, понимающий… Вы — рыцарь.

— Докажите! — сказал он, вернувшись к своему шутливому тону.

— Я приведу лишь одно доказательство. Поскольку я не хотела везти Рудольфа в Америку, опасаясь затаившихся там врагов, вы предложили оставить его в Мезон-Руж, под присмотром Виктории…

— Ее настоящее имя Ника Самофракийская.



— И под защитой ваших друзей и Саиды.

Арсен Люпен пожал плечами:

— Я повел себя так не потому, что у меня доброе сердце, а потому, что люблю вас… Ах, перестаньте, Патриция… Почему вы краснеете всякий раз, когда я говорю вам о своей любви?

Отведя глаза, она пробормотала:

— Я краснею не от ваших слов. Этот ваш взгляд… ваши тайные мысли… — Она резко встала. — Идемте! Возможно, уже поступили новые депеши.

— Хорошо! Пойдемте! — сказал он, тоже вставая.

Она подвела его к доске, где вывесили несколько новых сообщений. И вот что они прочли:

> Нью-Йорк. Лайнер «Бонапарт», следующий из Франции, доставит в Америку Патрицию Джонстон, знаменитую журналистку, сотрудницу газеты «Алло, полиция!», которая недавно добилась столь блестящего успеха, позволив французским силам правопорядка схватить возглавляемую сицилийцем Маффиано банду гангстеров, виновных в многочисленных преступлениях, два из которых

были совершены в Нью-Йорке: это убийства Дж. Мак-Аллерми и Фредерика Филдса.

Как известно, Маффиано также совершил преступления во Франции, поэтому он не будет передан США. Мэрия готовится встретить мисс Патрицию Джонстон с почестями.

В другой заметке говорилось следующее:

...По телеграфу из Гавра сообщают, что на борту «Бонапарта» находится Арсен Люпен. Будут приняты самые строгие меры к тому, чтобы еще до высадки на берег удостовериться, что вышеупомянутый вор действительно присутствует на борту. Вчера в Нью-Йорк прибыл старший инспектор Ганимар из парижской Сюрте, которому создадут все условия, чтобы он мог арестовать своего старого противника Арсена Люпена так же, как он сделал это впервые четверть века назад. Господин Ганимар займет место на полицейском катере и вместе с представителями американских вооруженных сил и полиции отправится встречать

корабль.

Третья новость гласила:

> Газета «Алло, полиция!» сообщила, что мистер Мак-Аллерми-младший, ее владелец, получил разрешение отправиться встречать свою сотрудницу мисс Патрицию Джонстон на собственной яхте; в помощь ему будет выделен отряд полицейских.

— Прекрасно! — воскликнул Орас. — Нас будут встречать в соответствии с нашими заслугами, то есть меня — полицейский наряд, а вас — отец вашего ребенка.

При этих насмешливых словах Патриция, и без того опечаленная новостями, помрачнела.

— Да, грозные перспективы, — сказала она. — Правда, Мак-Аллерми-младшего мне бояться нечего, но вы, мой друг, находитесь в ужасном положении.

— Призовите свистом Саиду, — пошутил Люпен. — Впрочем, обо мне не беспокойтесь, — продолжил он уже более серьезно. — Мне ничего не угрожает. Если по какой-то случайности я даже соблаговолю позволить себя арестовать, что

крайне маловероятно, мне не предъявят никакого реального обвинения… Однако интересно, чего хочет этот Мак-Аллерми-младший?..

— Возможно, мы ошиблись, отправившись в путешествие вместе, — заметила Патриция. — Несложно будет выяснить, что мы не расставались с самого Гавра.

— А как же ночи? Я ни разу не ступал в вашу каюту.

— Как и я — в вашу.

Он пристально посмотрел на нее:

— Вы жалеете об этом, Патриция?

— Возможно, — серьезно ответила та.

Она подняла свое прекрасное, полное неги лицо, устремив на него долгий, трепетный взгляд. Ее губы взывали к поцелую…

В тот вечер они ужинали вместе, тет-а-тет. И Арсен Люпен заказал шампанское.

— Я покидаю вас, Патриция, — сказал он, когда «Бонапарт» около одиннадцати вечера бросил якорь в гавани.

Она с болью прошептала:

— Мой друг, это были наши первые часы счастья. Возможно, они станут для нас последними.

Он обнял ее.

Рано утром Патриция, завершив туалет, уложи-

ла дорожный несессер.

Орас Вельмон, а точнее, Арсен Люпен уже исчез, хотя дверь его каюты была закрыта и ключ по-прежнему находился в замке, запертом на два оборота. Но Патриция ощутила, что в соседнюю каюту проникает сырой холодный воздух, и заметила, что иллюминатор лишь притворен. Покинул ли он каюту этим путем? Каковы были его намерения? Не обнаружив ни малейших следов своего спутника, Патриция отправилась завтракать в кают-компанию. После трапезы она уже собиралась вернуться на палубу, когда ей передали сообщение. Генри Мак-Аллерми просил дать ему интервью. Не раздумывая, молодая женщина отказала.

В лихорадочном ожидании событий часы тянулись бесконечно долго… Каких событий? Патриция не знала…

Гавань была забита кораблями, прогулочными яхтами, дозорными судами, торпедными катерами… В небо взмывали гидросамолеты. На набережных, где толпились люди, царила необычайная суета… Тысячи звуков смешивались воедино: пароходные гудки, сирены, свист пара, грохот разгрузки, крики…

Патриция все еще ждала. Она не знала, где

сейчас Арсен Люпен, не знала, что он делает, но чувствовала достаточно твердую, хотя и иррациональную уверенность, что ей следует оставаться на корабле, пока она не получит от него известий. Да, Патриция надеялась их получить, и эта ее надежда оказалась не напрасной.

В пять часов вечера она прочла в дневной газете следующее сообщение полиции:

АРСЕН ЛЮПЕН – ПИРАТ

Прошлой ночью самый отъявленный из современных преступников в сопровождении нескольких сообщников поднялся на борт яхты «Алло, полиция», принадлежащей мистеру Мак-Аллерми-младшему. Экипаж, застигнутый врасплох, был разоружен, а офицеры заперты в своих каютах. Нападавшие захватили судно. Невероятное положение дел изменилось лишь к полудню, когда офицеры смогли связаться друг с другом через отверстие в переборке и одному из них удалось открыть двери кают своих товарищей и освободить матросов. После этого пиратам был дан бой. Преступники оказали сопротивление, но в конце

концов были вынуждены сдаться. Арсену Люпену после ожесточенной схватки пришлось отступить. Его преследовали по всему судну, как дикого зверя, пока не загнали в угол у поручней. Но как раз в тот момент, когда его вот-вот должны были схватить, он бросился за борт и скрылся в волнах. Никто из множества людей, наблюдавших за происходящим, не видел, чтобы он всплыл на поверхность.

Нет нужды уточнять, что полиция, получившая предупреждение, с самого утра приняла все меры предосторожности. Кордон полицейских выстроился вдоль берега. Гавань перекрыли лодки. Пулеметы были наготове.

Однако к моменту написания статьи (а сейчас половина четвертого) никаких новых данных о судьбе главаря банды не поступило. Начальник полиции абсолютно убежден, что Арсен Люпен, не сумевший добраться до берега, выбился из сил и утонул. Полиция ищет его тело.

Но какую цель преследовал Арсен Люпен, атакуя яхту мистера Мак-Аллерми?

Владельца судна во время нападения на борту не было, и он понятия не имеет о планах Люпена. Прославленный французский полицейский Ганимар тоже ничего не знает, однако не верит, что знаменитый авантюрист мертв.

Патриция читала эти строки с большим волнением, усилившимся, когда речь зашла об исчезновении и возможной гибели Арсена Люпена. Но вскоре она покачала головой и улыбнулась: невозможно, чтобы Арсен Люпен вот так вот закончил свою жизнь… Чтобы он утонул… Нет, невозможно. Инспектор Ганимар был прав…

«Что мне делать? — спрашивала себя Патриция. — Ждать ли здесь? Или сойти на берег? Где Арсен Люпен будет искать меня? И найдет ли он меня вообще?» И на ее глаза навернулись слезы.

Прошел еще час… потом другой… и последний выпуск газеты принес ей увлекательнейшие новости:

Мак-Аллерми-младший только что найден в своем кабинете в редакции газеты «Алло, полиция!» привязанным к стулу и с кляпом во рту; его сейф был взломан, и оттуда забрали полторы тысячи долла-

ров, оставив взамен короткую записку: «Деньги будут возмещены в полном объеме. Мне пришлось забронировать и оплатить место на пароходе „Нормандия“, где я, на обратном пути во Францию, организую сеанс магии с исчезновением часов и бумажников пассажиров. А. Л.».

В кресле напротив Мак-Аллерми-младшего, как бы беседуя с ним, сидел старший инспектор Ганимар, в нижнем белье и фланелевой жилетке, тоже связанный и с кляпом во рту. Не желая ничего объяснять, он сказал лишь, что Арсен Люпен забрал его одежду и, облачившись в нее, скрылся. Мистер Генри Мак-Аллерми также не захотел делать никаких заявлений. Что означает это молчание? Чем опасный авантюрист угрожал своим жертвам?

Патриция читала этот текст с легкой усмешкой. Да он просто супермен, этот Арсен Люпен! Какая дерзость!.. Какое мастерство!..

Но какой смысл теперь оставаться на борту? Вряд ли Арсен Люпен будет искать ее здесь… Она спешно сошла на берег и, взяв такси, отправилась домой.

Войдя в квартиру, она обнаружила, что все там уставлено цветами. Ее ждал ужин, сервированный на круглом столе, а рядом, в кресле, сидел гость, поднявшийся ей навстречу.

— Вы! Вы! — воскликнула она, бросаясь, смеясь и плача, в объятия своего друга.

После нескольких поцелуев он спросил:

— Вы волновались?

Она пожала плечами и улыбнулась:

— О, я знала, что вы сумеете выпутаться из любых неприятностей!

Они с удовольствием поужинали. Затем он сказал серьезным тоном:

— Знаете, Патриция, а ведь все уже устроено.

— Что устроено? — изумленно спросила она.

— Ваше будущее. Прежде чем я заткнул рот Мак-Аллерми-младшему, мы с ним побеседовали и после долгого обсуждения пришли к соглашению. — Люпен подлил себе в бокал шампанского. — Итак, все решено: он женится на вас.

Патриция вздрогнула.

— Прекрасно, но я не выйду за него замуж, — отрезала она. — Как вы вообще могли такое подумать? Да, я понимаю, вы не любите меня! — Ее голос сорвался, глаза наполнились слезами. — Вы хотели именно такого исхода? Но я не сдамся!

Не уступлю!

— Вам придется, — сказал он, не сводя с нее глаз.

Она пожала плечами:

— Мне кажется, я вольна принять это предложение или отказаться.

— Нет, вы не можете отказаться.

— Почему?

— Потому что у вас есть сын, Патриция.

— Но это мой сын — только мой, — дрогнувшим голосом произнесла она.

— Однако он его отец.

— Я забочусь о сыне, я его вырастила и воспитала, он принадлежит только мне, и я никогда не расстанусь с Рудольфом.

Арсен Люпен с нажимом произнес:

— Подумайте о своем будущем, Патриция! Генри Мак-Аллерми хочет получить развод, чтобы жениться на вас и признать своего ребенка. Он оставит Рудольфу незапятнанное имя и одно из самых больших состояний в Соединенных Штатах. Разве я могу сделать для него то же самое? Недавний опыт показал, что мое состояние — мишень для алчных врагов. А что, если им удастся провернуть какую-нибудь махинацию и забрать у меня все?

Воцарилась гнетущая тишина. Патриция все еще не могла прийти в себя.

Люпен продолжил более спокойно:

— А какое имя будет у Рудольфа… Какой социальный статус… Куда внушительнее, чем сын Арсена Люпена…

Он замолчал. Патриция все еще колебалась, но понимала, что жертва неизбежна.

— Я сдаюсь, — сказала она наконец. — Однако при условии, что я увижу вас снова.

— Но свадьба состоится только через полгода…

Патриция, задохнувшись от внезапной радости, посмотрела на него. Ее лицо сияло.

— Полгода! Почему вы не сказали об этом раньше?! Шесть месяцев! Но это же целая вечность!

— И даже больше, если суметь ею правильно воспользоваться. Давайте поторопимся, — сказал Арсен Люпен.

Он вновь наполнил бокалы шампанским.

— Я купил яхту Мак-Аллерми, — продолжил он, — и намерен вернуться во Францию на ее борту. Полиция в Европе оставит меня в покое: я им слишком нужен. У меня хорошие отношения с префектом, Ганимар заставит Бешу угомониться; я выдвинул условие: цена моего молчания — мой покой. Да, я не стану распространяться про ис-

торию с раздеванием. Видите ли, если в газетах напечатают фотографию, на которой старший инспектор полиции красуется в нижнем белье, его обязательно засмеют!.. В качестве бонуса он обещал прислать мне билет на церемонию казни Маффиано.

Патриция не слушала, думая только о времени, которое им предстоит провести вместе.

— Я переберусь на яхту с вами, — сказала она, порозовев от радости. — Это будет восхитительно! Давайте уедем как можно скорее.

Люпен рассмеялся:

— Немедленно, прямо сейчас! И, переправившись через океан, мы поплывем по Сене до Мезон-Руж, где и поселимся. Вы снова увидите Рудольфа… Это будет прекрасно! — Он поднял свой бокал. — За наше счастье!

И Патриция повторила:

— За наше счастье!

